

А.И. Подберезкин, К.П. Боришполец, О.А. Подберезкина

Евразия и Россия

Москва, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Евразия и Россия

Содержание	2
Предисловие	10
Часть I. РОССИЯ И ЕВРАЗИЯ: РЕАЛИИ, ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ	22
Глава 1. Россия в Евразии: прошлое и настоящее	24
а). Столкновение интересов суперэтносов и сверхдержав в Евразии	29
б). Евразийское направление новой мировой политики	39
в). Изменение в соотношении мировых сил: значение Евразии	47
г). Стратегия США в Евразии	52
д). Роль восточных регионов России в евразийском контексте	62
Глава 2. «Большая игра» в Евразии	67
а). Россия уходит из Евразии?	71
б). Восстановление места России как геополитического центра Евразии	78
Глава 3. Чем лучше, тем хуже: парадокс развития восточных регионов России и евразийская интеграция.....	86
а). Политическая недооценка роли восточных регионов России	90
б). Развитие восточных регионов как локомотив экономического развития России	98
Глава 4. Новые реалии евразийской интеграции: шесть ключевых пунктов	102
а). Формирование двух центров силы, претендующих на контроль в Евразии	103
б). Необходимость формирования третьего центра силы и влияния в Евразии	108
в). Возможность равноправного сотрудничества в Евразии	111

г). Возможность сохранения военного равновесия между тремя центрами силы в Евразии	114
д). Востребованность конкурентоспособной евразийской идеологии	119
е). Создание новых институтов сотрудничества в Евразии	121
Глава 5. Становление евразийской стратегии России	124
а). Стратегические цели евразийской интеграции	126
б). Современная евразийская политика России	132
Глава 6. Евразия и соседи России	150
а). Геополитическое положение России после распада ОВД и СССР	152
б). Потенциальные союзники, партнеры и противники ...	158
Глава 7. Политико-идеологический выбор евразийской стратегии России.....	173
а). Либерализм и американский «цивилизационный» гегемонизм в Евразии	178
б). Евразийский принцип в самоидентификации российской элиты	181
в). Идеология освоения пространства как оригинальная основа и модели развития России в Евразии	182
г). Неизбежность выбора в пользу идеологического лидерства России в Евразии	200
Глава 8. Стратегия–2020 как пример отказа от идеологического лидерства России в Евразии	206
а). Отсутствие евразийской стратегии у России	208
б). Идеологическое лидерство и экономический детерминизм в евразийской политике России	214
в). Социально-экономические последствия политики либерализма в странах Евразии	230
Глава 9. Власть и евразийская идеология	241
а) Пространственное и функциональное расширение представлений о евразийской интеграции.....	242
б). Евразийская интеграция как ключевая идея стратегии национального развития.....	247

в). Евразийский приоритет.....	255
Глава 10. Российское «ядро» евразийской интеграции.....	262
а). «Российское ядро» в Евразии как альтернатива ликвидации российской цивилизации	269
б). Предпосылки обеспечения ведущей роли России в Евразии	284
в). Значение России как «центра Евразии»	295
Глава 11. Россия – уникальная цивилизация и геополитическая реальность	302
а). Евразийская идея	305
б). Евразийская идеология	313
в). Неизбежность борьбы евразийских идеологических моделей	324
Глава 12. Необходимость масштабной идеи для консолидации российской элиты: преодоление силы «евразийской центрифуги».....	328
а). Евразийская идея против либеральной идеологии и «европейского выбора»	332
б). Евразийский выбор элиты как принципиальная основа ее самоидентификации	339
в). Идея преодоления силы «евразийской центрифуги» и реалии евразийской интеграции	348–359

Часть II. ЕВРАЗИЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ	360
Глава 1. Превращение концепции евразийской интеграция в элементы национальной стратегии развития	376
а). Взаимосвязь национальной идеологии и евразийской стратегии	380
б). Евразия как стратегический приоритет в развитии России	390
в). Необходимость и возможность преодоления проти- воречий с Западом в Евразии: ведущая роль НЧК	401
Глава 2. Основные меры противодействия угрозам безопасности в евразийской стратегии России	413
а). Адекватность оценок отечественной элитой угроз России в Евразии и АТР	418
б). Необходимость усиления позиций России в новых областях взаимодействия сил в АТР и Евразии	426
в). Противодействие созданию отдельных систем безопасности Евразии и АТР	434
г). Новые принципы стратегии евразийской интеграции ..	438
д). Опережающее развитие восточных регионов как условие обеспечения безопасности (стратегический контекст)	445
Глава 3. Интеграция как главный ресурс реализации евразийской стратегии России	454
а). Соотношение факторов внутренней и внешней политики в евразийской стратегии России	458
б). Евразийская интеграция как часть внешнеполитической стратегии России	472
в). Евразийская стратегия России и Китай: значение НЧК	483
г). Необходимость усиления приоритета евразийской интеграции во внешнеполитической стратегии России	492
д). Необходимость «политизации» стратегии евразийской интеграции	505

Глава 4. Евразийская стратегия России как средство противодействия политике с позиции военной силы в Евразии и АТР	514
а). Военная сила США в Евразии как новая геополитическая реальность	517
б). Военные возможности России в Евразии как важный потенциал евразийской стратегии	526
в). ВТС как инструмент евразийской стратегии безопасности России	536
Глава 5. Особенности евразийской стратегии России и период «фазового перехода»	540
а). Евразийская стратегия против цивилизационной угрозы	548
б). Евразийская стратегия как инструмент формирования нового цивилизационного центра силы в период «фазового перехода»	558
в). Курс на опережающее развитие НЧП как важнейшая часть евразийской стратегии	575
Глава 6. Евразийская стратегия: роль опережающего развития восточных регионов и транспортной инфраструктуры России	591
а). Политико-идеологический и экономический приоритеты опережающего развития восточных регионов в стратегии евразийской интеграции России	598
б). Взаимосвязь евразийской интеграции, опережающего развития восточных регионов России и транспортной инфраструктуры	608
в). Перенос центра политической и экономической активности на восток: сущность приоритета развития восточных регионов в стратегии интеграции России как главного условия для создания нового центра силы в Евразии и АТР.	616
г). Потребности разработки национальной стратегии развития восточных регионов России	625

Глава 7. Исторические, географические, культурные и природные предпосылки опережающего развития регионов Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации	627
а). «Евразийская центрифуга» и транспортные коридоры: историческая и политическая реальность	633
б). «Ресурсное проклятье» или геополитическое преимущество России?	643
в). Инфраструктура как будущий геополитический выигрыш	653
Глава 8. Экономические и социальные предпосылки опережающего развития регионов Сибири и Дальнего Востока.....	658
а). Транзитная сверхдержава? Транспортная инфраструктура как главное условие опережающего социально-экономического развития восточных регионов.....	664
б). Потерянные конкурентные преимущества России в Евразии	672
в). Потенциальные возможности евразийской стратегии России на Востоке	688
г). Советский опыт опережающего развития восточных регионов	698
д). Приоритетные задачи развития восточных регионов в стратегии евразийской интеграции	710–720

Часть III. СНГ КАК ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМНЫХ ИНТЕРЕСОВ	721
Глава 1. Сотрудничество в СНГ и национально-государственные интересы России	723
а). СНГ в современных международных отношениях.....	723
б). СНГ как фактор консолидации постсоветского пространства.....	726
в). Укрепление интеграционного потенциала Российской Федерации на пространстве СНГ	730
г). Повышение авторитета русскоязычной культуры и русского языка в странах СНГ	737
Глава 2. Евразийский экономический союз: новейший интеграционный проект в действии	739
а). Экономические предпосылки реализации евразийского проекта	739
б). Проблемы и трудности интеграционных процессов ...	746
в). Активизация роли Союзного государства России и Белоруссии в процессе формирования Евразийского экономического сообщества	751
г). Корректировка подходов к планированию российско-украинского сотрудничества как фактор развития интеграционного вектора	756
Глава 3. «Сложные вопросы» прошлого и настоящего взаимодействия на пространстве СНГ	760
а). Центральноазиатский фланг: обнадеживающие явления и противоречивые тенденции.....	760
б) Человеческий капитал Центральной Азии и вызовы постсоветских реалий	768
в). Центральноазиатский водный вопрос: традиционные позиции и новые акценты	778
г). Узбекский вектор центральноазиатских процессов	786
Глава 4. Европейский фланг пространства СНГ: формирование системы трансрегионального баланса	793
а). Реальные и мнимые вызовы российско-белорусских отношений	793

б). Дилема украинского выбора807–818

Часть IV. ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И АТР	819
Глава 1. Место Азиатско-Тихоокеанского региона в мире	822
а). Россия и АТР.....	829
б). Европа, Азия, АТР и российская стратегия интеграция против идей ТТП и ТАП	846
в). АТР: евразийская интеграция и российская идентичность ..	860
г). Место стран и института в АТР в современном мире	874
Глава 2. Евразия и АТР: некоторые ключевые тренды	892
а). Неизбежность столкновения полюсов	893
б). Растущая зависимость ведущих мировых экономик от поставок ресурсов	904
в). Растущая финансовая зависимость стран Евразии и АТР	919
г). Нынешняя и будущая роль АТР в мире: ориентиры для евразийской интеграции.....	924
д). Взаимосвязь евразийской интеграции и развития стран АТР	945
Глава 3. Россия и АТР во втором десятилетии XXI века	960
а). Место России в АТР	963
б). Модель включения России в интеграцию со странами АТР и вопросы обеспечения безопасности	976
в). Экономическая политика России в АТР	1000
г). Значение транснациональных коридоров Евразии для развития АТР	1010
д). Место России в АТР в представлениях отечественно элиты	1022
е). Роль государства в развитии интеграции России со странами АТР	1034
ж). Сценарии интеграции российских восточных регионов и АТР	1045
Национальная стратегия России и евразийская интеграция: основные выводы	1053–1070

Предисловие

Для россиян, для России вопросы «Кто мы?», «Кем мы хотим быть» звучат в нашем обществе все громче и громче»¹

*В. Путин,
Президент России*

Россия уже не может себе позволить ни заемной (в духе Петра Великого) насильственной модернизации, ни импортной макроэкономики²

*С. Глазьев,
советник Президента России*

Будущее России неразрывно связано с Евразией. Не только в том ее географическом и геополитическом понимании, которое охватывает два современных континента – Европу и Азию, – но и в историческом, этнополитическом и ценностном аспектах³.

Сегодня, возникла необходимость сказать о новой роли, которую может сыграть Азия для России. И не потому, что Европа не оправдала надежды, а потому, что именно там, на просторах Азии и АТР, решается сегодня будущее человечества.

В 2012–2013 годах российская элита очень быстро и достаточно едино (за исключением оппонировавших либералов) включилась в процесс обсуждения евразийской стратегии и формирования самых различных интеграционных институтов. Практически на всех уровнях исполнительной, законодательной и судебной власти. Большое значение имели общественно-политические инициативы и возросшая роль экспертного сообщества. При этом наблюдалось очевидное расхождение во мнениях не только в России, но и в других государствах СНГ, существование двух основных трендов, которые решительно влияли на процесс формирования стратегии евразийской интеграции.

Представители первого тренда, который можно было бы назвать официальным, полагают, что интеграция должна быть осторожной и предлагают акцентировать внимание исключительно на экономических и торговых аспектах. Такую позицию занимает большинство представителей правящих элит постсоветских государств, включая, естественно,

¹ Путин В.В. Выступление Владимира Путина на пленарной сессии клуба «Валдай» / РИА-Новости. 2013. 21 сентября / URL: <http://ru-an.info/news>

² Глазьев С.Ю. Фетисов Г. Новый курс: стратегия прорыва. Научный доклад. М.: РАН, 2012. Ноябрь. С. 19.

³ Все понятия, определения и термины, связанные с Евразией и интеграцией, даются по отдельному приложению в V томе.

большинство российской элиты. Подобная осторожность, официально декларируемая «разновекторность» ведут к противоречиям, которые накапливаются параллельно с развитием экономической интеграции, а, кроме того, в стратегическом плане такая осторожность малоперспективна. В особенности, когда речь идет о защите интересов национальной безопасности в среднесрочной перспективе.

Примечательно, что на встрече с руководством Минобороны и Генштаба России в конце февраля 2013 года В. Путин вышел за рамки такого осторожного подхода, наверное, не случайно сформулировав другую концепцию интеграции, вытекающую уже из интересов безопасности: «...предпринимаются методичные попытки тем или иным образом расшатать стратегический баланс. Фактически запущен второй этап создания глобальной системы ПРО Соединённых Штатов Америки, зондируются возможности для дальнейшего расширения НАТО на Восток, существует и опасность милитаризации Арктики.

Все названные вызовы (а их на самом деле гораздо больше, чем то, что я назвал), всё это напрямую затрагивает наши национальные интересы и, соответственно, определяет расстановку наших приоритетов.

Это прежде всего развитие тесной интеграции в Евразии, укрепление Единого экономического пространства, переход к созданию Евразийского экономического союза. Это углубление партнёрских связей в рамках Шанхайской организации сотрудничества и стран, которые объединены в систему, называемую БРИКС»¹.

Пример глобальных последствий изменений в Евразии дает политика США, в частности коррективы в области ПРО, когда США решили перенести часть центра тяжести НПРО в направлении Аляски, увеличив численность GB1 с 30 до 44 единиц и заявив о свертывании программ по разработке SM-3 Block 2B². Этот пример – один из немногих, иллюстрирующих новую роль Евразии и АТР в мире. Причем не столько в экономическом, торговом или финансовом аспектах – о чем много

¹ Путин В.В. Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства обороны. 27.02.2013 / Эл. ресурс: «Президент России». 2013. 27 февраля / URL: <http://президент.рф>

² Рогов С.М. Барак Обама проявил гибкость по ПРО // Независимая газета. 2013. 18 марта. С. 1–2.

говорят, – но и в военно-политическом, мировоззренческом, ценностном – о чем говорят реже.

Становится все очевиднее, что необходимо более широкое понимание элитами и обществом в России и евразийских государствах понятия «интеграция», которое по сути становится производным от других, не только экономических и финансовых тенденций в Евразии и на постсоветском пространстве. Этот процесс явно обозначился в 2012–2013 годы, но стал очень трудной проблемой для самоопределения российской и других элит, включая правящие элиты Белоруссии, Казахстана, Украины и других постсоветских республик.

Представители второго тренда, отличного от взглядов приверженцев полагают, что в основе интеграции вообще лежат неэкономические факторы и не всегда поддающиеся хлестким бухгалтерским расчетам, а прежде всего общая система ценностей, история, социально-культурная общность и другие факторы. Во многом этот тренд отражает современную тенденцию в странах Евросоюза, где общая система ценностей становится основой внешней и внутренней политики, противостоя прежней политической основе – национальным интересам. Как отметили в своем недавнем исследовании авторитетные европейские эксперты, «Договор (Лиссабонский договор) характеризует ценности, на которых базируется Евросоюз и которые, должны определять его внешнюю политику»¹.

Кроме того, представители первого тренда ограничиваются в понимании евразийской интеграции, как правило, узким кругом государств – Россией, Белоруссией, Казахстаном (иногда включая сюда Киргизию, Таджикистан, Армению и Украину), – а представители второго тренда рассматривают евразийскую интеграцию как более широкий пространственно геополитический проект, включающий не только эти государства, но и другие страны Азии, АТР и Европы.

Очевидно, что в зависимости от того, что вы понимаете под понятием «Евразия», формулируются и представления о евразийской стратегии России: либо как политика по отношению к нескольким

¹ Sven Biscop and Jo Coelmont / Europe, Strategy and Armed Forces. – Routledge: London and New York 2012. P. 14.

бывшим советским республикам (даже только действующим и потенциальным членам ТС), либо как политика России по отношению к десяткам государств, расположенным в Евразии – от Ирландии до Индонезии.

Более того, если под «евразийской стратегией России» понимается только экономическая интеграция членов ТС, то политически это изначально суживает определение «евразийской стратегии» до масштаба простого таможенно-экономического сотрудничества между правительствами нескольких постсоветских государств. Именно это и происходит сегодня в России. Иными словами, срочно требуется переосмысление стратегии интеграции России в Евразии и АТР, которая должна выйти за рамки пока что политически обозначенных границ торгово-экономической интеграции. Нужна глобальная стратегия России в Евразии, включающая интеграционную стратегию и сочетающую ее с процессами самоидентификации России в мире и самоидентификации самой российской элиты. Эту сложную взаимосвязь отчетливо представляет В. Путин, но она отнюдь не является сегодня российской стратегией. Не случайно осенью 2013 года Президент РФ очень точно и емко сформулировал ее в одном абзаце: «Основные направления сегодняшней конкуренции – экономико-технологическое и идейно-информационное. Обостряются и военно-политические проблемы, и военно-политическая ситуация. Мир становится всё более жёстким, порой отвергается не просто международное право, но даже

элементарные приличия. Нужно быть сильным в военном, технологическом, экономическом отношении, но всё-таки главное, что будет определять успех, – это качество людей, качество общества интеллектуальное, духовное, моральное. Ведь, в конце концов, и экономический рост, и благосостояние, и геополитическое влияние – это производные от состояния самого общества, от того, насколько граждане той или иной страны чувствуют себя единым народом, насколько они укоренены в этой своей истории, в ценностях и в традициях, объединяют ли их общие цели и ответственность. В этом смысле вопрос обретения и укрепления национальной идентичности действительно носит для России фундаментальный характер»¹.

Как видно, В. Путин видит проблему не только шире, но и изначально исходит из представления о том, что она является производной от глобальной, геополитической стратегии, в основе которой лежит система представлений о ценностях и интересах России в Евразии.

В отличие от нашей страны, в Китае уже существует глобальная стратегия, ориентированная на все государства Евразии. Не только пространственно, но и по направлениям сотрудничества китайская евразийская стратегия представляет собой строгую систему и полноценную стратегию. Более того, в отличие от российской политики, Китай в последние годы усиленно продвигает ее идеологическую составляющую («образ Китая», как заявил новый руководитель КНР в марте 2013 года), а также по примеру США, начинает сотрудничать с общественными институтами, а не только с правительствами².

К сожалению, не сформировавшаяся до сих пор окончательно национальная стратегия России во многом оставляет без ответа многие вопросы внешнеполитической стратегии вообще и евразийской, в частности. Это означает, что мы пока что теряем национальные ресурсы, среди которых важнейший – время. Это особенно заметно на примере

¹ Путин В.В. Выступление Владимира Путина на пленарной сессии клуба «Валдай» / РИА-Новости. 2013. 21 сентября / <http://ru-an.info/news>

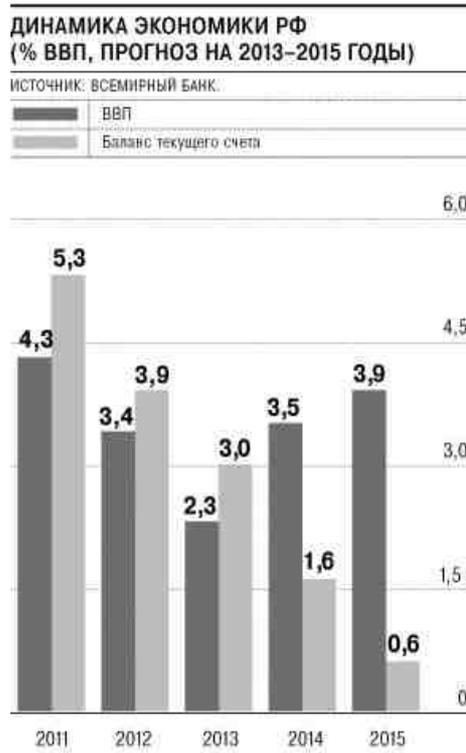
² Кубарович А.И. О политике КНР на постсоветском пространстве / Китай на постсоветском пространстве: сб. докл. / под ред. К.А. Кокарева, Т.С. Гузенковой, Е.В. Супониной. М.: РИСИ, 2012. С. 54.

трудностей в решении проблем развития российских восточных регионов и уровне их сотрудничества со странами Азии и АТР, который существенно, качественно ниже, чем с Европой. Так, один из дальневосточных экспертов справедливо подметил: «...общих проектов с Японией на Дальнем Востоке я насчитал восемь, добавьте сюда 20 в европейской части России, на круг около 30 проектов с ведущей экономической державой мира! Конечно, это капля в море на фоне совместных экономических проектов с другими странами. В Набережных Челнах японцы открыли производство по сборке грузовиков, в Калужской области – легковых автомобилей, в Липецке выпускают автопокрышки, в Нижнем Новгороде – радиаторы, обогреватели, а у нас в Приморье в прошлом месяце стали выпускать машины марок Mazda и Toyota. Для примера, в 80 регионах России (главным образом в Москве и Санкт-Петербурге) действует около 4600 предприятий с германским участием и около 800 предприятий со 100% германским капиталом. Зарегистрировано также 1800 филиалов и представительств германских фирм»¹.

Печально, что подобная недооценка роли восточных регионов России в Евразии в целом происходит на общем неблагоприятном фоне изменения в соотношении мировых сил для России. В первой половине 2013 года, например, эксперты ВБ ожидали роста ВВП развитых стран в 2013 году на 1,2%, развивающихся – на 5,1%. По мнению аналитиков банка, глобальная экономика ускорится к концу 2013 года, ожидая ее роста на 3% в 2014 году и 3,3% в 2015 году: это на 1–2 процентных пункта ниже значений предкризисного экономического бума, но выше, чем в 1990-х годах. На этом фоне резкое ухудшение прогноза по России авторы отчета объясняют достаточно традиционно: это сокращение экспорта из-за падения спроса на него со стороны основных торговых партнеров, прежде всего стран ЕС, а также связанное с этим ослабление внутреннего спроса, отчасти объяснимое ростом цен и стагнацией доходов компаний и населения².

¹ Торкунов А.В. Выступление президента РАМИ ректора МГИМО(У) МИД России, академика РАН А.В. Торкунова // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 18.

² Барсуков Ю. ВБ ждет медленного роста мировой экономики // Коммерсант. 2013. 13 июля. С. 6.

И здесь мы вновь вынуждены напомнить о таком огромном политическом (в т.ч. внешнеполитическом) ресурсе, как идеология, который в отдельные исторические периоды для государств становится не просто важным, но исключительным ресурсом. В особенности если речь идет о мобилизации ресурсов или об активном использовании «мягкой силы» внутри страны и за рубежом. Как справедливо заметил академик А. Торкунов, «... публичная дипломатия и «мягкая сила» только тогда достигают своего идеала, когда страна обладает притягательной для внешнего мира идеей или идеологией. Это ресурс эксклюзивный – он в полной своей мере проявлялся у революционной и наполеоновской Франции, молодого Советского государства, в виде «американской мечты» поколения 1940–1960-х гг., отчасти в идеологии интеграционного европеизма, к сожалению, в идеологии воинствующего ислама»¹.

К сожалению, важность этого ресурса до сих пор до конца не осознается правящей российской элитой, а значит он остается слабо задействованным, хотя, надо признать, в последние годы и предпринимаются попытки его активизирования. Воссоздание по сути

¹ Торкунов А.В. Выступление президента РАМИ ректора МГИМО(У) МИД России, академика РАН А.В. Торкунова // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 18.

нового «Россотрудничества», активизация Федерального Собрания РФ, создание структур в администрации президента, НПО (РСМД, фонда Горчакова, российско-польской и российско-японских комиссий и т.д.) безусловно можно признать позитивным, но недостаточно быстрым движением в правильном направлении.

В этой связи особое значение имеют шаги, предпринятые в 2012–2013 годах, по формированию евразийского диалога на всех уровнях – от экспертного до правительственного. Они имеют для этого серьезную историческую, экономическую, культурную, духовную и гуманитарную основу. Если, например, в основе европейской интеграции лежит общая история – от Римской империи и империи Карла Великого до попыток создания Соединенных Штатов Европы, – то в основе евразийской интеграции также можно найти общие особенности. Скифский союз, Тюркский каганат, Монгольское ханство, Новгородская и Киевская Русь, Российская империя, наконец, СССР и СЭВ-ОВД, – все эти исторические периоды и события не могли не оставить глубокого следа в создании евразийских народов.

Хронологически, книга «Евразия и Россия» охватывает небольшой, но очень важный период времени, когда евразийские идеи благодаря активности трех президентов и части их окружения стали стремительно превращаться в прикладную политическую идеологию, а значит, можно надеяться, и в стратегию национального развития. Даже если допустить, что такая задача непосредственно и не ставилась политическими элитами постсоветских и других евразийских государств.

В этой книге рассматривается такая геополитическая общность, как транспортные артерии России в Евразии и АТР, создаваемой вокруг них инфраструктуре, которые могут стать локомотивом опережающего развития восточных регионов. И развития связей России в АТР. Необходимо отметить, что когда в начале 2013 года в российской элите, в т.ч. и с участием Президента России и Председателя Правительства России, развернулась дискуссия о темпах развития страны, и В. Путин потребовал, чтобы они были не ниже 5% (Минфин, как всегда, ориентирован на инерцию – в 3,5–3,9%) многие эксперты и

предприниматели (О. Дерипаска, например) считали, что восточные регионы должны развиваться темпами не ниже, чем 10% в год.

Все сказанное выше свидетельствует: окончательный выбор национальной стратегии еще предстоит, поэтому очень важно уже сегодня определиться с ее приоритетами и механизмами развития – от приоритетов национальной безопасности и экономики до приоритетов социального, идеологического и культурного плана.

Изначально в этой связи важно определиться с тем, чем является Россия для Евразии – частью «Большой Европы», как считают некоторые (например, И. Юргенс), или частью всего евразийского материка, включающего даже некоторые страны АТР, как считают другие авторы. Во многом исходя из этого подхода определяется не только внешняя политика России, но и ее социально-экономическая и даже внутренняя политика. Особенно в последние десятилетия, когда ее влияние стремительно сокращалось, а способность интегрировать и даже сотрудничать в Евразии стали ставиться под сомнение. В этом тексте характерно мнение М. Ремизова, «Современная Россия стала выглядеть хронически неспособной к той ключевой для современных держав форме политики влияния, которая связана с формированием региональных интеграционных блоков. На этом фоне сам факт того, что в 2007–2010 годах удалось согласовать и принять целый ряд базовых соглашений, единый Таможенный кодекс, научиться решать политические противоречия в рамках «тройки», выглядел приятной неожиданностью...

Я бы рассматривал это как подтверждение некоего минимума геополитической дееспособности государства»¹.

Другой принципиальный вопрос евразийской стратегии касается приоритетов региональной политики России. В частности, какую внешнюю политику, а по большому счету, – национальную стратегию – должна избрать Россия уже не только по отношению к Евразии, но и по отношению к самой себе и собственным регионам? Это - ключевой вопрос, на который нужно ответить прежде всего самим себе, ведь самый

¹ Ремизов М. Региональная интеграция: мотивы и риски // Независимая газета. 2013. 18 июня. С. 9.

богатый регион страны имеет ВРП в 32 раза больше, чем самый бедный (для сравнения: в США разница 1,8).

Из сравнений ВРП видно, что лидером по экономическому потенциалу на душу населения в России оказался Ненецкий округ – \$91,8 тыс. Молодой нефтедобывающий регион насчитывает всего 42 тысячи обитателей, но на его территории добывают 18 млн тонн нефти (3,6% от общероссийской добычи). По производству продукта на душу населения округ занял почетное третье место в мире, пропустив вперед Катар и Люксембург.

Следом за Ненецким находится Ханты-Мансийский округ (\$75,8 тыс. на душу населения). Всего на семь позиций отстал от них Ямало-Ненецкий округ (\$50,0 тыс.).

В целом наши углеводородные провинции заняли достойное место среди крупнейших нефтедобывающих районов мира. В соседях у них, кроме Катара, Объединенные Арабские Эмираты, Бруней, Норвегия и Кувейт.

А вот дальше идет провал. Большинство развитых стран мира с ВВП в \$35 тыс. – \$45 тыс. на душу населения – США, Швейцария, Канада, Нидерланды, Швеция, Великобритания, Германия, Франция и Япония – расположились где-то между Ямалом и Сахалином (\$32 тыс.).

В то же время, пропустив вперед Тайвань, Италию, Испанию, Израиль и Южную Корею. Москва с \$25,4 тыс. доходов на душу населения расположилась рядом с Чехией и Мальтой. Столица на \$2,8 тыс. даже обогнала Португалию, а Санкт-Петербург с \$18,0 тыс. – зажат между Венгрией и газодобывающим Туркменистаном.

Примечательно, что Саратовская, Тверская, Астраханская, Ростовская и Белгородские области являются «соседями» не только Украины, но и Китая (около \$8 тыс. на человека). Липецкая область «соревнуется» с Кубой и Болгарией. Московская область – среднее между Турцией и Панамой. Нижегородская область – это Ботсвана. Краснодарский край может обогнать Бразилия.

В то же время для большинства российских регионов, включая Сибирь и Дальний Восток, все чаще становятся соседями развивающиеся страны Африки и Юго-Восточной Азии, а в «самом низу» российского списка – Ингушетия (\$3,3 тыс.) и Чечня (\$2,9 тыс.), что соответствует уровню доходов Филиппин и Вьетнама¹.

Иными словами оказывается, что не только евразийская стратегия и внешняя политика России, но и национальная стратегия должны исходить из приоритетов развития российских регионов. Прежде всего расположенных к востоку от Урала, т.е. ключ к эффективной евразийской политики России находится в успехе опережающего развития восточных регионов.

Более того, для европейских партнеров России (по ТС, Евросоюзу, Украины и СНГ) опережающее развитие восточных регионов и прежде всего их транспортной инфраструктуры является очень важным аргументом в пользу интеграции. Тем более такой евразийской интеграции, центром которой должна была бы стать Россия (а иная евразийская интеграция России просто не нужна).

Именно опережающее развитие восточных российских регионов и их инфраструктуры, включая транспорт и связь, становятся главным условиям не только экономической интеграции, но и геополитической стабильности в Евразии. Причем не только для России, но и Казахстана и

¹ В России есть и Люксембург, и Йемен / Эл. ресурсу: ИА «Финмаркет». 2013. 6 октября / URL: <http://finance.rambler.ru>

других азиатских республик. Именно эти страны могут стать в среднесрочной перспективе новым объектом политической дестабилизации извне. Во многом по аналогии с ситуацией в арабском мире.

Часть I. РОССИЯ И ЕВРАЗИЯ: РЕАЛИИ, ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ

После 1991 года была иллюзия, что новая национальная идеология, идеология развития, родится как бы сама по себе¹

*В. Путин,
Президент России*

Обеспечение значимого присутствия в новой среде – в значительной мере вопрос эффективности планирования на долгосрочную перспективу²

*А. Неклесса,
руководитель группы
«Интеллектуальная Россия»*

Адекватно понять место и роль России в Евразии возможно только в геополитическом контексте, причем предварительно решив основные идеологические вопросы, к которым правящая элита страны боялась приступить по вполне прагматическим соображениям. Как справедливо заметил осенью 2013 года В. Путин, в т.ч. потому, что это «... было выгодно той квазиколониальной части элиты, которая предпочитала воровать и вывозить капиталы...»³ Об этом не раз писал в том числе и соавтор этой работы А. Подберезкин в 90-е годы⁴.

Именно решение важнейших политико-идеологических проблем, которое «откладывалось» год за годом, мешало формированию адекватной оценки новой геополитической роли России и эффективной национальной стратегии. Очевидность такого запаздывания стало общепризнанным фактом, о чем не раз говорилось уже в первом десятилетии нового века⁵.

Как следствие, искажалось вплоть до 2011–2012 годов представление о геополитике России в мире, Евразии и АТР в пользу очевидно идеологически ориентированных неолиберальных представлений. Даже если сам термин «геополитика» и не вызывает симпатий. Это важно сказать с самого начала потому, что в последние два десятилетия появилось немало иных точек зрения, суть которых (при всей их

¹ Путин В.В. Выступление Владимира Путина на пленарной сессии клуба «Валдай» / РИА-Новости. 2013. 21 сентября / URL: <http://ru-an.info/news>

² Неклесса А.И. Преодоление Евразии // Независимая газета. 2013. 20 марта. С. 5.

³ Путин В.В. Выступление Владимира Путина на пленарной сессии клуба «Валдай» / РИА-Новости. 2013. 21 сентября / URL: <http://ru-an.info/news>

⁴ См., например: Национальная доктрина России. М.: РАУ-корпорация. 1994; Современная русская идея и государство. М. 1995; Концепция национальной безопасности России. 1996 и др.

⁵ См., например: Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т. I–III. М.: МГИМО(У), 2011–2013.

разности) заключается в отрицании решающего значения восточных регионов России и ее евразийской политики и политики в АТР для будущего нации и суверенитета государства.

Важно также изначально ответить на вопросы о том, что такое Евразия, какое место и значение она занимает в мире, а Россия – в Евразии, какие проблемы и угрозы сегодня являются наиболее актуальными для России на этом континенте. Не менее важно попытаться оценить эффективность нынешней евразийской стратегии России вообще и евразийской интеграции, в частности, для того, чтобы скорректировать (что, безусловно, необходимо) и первую, и вторую.

Первая часть предлагаемой работы, собственно говоря, представляет собой такую попытку, в результате которой могут появиться основания для предложений по формированию евразийской стратегии России, которые будут предложены во второй части.

Кроме того, сам подход к анализу евразийских проблем и политики России предполагает, что требуется корректировка, даже пересмотр приоритетов не только в российской внешней политике, но и в политике безопасности, и в экономической политике в Евразии и АТР. Прежде всего с учетом роли восточных регионов и их инфраструктуры для страны.

Пока же мы можем только констатировать (что косвенно признал на «Валдае» В. Путин), что у России нет внятной и практичной политико-идеологической концепции, в которой были бы объединены как интересы внешней политики и политики безопасности, так и социально-экономические, демографические и иные интересы страны. Именно поэтому необходим критический анализ представлений российской элиты и экспертного сообщества о роли России в Евразии.

Исходя из таких (порой очень спорных) нерешенных вопросов и неясных ответов, сформулировав позицию по всей группе проблем «Россия–Евразия», можно говорить о контурах евразийской стратегии и планах социально-экономического развития восточных регионов России.

Глава 1. Россия в Евразии: прошлое и настоящее

К сожалению, для значительной части экономической и управленческой элиты модернизация – это просто совокупность программ, позволяющих получить дешевое финансирование...¹

С. Миронов

Вот так писать книгу о современной России! Пока задумаешься, подберешь слова – и нет ничего².

О. Крыштановская

Актуальность евразийской интеграции как стратегического приоритета в политике России, объясняется целым рядом обстоятельств геополитического, цивилизационного и экономического характера. И, все-таки, основные причины две: стремительное усиление Китая и в целом АТР, и возрастающая роль Центральной Азии, которую «вдруг» признали регионом «жизненно важных интересов» сразу несколько государств. Лучше всех об этом феномене сказал Чрезвычайный и Полномочный Посол России и ведущий эксперт МГИМО(У) В. Воробьев: «По мере перемещения центра тяжести мирового развития в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона политическая значимость Центральной Азии как геополитической сердцевины («хартлэнда») Евразийского континента будет только возрастать... очевидным фактом является то, что Центральная Азия стала местом соприкосновения, но не смешивания, христианско-православной (Россия), мусульманской (Ближний и Средний Восток) и конфуцианско-буддийской (Китай) культурно-цивилизационных ветвей человечества. Это уникальное состояние в целом сохраняется и по сей день при отчетливом и неоспоримом господстве ислама»³.

Можно сказать, что сложилось удивительное сочетание – усиление роли АТР, Китая и ЦА, с одной стороны, противоборство этносов, с другой, вмешательство великих держав в этот процесс, с третьей. Если добавить к этому, что возрастающую роль стала играть борьба за природные ресурсы, транспортные коридоры и сопредельные территории (например, Арктику и Юго-Восточную Азию), то становится понятным,

¹ *Миронов С.М.* За нами Россия / отв. ред. д.ф.н. В.Н. Шевченко. М.: Ключ-С, 2010. С. 109.

² *Крыштановская О.* Анатомии российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 3.

³ *Воробьев В.Я.* Политика Китая в Центральной Азии / Эл. ресурс: «Евразийская оборона». 2013. 15 февраля / URL: <http://eurasian-defence.ru>

что в Евразии разворачивается глобальное соперничество между великими державами. Причем не только и даже не столько евразийских великих держав, сколько великих держав «моря», претендующих на свою главенствующую роль в Евразии и АТР.

При этом достаточно четкого определения АТР пока не сложилось ни в геополитической, ни в культурно-исторической, ни в экономической области. Большинство экспертов сходятся на том, что «... АТР сначала рассматривали только в его Азиатской составляющей: от Берингова пролива до Бирмы. Выдвигалась также точка зрения о формировании данного явления тремя субрегионами: северо-восточной Азией (Япония, Китай, Тайвань, Корея, Монголия); юго-восточной Азией и южной частью Тихого океана (Австралия, Новая Зеландия и островные государства Океании). В конечном счете, более или менее утвердилась трактовка региона как Тихоокеанская Азия + США, Канада, Австралия, Новая Зеландия¹. Внедрение концепта «Азиатско-Тихоокеанский регион» с неизбежностью повлекло за собой трансформацию ранее сложившихся представлений о географических и культурно-исторических («цивилизационных») границах²...

«Поэтому в любом случае совершенно очевидно, что, несмотря на сохранение ряда дискуссионных моментов, уже в силу масштабности и значимости своих основных акторов на региональной и общемировой арене исследование процессов, проходящих в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имеет сегодня большое практическое и научное значение, – справедливо отмечает А. Кузнецов. – Вполне обоснованно можно также утверждать, что формирующийся новый миропорядок во многом будет определяться развитием ситуации в АТР³.

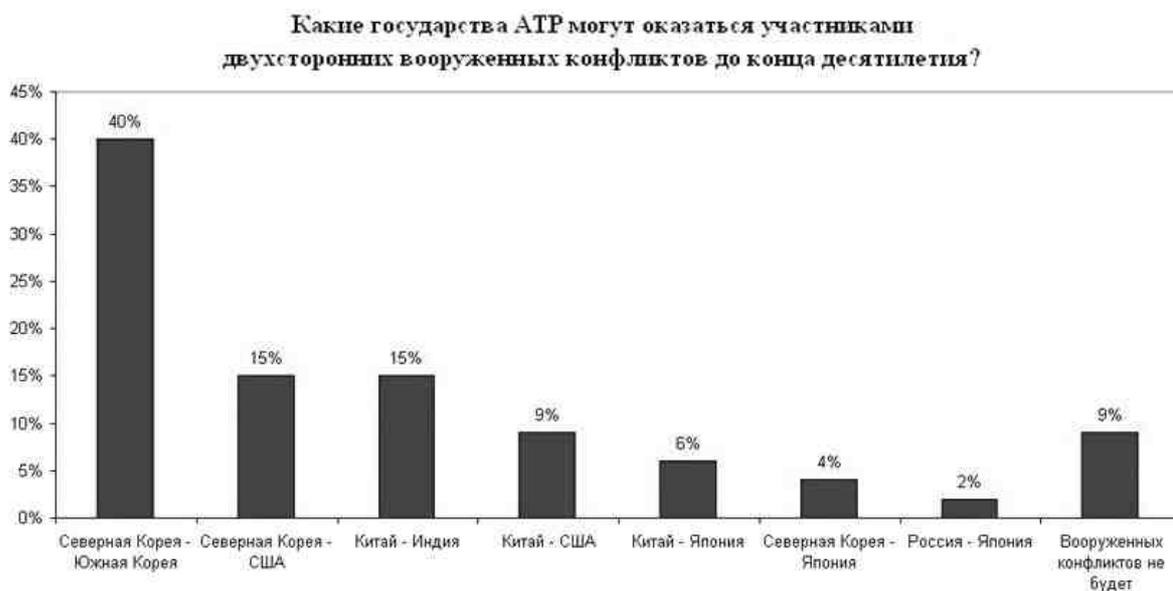
Иными словами, новое соотношение сил в мире и новая политика ведущих государств во многом предопределяется ситуацией в Евразии и

¹ Воскресенский А.Д. Восточная Азия и АТР: региональное измерение международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика М., 2004. С. 601.

² Кузнецов А.М. Этнополитическая история Азиатско-Тихоокеанского региона в XX–XXI вв. (основные варианты и тенденции развития этнополитической ситуации): монография / А.М. Кузнецов, И.Н. Золотухин. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2010. С. 5–6.

³ Там же.

АТР. В Евразии и АТР возможен наиболее широкий спектр конфликтов в мире (по некоторым оценкам, во втором десятилетии XXI века на Евразию приходилось около 80% всех военных конфликтов). Так, по оптимистичным оценкам экспертов РИСИ, в АТР во втором десятилетии нынешнего века существует вероятность следующих конфликтов¹.

Это глобальное соперничество приобретает все более опасные и неконтролируемые формы. Не случайно начальник Генштаба ВС РФ В. Герасимов в феврале 2013 года сказал, что он «прогнозирует рост военных угроз в ближайшие два десятилетия. Это будет связано с борьбой за ресурсы, рынки сбыта и жизненное пространство»². И первое, и второе, и третье сосредоточено в Евразии. И больше всего в ее сердце – России.

К сожалению, определенная часть российских экспертов смотрит на конфликтную составляющую мировой политики излишне оптимистично, даже беззаботно. Так, академик А. Арбатов, например, неоднократно говорил о том, что «вероятность вооруженных конфликтов и войн между великими державами сейчас мала, как никогда ранее. Углубляющаяся в процессе глобализации ... взаимозависимость ... сделает ущерб в таком

¹ Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества: сб. материалов. М.: РИСИ, 2011. С. 141.

² Крецул Р. «Искандеры» для всех направлений / Эл. ресурс: «Взгляд». 2013. 14 февраля / URL: <http://www.vz.ru>

конфликте несоизмеримым с любыми политическими и иными выигрышами»¹.

Между тем история говорит о другом, а именно: к сожалению, правящие элиты быстро «забывают» материальные и людские потери. Достаточно напомнить, что Вторая Мировая война началась менее чем через 20 лет после окончания Первой, когда погибли десятки миллионов людей. Тогда, в 20-е и 30-е годы, тоже казалось, что на масштабную войну решиться разве только сумасшедший. Более современный пример – война США в Ираке, которая унесла сотни тысяч жизней, в Сирии, а до этого – в Ливии.

Как видно на карте, которая нередко используется в качестве иллюстрации ситуации в Евразии, центром потенциальных конфликтов в Евразии прогнозируется ЦА, причем для России этот акцент смещается в область бывших советских среднеазиатских республик. Прежде всего Казахстана, дестабилизация которого для России может иметь катастрофические последствия из-за близости регионов Поволжья, Южного Урала, Западной Сибири и транспортного коридора «Запад-Восток».

¹ Арбатов А.Г. Угрозы реальные и мнимые // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. № 1. С. 27.

Более того, можно сказать, что дестабилизация Казахстана фактически приведет к дестабилизации всех восточных регионов России, разделению ее на «западную» и «восточную», суверенитет над которой вряд ли будет полным, а контроль над природными ресурсами абсолютным. Если рассматривать Россию как возможный предмет передела ресурсов между крупнейшими мировыми державами, то именно такой сценарий становится наиболее эффективным.

Таким образом угроза неэффективной евразийской интеграции (в т.ч. России, Казахстана, Киргизии) становится уже и угрозой национальной безопасности России, ее территориальной целостности, способности контролировать ресурсы и транспортные коридоры.

а). Столкновение интересов суперэтносов и сверхдержав в Евразии

... образ других народов или
собственный образ ... зависит от того,
как в детстве нас учили истории¹

*М. Ферро,
французский историк*

В мире, где значение административных
границ ослабевает, существенно
возрастает роль социальной и
культурной гравитации

*А. Неклесса,
руководитель группы «ИНТЕЛПРОС»*

Изначально важно понимать движущие силы, в решающей степени влияющие на ситуацию в Евразии. Среди основных таких сил можно выделить две группы. К первой группе относятся собственно евразийские этносы, государства и организации. Ко второй – внешние факторы влияния: тенденции глобализации, внешняя политика неевразийских, прежде всего великих держав.

Значение первой группы факторов, которые являются наиболее сложной категорией не только по определению, но и по самоидентификации, крайне важна для понимания политических процессов в Евразии. Различные исследователи совершенно по-разному подходят к их описанию: от геополитического подхода З. Бжезинского, в основе которого лежит политика мировых держав (в т.ч. неевразийских) до синергетического подхода А. Неклесса. В частности, А. Неклесса следующим образом описывает эту группу: «Можно выделить несколько осязаемых персонажей. Америка, стимулирующая динамику нового века, доминирует в пространстве мировых регулирующих органов и штабной экономики. Европа – воплощает в Старом Свете многомерную конструкцию страны-системы – Европейского союза. Исламский мир – на первый взгляд наиболее аморфная, но и наиболее динамичная общность, трансграничная, транснациональная по самой сути, – пронизывает протуберанцами прочие миры. И заметно отличная по типологии, однако не менее влиятельная китайская галактика. Список можно продолжать, вглядываясь в меняющиеся политические и культурные очертания региональных левиафанов – Индийского субконтинента, Ирана, Японии...»²

¹ Цит. по: Торкунов А.В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 183.

² Неклесса А.И. Преодоление Евразии // Независимая газета. 2013. 20 марта. С. 5.

Как следствие анализа этой группы факторов и во многом этих первопричин, проявившихся в процессе завершения формирования современных этносов на евразийском континенте ясно обозначены следующие тенденции:

– быстрое развитие европейского этноса, в основе которого лежит общая история, культурная и духовная традиция. Собственно успех европейской интеграции во многом объясняется не только экономической целесообразностью (о чем часто и справедливо говорят), но именно общностью исторической и культурно-духовной среды, а также стремлением национальных государств обеспечить себе военно-политическую безопасность;

– устойчивостью (несмотря на все политические пертурбации) евразийского этноса, существующего многие столетия на пространстве российской империи (СССР), а в более широком понимании – на большинстве евразийской территории от Карпатских гор до Камчатки. Эту устойчивость пытаются усиленно дестабилизировать и дезавуировать (что не встречает серьезного противодействия), однако она является современной политической и экономической реальностью;

– устойчивостью индийского этноса, доказавшего за последние десятилетия способность быстрой интеграции в глобальные экономические и социальные процессы. При этом его численность и экономическая мощь начинает ощутимо влиять на расстановку сил в мире, а претензии в политике не заставят себя ждать. Достаточно наглядно это проявилось в конфликте Индии и Италии, который эволюционизировал в конфликт Дели – Брюссель¹;

– стремительно развивающимся китайским этносом, который демонстрирует не только огромные экономические перспективы, но и возможность влияния на сопредельные – от запада до востока – территории и массы их населения. Особо следует сказать, что огромное количество ресурсов Китай получает морским путем, что ставит его в зависимость от морских коммуникаций;

¹ *Строкань С.* Индия с Италией поссорились на всю Европу // *Коммерсант.* 2013. 21 марта. С. 7.

– формирование нового, исламско-мусульманского этноса. Причем не только в ареале традиционного проживания, но и на территориях других этносов. Этот этнос не только многочисленен и в основном монокультурен, но и нередко очень пассионарен, даже агрессивен.

Так или иначе, но конкуренция суперэтносов может привести к их выходу за рамки традиционных «компетенций» и привести к их ослаблению и даже уничтожению, «ассимиляции» одного этноса другими. И, наоборот, некоторые государства, которые стремительно развиваются, внесут изменение в соотношении сил в Евразии и, соответственно, между этносами. И в этом главная – угроза. Так, например, к 2020 году Индия достигнет значительных изменений в масштабах – экономических и демографических своего влияния в Евразии и мире. Самая крупная с точки зрения населения держава станет еще и самой молодой: численность ее молодого населения превысит 464 млн человек, а трудоспособные граждане составят более 64% всего населения, что добавит не менее 2% ежегодного прироста ВВП¹. И без того достаточно быстро растущего. По сути это означает, что в Евразии и мире к 2020 году появится еще одна сверхдержава, тем более что она уже вступила на путь создания «экономики знаний», обеспечила себя полностью продовольствием и создала мощные вооружение силы.

При этом решающее значение имеют даже не макроэкономические показатели, а быстрый рост НЧП новых гигантов – Индии, Китая, Бразилии, Индонезии и других стран, – которые обеспечивают им совершенно новое качество экономики и общества. Это хорошо видно на примере роста ИРЧП, ежегодно измеряемого уже более 20 лет. Так, в группу с «очень высоким» ИРЧП (50 стран) в 2013 году уже входили не только традиционные страны-лидеры, но и Республика Корея, Гонконг, Чили, Аргентина и ряд других государств. (Примечательно, что Россия и Беларусь за один год поднялись на 11 и 15 позиций соответственно, но так и не покинули другую, более низкую «лигу», заняв соответственно 55-е и 50-е места).

¹ Скосырев В. Индия становится самой молодой страной мира // Независимая газета. 2013. 18 апреля. С. 3.

Иными словами, в будущем неизбежном соперничестве, даже военном противоборстве, есть возможность союза европейского и евразийского суперэтносов, объединения их в том числе в широкий военно-политический союз. Это не предполагает такого расширения НАТО, которое поглотило бы евразийский материк. Скорее это более эффективная и дееспособная ОБСЕ, которая пока что десятилетиями фактически бездействует, или ШОС, или другое международное объединение, например, ТС, переговоры о присоединении к которому начали 35 евразийских государств.

Важно, однако, отметить, что в таком союзе не может и не должно быть ни навязывания чужих систем ценностей, ни политических порядков, ни универсальных моральных норм, что пока что является главным стержнем политики Евросоюза. В этих странах не только формируют европейскую идентичность, но и усиленно создают свою «европейскую» систему ценностей, которую иногда даже называют «более приоритетной, чем национальные интересы».

Важно, чтобы политика европейской интеграции имела изначально в своей основе нацеленность на решение вопросов безопасности. С этой точки зрения политика евразийской интеграции носит, безусловно, стратегическое значение. Причем ее можно рассматривать как стратегию, рассчитанную на два крупных этапа. Первый этап – развитие евразийской интеграции на постсоветском пространстве с превращением этой территории и проживающего на ней этноса в связывающее звено между Евросоюзом и Евразией. Второй этап – евразийская интеграция от Атлантики до Владивостока, создание единой зоны безопасности и экономики. Причем четкой границы между этими этапами не существует. Уже в 2013 году не только Армения (не имеющая общей границы с ТС), но и Вьетнам и Индия проявили явную заинтересованность в развитии отношений со странами ТС.

Политика евразийской интеграции, активизированная после выступлений в печати осенью 2011 года В. Путина, Н. Назарбаева и А. Лукашенко, вместе с тем оставляет ощущение того, что она еще не подкреплена долгосрочной национальной стратегией и соответствующей идеологией, ограничиваясь экономическим сотрудничеством. В активно

разрабатывавшейся в период 2010–2011 гг. «Стратегии–2020» интеграции был посвящен один, последний (!).

Между тем евразийская интеграция, безусловно, прежде всего политические и военные процессы. Так же, впрочем, как это было и в европейской интеграции. И именно эти процессы должны быть представлены на приоритетном уровне. Не могут этого пока что изменить даже отдельные инициативы, как, например, С. Нарышкина, об интеграции в области парламентской деятельности стран-участниц СНГ.

Дело не меняет даже достигнутые руководителями СНГ в декабре 2012 года договоренности о создании объединенной ПВО. Их реализация на практике требует самых решительных политических, дипломатических и военно-технических усилий, ведь время стремительно уходит и ряд стран втягивается в орбиту влияния других центров силы – НАТО и Китая.

Отмеченные явные недоработки свидетельствуют о том, – считает В. Андрианов, что до сих пор в России фактически нет внятной и согласованной долгосрочной государственной экономической политики, концепции перевода экономики на модель устойчивого развития¹. Соответственно это во многом ослабляет усилия по реализации евразийской экономической интеграции не только трех стран (России, Белоруссии и Казахстана), но и в более широком контексте – всей евразийской стратегии.

На самом деле, до сих пор не решена главная, политико-мировоззренческая проблема – самоидентификация страны. Многие годы отечественные либералы ориентировались на Европу и ее систему ценностей. Но в европейской системе ценностей, которая постепенно вытесняет интересы безопасности отдельных стран, нет такой ценности, как безопасность и суверенитет России. И не будет.

Можно не только согласиться с утверждением известного ученого В. Андрианова, но и добавить, что в России нет долгосрочной стратегии национального развития, которая вытекала бы из соответствующей идеологии, как нет и стратегического прогноза и планирования, без

¹ Андрианов В.Д. Стратегия устойчивого развития экономики России до 2020 г. / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 25 сентября 2012 г. / URL: <http://viperson.ru>

которых декларируемые планы могут быть реализованы только в режиме «ручного управления». Соответственно нет такой системы и в области обороны. Государственный оборонный заказ (ГОЗ) и планы военного строительства не вытекают из военной доктрины, а стратегического прогноза и планирования, озвученного публично, также не существует. В. Путин, безусловно, понимает это и предпринимает определенные шаги, но они пока что не слились в единую систему.

Политика евразийской интеграции, включающая многие аспекты (например, внешнеполитические, военные, идеологические), «выпадает» из существующего практически алгоритма действий правительства. Некоторые экономические аспекты (например, опережающее развитие инфраструктуры, транспорта восточных регионов), оказываются вне национальной евразийской стратегии. Другими словами, политике евразийской интеграции очевидно не хватает политической идеологии. Как, впрочем, и всей российской политике. Что был вынужден признать В. Путин на «Валдайском форуме»: «Речь идёт не просто об анализе российского исторического, культурного, государственного опыта. Прежде всего, я имею в виду всеобщие дискуссии, разговор о будущем, о стратегии и ценностях, ценностной основе развития нашей страны, о том, как глобальные процессы будут влиять на нашу национальную идентичность, о том, каким мы хотим видеть мир XXI века, и что может привнести в этот мир совместно с партнёрами наша страна – Россия»¹.

Влияние военно-политических факторов оказывало всегда в российской истории решающее значение на формирование политики Руси – России. Необходимо поэтому помнить об историческом опыте России и Евразии. Академик А.В. Торкунов, ссылаясь на В.О. Ключевского, пишет в этой связи: «... в период с 1182 по 1362 гг. великорусская народность вынесла более 160 внешних войн. Это продолжалось и позже. В XVI в. Москва почти постоянно (43 года) воевала против Речи Посполитой, Ливонского Ордена и Швеции, ни на один год не прерывая борьбы с противниками на южных, юго-восточных и восточных границах. В XVII в. Россия воевала 48 лет, в XVIII в. Еще

¹ Путин В.В. Выступление Владимира Путина на пленарной сессии клуба «Валдай» / РИА-Новости. 2013. 21 сентября / URL: <http://ru-an.info/news>

больше – 56 лет»². Вряд ли современная и будущая история России и Евразии станет исключением.

В отсутствии оформленной национальной идеологии и стратегии развития, и, как неизбежного следствия, недостатках стратегического планирования, вряд ли можно ожидать быстрого формирования внятной и широкой евразийской стратегии России вообще и по отношению к регионам Сибири и Дальнего Востока, в частности. Прежде всего потому, что она потребует национальной мобилизации. Пока что стратегия евразийской интеграции по отношению к восточным регионам рассматривается, как правило, в узком, экономическом контексте, в лучшем случае как следствие развития экономической интеграции ряда стран СНГ и/или даже только России, Белоруссии и Казахстана, хотя именно опережающее развитие восточных регионов России может стать мощным фактором усиления заинтересованности в интеграции Белоруссии, Украины и восточно-европейских государств, которым нужен прямой выход в АТР и ЦА.

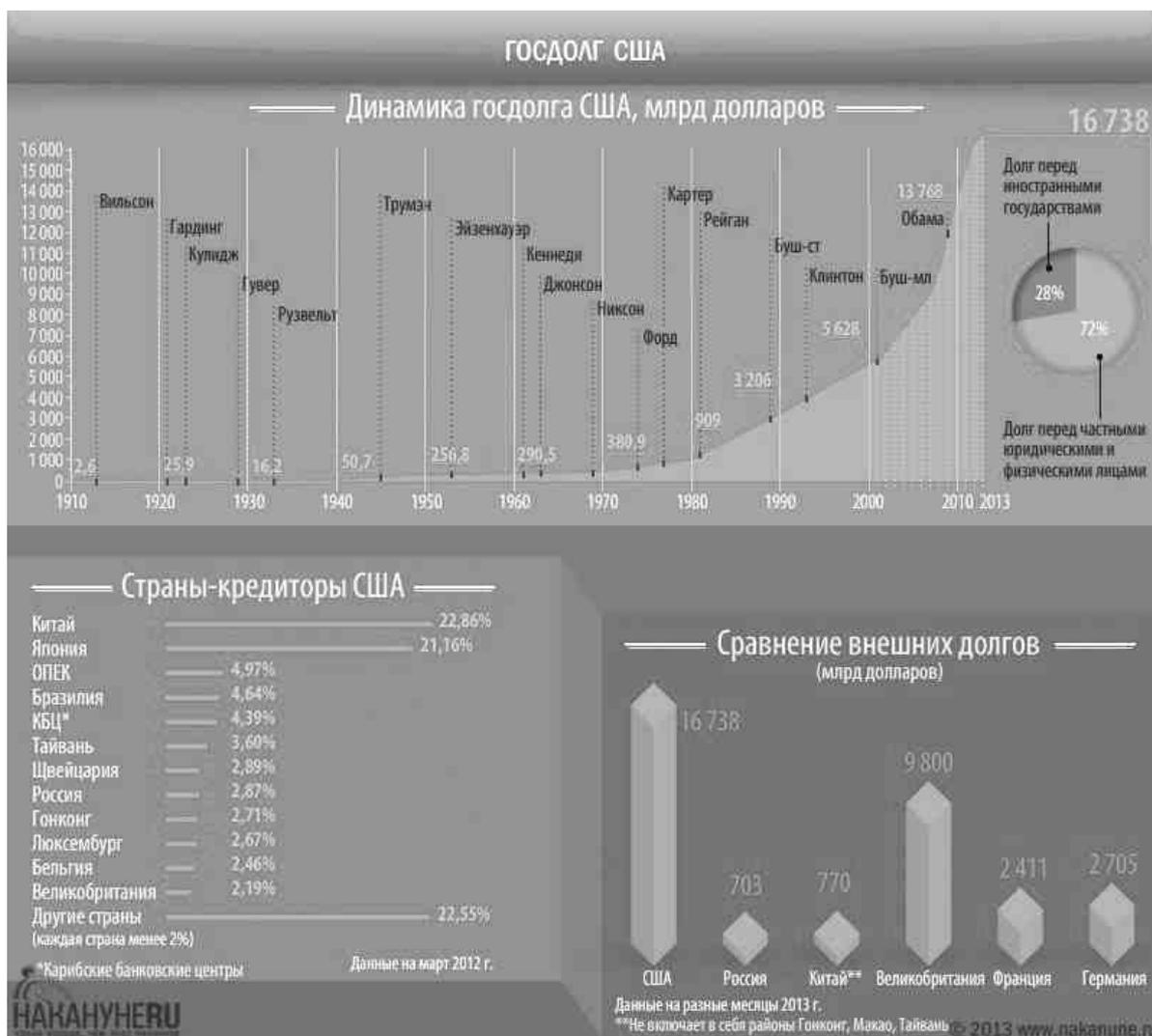
Большое влияние на темпы евразийской интеграции оказал мировой кризис, когда налаженные связи и кооперация фактически диктовали волю к экономической интеграции. Именно поэтому в 2010 г. вступил в силу ТС – самое впечатляющее на сегодняшний день достижение постсоветской интеграции. Главные элементы – это общие пошлины по отношению к третьим странам и общий таможенный кодекс, регулирующий большинство торговых вопросов стран-участниц. Таможенный союз действует по схеме пропорционального голосования, но до сих пор все решения принимались на основе консенсуса. Участникам пришлось внести серьезные изменения во внешнеэкономическое регулирование¹.

Возникла и другая проблема, имеющая под собой финансово-экономическую основу. Ко второму десятилетию XXI века сформировался новый центр силы в АТР, который де-факто явился вызовом финансовому господству США. Пока что это противоречие не

² Торкунов А.В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 45.

¹ Винокуров Е., Либман А. Постсоветский интеграционный прорыв // Россия в глобальной политике. 2012. Март–апрель. Т. 10. № 2. С. 35.

перешло в политическую плоскость, однако это неизбежно должно произойти прежде всего из-за растущей финансовой зависимости США от азиатских стран, которые стали основными кредиторами США. Как видно из рисунка, КНР, Япония, Тайвань, Гонконг стали основными кредиторами американского государственного долга².

В то же время финансовая нестабильность в США, особенно ярко проявившаяся в октябре 2013 года, показала зависимость как всей мировой экономики, так и особенно стран-кредиторов от финансовой политики США.

В этой связи для евразийских государств, особенно членов ТС, остро встает вопрос о создании единой финансовой политики, которая (по аналогии со странами Евросоюза) позволила бы им смягчить зависимость

² «Служба безопасности» для финансовых олигархов / Интернет-ресурс: «Военное обозрение», 2013. 17 августа / URL: <http://topwar.ru/>

от финансовой политики США. Так, например, для стран СНГ сегодня актуален вопрос о создании зоны свободной торговли (ЗСТ), который обсуждался в сентябре 2012 года на заседании Совета глав правительств СНГ. Это мог бы быть первый шаг в создании независимой финансовой политики. Договор о ЗСТ в рамках СНГ подписали в октябре 2011 года в Санкт-Петербурге сразу восемь стран. Для России, Белоруссии и Украины он вступил в силу 20 сентября 2012 года. Армения ратифицировала документ 11 сентября, и для нее договор начал действовать 17 октября 2012 года, а также в 2012 году процесс ратификации завершился и в Молдавии.

Очевидно, что подобное расширение ЗСТ имеет огромное значение с точки зрения развития восточных регионов России, в особенности их инфраструктуры и транспортных коридоров. Прежде всего с точки зрения расширения возможности торговли «новых» стран со странами АТР. Опыт ТС, например, показывает, что быстрее всего рос товарооборот между Белоруссией и Казахстаном, не имеющих общей границы. Но создание ЗСТ не решает политических и военных проблем. Проникновение Китая и США в Центральную Азию будет продолжаться и расширяться. И не только по политической или гуманитарной линии, на которых в последние годы сделан очевидный акцент, но и по военной.

Формирование ЗСТ имеет большое значение для развития восточных регионов России, которые могут получить дополнительные импульсы в своем развитии. Прежде всего с точки зрения транзитных возможностей и реализации совместных программ. В пользу этого свидетельствует, например, опыт Белоруссии. И в этом, наверное, одно из главных преимуществ ЗСТ. Россия уже не может, как в начале XX века, в одиночку осваивать эти регионы. Привлечение людских и материальных ресурсов, видимо, неизбежно. В этом случае лучше всего привлекать ресурсы бывших советских республик.

Пространство ЗСТ, в скором будущем может формироваться уже не из восьми, а из девяти стран. Во время общения в узком кругу главы правительств в 2012 году, например, рассмотрели вопрос об участии в

ЗСТ Узбекистана¹, что делает проблему совместного развития восточных регионов России еще более актуальной.

Но возможен и, может быть, даже неизбежен противоположный процесс: разные полюса силы, – например, Китай и НАТО – все активнее ведут себя на пространстве Евразии. Симптоматично, что их активность стремительно нарастает в последние годы, в том числе военная, что ставит проблему конкуренции этносов и цивилизаций в Евразии в достаточно острую плоскость, а именно: если не состоится евразийского интеграционного центра с «российским ядром», то два других центра силы несомненно станут доминировать в Евразии. Это доминирование неизбежно перейдет в цивилизационно-ценностные формы соперничества, которые могут «разорвать» постсоветское пространство, либо поставить его под контроль чуждых им этносов.

¹ Кузьмин В. А валюта у нас одна // Российская газета. 2012. 1 октября. С. 2.

б). Евразийское направление новой мировой политики

Китай явно настроен так, чтобы его голос в делах Центральной Азии не мог быть никак поколеблен...¹

*В. Воробьев,
Чрезвычайный и Полномочный
Посол России*

Русский народ, россияне создали самое обширное в мире могучее многонациональное государство, продвигаясь от Киевской и Новгородской Руси к Московскому царству и Петербургской империи²

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Изначально важно сделать четыре принципиальных замечания, от принятия (или отклонения) которых зависит ход всего рассуждения о новом мирополитическом измерении Евразии.

Во-первых, современная геополитика в Евразии имеет гораздо меньше, чем прежде, черт, характерных для политики национальных государств, и больше цивилизационно-ценностных характеристик. Если согласиться с таким утверждением, то это будет означать, что государства Евразии так или иначе будут выбирать между доминирующими ценностными системами и цивилизациями, чье влияние будет постепенно превышать влияние собственно национальных интересов и ценностей. В этом случае у России появляется шанс предложить евразийским государствам свою ценностную систему и модель развития (стать центром интеграции), которые в силу разных причин могут оказаться предпочтительнее либеральной, китайской или исламской систем ценностей и моделей. Прежде всего из-за традиционной для России способности ассимилировать чужие системы без их уничтожения, без агрессивного навязывания своих норм и правил.

Во-вторых, нужно признать, что на геополитическую картину в Евразии одновременно воздействуют несколько разнонаправленных процессов:

- интеграция на постсоветском пространстве;
- западноевропейская интеграция;

¹ Воробьев В.Я. Шанхайская организация сотрудничества / Доклад ИМИ МГИМО(У). 2012. Декабрь.

² Торкунов А.В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 45.

– растущее влияние и проникновение США в различные государства Евразии и АТР как на двусторонней, так и многосторонней основе;

– рост влияния исламских государств, организаций и различных структур;

– стремительное проникновение на постсоветское пространство и в целом в Евразию (включая Евросоюз) Китая. Ошибочно полагать, что это проникновение имеет ограниченный пространственно (скажем, Ю.-В. Азией) и экономический характер и не лишено политических амбиций: влияние Китая уже ощутимо в Южной Европе, Арктике, на Ближнем и Среднем Востоке.

В-третьих, политика России в Евразии неизбежно выходит за пределы только этого континента, включая прежде всего такие быстро растущие гиганты АТР, как Индонезия, Бразилия, а в перспективе и другие государства. В том числе, например, в военно-политической области, где объективно растет интерес к сотрудничеству с Россией. Так, в ходе визита Д. Медведева в Бразилию в феврале 2013 года глава Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству Александр Фомин уточнил, что по отдельным видам вооружений страны могут прийти к созданию совместных предприятий. В частности, такой формат взаимодействия возможен по системе «Панцирь-С1», хотя панацеей и не является. «Совместная разработка, производство вооружений и их обслуживание, сервис и ремонт – это не всегда и не только СП», – заметил он, комментируя подписанную в Бразилии декларацию в области ВТС»¹.

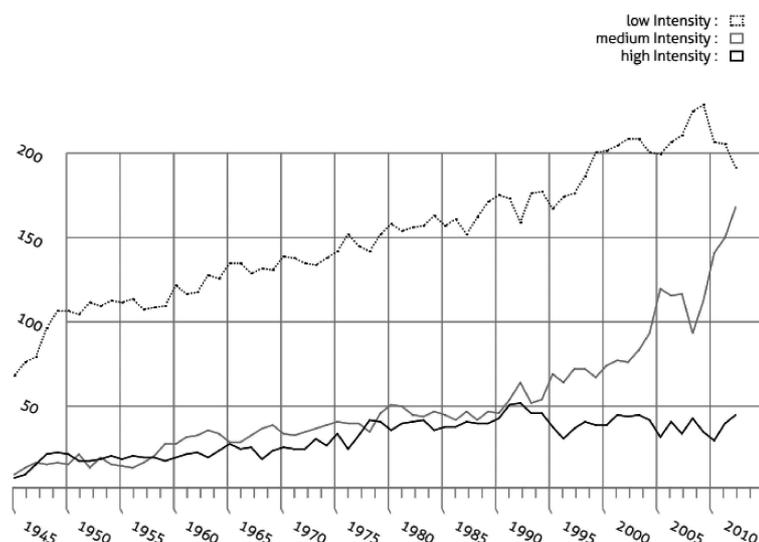
В-четвертых, в последние два десятилетия отмечается резкий всплеск военных конфликтов низкой и средней интенсивности, которые несут в себе не только потенциальную угрозу перерастания в крупные, глобальные конфликты, но и уже стали фактом в политике государств Евразии. Так, в докладе немецкого института «Глобальный барометр. 2012» отмечаются следующие тенденции².

¹ Кузьмин В. Совместная оборонка // Российская газета. 2013. 22 февраля. С. 3.

² Conflict Barometer. 2012 / Heidelberg Institute for International Conflict. 2013. P. 2.

Глобальные конфликты низкой, средней и высокой интенсивности с 1945 по 2012 год

GLOBAL CONFLICTS OF LOW, MEDIUM AND HIGH INTENSITY 1945 TO 2012

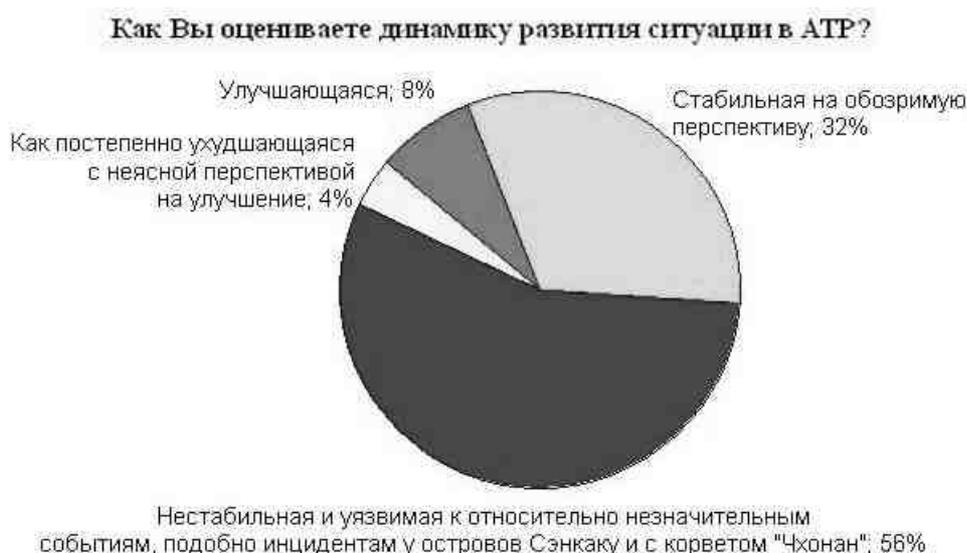
По сути дела современная политика в Евразии это больше цивилизационно-ценностное мировое противоборство, приобретающее силовые черты, а не простое соперничество государств, о котором в свое время говорили достаточно много.

Принципиально важно в этой связи изначально определиться с представлением о термине «евразийская интеграция» – как пространственно, так и политико-экономически. В данной работе под этим термином понимается процесс, при котором Россия и другие евразийские государства не просто оптимизируют экономическое сотрудничество, но фактически защищают свою национальную идентичность и само право на существование суперэтноса, которому реально и достаточно скоро могут угрожать резко усиливающие свое влияние в Евразии другие этносы – европейско-американский, китайский, исламский и индийский.

Это не преувеличение и алармизм, а реальная оценка. Такие угрозы формируются в разных масштабах и в разных временных промежутках. Так, если говорить о европейско-американском суперэтносе, то это, наиболее очевидная современная угроза поглощения либеральной системой ценностей всей русской культуры. Эта угроза, однако, при определенном противодействии в перспективе и при адекватном развитии постсоветского пространства может постепенно исчезнуть, а два этноса слиться в единый

суперэтнос. Так, как это было фактически в Средние века и позже, когда безусловный европеец А.С. Пушкин стал столпом русской культуры.

Межцивилизационные отношения становятся сегодня стимулом для развития региональных конфликтов и весьма влияют на перспективу развития международных отношений в Евразии и АТР, где степень турбулентности быстро нарастает. По оценке экспертов РИСИ 2011 года (и, отчасти, поэтому более оптимистичных) ситуация в АТР выглядит следующим образом¹.

Как видно из экспертных оценок (56% + 4%), большинство экспертов полагает, что ситуация осложняется, и только 40%, что она стабильна и даже улучшается. Эта противоречивость, к сожалению, основывается не только на анализе и оценках в быстро меняющемся соотношении сил, на позициях ряда авторов: «оптимистов», «пессимистов», «равнодушных».

На наш взгляд, новая политика и геополитика в Евразии и АТР в его современном понимании отражает не столько противоборство государств (хотя и не исключает этого), сколько нарастающие межцивилизационные противоречия. В этом смысле такие межцивилизационные организации, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) или БРИКС могут сыграть очень важную роль нивелирования цивилизационных противоречий. По этому поводу известный специалист В. Воробьев отмечает: «Создание ШОС, этого политического образования несоюзного характера, придало

¹ Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества: сб. материалов. М.: РИСИ, 2011. С. 139.

институциональный оттенок связке Китай и Центральная Азия. Через ШОС Пекин легитимизировал свой голос в делах, касающихся этого региона. Это вытекает из уставных и ряда других документов организации, из самого механизма и стиля ее функционирования. Взять, например, Договор 2007 года о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве. В нем, помимо взаимных гарантий территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, неиспользования своих территорий во враждебных для других участников целей, заложены далеко идущие обязательства политической направленности. Их потенциал, видимо, будет раскрыт в среднесрочной стратегии дальнейшего развития ШОС, первые шаги к разработке которой сделаны на саммите организации в Пекине в 2012 году»¹.

Как видно из рисунка на карте, ШОС постепенно приобретает новый (евразийский) пространственный охват и политическую направленность. Вопрос в том, насколько эта направленность будет отражать российские интересы и как сильно будет влияние в ШОС Китая. Усиливающееся влияние КНР и Западноевропейского союза определенно сказывается на интеграционных процессах в Евразии. Ряд авторов отмечают их откровенно противоречивый характер: «Проблемы, однако, не ограничиваются взаимодействием собственно постсоветских стран, они

¹ Воробьев В.Я. Шанхайская организация сотрудничества / Доклад ИМИ МГИМО(У). 2012. Декабрь.

затрагивают и характер их отношений с остальным миром. Для многих (в том числе и для России) ЕС является более важным торговым партнером, чем ближайшие соседи, а политическая ориентация на Евросоюз становится реальной политикой. Примечательно, что этот процесс идет параллельно с ростом влияния Китая уже не только в ЦА, но и Западной, Центральной и Восточной Европе. В Центральной Азии, а в последние годы – в Белоруссии и Украине медленно, но верно растет роль Китая как источника инвестиций и займов. И игроки, и наблюдатели, похоже, едины в том, что постсоветская интеграция и европейский интеграционный вектор принципиально несовместимы, и страны Восточной Европы – Украина, Белоруссия, Молдавия – должны сделать однозначный выбор в пользу того или иного направления»¹.

Таким образом, евразийским интеграционным процессам на постсоветском пространстве противодействуют, как минимум, три внешние тенденции:

- растущее влияние США;
- евроинтеграция и
- влияние Китая. Причем все три эти тенденции имеют потенциально (а в ряде случаев уже и практически) антироссийскую направленность и охватывают широкий спектр – от экономического и гуманитарного сотрудничества до ВТС.

Наименее очевидная угроза со стороны индийского суперэтноса, масштаб которой, однако, сегодня невозможно оценить: что будет с Индией и ее политикой, когда 1,5 млрд человек, проживающих в этой стране и сопредельных государствах смогут быть обеспечены пропорциональной экономической и военной мощью? Традиционное миролюбие наций и государств не относится непосредственно к возможностям политической и культурной экспансии.

Тем более невозможно сегодня прогнозировать, как поведет себя китайский суперэтнос, когда это сверхгосударство, привыкшее в течение тысячелетий считать себя «центром Вселенной», будет опираться на соответствующие экономические, технологические и военные ресурсы.

¹ Винокуров Е., Либман А. Постсоветский интеграционный прорыв // Россия в глобальной политике. 2012. Март–апрель. Т. 10. № 2. С. 40.

Не можем мы сегодня прогнозировать и перспективы развития, а тем более поведения исламского этноса, который резко радикализируется в последние годы. Как он будет развиваться и куда будет направлена его экспансия – в Поволжье, на Кавказ, Западную Сибирь – мы можем только предполагать, хотя есть и очень настораживающая информация, например, об идеях создания на территории России очередного «Великого Халифата».

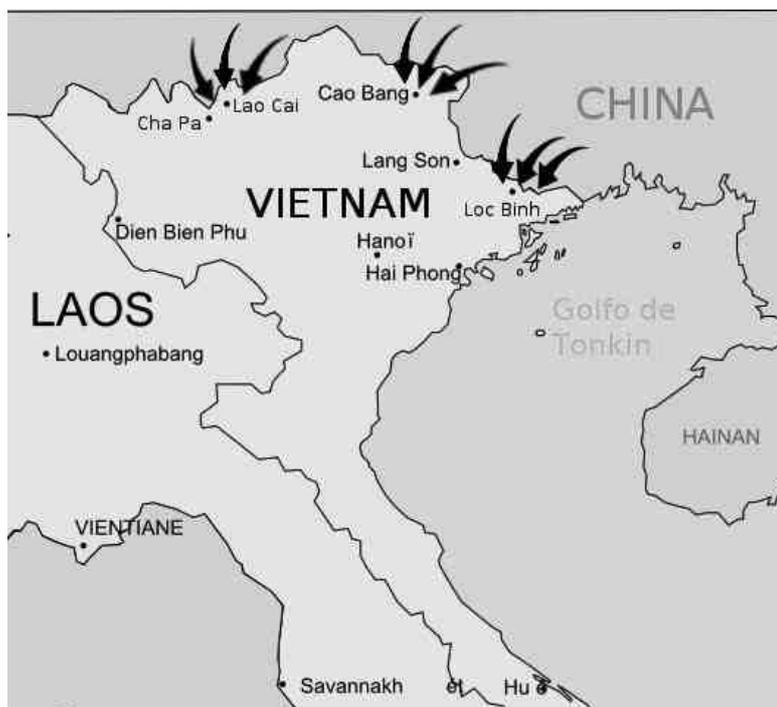
Более того, как показывает история, мы не можем даже прогнозировать развития отношений между государствами с близкими социально-политическими системами. Так, Китай, помогавший Северному Вьетнаму много лет в войне с США, уже через несколько лет напал на своего союзника, развернув полномасштабную операцию. И если бы не мощная ПВО Вьетнама (созданная при помощи СССР) и не реакция Москвы, неизвестно, чем бы эта война закончилась¹. Как видно на карте, это не был локальный конфликт, о котором постарались поскорее забыть. Это была крупная война, в которой обе стороны понесли огромные жертвы и которая оставила глубокий след во вьетнамском и китайском обществе. Последствия этой войны до сих пор сказываются. В том числе и на внешней политике обеих стран.

¹ Примечательны в этой связи три черты, три особенности, выделяющие китайско-вьетнамский и китайско-советский конфликты.

Первая. Быстрое изменение политической ситуации привело к масштабным боевым действиям, хотя у противников была «прочная» дружеская политико-договорная основа. Это говорит о том, что ситуация может меняться стремительно, в течение недель и даже дней, но военные возможности и соотношения сил не способны к таким изменениям. Нельзя полагаться и прогнозировать, исходя из оптимистического сценария. Необходимо понимать, что изменение в соотношении сил в регионе происходит годами, даже десятилетиями, а политические намерения могут меняться в течение недель дней.

Вторая. Потери сторон разительно (1 : 10) отличаются в пользу стороны, обладающей наивысшим человеческим потенциалом и качеством вооружений. Думается, что это соотношение будет еще больше к 2020 году. По некоторым оценкам, качество ВВТ, систем управления и НЧК в конечном счете сделает вообще бессмысленными попытки количественных измерений в соотношении сил.

Третья. И в первом, и во втором конфликте решающую роль сыграли средства ПВО, которые не допустили господства в воздухе противника. В еще большей степени эта роль проявилась позже – в Ираке, Югославии, Ливии и Сирии. Способность обеспечить эффективную воздушно-космическую оборону стала равнозначна и равноценна способности обеспечить государственный суверенитет и защитить национальную систему ценностей.

Сегодня как-то стараются забыть и о советско-китайском конфликте 1968 года на о. Даманском, хотя за несколько лет до этой войны русские и китайцы были «братьями навек».

Отсутствие долгосрочной евразийской стратегии России тем более опасно, что по отношению к постсоветскому пространству все отчетливее ощущается внешнее неоднозначное влияние и даже силовое давление. Это опасно недооценивать, хотя бы потому, что формирование российского этноса и евразийская интеграция объективно будет находиться под влиянием негативных внешних факторов.

Прежде всего позиции США, которая может сыграть свою роль в конкуренции суперэтносов на евразийском пространстве, что может привести к размыванию российского этноса, ослаблению его влияния и в конечном счете вытеснению другими, прежде всего, западноевропейским, китайским и исламским этносами.

в). Изменение в соотношении мировых сил: значение Евразии

Глобальное развитие становится всё более неравномерным. Вызревает почва для новых конфликтов экономического, геополитического, этнического характера.

Ужесточается конкуренция за ресурсы.

Причём ... не только за металлы, нефть и газ, а прежде всего за человеческие ресурсы, за интеллект.

Кто вырвется вперёд, а кто останется аутсайдером и неизбежно потеряет свою самостоятельность, будет зависеть не только от экономического потенциала, но прежде всего от «воли каждой нации», от её внутренней энергии; как говорил Лев Гумилёв, от пассионарности, от способности к движению вперёд и к переменам¹

*В. Путин,
Президент России*

Глобальное изменение в соотношении сил, происходящее постоянно в истории человечества, в начале XXI века вступило в очередную фазу. Появление новых центров силы на различных континентах, новых мировых держав уже прогнозируется достаточно отчетливо на всех континентах, но эпицентром этих изменений становится Евразия, где быстро и устойчиво развиваются два гиганта – Китай, с населением 1,3 млрд человек и 2-м в мире ВВП, а также Индия, население которой уже превысило 1,5 млрд человек, а темпы роста экономики значительно опережают среднемировые.

Если говорить о Китае, то сегодня многие эксперты экстраполируют сверх быстрый рост экономики на долгосрочную перспективу. Так, известный австралийский социолог С. Бабонес пишет: «По любым меркам Китай переживает беспрецедентный и даже чудодейственный рост экономики. По данным Международного валютного фонда, с 1990 по 2010 гг. экономика КНР росла в среднем на 9,6%. В начале нынешнего мирового финансового кризиса многие опасались, что мотор китайского роста вот-вот заглохнет. В конце 2008 г. китайский экспорт резко сократился, что породило страхи политической нестабильности и

¹ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / URL: <http://президент.рф>

народного бунта. Однако глобальный экономический кризис оказался лишь ухабом на торном пути китайского экономического чуда. Конечно, Китай не застрахован от ускорения инфляции, а пузырь на рынке недвижимости может лопнуть, но большинство экономистов продолжают предсказывать стремительный рост еще длительное время»¹.

В этих построениях самое слабое звено – макроэкономическая экстраполяция.

С. Бабонес признает, что «хотя прогнозы разнятся, все сходятся во мнении, что китайская экономика будет расти быстро. Случайно или умышленно, прогнозы основаны на экстраполяции нынешних тенденции. Например, лауреат Нобелевской премии в области экономики Роберт Фогель считает, что китайская экономика будет расти в среднем на 8% в год до 2040 года. К этому времени КНР станет вдвое богаче Европы (с точки зрения доходов на душу населения), а его доля в мировом ВВП составит 40% (тогда как на американскую экономику придется всего 14% мирового ВВП, а на европейскую – 5%)»².

Вместе с тем простая экстраполяция вряд ли отражает будущие реалии. И, прежде всего, политические. Сегодня крайне трудно, например, предположить будущую конфигурацию союзов в Евразии, соотношении технологических и военных сил, которое может быть изменено как в одну, так и в другую сторону. Так, если НЧП КНР будет расти такими же быстрыми темпами, то это будет означать, что в мире появится сверхдержава, обладающая колоссальными возможностями в науке и технологиях, которыми сегодня обладают только США (до 30% мирового экспорта наукоемкой продукции), что гораздо сильнее влияет на соотношение сил, чем сравнение ВВП.

Еще труднее представить себе, кто из стран – экономических лидеров станет лидером цивилизационным и идеологическим в Евразии. Пока что на эту роль претендуют США, КНР, Индия и Россия. Что будет в ближайшие годы, покажут уже не только темпы экономического роста, но и политика этих государств, их способность предложить другим странам наиболее привлекательную модель развития. Ясно, однако, что

¹ Бабонес С. Срединная империя // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 5. С. 125.

² Там же.

абсолютное лидерство и претензии США в этой области были существенно поколеблены кризисом 2008–2012 годов и достаточно амбициозной внешней политикой, которая принесла им существенные экономические (только война в Ираке за 10 лет стоила более 700 млрд долл.) и морально-политические издержки.

Наконец, на соотношение сил, а также интеграционные процессы в Евразии будут влиять геополитические позиции того или иного центра силы. Пока что в научном дискурсе преобладает мнение, что в этой области наблюдается лидерство США, хотя, учитывая активную роль России и Китая, с этим трудно полностью согласиться.

К центрам евразийского влияния причисляют Индию, Пакистан, Ирак, Индонезию, – страны, каждая из которых также может претендовать не только на вполне самостоятельную роль в Евразии, но и, при определенных условиях, на центр консолидации других евразийских государств.

С геополитической точки зрения, реальная ситуация к началу XXI века такова: Соединенные Штаты уже фактически контролируют не только Западную и Центральную, но и Восточную Европу. С начала XXI века они усилили экспансию в Центральную Азию, в том числе постсоветский сегмент, а со второго десятилетия XXI века приоритетом своей внешней политики объявили и Юго-Восточную Азию. В этих регионах Евразии стремительно растет военное присутствие США, включая развертывание новых баз и элементов ПРО, а также наступательных систем авиационного и ракетного нападения. Налицо стремление США на основе создания системы союзов взять под контроль всю Евразию.

Это, естественно, не может не сказаться на процессе евразийской интеграции, который уже рассматривается на Западе в качестве угрозы усилению позиций США в Евразии, и американской стратегии консолидации усилий в этих целях. Например, 12 февраля 2013 года президент США Барак Обама, выступая с традиционным посланием к нации, заявил, что США готовы начать переговоры с ЕС о создании общей зоны свободной торговли. Обама буквально сказал тогда следующее: «И сегодня я объявляю, что мы начнем переговоры о

всеобъемлющем Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве с Европейским Союзом». Таким образом, американский президент дал примерное название будущему соглашению – Transatlantic Trade and Investment Partnership (ТТИР)¹. Разумеется, экономическое измерение стратегии США является лишь первым этапом дальнейшего продвижения политики однополярного мира со всеми его фактическими и стратегическими последствиями.

Россия, точнее ее регионы к востоку от Урала, неизбежно станут следующим объектом экспансии США, которые, контролируя большую часть Европы, развернув наступление на Китай, взяв контроль над Центральной и Средней Азией, фактически угрожают разделить нашу страну на европейскую и азиатскую часть. Это не преувеличение. В геополитическом смысле превращение доминирования США в господство в Евразии будет означать неизбежный раздел России, который может произойти через потерю контроля федерального центра над восточными от Урала регионами, внедрение международного управления над «общемировыми» ресурсами и транспортными коридорами. Именно восточным регионам России угрожает прежде всего доминирование США в Евразии. Там не только сконцентрирована большая часть природных ресурсов, включая пресную воду, но и стремительно ослабевает связь с европейской частью и федеральным центром, идет процесс депопуляции и деиндустриализации.

Это сценарий возможен и как компромисс между США и Евросоюзом, с одной стороны, и Китаем, с другой. Примеров подобных компромиссов в истории международных отношений немало. В том числе и в современной. Раздел Югославии, Сомали, фактическая дезинтеграция Ирака и Афганистана, события в Ливии и т.п. примеры наводят на мысль о том, что США выгодна дестабилизация и дезинтеграция.

Особенно тревожит стремление Запада использовать радикальные исламские режимы в целях дестабилизации ситуации в Евразии. Будущее соотношение сил в Евразии зависит от множества факторов не только

¹ США и ЕС создают "замкнутое экономическое пространство" для сдерживания Китая, России и Японии / Эл. ресурс: "Военное обозрение". 2013. 18 февраля / URL: <http://topwar.ru>

экономического, но и идеологического, политического и геополитического характера. Общее развитие этих тенденций – крайне тревожное для безопасности России в Евразии, которая может стать заложником неконтролируемых процессов. Учитывая ограниченность российских ресурсов и возможностей в Евразии, требуется исходить при формировании ее стратегии национального развития именно из расчета непредсказуемости последствий изменения в соотношении центров силы и определиться с основными приоритетами, которые, на наш взгляд, могут быть следующими.

1. Приоритетное и опережающее развитие восточных регионов России, прежде всего, их инфраструктуры, транспортной сети и человеческого потенциала, превращение ради этих регионов во второй центр политико-экономический центр страны, обладающий функциями административного, финансового и экономического управления.

2. Развитие евразийской интеграции «по всем азимутам» – от Украины и Казахстана до Японии и Китая, формирующее вокруг нашей страны устойчивую сеть экономических и политических отношений.

3. Сохранение и дальнейшее развитие отношений с традиционными центрами силы – Евросоюзом и США, – при четком определении приоритетности российских интересов на постсоветском пространстве.

г). Стратегия США в Евразии

... внешнеполитическая стратегия США в АТР ... не является системой четко сформулированных и жестко детерминированных приоритетов, а носит адаптивный характер...¹

*И. Кузнецов,
исследователь МГИМО(У)*

«Начиная с момента, когда Америка в 2010 году объявила о стратегии «возвращения в Азию», аналитики высказывали мнение, что смысл подобной инициативы – именно в обуздании роста Китая. Однако представляется, что «сейчас стратегия “возвращения в Азию” направлена, в первую очередь и против Китая, ее настоящие цели – сохранение баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе и создание такого положения, при котором ничто не будет угрожать главенствующей роли США»².

По сути дела у США есть главный инструмент сохранения такой «главенствующей роли» – военно-технологическое превосходство, которое они ни при каких обстоятельствах не ставят под сомнение. И имеют для этого все основания. Во-первых, потому, что они являются и, видимо, в среднесрочной перспективе, как минимум, будут являться мировым технологическим лидером. Во-вторых, потому, что суть военного превосходства выражается сегодня именно в использовании быстрее других новейших достижений НТР в военной области. Классическое определение выглядит следующим образом:

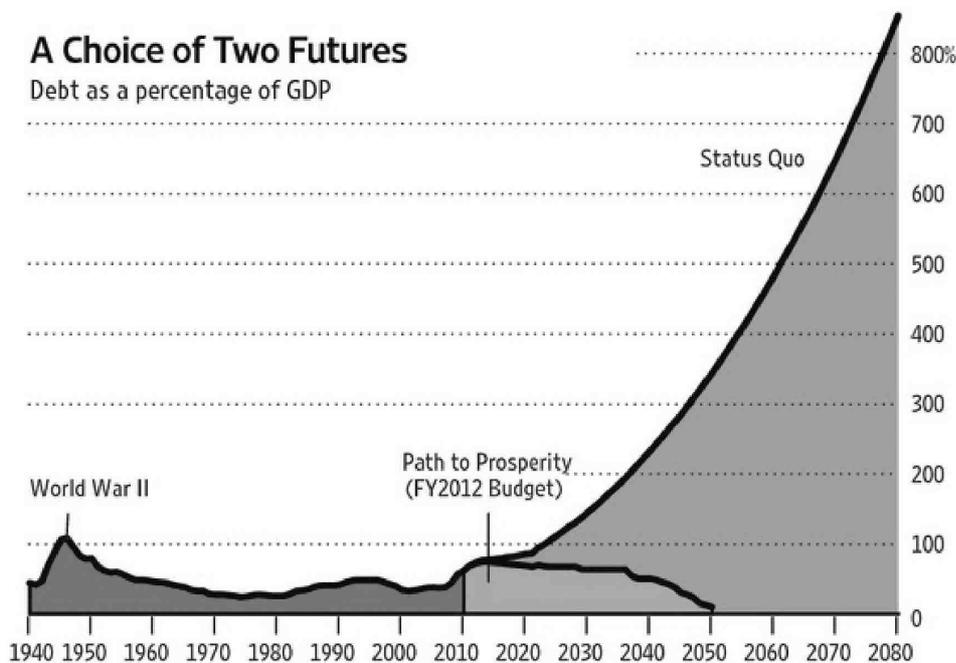
Очевидно, что слабеющие позиции США в АТР и Евразии должны быть компенсированы более эффективной стратегией. Похоже, что финансовые и экономические неурядицы США, в частности, рост государственного долга, американское руководство в очередной раз попытаются уравновесить военно-политическими средствами. Не случайно осенью 2013 г., даже балансируя на грани дефолта, США

¹ Кузнецов И.И. Основные направления развития политики США в АТР на современном этапе / Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У). 2013. Февраль. С. 5.

² Пэн Нянь. Стратегия «возвращения в Азию»: каковы реальные цели Америки? / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 5 февраля / URL: <http://eurasian-defence.ru>

продолжали обсуждать вероятность своего военного вмешательства во внутренний конфликт в Сирии.

Динамика соотношения государственного долга к американской экономике (ВВП) (План П. Райана)

Как видно из графика, если нынешняя тенденция роста госдолга будет продолжена, то уже в 2020 году соотношение госдолга к ВВП достигнет уровня, который был во время Второй мировой войны, а через 50 лет превысит 500%¹.

«Если Америка ставит перед собой цель восстановить геостратегический баланс в регионе, то у нее есть, по сути, всего два метода. Первый – наращивать собственную мощь. Второй – ослаблять соперников.

На самом деле существует и третий путь – развитие отношений со своими традиционными и новыми союзниками, например, Японией. Так, в конце 2012 г. – начале 2013 г. сложились новые условия для развития японо-американского оборонного сотрудничества. Они связаны с тремя важными обстоятельствами:

1. Резкое обострение японо-китайских отношений, вызванное покупкой в сентябре 2012 г. правительством Японии нескольких островов

¹ США после первого президентского срока Барака Обамы. Нью-Йорк. 2012. Ноябрь. С. 278.

архипелага Сенкаку/Дяоюйдао, до того момента находившихся в частной собственности.

2. Поражение Демократической партии на выборах осенью 2012 года и возвращение в кресло премьер-министра лидера ЛДПЯ С. Абэ.

3. Проведение КНДР успешного испытания баллистической ракеты большой дальности под видом запуска на околоземную орбиту научного спутника и очередного подземного испытания ядерного устройства¹.

Америка постоянно отправляет в АТР войска, размещает там новейшее вооружение. Все это – способ нарастить свою военную мощь и, следовательно, создать в секторе баланс военных сил. На экономическом уровне Америка всеми силами развивает Транстихоокеанское партнерство, что позволяет США увеличить свое экономическое влияние в регионе и, следовательно, сохранить здесь и экономический баланс².

«Ослабление соперников достигается, в основном, через создание союзов, которые ограничивают возможности роста конкурентов, в то же время расширяя эти же возможности для союзников. Таким образом, геополитическому дисбалансу будет положен конец, а баланс сил будет восстановлен. Политика создания союзов реализуется Америкой в АТР на трех уровнях. Первый уровень – американо-японо-индийские, американо-индийско-австралийские, американо-японо-австралийские трехсторонние отношения, а также американо-японская и американо-корейская коалиции. Эти отношения и союзы – своего рода «фундамент» американского присутствия в регионе. Второй уровень, играющий вспомогательную роль, составляют союзнические отношения с Филиппинами, Таиландом, Австралией и Сингапуром. Отношения с Вьетнамом, Мьянмой, Камбоджой и другими подобными странами составляют третий уровень, имеющий потенциальную ценность для США»³.

Новая версия внешнеполитической стратегии США в АТР, в том числе и применительно к КНР впервые была изложена Госсекретарем

¹ Иванов А.В. Проблемы и перспективы японо-американского военно-политического сотрудничества / Аналитическая записка. ИМИ МГИМО(У). 2013. Июнь. С. 5.

² Пэн Нянь. Стратегия «возвращения в Азию»: каковы реальные цели Америки? / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 5 февраля / URL: <http://eurasian-defence.ru>

³ Там же.

США Х. Клинтон на страницах журнала «Форин полиси» в ноябре 2011 года в статье «Тихоокеанский век Америки».

Из нее видно, что стратегическое целеполагание правящей элиты США традиционно основано на американо-центричном видении международной и региональных систем отношений, как однополюсных и иерархичных. Судя по всему, главной ценностно-стратегической целью США по-прежнему является глобальное лидерство, основанное на доминировании практически во всех регионах.

Стратегия США в АТР, согласно этой статье, должна реализовываться по следующим шести внешнеполитическим направлениям:

- 1) укрепление двусторонних альянсов в сфере безопасности;
- 2) углубление равных отношений с усиливающимися державами, в том числе и с КНР;
- 3) сотрудничество с многосторонними региональными институтами;
- 4) расширение торговли и инвестиций;
- 5) создание военного присутствия на широкой основе;
- 6) продвижение демократии и прав человека.

Сочетание приоритетов «обеспечения военного присутствия на широкой основе» и «укрепления двусторонних альянсов в сфере безопасности» в отсутствие принципа коллективности можно вполне рассматривать как средство реализации однополюсной структуры региональной безопасности».

Не случайно на официальном сайте ЦРУ США Россия выглядит следующим образом: в самом центре – «проблемный район» Средней и Центральной Азии, к которой «примыкают» европейская часть РФ и Западная Сибирь (Восточная Сибирь и Дальний Восток, как видно, уже к России ЦРУ не относит). Кроме этого, учитывая исламский фактор, Запад может «пожертвовать» и российским Поволжьем, а заодно и Закавказьем.

Не трудно заметить, что абсолютное американское лидерство в Евразии зависит от решения ими трех принципиальных вопросов:

«США обладают многократным общим военным превосходством над КНР и значительной инфраструктурой военного присутствия и мощным потенциалом ВМС, наземных сил и ВВС, а также современных вооружений в западной части Тихого океана, на островных территориях и на материковой части Азии. Однако независимые военные эксперты указывают на нарастающую уязвимость такого присутствия от возможного нанесения ударов КНР ракетами средней дальности, (у США РСД отсутствуют вследствие договорных ограничений) по сухопутным и морским целям – в связи с базированием на ограниченных или островных территориях, а также растянутостью коммуникаций обеспечения и управления между районами дислокации на острове Гуам и в других районах, в том числе на севере Австралии.

Эксперты также считают невозможным проведение операций в отношении хорошо охраняемой ближней морской зоны и такого крупного материкового конвенционального потенциала, которым обладает КНР.

Серьезной критике независимыми военными экспертами подвергается и концепция «воздушно-морского сражения», реализация которой возможна лишь при полном военном превосходстве США и их союзников в западной части Тихого океана, но не применима, в случае развернутой и диверсифицированной континентальной обороны другой стороны. Не оправдались надежды США на привлечение Индии в архитектуру своей региональной безопасности в качестве стратегического партнера. Индия, судя по всему, намерена придерживаться «автономной» региональной стратегии, снижая потенциал конфликтности с КНР политико-дипломатическими средствами»¹.

– Во-вторых, окончательного недопущения военно-политической и экономической интеграции Белоруссии и Украины с Россией, что приведет не только к изоляции Калининградского анклава, но и фактической изоляции европейской России от остальной Европы. Подобная изоляция, учитывая сценарии исламизации и откола Северного Кавказа и Поволжья, превращает Россию в «полуевропейское» государство, к которому все соседи – от Норвегии до Украины могут предъявить территориальные претензии.

– В-третьих, усиление влияния на Казахстан, вполне ожидаемое в будущем не просто ослабит и без того уже отнюдь не доминирующую позицию России в Средней и Центральной Азии, но и фактически «оторвет», как минимум, Сибирь и Дальний Восток от европейского ядра России. Россия, как этнос и государство, окажется в границах Московского царства времен Ивана III, став по сути дела уже не геополитическим фактором и великой державой, а региональным государством с экономикой уже не имеющей таких преимуществ, как природные ресурсы.

Более того, те транспортные коридоры, которые будут проходить через европейскую часть России, уже не будут иметь стратегического значения. Они превратятся в простой транзит для Европы и АТР.

¹ Кузнецов И. Основные направления развития политики США в АТР на современном этапе / Аналитическая записка. 2013. Февраль / Эл. ресурс / URL: <http://viperson.ru/>

Странным образом политика Запада в Евразии совпадает с позицией российской либеральной оппозиции, которая характеризуется тремя основными тезисами:

– России никто не угрожает, а планы ее военного строительства до 2020 года излишне амбициозны и затратны;

– развитие восточных регионов должно происходить на равных условиях с европейскими, а отношения в Евразии должны строиться на исключительно экономической основе;

– российские регионы, в т.ч. восточные, должны получить максимум автономии, в т.ч. и политической. А. Кудрин, например, заявил в марте 2013 года о необходимости передачи власти в регионах правительствам, формируемым в результате выборов¹.

Важно также подчеркнуть, что сегодня, говоря о евразийской интеграции, вопросы безопасности Евразии и политики США остаются на периферии внимания российской элиты. Между тем, если посмотреть на интеграцию под этим углом зрения, то оказывается, что Украина, Казахстан, Узбекистан, да и другие государства, не менее России заинтересованы в этом процессе. Территориальные проблемы уже сегодня существуют не только по отношению к России, но и, например, у Румынии к Украине, которая в 1999 году денонсировала договор о румыно-советской границе².

¹ Гусев В., Подосенов С. Алексей Кудрин предложил сделать регионы парламентскими республиками // Известия. 2013. 21 марта. С. 2.

² 2013 год не за горами. Сможет ли Румыния «откусить» кусок территории Украины? / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 26 октября 2012 г. / URL: <http://topwar.ru/20413>

Не все ясно и в отношениях Украины с Польшей, где, после Второй мировой войны произошел радикальный пересмотр границ¹.

Есть немало и других примеров, касающихся вопросов безопасности не только России, но и всех других постсоветских государств. Например, обеспечение Воздушно-космической обороны государств (ВКО), которое не возможно реализовать по отдельности ни одному государству. Даже России, имеющей, казалось бы, такие возможности, быстро создать современную эффективную систему ВКО страны практически

¹ Советско-польское территориальное противостояние 27 октября 2012

невозможно. Что же тогда говорить об Украине, которая пока что только начала модернизировать советские СУ-25 и МИГ-29?

В случае развития этого сценария под фактический контроль США попадает не только вся Европа и Средняя Азия, но и Сибирь и Дальний Восток. Это может быть как экономический контроль над ресурсами и транспортными коридорами, так и политический и военный контроль под предлогом «защиты ресурсов и транспортных путей, имеющих международное значение». И в первом, и во втором случае это будет означать потерю суверенитета и прав на эти территории. Более того, сам российский этнос в этих условиях окажется не конкурентоспособным и постепенно, как уже бывало в истории, потеряет свою идентичность и исчезнет вслед за суверенитетом.

Наконец, стратегия США в Евразии предполагает давление на все государства (в т.ч. военно-силовое) и «пряник» в виде экономической помощи. Это отчетливо проявляется даже в отношении такого несговорчивого противника, как КНДР, в самые острые периоды. Так, представитель Госдепа США заявил в марте, что «если Пхеньян изменит поведение, то Америка будет готова сделать шаг ему навстречу, в частности, оказать экономическую помощь»¹. Подобная тактика проявилась и в отношении Мьянмы (Бирмы).

У России осталось очень мало времени (если вообще оно осталось) для того, чтобы осознать, что будущее нашей страны и нации в Евразии решается уже сегодня, что оно зависит от избранной национальной стратегии, в том числе в области евразийской интеграции, и что очень скоро невозможно будет больше исправлять допускаемые ошибки. Примечателен в этой связи пример с Сирией, которую сначала фактически изолировали от союзников, а некоторые страны сделали без серьезных оснований противниками, а затем инспирировали внутренние неурядицы².

Прежде всего необходим дополнительный анализ выбора вектора развития. Сегодня Россия по-прежнему ориентирована преимущественно

¹ Скосырев В. США хотят усилить давление на КНДР // Независимая газета. 2013. 21 марта. С. 7.

² Маневры вокруг политического решения по Сирии / URL: <http://vk.com/eurasiandefence>

на Европу: с точки зрения экономических связей, товарооборота, культурного сотрудничества.

В стране возник не только феномен либерально-монетарной власти, ориентированной на Запад, но и элита, интересы которой (личные, семейные, групповые) обуславливают ее готовность на любых условиях принять западную систему ценностей. За последние десятилетия огромные капиталы и собственность, а также сотни тысяч представителей российской элиты оказались на Западе. Там концентрируются активы, недвижимость, учатся и работают дети и родственники, рождаются наследники крупных капиталов.

Этой тенденции противостоит в последние годы все активнее другая часть российской элиты, которая ориентирована на российскую систему ценностей и идентифицирует себя с российским этносом. По сути дела 2011–2012 годы стали годами не столько борьбы между либералами и государственниками, сколько борьбой за сохранение национальной, идентичности и суверенитета.

Доминирование либералов в 90-е годы XX века и «нулевые» XXI века означало не просто либерализацию политики и экономики, но и заимствование чужой системы ценностей, которая, кстати, является главным приоритетом в Евросоюзе, уже заменив собой такую категорию, как «национальный интерес».

Как следствие либеральных иллюзий относительно российской действительности обозначилось игнорирование интеграционных процессов как в рамках СНГ, так и вообще восточного вектора политики, являвшееся характерной чертой политического курса вплоть до самого последнего времени. В том числе и потребности развития восточных регионов России, что привело в конечном счете к угрозе их фактического попадания под контроль внешних сил.

д). Роль восточных регионов России в евразийском контексте

Сфера науки вообще сильно недофинансирована, причем тенденция, к сожалению, представляется мне угрожающей. Потому что в последние годы доля расходов на образование в нашем ВВП не увеличивается, а сокращается. Так, если в 2008 году доля этих расходов составляла 4,8% от ВВП, то в этом году уже 4,3%. «По некоторым оценкам, мы не знаем, что произойдет в 2015 году доля расходов может снизиться еще больше – до 3,5%. Это очень низкий показатель для современной экономики, и ясно, что эта тенденция входит в противоречие с общемировой тенденцией расходов на образование¹

*В. Никонов,
политолог, Председатель комитета
ГД ФС РФ по образованию*

Горизонт восточной границы (русской – авт.) империи предполагал океанический вектор развития, сокрытый в тенетах, казалось бы, сугубо континентальной державности²

*А. Неклесса,
руководитель группы
«ИНТЕЛПРОС»*

Изначально важно признать, что опережающее экстенсивное развитие восточных регионов России и усиление ее влияния в Евразии и АТР невозможно без ставки на сверхвысокие темпы развития НЧП, прежде всего в образовании и науке. Демографический и промышленный провал нельзя ликвидировать традиционными способами. Парадокс, однако, заключается в том, что ни образование, ни наука не являются сегодня приоритетами экономической и финансовой политики РФ. Оценка «внимания» к образованию В. Никонова была приведена выше, что же касается науки, то объем ее финансирования в 2013 году составляет 320 млрд рублей, в 2014 – 285 млрд, а в 2015 – 306 млрд рублей³.

Восточный «океанический вектор развития», существовавшей всю историю нашей страны, – оказался «забытым» в последние десятилетия современной России. И думается, не случайно. Либеральная, прозападная ориентация сознательно концентрировала внимание на Западе. Более того, одной из разновидностей взглядов в сфере безопасности стала концепция, в соответствии с которой в эпоху глобализации территории и

¹ Башкатова А. Науке и образованию прописали финансовую диету // Независимая газета. 2013. 18 июня. С. 1.

² Неклесса А.И. Преодоление Евразии // Независимая газета. 2013. 20 марта. С. 5.

³ Башкатова А. Науке и образованию прописали финансовую диету // Независимая газета. 2013. 18 июня. С. 1

даже природные ресурсы «перестали быть предметом государственных споров».

На современном этапе развитие восточных регионов, включая системы коммуникаций, заметно отстает от «западного вектора» развития. Поэтому необходимо срочно вносить политические и экономические коррективы в реализуемую региональную политику. Прежде всего по отношению к своим восточным регионам и странам Средней Азии, понимая, что многие будущие вопросы уже предрешены нашей историей последних десятилетий и текущими реалиями. Переход к корректировке уже фактически начался, что и было замечено экспертами. Так академик А. Арбатов следующим образом прокомментировал этот поворот: «В отличие от всех других государств, определение преобладающей внешней ориентации для Москвы – далеко не решенный вопрос, во многом связанный с внутренней борьбой вокруг политической и экономической модернизации. Термин «откат» стал универсальным в определении *raison d'être* государственной политики и экономики России. В последнее время это понятие распространилось в определенном смысле и на внешнеполитическую сферу. Начался откат от идеи европейской идентичности России к «евразийству» с сильным националистическим и авторитарно-православным духом в качестве идеологической доктрины.

Концепция партнерства (с Западом) «ради модернизации» заменяется лозунгом опоры на собственные силы – «реиндустриализации», где локомотивом выступала бы «оборонка», а идейным багажом – «положительный опыт» СССР 1930-х годов. (Не уточняется, правда, какой именно опыт: пятилеток, коллективизации, массовых репрессий?) Во внешней политике и экономике заложен крутой поворот от Европы к Азиатско-Тихоокеанскому региону (видимо, забыли, что помимо Китая ведущие страны АТР – Соединенные Штаты, Япония, Южная Корея – тот же Запад)»¹.

Будущее создается, закладывается сегодня. Более того, будущее уже существует не только в настоящем, но и в прошлом. И история последних десятилетий – от развала СССР и экспансии США в Европе и Азии –

¹ Арбатов А.Г. Угрозы реальные и мнимые // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. № 1. С. 26–27.

свидетельствует об этом очень ясно. С точки зрения геополитических позиций России в Евразии уже очень многое потеряно. И, наверное, безвозвратно. В основном по вине либеральной российской элиты. Вернуть это нам уже не дадут. Образно на этот счет высказался Г. Кваша: «Человеческому воображению трудно представить, что будущее не есть чистое поле, в котором можно проложить любые дороги, что будущее – это достаточно плотно застроенное пространство, в котором такие же узкие улицы и переулки, как и в прошлом»¹. Наше «евразийское будущее» уже «застроено» в последние 25–30 лет нашей политикой идеализации европейских ценностей, псевдорыночными реформами, игнорировавшими национальные интересы в Евразии.

Эти геополитические построения могут показаться излишне пессимистическими, даже хотя, когда я писал в конце 80-х годов о планах США по развалу ОВД и разделу СССР, это тоже называли кликушеством и «попыткой милитаризации советского сознания». Но необходимо выйти за рамки узкого, сиюминутного понимания исторического процесса и посмотреть на евразийскую интеграцию в более широком международном контексте, а также на ее более далекую перспективу, понимая, что макроэкономические инструменты, которые являлись в последние десятилетия «универсальными» для нашей политической элиты, должны быть заменены на геополитические.

Российский этнос может стать частью общеевразийского этноса только сохранив свою идентичность и самостоятельность. В противном случае он будет ассимилирован либо европейским, либо исламским этносами. Причем его развал может произойти значительно быстрее по линии, отделяющей восточные и южные регионы России от центрально-европейской части.

То же самое касается Украины, Белоруссии, Казахстана и других постсоветских государств, где пока что две главные геополитические

¹ Кваша Г. Принципы Истории. Россия: от Востока через Империю к Западу. М.: Поколение, 2006. С. 7.

угрозы – сохранение территориальной целостности – находятся на периферии внимания элит.

Стратегия евразийской интеграции России должна исходить из необходимости обеспечения сохранения и развития нации, ее национального человеческого капитала (НЧК), измеряемого как количественными (демографическими), так и качественными показателями¹. Для этого у России и ее партнеров по евразийской интеграции есть все базовые условия. Напомним, что в конце XX века Всемирный банк (ВБ) предложил новую концепцию измерения национального богатства (капитала) страны, включающего человеческий, природный и воспроизводимый капитал. Приведем расчет величины капиталов, предложенный ВБ² для различных сегментов мирового пространства.

Национальное богатство (капитал)

Регион	Всего	В том числе капитал:		
		Человеческий	Природный	Воспроизводимый
Тысяч долларов США на душу населения				
Россия	400	200	160	40
США и Канада	326	249	16	62
Европа	237	177	6	55
Ближний Восток	150	65	58	27

Как видно из таблицы ВБ, доля НЧК в России составляет 50% всего национального богатства, тогда как в других развитых странах – 70–80%. Соответственно, чтобы быстро усилить геополитический вес России в Евразии, ей необходимо прежде всего **объединить** и **быстро** развивать НЧК восточных регионов России пошагово подключая потенциал постсоветских государств. Это – самое оперативное, неотложное и

¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т. I. Кн. 2 «Роль национального человеческого капитала в период «фазового перехода» человечества». М.: МГИМО(У). 2012. С. 293–327.

² Человеческий капитал. Теория развития и инвестиции в человеческий капитал / URL: <http://www.grandars.ru/>

стратегически важное решение, которое ясно определяет статус «экономической» выгоды и соответствующих мотивов. Эта «выгода» (которая, кстати, не являлась определяющей в успешной интеграции стран Евросоюза), всегда будет выглядеть по-разному: кто-то «теряет», а кто-то «находит», но она не должна монопольно диктовать условия для геополитических форматов евразийской интеграции.

Глава 2. «Большая игра» в Евразии

Цели нашей внешней политики имеют стратегический, неконъюнктурный характер и отражают уникальное место России на мировой политической карте, ее роль в истории, в развитии цивилизации¹

*В. Путин,
Президент России*

Евразия является центром мира, и тот, кто контролирует Евразию, осуществляет контроль над всем миром²

*З. Бжезинский,
политолог*

Принципиальное значение для понимания роли России в Евразии имеет оценка происходящих там событий с точки зрения противоборства США и Китая. В частности, для перспектив военно-политического и военно-технического сотрудничества России с Китаем. Как справедливо отмечает исследователь из РИСИ В. Терехов: «В последнее время можно отметить тенденцию по усилению внимания КНР к развитию военного компонента двустороннего сотрудничества. Эта тенденция требует оценки её мотивов и оптимального на неё реагирования со стороны России.

Что касается мотивации, то она представляется достаточно очевидной, если принимать во внимание особенности ситуации в АТР, куда смещается «центр тяжести» мировых событий. Они принимают характер новой «Большой игры», основное содержание которой сводится к сложному комплексу американо-китайских отношений. Основным пространством, на котором разворачивается новая «Большая игра», становится Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР).

Однако «Большая игра» постепенно распространяется и на другие регионы мира, борьба за влияние на которые между двумя ведущими мировыми державами становится всё заметнее. В частности, её проявление является важным (возможно, определяющим) элементом суммы причин бурных событий последнего времени в Северной Африке и на Ближнем Востоке... «Поскольку основные источники углеводородов находятся в Африке и в зоне Персидского залива, а всем азиатским получателям они доставляются по маршрутам, пролегающим

¹ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Коммерсант. 2012. 27 февраля. С. 2.

² Цит. по: Рудашевский В.Д., Рыскулов Д.М. Трансазиатский коридор развития // Независимая газета. 2012. 11 сентября. С. 9.

через Индийский океан и западную часть Тихого океана, то оба эти водных бассейна в последнее время рассматриваются как единое стратегическое целое. При этом географические рамки политической категории «АТР» толкуются расширительно – от западного побережья американского континента до восточного побережья Африки. Например, почти на всё это пространство распространяется ответственность Тихоокеанского командования вооружённых сил США»¹.

Кто же Россия? «Азиопа» или Евразия? Пока что ее основные человеческие ресурсы и промышленный потенциал расположены в европейской части страны. Более того, ее азиатская часть экономически и демографически деградирует. Что совершенно противоречит объективным геополитическим реалиям смещения экономической, политической и военной активности в АТР. Это во многом объясняется инерцией, традицией, ориентирующей элиту на Европу и, что немаловажно, на ее систему ценностей. Это, безусловно, негативно отражается на ее евразийской политике. Как справедливо заметил исследователь из МГУ Б. Китинов, «В целом же Россия еще не определилась со своей восточной политикой, т. е. главенствующей продолжает сохраняться прозападная ориентация»².

Во многом такое самоопределение зависит, во-первых, от того, что мы понимаем под Евразией и евразийской интеграцией, какие страны (как минимум) рассматриваем в этом регионе в качестве объекта, а, во-вторых, какие из этих стран мы включаем в процесс евразийской интеграции, а какие остаются обычными политическими и внешнеэкономическими партнерами.

Видимо, говоря о Евразии, можно говорить не только о евразийском континенте, но и тесно связанным с ним странами, входящими в Азиатско-Тихоокеанский регион. Такое расширительное толкование, наверное, неизбежно потому, что в противном случае по географическим мотивам из важнейших факторов, влияющих на ситуацию в Евразии,

¹ Терехов В.Ф. Стратегический фон современного этапа развития российско-китайских отношений / Китай на постсоветском пространстве: сб. доклад. М. РИСИ, 2012. С. 72–73.

² Китинов Б. Особенности идеологии современных войн и конфликтов / Эл. ресурс: «Евразия». 2010. 22 января / URL: <http://evrazia.org>

придется исключить не только политику и экономику Австралии и Новой Зеландии, но и США. Что, конечно же, будет сделать трудно.

И наоборот, говоря о широком понимании Евразии (включая АТР), мы более четко представляем себе геополитическую ситуацию не только на этом континенте, но и в мире. Так, исследователь МГИМО(У) И. Кузнецов считает, что «Азиатско-Тихоокеанский регион в политико-географическом отношении целесообразно рассматривать как «мега-регион», включающий Восточную Азию, Юго-Восточную Азию, Австралию, Новую Зеландию, островные государства и владения США в Тихом океане, а также западное побережье Северной и Южной Америк. АТР исторически является не только одним из важнейших объектов реализации американской внешнеполитической стратегии, но и масштабным ресурсом обеспечения политических, экономических и военных измерений национальной безопасности США.

Со времени окончания Второй мировой войны и до конца последнего десятилетия XX-го века ни одна страна, включая СССР, не была в состоянии каким-либо образом изменить или ослабить доминирование США в этом важнейшем геополитическом и геоэкономическом пространстве. Однако динамика политических и экономических процессов в этом обширном регионе за последние 30 лет способствовала появлению серьезного политического и экономического конкурента США, реализующего самостоятельную региональную стратегию, основанную на собственных приоритетах»¹.

К этому следует добавить, что «прежние определения - «оборона государства от военного вмешательства», «госбезопасность» (в целом) – уточняются важным моментом – идеологическая и экономическая безопасность (как средство сохранения государства или группы стран от кризисных явлений в экономике). Практически все страны мира сейчас корректируют свою политику: какие-то хотят жить без опекунов, другие стремятся повысить свой международный статус, у третьих появляются новые возможности или сузились старые»².

¹ Кузнецов И.И. Основные направления развития политики США в АТР на современном этапе / Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У). 2013. Февраль. С. 2.

² Китинов Б. Особенности идеологии современных войн и конфликтов / Эл. ресурс: «Евразия». 2010. 22 января / URL: <http://evrazia.org>

Подобную корректировку должна провести и наша страна, которой требуется сместить центр внимания с европейской части России и сотрудничества с Евросоюзом в азиатскую часть и сотрудничества с азиатскими странами. Только это позволит вернуть России сохранившуюся пока символическую роль центра Евразии. В том числе в области безопасности, где происходят наиболее радикальные изменения. Адаптация российской военной политики к евразийским реалиям – наиболее сложный, срочный и затратный процесс, который неизбежно должен учитывать как приоритетность Евразии в политике США, о которой не раз заявлялось, так и растущую мощь Китая, ядерные проблемы КНДР, Ирака, Пакистана и Индии. Эти проблемы не решаются только созданием системы ВКО в Евразии или Сил специальных операций (ССО)¹: их масштаб и комплексность решения требует от России единой евразийской стратегии как в области внешней и военной политики, так и экономики и социальных областях. Так, если ССО даже будут увеличены до прежней численности 14 бригад СпН и 30 отдельных рот, которые были у ГРУ, то это мало отразится на боевых возможностях армии, дислоцированной в восточных регионах России вдоль тысяч километров по границе с Казахстаном, Китаем и Кореей.

Опорным точкам, традиционно оформленным как бастионы обороны нужна поддержка в виде развития экономического и человеческого потенциалов больших сопредельных с государственными границами территориальных пространств. Рост потенциала гражданских ресурсов позволит более эффективно использовать и потенциал трансграничного сотрудничества России с её восточными соседями. В этой связи гипотетические правила «Большой игры» могут заметно измениться.

¹ Мухин В. Новый боевой резерв Главковерха // Независимая газета. 2013. 18 марта. С. 1–2.

а). Россия уходит из Евразии?

Хотя китайские лидеры не говорят об этом открыто, они нацелены на то, чтобы в долгосрочной перспективе Китай сменил Соединенные Штаты в качестве главной региональной державы...¹

*А. Фридберг,
профессор, бывший сотрудник СНБ США*

Реальность такова: декларируя свой приоритет в Евразии и АТР, Россия на практике недостаточно влияет на развитие ситуации в этих регионах. Ее экономические и военные возможности стагнируют, а восточные регионы теряют многие конкурентные преимущества. Это объективно снижает «вес» России в Евразии и АТР.

В Евразии разворачивается очередной этап борьбы за господствующее влияние на континенте, где оба главных претендента – США и Китай – всеми силами стремятся увеличить свое влияние. Кроме политических инструментов, в этой борьбе все отчетливее выступают военно-силовые, которые пока что проявляются в стремительном наращивании военных потенциалов на северо-востоке Евразии и прибрежных морях.

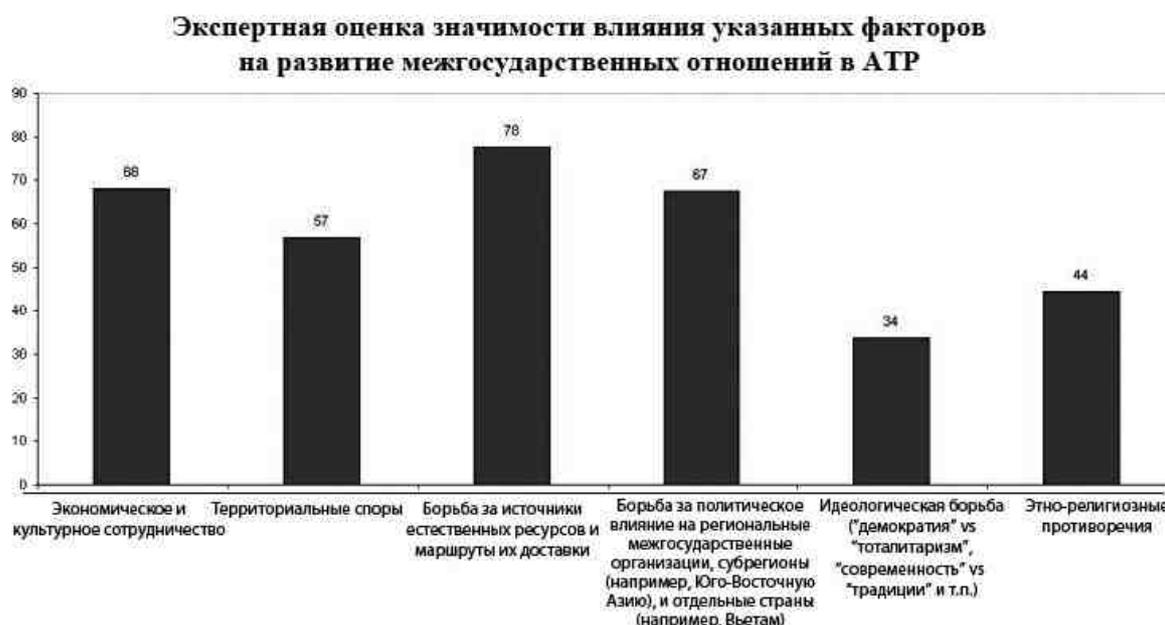
На фоне растущего соперничества двух сверхдержав все чаще говорят о переделе сфер влияния, когда правящие элиты Вашингтона и Пекина смогут договориться друг с другом о том, кто и какую часть континента будет контролировать.

В контексте этого вызова позиции России выглядят как недостаточно эшелонированные. Между тем история России, начиная с XII века, это история освоения Евразии. Сначала новгородцами, основавшими свои поселения в Югре и на севере Европы, походами Ермака в XVI веке и заканчивая первым российско-китайским договором 1689 года. Как пишет А. Неклесса, «Будучи более-менее осведомлены о европейских перипетиях русской истории, мы, пожалуй, более смутно представляем ее азиатскую драматургию, разыгранную в театре под открытым небом по ту сторону Рифейских гор...

¹ Фридберг А. Несговорчивый Пекин // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 5. Сентябрь–октябрь. С 148.

Обживалось Забайкалье – Чита, Верхнеудинск, знаменитый Албазин и Албазинское воеводство, Нерчинск, где в 1689 году был подписан первый российско-китайский договор, обосновавший продвижение вдоль притоков Амура и «Каменных гор», что, в свою очередь, привело в середине XIX века к новым разграничениям территорий с Китаем – заключению Айгунского и Пекинского договоров, имевших следствием колонизацию Уссурийского края – Приморья, были заложены Благовещенск (Усть-Зейский военный пост), Хабаровск и Владивосток»¹.

Если попытаться даже бегло посмотреть на то, какие факторы сегодня в наибольшей мере влияют на международные отношения и позицию нашей страны в Евразии и АТР, то мы увидим, что по всем основным направлениям позиции России в этой части планеты выглядят все менее убедительными. Так, по опросам экспертов РИСИ (которые, конечно, не являются в полной мере репрезентативными), ситуация выглядит следующим образом²:

Это происходит прежде всего из-за политической недооценки роли восточных регионов России, которая заменяется в очередной раз экономическим (в данном случае – регионально-экономическом)

¹ Неклесса А.И. Преодоление Евразии // Независимая газета. 2013. 20 марта. С. 5.

² Абаев Л.Ч., Терехов В.Ф. Анализ результатов опросов участников конференции «Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества». В сб.: Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества. М.: РИСИ, 2011. С. 138.

подходом. Так, в проекте госпрограммы «Региональная политика и федеративные отношения», предложенной министром И. Слюняевым, четко прослеживается тезис о равноправном (т.е. неприоритетном) отношении к восточным регионам. В частности, в госпрограмме так и пишется: «Основная цель подготовленного документа, по словам И.Н. Слюняева, – формирование единых подходов при реализации региональной политики, укрепление финансовой самостоятельности и раскрытие инвестиционного потенциала субъектов Российской Федерации».

«Каждый регион имеет свою базу, свои точки роста. Наша задача – максимально использовать ресурсные особенности субъектов Федерации и создать условия для притока инвестиций и обеспечения высоких стандартов и качества жизни на всей территории Российской Федерации, – сказал, представляя программу, министр регионального развития».

Сегодня за субъектами Российской Федерации закреплено 189 базовых и переданных полномочий, большинство которых напрямую влияет на экономическое развитие и качество жизни людей. «Нам предстоит продолжить работу по совершенствованию нормативного, кадрового и финансового обеспечения переданных полномочий», – отметил министр, подчеркнув, что в рамках мероприятий госпрограммы будет осуществлен переход с 2014 года к предоставлению регионам единой субвенции, что даст большой маневр субъектам Федерации при распределении средств»¹.

Между тем требуется **политическое** решение о приоритетном развитии восточных регионов и о переносе центральноэкономической активности за Урал. Очевидно, что принятые в последние годы госпрограммы развития Сибири и Дальнего Востока, «Саммита АТЭС» и т.д. – недостаточно эффективны. Нужны более масштабные, радикальные решения. Неизбежно вспоминается недавняя – история освоения Сибири, когда в 80-е годы XIX столетия туда ежегодно переселялось всего несколько тысяч человек, зато после создания Транссиба – 2 миллиона.

¹ Министр регионального развития Игорь Слюняев представил Правительству Российской Федерации проект государственной программы «Региональная политика и федеративные отношения» Эл. ресурс: «Минрегион». 2013. 18 февраля / – <http://www.minregion.ru>

Сегодня на территории Сибирского ФО проживает чуть больше 19,5 млн чел., а Дальневосточного – менее 6,5 млн чел., т.е. за Уралом на огромных площадях население составляет 26 млн чел. Причем продолжается тенденция к его сокращению. Чтобы блокировать эту тенденцию, наверное, можно по примеру других стран перенести столицу страны в Западную или даже Восточную Сибирь. Это означало бы не только переезд сотен тысяч чиновников, но и неизбежный перенос части финансово-экономической деятельности на восток. Но такой вариант пока остается гипотетическим.

Безопасность, суверенитет, экономическое развитие и само выживание нации будет зависеть от того, какое место займет Россия в Евразии. Прежде всего за счет своих восточных регионов. Если допустить, что она окажется слабой прослойкой между молотом (Евросоюзом) и наковальней (Китаем и другими быстро развивающимися азиатскими странами), то ее природные ресурсы, восточные территории, население окажутся сначала под влиянием, а потом и поделены между сильными государствами, а транспортные артерии, коммуникации и коридоры быстро превратятся в транзитный проходной двор развитых государств. Причем эти коридоры будут выведены из-под российского суверенитета уже при жизни ближайших поколений.

Пока что, к сожалению, не учитываются многие факторы, которые уже в ближайшие годы могут стать критическими для политики России в АТР, и определяющими будущее место России в мире. Так, развертывание региональных систем ПРО США в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке, планы строительства мощных ударных авианосных соединений Китаем, стремительно растущие военные расходы стран АТР и др.¹ вызовы, безусловно, должны учитываться при формировании перспективной политики России в АТР. В этом смысле развитие восточных регионов предполагает и развертывание там дополнительных средств ВКО. Собственно говоря, от этого во многом и будет зависеть сохранение российского суверенитета на восточном направлении мировой политики.

¹ *Скосырев В.* Статья сверхдержавой Китаю поможет «Варяг» // Независимая газета. 2012. 26 сентября. С. 8.

Уникальное место России и его привлекательность в Евразии определяется несколькими чертами, в частности:

– Россия – не просто страна, это страна-цивилизация. Таких государств в мире, за исключением Китая, Индии и Японии, больше нет. Ни в социокультурном, ни в историческом плане. Поэтому национальная и государственная идентичность неизбежно будет оставаться несмотря ни на влияние глобализации, ни на попытки либералов ее «либерализировать» и изменить традиционное лицо;

– Россия занимает уникальное место с географической точки зрения, являясь центром Евразии, соединяющим ее восточную, западную и южные окраины;

– Россия занимает исключительное место в мире по запасам минеральных и биологических ресурсов, а также территории и прилегающих морских акваторий;

– Россия – объединяет на своей открытой и недискриминационной культурно-духовной основе все основные мировые религии, конфессии при решающей роли православия, создающего удивительный, уникальный духовный космос, противостоящий агностицизму и современному секуляризму;

– Россия является уникальным информационно-коммуникационным и транспортным узлом мирового значения, роль которого стремительно увеличивается.

Пока что, говоря о евразийской интеграции, мы, как правило, имеем в виду экономическую и все еще ограниченную по масштабам интеграцию между Россией, Казахстаном и Белоруссией, хотя В. Путин в своей известной статье и отметил, что «мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»¹. Да и само название статьи – «... проект для Евразии...» – вряд ли соответствует суженному – «техническому» пониманию идеи евразийской интеграции.

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.

Между тем именно такое понимание евразийской идеи превалирует сегодня, что, по сути, лишает Россию будущего. Такая евразийская политика имеет весьма ограниченную перспективу, если вообще имеет, как показывает процесс российско-белорусской интеграции. Необходим более широкий, геополитический подход, принципиально иная пространственная концепция политической, экономической и военно-технической интеграции, от реализации которой зависит не только будущее страны, но и само существование России. И прежде всего её безопасность и суверенитет.

Надо отчетливо понимать, что наиболее опасная угроза для России исходит от возможности третьих стран доминировать в Евразии – в ее западной, восточной или южной части. И это отнюдь не гипотетические «геополитические рассуждения», а реальность, формирующаяся по многим аспектам уже сегодня. Так, создание региональных систем ПРО в Европе, на Среднем Востоке или Юго-Восточной Азии, вкупе с массовым развертыванием неядерных вооружений, способных выполнять стратегические функции, означает разрушение всей системы безопасности и в конечном счете потерю суверенитета.

Другая опасность – массовое производство в странах Евразии высокоточного оружия (ВТО), которое стало реальностью сегодняшнего дня. Как отмечает исследователь МГИМО(У) В. Каберник, «Как ядерное оружие, так и ВТО являются яркими примерами технологических инноваций в военно-технической сфере. Однако при рассмотрении тенденций развития конфликтов будущего важнее прогнозирование изменений не в технологии, а в методах ведения боевых действий, структурах управления и доктринах. Технологический аспект нельзя упускать из рассмотрения, но на современном уровне развития военной техники здесь вряд ли ожидаются революционные изменения. Поэтому в дальнейшем изучении технологического аспекта ведения вооруженных конфликтов будущего целесообразно вместо спекуляций на тему возможностей появления «фантастических» видов вооружений подробнее остановиться на прогнозировании уровня технической оснащенности армий, которые в этих конфликтах будут участвовать.

Согласно прогнозу отечественного исследователя В. Слипченко, к 2010 г. количество ВТО у ведущих стран достигнет 30–50 тыс. единиц, а

к 2020 г. – 70–90 тыс. Слипченко также утверждал, что создание такого арсенала обойдется во многие миллиарды долларов и выражал уверенность, что подобные запасы ВТО могут позволить себе лишь пять–шесть ведущих стран мира. Этот прогноз не оправдался. Количество производимого в 2011 г. ВТО превышает предсказанный Слипченко в 2002 г. рост как минимум в пять раз. Такие масштабы производства стали возможны благодаря радикальному его удешевлению, произошедшему в первом десятилетии XXI в.»¹.

Таким образом «уход» России из Евразии – это не частичная потеря международных позиций, а полная утрата статуса активного игрока на мировой арене.

¹ Метаморфозы мировой политики: коллективн. монография / под общ. ред М.М. Лебедевой. – М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 149.

б). Восстановление места России как геополитического центра Евразии

Россия – это часть света¹

Петр I

... сохранение культурного ядра
русской, российской цивилизации должно
стать решающим аргументом при выборе
тех или иных инструментов и ценностей
современной модернизации России²

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Восстановление места России как геополитического центра Евразии означает и усиление ее роли в политике на евразийском континенте. Это жизненно необходимо по целому ряду причин, главная из которых заключается в том, что если в течение 7–10 лет этого события не произойдет, то тенденция «ухода» России из Евразии неизбежно приведет сначала к окончательной утрате ее влияния, а затем и контроля над восточными регионами страны. Другими словами, возвращение центрального места России в Евразии – жизненно важная необходимость, означающая сохранение суверенитета, территориальной целостности и возможности использования территории и ресурсной базы азиатской части страны.

Это – естественный процесс для России, которая смогла сложиться в нацию и государство, просуществовавшее более 1150 лет, только в качестве своего рода географического центра, через который проходили важнейшие водные транспортные артерии восточной Европы. Как пишет А. Неклесса, «Почему же Москва выиграла геополитическую битву? Москва – административный центр, каталогизатор, финансовый оператор окружавших земель. И в этом качестве она из клиента Орды превратилась в своего рода наследника, последовательно интегрируя сопредельные уделы, а затем лишая независимости все три центра своеобразного сообщества – Новгород, Поволжье, Киев, устремившись далее в иные земли как по уже протоптанным тропам, так и окунувшись в неизведанную запредельность, реализуя архетип «страны пути».

¹ Неклесса А.И. Преодоление Евразии // Независимая газета. 2013. 20 марта. С. 5.

² Торкунов А.В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). Декабрь. С. 8.

В начале XVIII века сложилась империя – целостное образование с выходом к Белому, Балтийскому Черному и Каспийскому морям, а также к могучим сибирским рекам. Но России еще предстояло решить задачу по освоению открывшихся пространств и просторов»¹.

Такая оценка не вполне совпадает с современной федеральной политикой, создающей «равные условия» для развития всех регионов страны без учета внешних обстоятельств, угроз и особенностей их развития.

Требуется прежде всего изменить национальные приоритеты и реформировать механизм проведения внешней политики. Для этого нужна внешняя политика, приоритетно ориентированная на евразийскую интеграцию. МИД и министр иностранных дел России должны стать тем, чем они являются в ведущих странах мира: в США, например, где Государственный секретарь проводит именно внешнюю политику, являясь по Конституции 4-м лицом в государстве. Или в Великобритании, где министр иностранных дел и по делам Содружества – 3-е лицо в государстве. Или в ФРГ, где он вице-канцлер.

Нужен также первый вице-премьер РФ по евразийской интеграции, способный координировать деятельность министров и использовать национальные ресурсы, право консолидировать усилия других министерств и ведомств страны.

Целесообразно, чтобы новая концепция национального развития и внешней политики России, ориентированная на евразийскую интеграцию, соответствовала трем важнейшим геостратегическим приоритетам, которые отчетливо видны на карте Евразии.

¹ Неклесса А.И. Преодоление Евразии // Независимая газета. 2013. 20 марта. С. 5.

Как видно на этой картинке, ключевое значение будет иметь «российское ядро» Евразии – регионы к востоку от Урала, – от темпов развития которых будет зависеть не только эффективность российской внешней политики, в Европе, Центральной Азии и АТР, но и целостность и безопасность страны. Контроль США или Китая над среднеазиатскими республиками или их доминирование в Сибири неизбежно приведет к расколу страны, превращению ее в Московское княжество времен Ивана III, изолированное не только от Европы, но и от Азии и быстро развивающегося АТР.

Кроме того, важно понимать, что если восточные регионы должны развиваться опережающими темпами по сравнению со всей центральной Россией, то их инфраструктура, в особенности транспортная сеть, еще

более быстрыми темпами, чем темпы развития собственно восточных регионов. Можно согласиться с утверждением некоторых авторов, что крупные государства и империи разваливались из-за отставания темпов развития транспортной сети от экономики отдельных регионов. Так, Сергей Переслегин, например, утверждает, что сохранение единства полицентрического государственного организма возможно тогда и только тогда, когда развитие общеимперской инфраструктуры опережает экономическое развитие регионов»¹.

Этот вывод особенно актуален в связи со стремительным развитием стран АТР, которое выражается, в том числе и в фантастически быстром росте товарооборота этих стран с другими государствами. Показателем пример этой тенденции применительно к КНР и Бразилии, где за 2000–2010 годы торговый оборот вырос в 25 (!) раз и превысил 56 млрд долл.²

Торговля Бразилии с Китаем, млн долл. США

Показатель	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Экспорт	1085	6835	8402	10749	16523	21004	30786
Импорт	1222	5355	7990	12621	20045	15911	25595
Сальдо	-137	1480	412	-1872	-3522	5093	5191
Объем	2307	12190	16392	23370	36567	36915	56381

Действительно, если регионы развиваются быстрее, чем общая инфраструктура, то усиливаются не только социально-экономические диспропорции, как в современной России и Китае, но и происходит политическая регионализация. Это было вполне характерно для России 90-х годов XX века, когда более развитые регионы – Татарстан, Башкирия, Урал, – вдруг стали приобретать все новые и новые признаки суверенитета. Это отражалось не только на возросшей независимости внешнеэкономических связей, но и на появлении региональных законов, противоречащих федеральным.

¹ Переслегин С. Транспортная теорема / Русский Архипелаг / Сетевой проект. 2012 / Постоянный адрес статьи: URL:<http://www.archipelag.ru/geopolitics/>

² Восходящие государства и гиганты БРИКС: роль в мировой политике, стратегии модернизации: Сборник научных трудов / отв. ред. Л.С. Окунева, А.А. Орлов. – М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 161.

Надо сказать, что такая же тенденция просматривалась и в последние годы существования СССР, когда часть регионов, включая национальные, развивалась экономически быстрее, чем остальные регионы России. В том числе и за счет перераспределения ресурсов центральных регионов России. Парадоксально, по замедлению темпов развития России в условиях кризиса и стагнации 2008–2012 годов **подталкивает** нашу страну к принятию новой стратегии опережающего развития, в основе которой лежат следующие элементы:

- приоритетное опережающее развитие восточных регионов (от Урала до Дальнего Востока), в основе которого лежит развитие транспорта и инфраструктуры;
- акцентирование внимания на развитии НЧК в восточных регионах;
- учет геополитических и военно-политических вызовов, формирующихся в АТР.

Более того, возможное нарастание кризисных явлений в 2012–2015 годах в экономике России уже не может быть компенсировано «классическими» методами правительства по преодолению кризиса «образца 2008 года». Осенью 2012 года это стало наглядно видно из сравнения ситуаций, сложившихся в экономике страны в 2008 и 2012 годах¹.

Индикаторы готовности российской экономики к кризису		
Показатель *	2008 г.	2012 г.
Дефицит федерального бюджета, % ВВП без учета нефтегазовых доходов	–1,9	–10,8
Доля нефтегазовых поступлений в доходах федерального бюджета, %	45,1	51,5
Расходы федерального бюджета, % ВВП	15,7	21,7
Объем Резервного фонда, % ВВП	9,0	3,4
Доля выплат из бюджета в доходах населения, %	20,1	25,1
Доля кредитов населению в товарообороте, %	11,2	10,7
Прирост кредитов населению за последние 12 месяцев, %	53	42,1
Прирост выпуска базовых видов экономической деятельности в среднем за 3 месяца, %	–0,1	–0,2
Внешний корпоративный долг, % ВВП	31,9	28,4

¹ *Сергеев М.* Повышение кредитного рейтинга России не грозит// Независимая газета. 2012. 26 сентября. С. 4.

Объем предстоящего погашения внешнего корпоративного долга в ближайшие 12 месяцев, млрд долл.**	137,6	93
Чистый приток капитала за последние 12 месяцев, млрд долл.	29,6	-96,9
Уровень международных резервов, млрд. долл.	582,2	514,6
Цена на нефть, долл./барр., средн. за месяц	112,2	113,5
Курс доллара, средн. за месяц	24,15	31,96

* данные за июнь, июль или август

** по состоянию на март

Источник: Центр развития ВШЭ

Рассмотрим более подробно аргументы С. Переслегина. В частности, он считает, что «Для любого региона выгоды от существования единого государства определяются наличием общего товарного рынка, охраной коммуникаций, внешней безопасностью. Издержки включают в себя государственные налоги и сборы (в том числе налог кровью), а также отсутствие суверенитета, что подразумевает наличие дополнительных личных рисков у местных элит»¹.

Это действительно так. Объединение различных государств и народов происходит, когда существуют для этого серьезные мотивы, прежде всего с точки зрения безопасности, экономической, либо иной выгоды, которые заведомо перевешивают преимущества независимого существования. Для национальных элит выбор между независимостью и интеграцией всегда будет в пользу независимости, т.е. возможности самостоятельно распределять национальные ресурсы, за исключением тех случаев, когда «неинтеграция» будет означать явную угрозу безопасности. Так было при вхождении Грузии, Армении и Украины в Россию.

Исключение составляет современный процесс экономической интеграции, который привел к созданию фактически Конфедерации в Европе.

Представляется важным для приоритетов восточных регионов России следующая мысль С. Переслегина: «Пусть теперь регион начинает развиваться быстрее, нежели транспортная сеть, соединяющая его с имперским центром. Со временем обмен произведенными продуктами с

¹ Переслегин С. Транспортная теорема / Русский Архипелаг / Сетевой проект. 2012 / Постоянный адрес статьи: URL:<http://www.archipelag.ru/geopolitics/>

другими областями государства становится все более и более затруднительным: имперские коммуникации, рассчитанные на гораздо меньший объем перевозок, захлебываются. Как следствие в регионе нарастает уровень автаркии. Производители переориентируются на внутрирегиональную торговлю или даже уходят на внешние рынки.

На следующем этапе «издержки империи» начинают превышать ее экономическую выгоду, которая, естественно, снижается по мере роста автаркии. Производители теряют интерес к общеимперскому рынку и охране пораженных хроническим склерозом транспортных магистралей. Одновременно, падает уровень безопасности региона. Во-первых, развитая провинция становится привлекательной для соседей, в то время как имперские коммуникации все хуже и хуже справляются со своевременной транспортировкой войск. Во-вторых, обогащение местных элит вызывает опасение и зависть у столичной знати»¹.

Именно это происходит с современными государствами, которые развиваются быстрыми темпами прежде всего за счет быстрого развития части своих внутренних регионов, – Китаем, Россией, Индией, Бразилией, Мексикой.

Особенно заметным этот процесс становится в тех случаях, когда имперский центр игнорирует нужды передовых регионов, прежде всего, в тех областях, где ответственность центра традиционно монополизирована органами власти – внешней политике, военной политике, безопасности, внешнеэкономической деятельности. С. Переслегин справедливо полагает, что «истэблишмент региона, озабоченный отсутствием гарантий собственной безопасности и вынужденный все более сосредотачиваться на местных проблемах, постепенно утрачивает общеимперское мышление. Коль скоро это происходит, империя становится метастабильной: отныне любое достаточно сильное потрясение провоцирует ее распад на региональные государственные образования, причем бывшая провинциальная имперская знать становится национальной политической элитой новых государств.

Интересным примером применения «транспортной теоремы» был анализ устойчивости Советского Союза, проведенный в 1986 году С.

¹ Переслегин С. Транспортная теорема / Русский Архипелаг / Сетевой проект. 2012 / Постоянный адрес статьи: URL:<http://www.archipelag.ru/geopolitics/>

Переслегиным. Экстраполируя официальные данные по росту ВВП и финансовому эквиваленту грузоперевозок, он пришел к выводу, что после 1990 г. «инфраструктурный показатель» начнет падать. Из этого пришлось сделать вывод о неминуемом распаде страны в последнем десятилетии XX века. Заметим в этой связи, что если бы «перестройка» не сопровождалась экономической катастрофой, то есть, деградацией производства в регионах, последствия могли бы оказаться даже более серьезными – в этом случае прогнозировалось отделение Дальнего Востока с последующим расколом России по линии Урал – Волга. Сейчас – в связи с не устойчивым ростом производства – эта геополитическая угроза целостности России вновь становится актуальной»¹, – делает вывод С. Переслегин.

Таким образом, отставание в развитии восточных регионов и их транспортной инфраструктуры даже без внешнего воздействия (а его не избежать) приведет к распаду России.

¹ Переслегин С. Транспортная теорема / Русский Архипелаг / Сетевой проект. 2012 / Постоянный адрес статьи: URL:<http://www.archipelag.ru/geopolitics/>

Глава 3. Чем лучше, тем хуже: парадокс развития восточных регионов России и евразийская интеграция

Характерно, что в период мирового финансового кризиса, заставившего государства искать новые ресурсы для экономического роста, интеграционные процессы получили дополнительный импульс¹

*В. Путин,
Президент России*

... наша страна наполовину полна Европой и наполовину пуста Азией...²

*В. Рудашевский, Д. Рыскулов,
экономисты*

Стратегия евразийской интеграции теснейшим образом связана с проблемой развития восточных регионов России. Без понимания особой приоритетности этой проблемы невозможно (хотя это иногда и делается) понять суть стратегии интеграции. Пока что реальность такова: в российской правящей элите нет четкого понимания геополитического значения опережающего развития восточных регионов и их роли в евразийской интеграции. Это, в частности, проявилось в срыве госпрограммы социально-экономического развития восточных регионов, которую Президент РФ В. Путин поручил подготовить в I квартале 2013 года. Проект этой программы, предложенный руководителем нового министерства – Минвостокразвития В. Ишаевым, – оказался не согласованным с Минфином и Минэкономразвития и был «возвращен на доработку» в конце февраля 2013 года. Более того, курирующим заместителем Председателя Правительства РФ И. Шуваловым в то время было сказано, что «работа над проектом показала неспособность Минвостокразвития подготовить сколько-нибудь качественный документ»³. Позже, в марте 2013 года эта программа стоимостью в 10 трлн рублей была одобрена Правительством, хотя Минфин и заявил, что заложенная в программе доля федерального правительства в 3,8 трлн рублей примерно в 14 раз превышает возможности бюджета. Важно

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.

² Рудашевский, Рыскулов Д. Трансазийский коридор развития // Независимая газета. 2012. 11 сентября. С. 10.

³ Исполатов С., Казанцева М. Минвостокразвития в шаге от ликвидации // Известия. 2013. 1 марта. С. 4.

отметить, что в этой программе особая роль принадлежит подпрограмме развития БАМа и Трансиба (порядка 100 млрд руб.), являющейся, по словам руководителя Минэкономки А. Белоусова, «важным инфраструктурным ядром»¹.

Таким образом, мы наблюдаем две позиции, два подхода к решению проблемы развития восточных регионов – «правительственный», – политический и даже геополитический, требующий резкого, почти 20-кратного увеличения финансирования (отражаемы Минрегионразвития) и «финансово-макроэкономический», который исходит из возможной, ранее определенных бюджетом, представленный Минфином.

Думается, однако, что дело в другом, а именно: не вся правящая элита страны, во-первых, осознает геополитическое значение восточных регионов для всей страны, а значит и их особую приоритетность, в том числе и по отношению к другим территориям государства.

Во-вторых (во многом следует из первого), что эта масштабная задача не может быть в принципе решена традиционными средствами и инструментами, включая и традиционными масштабами финансирования. Так, Минвостокразвития запросил на свою программу 5,7 трлн, сначала и затем 10 трлн рублей, что показалось чрезмерным для правительства, хотя на самом деле даже этот объем средств не вполне соответствует геополитическому масштабу проблем и, конечно же, более чем сопоставим с другими, менее важными, программами.

Ситуацию можно прояснить только следующим образом. Необходима политическая общенациональная программа освоения восточных регионов и евразийской интеграции. Такая, по своим масштабам, как была в свое время программа освоения целины, строительство БАМа, которая могла бы сконцентрировать и мобилизовать национальные ресурсы (а не только средства федерального бюджета) – государства, бизнеса, общества – и проходила бы частью любой отраслевой или региональной стратегии развития. Так, строительство космодрома «Восточный», которое планируется закончить к 2018 году, требует не только огромных средств, но и людских ресурсов

¹ Барсуков Ю. Правительство одобрило дальневосточную госпрограмму // Коммерсант. 2013. 22 марта. С. 6.

– строителей, инженеров, а в последующем и ученых, и конструкторов, закупки и обслуживания технологического оборудования и т.д.¹ Все это даст, безусловно, мощный импульс развитию региона, но, кроме того, избавит нашу страну от огромных арендных платежей Казахстану.

Очень важное значение имеет развитие региональных возможностей самих восточных областей, которые должны идти одновременно с федеральными мегапроектами. Пока что, к сожалению, в этих регионах наблюдается очевидная стагнация. Как образно обрисовал обстановку в Забайкальском крае новый губернатор К. Ильковский, в регионе «все жили в ожидании крупных мегапроектов, когда придет какой-то инвестор, начнется освоение залежей каких-то несметных богатств, в результате от налогов, от этого край и будет выживать. Какие-то дополнительные рабочие места появятся и так далее, так далее. Бывает деятельное ожидание, бывает бездеятельное. Здесь, мне кажется, именно ждали, что само придет.

Второе. Уход военных сыграл очень негативную роль. Ведь чем раньше гордился Забайкальский край? Горняками, сельскохозяйственниками и военными. Сегодня в Забайкальском крае главным человеком стал чиновник, тот, кто связан с получением всевозможных дотаций отовсюду, и безработный. Ничего страшного в этом нет, не единственная территория в России такая»².

Надо понимать, что отставание в развитии восточных регионов, особенно в транспортно-инфраструктурной области, неизбежно ведет к крайне негативным политическим, военным и геополитическим последствиям. Известное правило, когда транспортная сеть должна опережать развитие отдаленных регионов (которое подтверждалось опытом не только Римской империи, но и США и Евросоюза) имеет и обратное значение: отставание в развитии инфраструктуры и транспортной сети ведет к отколу регионов от центра. В определенном смысле это, безусловно, выгодно как основным центрам силы в Евразии – США–Евросоюзу и Китаю, – так и российским либералам.

¹ *Фадеев А.* Мы не можем передать Казахстану ракетные технологии // Известия. 2013. 22 марта. С. 9.

² *Еременко Е.* Ни одной территории больше такой нет // Коммерсант. 2013. 22 марта. С. 4.

Развитие евразийской стратегии невозможно без формирования на востоке страны самостоятельного российского центра силы. Нельзя развивать отношения со странами АТР только из Москвы. Трансграничные, межрегиональные связи реализуемы только с полноценным субъектом. Так, потенциал Владивостока должен быть хотя бы соизмерим с потенциалом Гонконга, Сингапура или Тайваня, которые опережают в своем развитии этот регион в сотни раз. Цена вопроса – очень высока.

а). Политическая недооценка роли восточных регионов России

... к 2020 году трудоспособное население страны сократится на 8–9% и составит в лучшем случае 79–80 млн человек против сегодняшних 87 млн человек¹

А. Клепач,
заместитель министра МЭР

Парадоксальность ситуация заключается в том, что при такой общероссийской тенденции, которая еще более негативна в восточных регионах страны, безработица в этих регионах увеличивается. Что хорошо видно на примере Приморского края².

«Мы – европейцы, а не азиаты», – этот рефрен В. Иноземцева прозвучавший на X Красноярском форуме в феврале 2013 года, лучше всего характеризует отношение России и евразийской интеграции вообще и развитию восточных регионов, в частности.

Парадокс развития не только современной России, но и любого государства заключается в том, что чем быстрее развивается страна (точнее, – ее сырьевые регионы), тем выше опасность ее дезинтеграции и утраты контроля над отдельными регионами. Опережающее (особенно экстенсивное) экономическое развитие некоторых регионов при отстающих инфраструктурных, особенно транспортных, составляющих, – прямая угроза территориальной целостности и суверенитету страны. Это доказал мировой исторический опыт, когда отдельные, более развитые провинции и их элиты стремились избавиться от центральной власти, которая становилась для них только излишним политическим, административным и финансовым бременем. Не случайно мудрые

¹ Башкатова А. Демография загоняет Россию в экономический тупик // Независимая газета. 2013. 1 марта. С. 4.

² Чернышев А. Сближение с Дальним // Коммерсант. 2013. 1 марта. С. 4.

римляне строили дороги. Не случайно это же делали США и Европа, создав самую плотную сеть дорог в мире. Не случайно, кстати, многие губернаторы отказались от дополнительных полномочий (связанных с обязательствами), предложенных им правительством. Получается, что более чем скромные темпы роста экономики России в 2010–2013 гг., являющиеся предметом бурных дискуссий, – положительная черта в отсутствии внятной стратегии развития восточных регионов.

То, что такой стратегии нет, подтвердила, в частности, дискуссия на очередном, десятом, Красноярском экономическом форуме, состоявшемся в феврале 2013 года. Можно выделить две ключевые идеи этой дискуссии. Во-первых, идею Д. Медведева о том, что «основная роль отводится самим регионам» и местным властям, т.е. что у федеральной власти нет намерений приоритетного развития отдельных регионов и она по-прежнему полагается на рыночные механизмы¹.

Другая идея откровенно была высказана политологом В. Иноземцевым, который порекомендовал государству «... при освоении восточных территорий сместить акценты «с гигантомании на банальную экономическую эффективность». «Не слишком эффективно поднимать Сибирь централизованным решением. Лучше оставлять больше доходов в регионе и дать возможность местным властям самим исправлять положение дел, – заявил эксперт. – Сибирь должна стать частью тихоокеанской экономики, не надо стоять с протянутой рукой перед Китаем – есть Япония и Корея, США и Канада. Мы европейцы, а не азиаты. Необходим пересмотр некоторых стратегических целей развития Сибири. Возможно, следует создать рабочую группу, которая разработает новую стратегию развития Сибири и представит ее на следующем экономическом форуме»².

Поэтому опережающее экстенсивное развитие отдельных регионов России, как ни странно, опасно и несет в себе заряд разрушительной силы по отношению к государству. Если, конечно, оно не будет сопровождаться опережающим развитием инфраструктуры и

¹ Городецкая Н., Тирмастэ М-Л. С опорой на отсутствующие ресурсы // Коммерсант. 2013. 18 февраля. С. 1–2.

² Чернявский А. На карте России – без перемен // Независимая газета. 2013. 18 февраля. С. 2.

человеческого потенциала. Соответственно из этого вытекает и вывод: экстенсивное развитие должно смениться на развитие НЧК, а его инфраструктурная составляющая в таких регионах должна развиваться опережающими темпами. Если не будут приняты немедленные масштабные меры, прежде всего, в области развития НЧП и инфраструктуры, то это неизбежно приведет сначала к самоизоляции отдельных регионов, затем их переориентации на другие центры силы, а в итоге – к отказу от европейского ядра.

Парадоксальность ситуации также заключается в том, что мировой кризис 2008–2012 годов, больше всего ударивший по России, не повлиял в целом на ее возможности экстенсивного развития. В том числе и отдельных, прежде всего, сырьевых регионов. Относительно своего крупнейшего внешнеэкономического партнера – Евросоюза – Россия с этой точки зрения выглядела даже выгоднее. «Ресурсное проклятье» оказывается не таким, уж, и проклятьем в условиях кризиса. Тем более, когда начинается оживление экономики. Но это в целом для страны. Для сырьевых регионов, к которым принадлежит вся Сибирь и Дальний Восток, зависимость от потребителей ресурсов становится катастрофичной: если цены низкие, то они переживают кризис еще хуже, чем вся страна. Если же цены начинают расти, то сырьевые регионы стремительно теряют интерес к федеральному центру.

Ситуацию может исправить ряд мер, которые требуют решения на высшем федеральном уровне. В частности можно:

- перевести штаб-квартиры сырьевых корпораций в восточные регионы;
- целевым образом развивать железнодорожную и авиационную сеть восточных регионов, а также автомобильных дорог, вокруг которых целенаправленно создавать сервисные и торговые центры;
- целенаправленно развивать НЧК на базе наиболее крупных городов, в частности, инвестировать развитие университетов, воссоздать отраслевые НИИ и т.п.;
- восстановить ОПК и сопутствующие институты, включая НИИ, КБ, а также создать новые предприятия на базе крупных и средних городов;

– сознательно стимулировать миграцию русскоязычного населения, прибывающего в Россию, обеспечив граждан льготами (как, например, в Израиле) и стимулами для переезда.

Правительственный долг и бюджетный дефицит стран ЕС, % от ВВП¹

Страна	Долг*	Дефицит**
Россия		
Греция	132,4	9,1
Италия	123,3	3,9
Португалия	111,7	4,2
Ирландия	108,5	13,1
Франция	89,2	5,2
Великобритания	86,4	8,3
Германия	81,6	1
Венгрия	79	4,3***
Кипр	74,6	6,3
Австрия	73,5	2,6
Испания	72,1	8,5
Польша	56	5,1
Финляндия	48,7	0,5

* в % от ВВП за I квартал 2012 года

** в % от ВВП за 2011 год

*** профицит

Источник: Евростат

Для России в период мирового кризиса 2008–2012 годов интеграция сопровождалась рядом негативных и позитивных явлений:

во-первых, несмотря на попытки власти оживить социально-экономическую жизнь в регионах Сибири и Дальнего Востока продолжалась депопуляция населения и деградация обрабатывающих отраслей промышленности;

во-вторых, на пространствах СНГ интеграционные процессы носили замедленный и противоречивый характер. Причем за пределами таможенного взаимодействия многие процессы имели дезинтеграционную направленность;

¹ *Сергеев М.* Загадка Антона Силуанова // Независимая газета. 2012. 1 октября. С. 4.

Несмотря на все попытки продвижения в АТР, результаты были скорее скромными, чем ожидаемыми.

С другой стороны, существующая с советских времен кооперация, личные связи и инфраструктура в условиях кризиса оказываются очень эффективными инструментами, что были вынуждены признать в конечном счете все партнеры России по СНГ.

Отдельно в этом контексте стоит вопрос о создании госкорпорации по развитию Сибири, против которой выступает премьер-министр Д. Медведев, полагая, что условия для переработки сырья во всех регионах должны быть одинаковыми. Вряд ли это правильная идея. По многим причинам, но прежде всего потому, что условия – климатические, логистические, демографические, иные – изначально будут разными.

Главное, однако, в другом: до тех пор, пока не произойдет новая индустриализация Сибири и Дальнего Востока, позиции России в Северо-Восточной, Юго-Восточной Азии и во всем быстро развивающемся АТР будут слабыми.

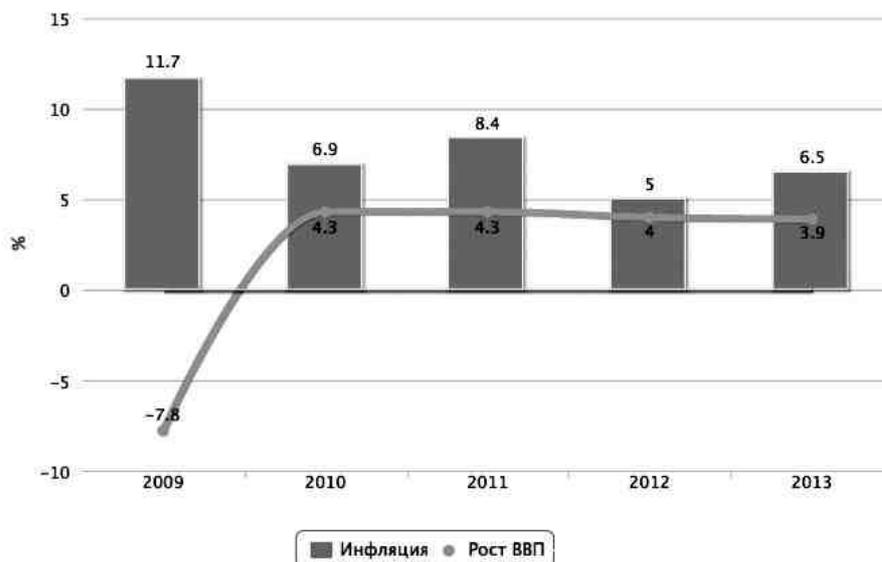
Тем более что средние темпы ее развития в ближайшие годы будут достаточно высокими, т.е. как это ни парадоксально, но чем выше будут темпы роста российской экономики, тем больше опасность откола восточных регионов. По оценкам МВФ, сделанным в августе 2012 года, перспектива экономического развития страны в целом – благоприятная¹, хотя термин «благоприятная» не вполне подходит для показателя в 3,9%. Требуемые В. Путиным и Д. Медведевым темпы роста как минимум в 5% оспариваются в конце 2012 – начале 2013 года, однако они очевидно ниже, чем необходимо для России. Тем более ее восточных регионов, где даже О. Дерипаска считает нормальным рост в 10%².

– Темпы роста в 2012 и 2013 годах составят соответственно 4 и 3,9%. В отличие от других экспертов, в МВФ не предполагают, что экономика России может серьезно замедлиться.

¹ Россия быстро растет и перегревается. 3 августа 2012 г. / Интерфакс / URL: <http://www.interfax.ru>

² Чернявский А. На карте России – без перемен // Независимая газета. 2013. 18 февраля. С. 2.

Российская экономика растет или стагнирует?

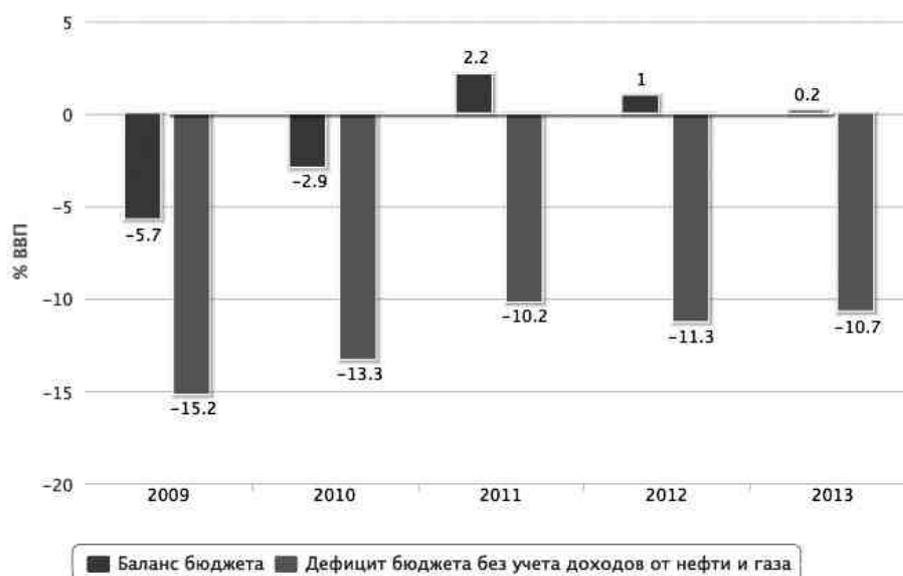

– Рост российской экономики поддержали рост реальных зарплат и рост потребления. При этом инфляция и занятость находятся на рекордно низких уровнях.

– Сейчас использование промышленных мощностей в России выросло до уровня 2007–2008 года, в отличие от западных стран, в России почти не осталось свободных производственных мощностей.

– Единственное, что беспокоит экспертов МВФ, – рост нефтегазового дефицита бюджета на 1 п.п. в 2012 году.

Дефицит нефтегазового бюджета в 2011 году сильно вырос

МВФ в очередной раз прогнозирует России «перегрев».

– Советует России, наконец, начать масштабную бюджетную консолидацию, чтобы справиться с «перегревом». В этом может помочь бюджетное правило, которое защитит бюджет от колебаний цен на нефть и позволит эффективно управлять средствами Резервного фонда.

Кроме прочего, МВФ дал российскому правительству и властям несколько конкретных советов¹.

Таким образом, согласно авторитетным международным оценкам, экономическое положение России позволяет проводить активную внешнюю и внутреннюю политику, позволяет оптимизировать бюджетные потоки без рисков возникновения дисбаланса или угроз выполнения социальных программ.

¹ Банку России эксперты фонда предложили перейти к более узкому коридору процентных ставок – до 200 б.п. Сейчас коридор составляет 225 б.п. Количество инструментов и процентных ставок Банка России также могло бы быть сокращено, чтобы упростить «операционные механизмы».

Ключевой ставкой должна стать ставка по РЕПО. В совокупности эти меры сделали бы политику ЦБ более прозрачной и понятной, а также повысили бы эффективность передачи сигналов о денежной политике регулятора.

ЦБ, в принципе, полезно было бы улучшить коммуникационную политику, например, публиковать прогнозы по инфляции, как это делают другие центральные банки.

К структурным реформам, которые необходимы России, чтобы увеличить потенциал роста, в МВФ, в первую очередь, относят пенсионную реформу. В фонде настаивают на увеличении пенсионного возраста: его необходимо уровнять для мужчин и женщин до 63 лет к 2030 году, а затем увеличить до 65 лет к 2050 году.

Если не провести пенсионную реформу, то расходы на выплату пенсий вырастут с 8% сейчас до 16% в 2050 году. Если же увеличится пенсионный возраст, то расходы не изменятся.

б). Развитие восточных регионов как локомотив экономического развития России

Сибирь и Дальний Восток –
это наш колоссальный потенциал¹

*В. Путин
Президент России*

Кроме очевидного геополитического значения необходимости опережающего развития восточных регионов – сохранения конкурентоспособности русского этноса, суверенитета страны и контроля над природными ресурсами – такое опережающее развитие имеет и огромное экономическое значение для всей страны. Оно выражается в ряде факторов, имеющих долгосрочное, стратегическое значение, а именно:

– создание комфортных транспортных коридоров между Европой и АТР неизбежно будет сопровождаться развитием инфраструктуры, новых отраслей промышленности и сервиса. По аналогии с Киевской Русью, возникшей благодаря торговле с Византией по берегам Днепра и его притоков, транспортный коридор с Запада на Восток будет формировать сеть городов, производств и услуг, неизбежно станет привлекательным для внешних инвестиций;

– развитие восточных регионов сделает Россию реальным, сопоставимым с другими странами Юго-Восточной Азии, торгово-экономическим партнером со странами АТР. Пока что такое партнерство в десятки раз меньше, чем партнерство со странами Евросоюза;

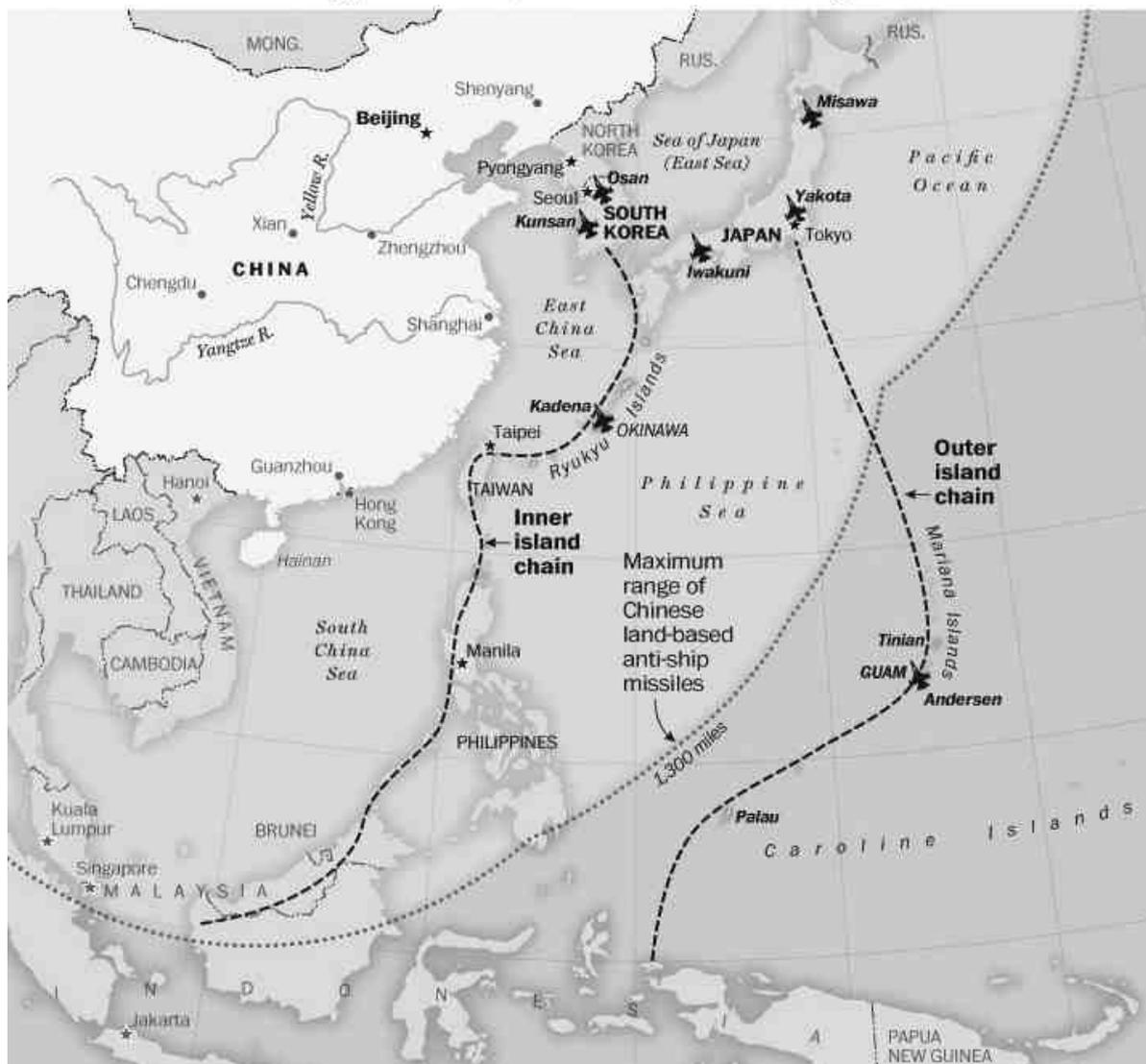
– опережающее развитие восточных регионов неизбежно сделает более конкурентоспособными экспорт сырьевых ресурсов, например, ожидаемый рост спроса на дешевый уголь, стали, минералы;

– именно развитие восточных регионов позволит стать центром евразийской интеграции, привлекая к себе внимание и инвестиции из-за рубежа.

¹ *Путин В.В.* Послание Президента РФ. 2012.12 декабря / Эл. ресурс / URL: <http://президент.рф>

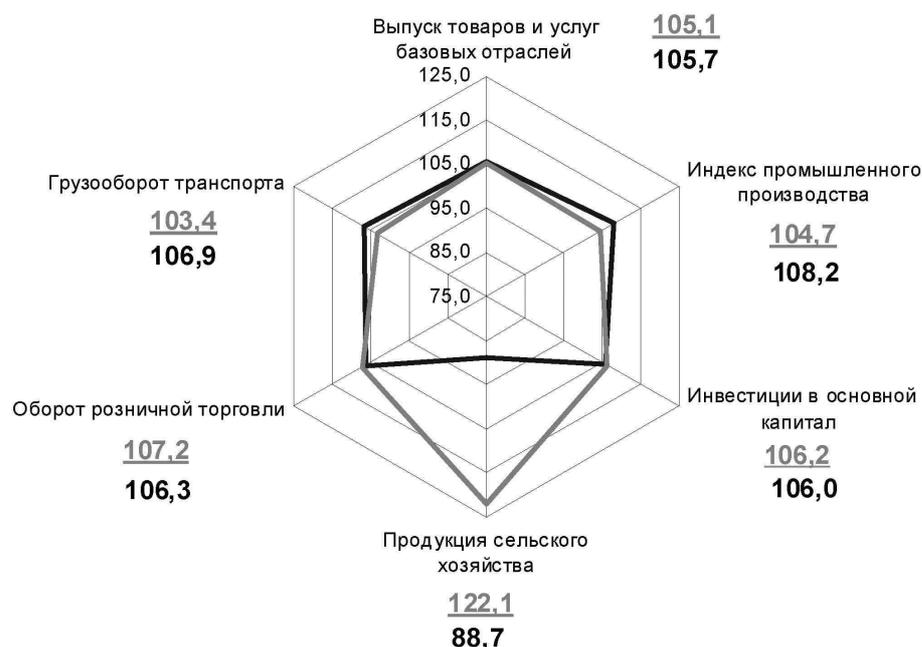
Первое стратегическое направление: опережающее развитие регионов Сибири и Дальнего Востока, где важнейшую роль должно играть развитие отношений со странами АТР.

Как Пентагон планирует воплотить в жизнь «азиатскую ось» Обамы

Помешать этому может только перехват политической и экономической инициативы Россией, подкрепленный ускоренным освоением восточных регионов и, прежде всего, созданием там высокоэффективной транспортной структуры.

**Индексы основных показателей производства товаров и услуг
в январе-декабре 2011 и в январе-декабре 2010 годов,
в % к предыдущему году**

Источник: Транспорт России. Информационно-статистический бюллетень. Январь–декабрь 2011 года. М.: Минтранс, 2012. С. 5.

Отставание в развитии инфраструктуры, транспорта и финансовых центров (корпораций) фактически сводит на нет идею евразийской интеграции в ее наиболее полном понимании. Сегодня фактически речь идет о таможенной интеграции нескольких стран при минимальном участии восточных регионов, а, главное, обрабатывающей, особенно, наукоемкой промышленности.

Второе стратегическое направление – качественное усиление активности, включая гуманитарную, военную и экономическую составляющие, России в Средней и Центральной Азии. В этих регионах, объявленных сегодня приоритетами США и Китая, стремительно развиваются негативные для России тенденции, которые через короткий промежуток времени станут необратимыми. Выход Узбекистана из ОДКБ, строительство железной дороги Китай – Киргизия – Узбекистан – только последние примеры утверждения фактора многовектрности центральноазиатской политики.

Третье стратегическое направление – реинтеграция России, Украины, Белоруссии и Молдавии, выстраивание мощного рубежа

против поглощения этих стран соседними государствами, а также сохранение их территориальной целостности.

Европейское направление – традиционно самое опасное для России. Именно с запада почти 1000 лет шли волны захватчиков, включая «европейские» вторжения крестоносцев, поляков, французов и немцев.

Таким образом, рассмотрение особенностей развития восточных регионов России в контексте евразийской интеграции подтверждает целесообразность существенного усиления внимания к потребностям опережающего развития восточного направления российской политики, особенно её финансовой составляющей.

Глава 4. Новые реалии евразийской интеграции: шесть ключевых пунктов

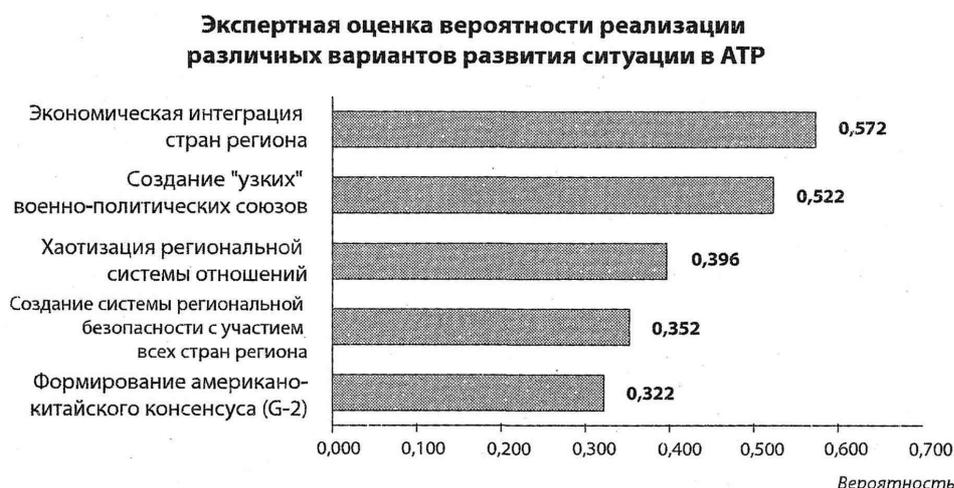
В ЕврАзЭС Россия – лидер сообщества.
Но она пока не предложила
интеграционный проект, который стал бы
фундаментом эффективного развития
многосторонних взаимовыгодных
экономических
отношений...¹

*В. Рудашевский, Д. Рыскулов,
экономисты*

Россия является геополитическим
противником США²

*М. Ромни,
кандидат в президенты США*

Учитывая, что ситуация в Евразии во многом предопределяет ситуацию в АТР и даже в мире, очень важно попытаться определить основные тренды, которые сегодня формируют будущее мироустройство. По мнению экспертов РИСИ, например, эти основные тренды таковы³:

Как видно из опроса экспертов, наиболее вероятных тенденций две. И они достаточно противоречивы. Понятно, например, что создание военно-политической коалиции в АТР будет влиять на процессы не только ВТС, но и интеграции: поставки технологий, степень зависимости от ресурсов, контроль над транспортными коридорами и морскими путями и т.д. – будут, безусловно, негативно сказываться на сотрудничестве. Вопрос в том, насколько? Насколько, например,

¹ Рудашевский, Рыскулов Д. Трансазийский коридор развития // Независимая газета. 2012. 11 сентября. С. 10.

² Блинов А. Ромни упорствует: Россия мешает Америке // Независимая газета. 2012. 12 сентября. С. 8.

³ Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества: сб. материалов. М.: РИСИ, 2011. С. 140.

противоречия КНР – США в военно-политической области скажутся на финансовой политике КНР? В частности, на их использовании ЗВР?

Так, для России совершенно новыми вызовами стало стремление США создать территориальные системы ПРО уже не только в Европе, но и на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Не может не вызвать беспокойства и тот факт, что Центральная Азия и Юго-Восточная Азия были объявлены приоритетами американской военной политики, а также стремительный рост потенциала США и их военных расходов в этих регионах Евразии. Вызывает беспокойство и то, как США выполняют ДСНВ, в том числе и применительно к сотрудничеству США со своими союзниками¹.

Ко второму десятилетию XXI века стали отчетливо просматриваться новые реалии в геополитике, в частности, в Евразии, которые стали во многом следствием не только объективных, но и субъективных процессов. Прежде всего намечающегося обострения борьбы за Евразию.

Если говорить о США, которые стали доминировать в мире и в Евразии после окончания холодной войны, то за последние 20 лет в их политике явно обозначены и публично озвучены два новых региональных приоритета – Центральная Азия и Юго-Восточная Азия.

Кроме того, эти 20 лет сопровождалась активной политикой Вашингтона в этих направлениях, которая вылилась в стремительный рост военных расходов и в формировании на этих направлениях авиационно-космических и противоракетных приоритетов военно-технической политики.

Эти и другие субъективные аспекты, безусловно, должны повлиять на корректировку внешней и военной политики России в Евразии. Нужно признать качественно новые, объективные реалии будущей конфигурации сил в мире. Суть их сводится к следующему:

¹ Гриценко О. Не оставят без ответа. 7 сентября 2012 г. / Эл. ресурс: Взгляд / URL: <http://www.yz.ru>

а). Формирование двух центров силы, претендующих на контроль в Евразии

Американо-китайская ось динамического соотношения «соперничество – сотрудничество» ... будет определяющей в развитии региональных отношений в АТР...¹

... Пекин активно использует в своих интересах растущую зависимость от него стран АТР, в том числе входящих в АСЕАН²

*П. Салин,
директор Центра Финансового
университета при Правительстве РФ*

Один из набирающих мощь центров силы формируется под эгидой США и стран Евросоюза. Другой – под эгидой КНР. Развитие КНР, с одной стороны, и Евросоюза (стремительно превращающегося не только в экономическую, но и политическую конфедерацию), с другой, приведут в среднесрочной перспективе до 2020 года к формированию двух мощных центров силы. По экономическому потенциалу каждый из этих центров может достигать 20–25% мирового ВВП, численности населения – Китай и Евросоюз будут насчитывать 1500 и 500 миллионов человек. По качеству человеческого потенциала страны Евросоюза сегодня лидируют, но к ним стремительно приближается и Китай.

У этих центров силы есть как общие, так и отличительные особенности. Так, одной такой общей особенностью является появление приоритетности Евразии в политике как США–Евросоюза, так и КНР, выход за традиционные, экономические рамки этого приоритета во внешнеполитическую и военно-политическую область. Другой общей особенностью становится тенденция формирования вокруг КНР и США–Евросоюза контуров более широких военно-политических коалиций, в которые втягиваются другие государства. Так, например, в 2013 году «Минобороны США и Японии решили составить план совместных действий по отражению гипотетического нападения КНР на контролируемые Токио острова Дяоюйдао (Сенкаку) в Восточно-Китайском море, сообщили японские СМИ.

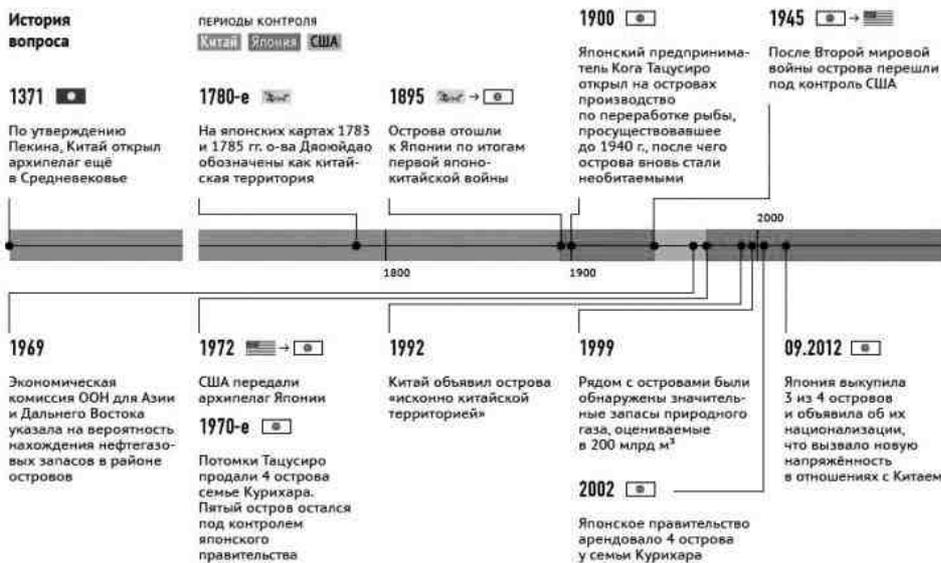
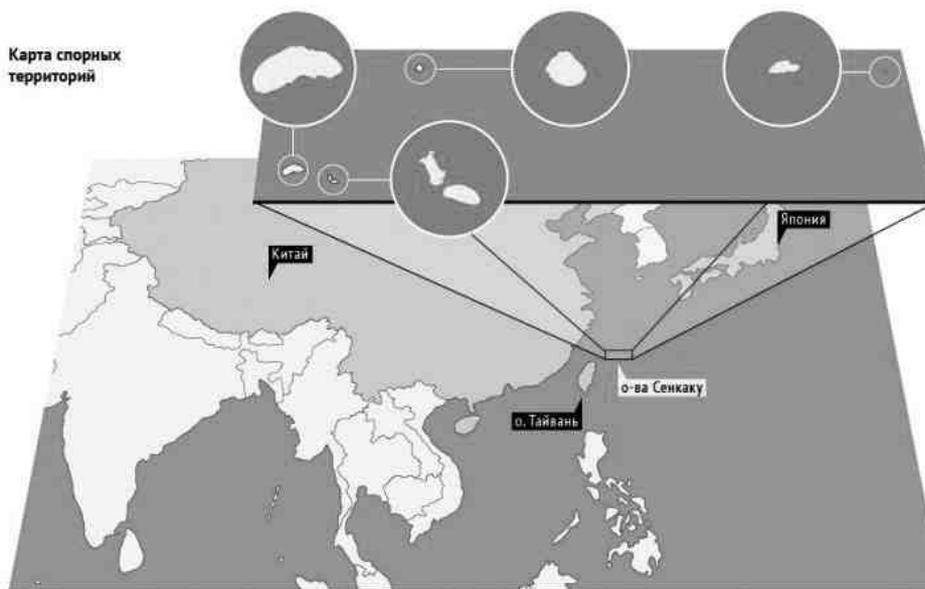
¹ Кузнецов И.И. Основные направления развития политики США в АТР на современном этапе / Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У). 2013. Февраль. С. 10.

² Салин П. Три пути России в Азию // Россия в глобальной политике. 2012. Сентябрь–октябрь. Т. 10, № 5. С. 164.

План, в частности, предусматривает разработку операции на случай высадки там китайского десанта.

Китайско-японский спор из-за островов Сенкаку

Архипелаг Сенкаку (китайское название – Дяоюйдао) является предметом территориального спора между Японией и Китаем

РИА НОВОСТИ © 2012 WWW.RIA.RU

Предполагается также определить конкретные порты, объекты, медицинские и транспортные учреждения, склады и прочее, которыми

будут пользоваться вооруженные силы США в случае конфликта вокруг Дяюйдао (Сенкаку).

Составление такого плана совместных действий призвано стать фактором сдерживания в отношении Пекина, передает ИТАР-ТАСС со ссылкой на материалы издания «Никкэй»¹.

Наконец, третьей общей особенностью является военно-политическая ориентация этих союзов на лидеров центров силы – США и КНР, – фактическую зависимость не только в области ВТС, но и в области военной политики и стратегии.

Если к этой геополитической конфигурации добавить то, что США объединены с Европой Североатлантическим договором, то окажется, что с запада и востока России будет противостоять блок НАТО, обладающий более 40% мирового ВВП, способностью использовать военную силу и абсолютным технологическим превосходством, а с востока – быстро растущий Китай. Пусть никого не обманывает что США вступают в период напряженных отношений с КНР: «платой» за сотрудничество и спокойствие может стать не только Юго-Восточная Азия, но и Россия.

В итоге быстрого развития к 2020 году эти центры силы объективно смогут проводить политику (включая военную), угрожающую интересам России и других постсоветских государств. Прежде всего с точки зрения контроля над природными ресурсами, транспортными коридорами (например, Северным морским путем) или территорией восточных регионов России. Как справедливо замечает исследователь МГИМО(У) И. Кузнецов, «Представляется, что с той и другой стороны, несмотря на явные и латентные элементы соперничества, остается незадействованным масштабный потенциал долгосрочной глубокой заинтересованности в тесном взаимодействии - практически во всех направлениях двусторонних отношений».

Не исключено и достижение неформального компромисса или согласия относительно правил поведения сторон или разделения сфер влияния в регионе, поскольку одной из особенностей внешней политики КНР является неприятие публичного обсуждения конфликтных или

¹ Япония и США создадут план защиты спорных островов от Китая / Эл. ресурс: ЦВПИ. 2013. 20 марта / URL: <http://eurasian-defence.ru>

«чувствительных» внутри общественных приоритетов и явное предпочтение прагматичных решений, принимаемых только в конфиденциальном формате. В свою очередь, в политической культуре США доминирует «публичная» внешняя политика и дипломатия, затрудняющая двусторонний диалог с КНР.

Следует особо отметить, что американо-китайская ось конфликтно-кооперационных отношений во многом будет определять структуру, динамику и перспективы развития региональных отношений в АТР на длительную перспективу¹.

Таким образом, на современном этапе формирование двух центров силы, претендующих на контроль в Евразии, можно считать состоявшимся фактом.

¹ Кузнецов И.И. Основные направления развития политики США в АТР на современном этапе / Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У), 2013. Февраль. С. 10.

б). Необходимость формирования третьего центра силы и влияния в Евразии

Что касается ... варианта – образования самостоятельного центра влияния в АТР – то он явно выглядит нереальным¹

*П. Салин,
директор Центра Финансового
университета при Правительстве РФ*

Значение идеи евразийской интеграции обусловлено объективной политической предпосылкой необходимости создания третьего центра силы и влияния, способным стать противовесом двум уже существующим возглавляемым с США и Китаем. Такой центр силы мог бы помешать договоренностям между двумя уже существующими за счет третьих стран. В противном случае у десятков евразийских государств не остается выбора, кроме того, чтобы (на разных условиях) быть втянутыми в процессы концентрации вокруг этих центров силы и оказаться в условиях очередной деполярированной системы

Говоря о евразийской интеграции, следует иметь прежде всего политические интересы и интересы безопасности государств. Так, М. Ремизов ссылаясь на историю, отмечает: «... экономически неподготовленное объединение Германии себя полностью оправдало. Просто у ФРГ были достаточно сильные исторические мотивы для того, чтобы идти на риски экономической разбалансировки и разбалансировки институтов»².

А это означает, что реалистичность идеи создания третьего центра силы в Евразии во многом зависит от имеющихся объективных политических и военных предпосылок и условий. И, конечно же, от инициативы и воли политического руководства России, его способности проводить активную политику в Евразии.

Пока что за пределами влияния (или при относительно слабом влиянии) КНР и США находятся многие, в т.ч. достаточно крупные

¹ Салин П. Три пути России в Азию // Россия в глобальной политике. 2012. Сентябрь–октябрь. Т. 10, № 5. С. 166.

² Ремизов М. Региональная интеграция: мотивы и риски // Независимая газета. 2013. 18 июня. С. 9.

государства. Ряд из них, например, Иран, КНДР, Индия вполне суверенны в своем внешнеполитическом выборе. Некоторые – тяготеют к России, а некоторые пока еще исповедуют «разновекторность» и «равноудаленность».

Павел Салин категорически отрицает саму возможность создания Россией самостоятельного центра силы по экономическим и военным мотивам. По экономическим причинам, по его мнению, «Россия не только несопоставима с Китаем, но и уступает многим другим странам, например, Индии и даже Индонезии». «С военной точки зрения присутствие Москвы в АТР ничтожно, даже меньше, чем экономическое»¹. Он, правда, признает, что «есть шанс» стать самостоятельным центром силы в Центральной Азии, при этом «можно оказывать влияние на баланс сил в АТР»².

У этой проблемы есть и другая сторона, также тесно связанная с внешнеполитической ситуацией и вопросами безопасности, а именно: если Россия не будет становиться субъектом влияния в Евразии, то она неизбежно станет объектом влияния конкурирующих сил. В том числе не только в ее восточных, но и центральных регионах.

«...Военные эксперты в один голос заявляют, что афганские террористические группировки большей частью пополняются молодыми людьми из Таджикистана, Узбекистана и Киргизии. Потом этих же людей спецслужбы выявляют как лидеров организации исламских экстремистов в Петербурге, в других крупных городах России. В общем, нужно и впрямь основательно готовиться к войне на своей территории»³.

Иными словами, у России выбора нет – либо расширение (как в XIX–XX века) своего влияния, либо сдача позиций.

Вместе с тем он полагает, что в отсутствии четкой стратегии на континенте используется «тактика качелей» – балансировки между США и КНР, – справедливо признавая, что такая тактика частично соответствует интересам США, а частично – Китая.

¹ Салин П. Три пути России в Азию // Россия в глобальной политике. 2012. Сентябрь–октябрь. Т. 10, № 5. С. 166.

² Там же.

³ Россия готовится к войне на своей территории // Независимая газета. 2013. 27 июня. С. 2.

Вопрос объединения экономических, человеческих и природных ресурсов евразийских государств становится для них ключевым вопросом уже не только обеспечения безопасности, но и выживания. Только объединив все ресурсы, они смогут обеспечить свой суверенитет и защиту национальных интересов, создав третий, независимый центр силы, который, возможно, и имел в виду В. Путин в своей известной статье.

Важно напомнить, что консолидация и мобилизация всех ресурсов – обязательное условие готовности государства отразить агрессию. И чем скорее, быстрее, раньше и эффективнее она проводится, тем больше шансов выстоять в начальный период вероятного конфликта.

Надо признать, что все постсоветские государства, даже объединив полностью свои ресурсы, могут стать только количественно сопоставимыми американским и китайским центрами силы.

Но по качественным параметрам – прежде всего НЧП и уровню технологического развития – такое сопоставление будет отсутствовать. Достижение ситуации, когда эти потенциалы могут стать сопоставимыми (не равными, но сравнимыми, однопорядковыми), – и есть задача евразийской интеграции. В этом смысле данный проект – мобилизационный, ориентированный на опережающее развитие НЧП и технологий евразийских государств.

в). Возможность равноправного сотрудничества в Евразии

Евразийская интеграция – абсолютно современное начинание, «отвечающее реалиям и духу XXI века, тенденциям укрепления регионального уровня глобального управления...¹

*С. Лавров,
министр иностранных дел России*

Возможность равноправного сотрудничества в Евразии сохраняется, несмотря на складывание двух доминирующих центров силы на континенте. Она вытекает из трех основных предпосылок:

Первая. Создания самостоятельного и сопоставимого центра силы во главе с Россией, способного сконцентрировать ресурсы тех стран, которые не входят ни в один из двух центров силы и заинтересованы в сохранении независимости, суверенитета и территориальной целостности в Евразии.

Вторая. Противоречиях, которые неизбежно будут сохраняться и накапливаться в отношениях между государствами, находящимися под влиянием одного из двух ведущих центров силы в Евразии.

Третья. Необходимость сотрудничества между самыми различными странами для решения общих – глобальных и региональных – проблем. Так, например, распространение ядерного оружия в Евразии, в т.ч. в странах, не входящих в орбиту влияния ни одного из существующих центров силы, объективно требует согласования интересов на континенте. Сегодня это актуальная проблема применительно к КНДР и Ирану, хотя в действительности она становится актуальной для всех стран континента².

¹ Лавров С.В. Евразийский интеграционный проект: устремленность в будущее / Евразийская интеграция в XXI веке / Ред. группа: А.А. Климов, В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. М.: ЛЕНАНД, 2012. С. 27.

² Мнение из Лондона: американское и российское ядерное оружие / Эл. ресурс: «ИноСМИ». 2013. 18 февраля / URL: <http://www.inosmi.ru>

Другой пример, ставший особенно актуальным после падения метеорита под Челябинском, – совместная защита от космической угрозы – метеоритов и космического мусора. В США подобная программа контроля над всеми крупными метеоритами (более 1 км) была начата в 1998 году и через 10 лет успешно завершена¹. Эти программы стоят миллиарды долларов, в которых могут быть заинтересованы другие государства.

Существует великое множество глобальных и региональных экономических, политических и военных программ, способных интегрировать усилия всех или большинства евразийских государств. И численность, и актуальность таких программ очевидно будет только возрастать.

Третье. Развитие сотрудничества с Китаем и АТР, а также с Евросоюзом, расширение интеграционных процессов возможно только в том случае, когда евразийские страны станут равноправным субъектом отношений. Или, хотя бы, стороной для таких отношений, способной играть свою самостоятельную роль в отношениях НАТО (Евросоюз) и

¹ *Евстифеев Д.* Ученые просят 58 млрд рублей на отражение космических угроз // Известия. 2013. 18 февраля. С. 8.

КНР (АТР). В противном случае страны АТР (прежде всего Китай) и НАТО (Евросоюза) могут претендовать и добиваться от евразийских стран неоправданных уступок, включая таких, которые ограничивают их суверенитет на территорию и природные ресурсы. «Мост» между двумя центрами силы будет существовать до тех пор, пока он полезен этим двум центрам силы и может претендовать на самостоятельную роль. В этом случае сотрудничество в Евразии приобретает многостороннюю конструкцию, где роль сторон играют не только США и их союзники на западе и востоке азиатского континента, с одной стороны, но и Китай, Индия, страны Юго-Восточной и Центральной Азии, с другой.

И, наоборот, если «мост» слабый, не способный обеспечить транспортные коридоры, использование природных ресурсов и перевозку грузов, то такой мост становится ненужным. Его заменяют другой, наднациональной структурой. История не раз демонстрировала, что субъекты международных отношений существуют до тех пор, пока они способны обеспечить суверенитет.

г). **Возможность сохранения военного равновесия между тремя центрами силы в Евразии**

В последние 20 лет Соединенные Штаты пользовались бесспорным конкурентным преимуществом в производстве и экспорте современного обычного вооружения¹

*Дж. Каверли, Э. Кэпштейн,
исследователи из США*

По всей вероятности политика ядерного сдерживания, которая лежала в основе военно-политических отношений в последние 50 лет, уходит в прошлое. «Виной» этому становится появление и массовое производство неядерных вооружений, прежде всего ВТО, которые способны выполнять в том числе и стратегические функции, а также создание систем ВКО, способных уничтожать любые типы средств доставки – от МБР и БРПЛ до КР всех типов базирования. Если эти тенденции будут продолжены, то уже через 10–12 лет ядерное оружие перестанет играть свою главную роль ядерного сдерживания.

Соответственно, по мере развития таких тенденций усиливается значение неядерного оружия, прежде всего качественно новых систем ВТО, появляются новые концепции их использования, растут масштабы их производства. Это означает, что в сложном уравнении, определявшим соотношение военных сил в последние десятилетия, именно технологически совершенные неядерные вооружения станут играть ведущую военную и политическую роль. Это можно проиллюстрировать на примере появления и массового применения ударных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), поступивших на вооружение США в 1995 (MQ-1 Predator «Хищник») году и который впервые был использован в Йемене против руководителя «Аль-Каиды» 5 ноября 2002 года. С тех пор они стали применяться в 10 раз чаще: если Буш задействовал БПЛА 45 раз, то Обама – уже 350 раз к 2013 году².

¹ Каверли Дж., Кэпштейн Э. Без оружия // Россия в глобальной политике. 2012. Сентябрь–октябрь. Т.10. № 5. С. 172.

² Аронов Е., Абарин В. Закон беспилотника / Эл. ресурс: «Свобода». 2013. Март / URL: <http://www.svoboda.org>

С точки зрения процессов формирования новых центров силы в Евразии, замещение ядерного оружия новыми системами ВТО будет означать, что **четвертое**, после 2020 года ни Россия, ни одно из евразийских государств по отдельности не смогут претендовать на военно-политическое равновесие с Китаем, с одной стороны или странами Евросоюза и НАТО, с другой. Разница в НЧП и военно-технической области будет очевидно не в их пользу, а ядерное оружие уже не сможет компенсировать такой разницы в соотношении сил.

Сегодня Россия и другие постсоветские государства занимают очень скромное место в мире по важнейшим показателям развития НЧП - продолжительности жизни, уровню душевого ВВП, расходам на образование, науку, культуру и здравоохранение. По данным ЦРУ, например, по доле расходов на здравоохранение в ВВП Россия занимала в 2011 году 130 место в мире, Казахстан – 152, Киргизия – 158. По такому же показателю в образовании Россия занимает 108 место, Беларусь – 84, Казахстан – 138. По ожидаемой продолжительности жизни – Россия – 163-е место, Казахстан – 150, Украина – 153 и т.д.¹

Эти качественные характеристики, вкупе с мягко говоря скромными количественными показателями – численностью населения, ВВП стран, ЗВР, военно-техническим потенциалом – свидетельствуют о том, что сохранить контроль над огромной территорией Евразии в XXI веке (а, значит, и суверенитет) можно только в том случае, если произойдет объединение ресурсов и быстрое развитие этих государств, темпы которого будут значительно опережать среднемировые.

В настоящее время есть условия для такого объединения ресурсов:

- географические;
- геополитические;
- исторические;
- культурные;
- логические;
- военные.

¹ CIA – The World Factbook / URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/rs.html>

Так, 10 февраля 1995 г. была принята Концепция коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности, а также Декларация государств-участников Договора о коллективной безопасности. Концепция была первым документом, в котором сделана попытка унификации взглядов государств ОДКБ в военно-политической сфере в рамках единой системы коллективной безопасности. В преамбуле Концепции говорится, что она «представляет собой совокупность взглядов государств-участников Договора о коллективной безопасности (далее – государства-участники) на предотвращение и устранение угрозы миру, совместную защиту от агрессии, обеспечение их суверенитета и территориальной целостности». Концепция состоит из трех небольших разделов. Первый посвящен основам военной политики государств-участников. В нем, в частности, говорится, что страны будут проводить согласованную политику в области безопасности в отношении других государств-участников СНГ, в отношении НАТО и других военно-политических организаций. Далее перечисляются основные источники военной опасности государств-участников, факторы, способные привести к перерастанию военной опасности в непосредственную военную угрозу, и, что важно, приоритетные направления в совместной деятельности по предотвращению военной угрозы. Минусом концепции является то, что она «перечисляет все источники возможной внешней угрозы, но также ничего не говорит об угрозе конфликтов между участниками и о реальных мерах в угрожающей ситуации».

Интересен пункт, где говорится, что «Стратегические ядерные силы Российской Федерации выполняют функцию сдерживания от возможных попыток осуществления агрессивных намерений против государств-участников в соответствии с военной доктриной Российской Федерации». Тем самым Россия, по сути, предоставляет «ядерный зонтик» для своих союзников по ОДКБ. Однако в реальности маловероятен сценарий, когда Россия в интересах своих союзников будет угрожать другим странам ядерным оружием. Для неосуществления этого имеется ссылка на военную доктрину»¹.

¹ Бабаджанов А.Я. Военно-политическое постсоветских государств: проблема сочетаемости национальных подходов. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 78–79.

Важно добавить, что внешние условия для такого объединения (интеграции) и опережающего развития не будут благоприятными. США и Евросоюз после 2001 года активно продвигают свои интересы в Центральной Азии и АТР и им объективно не выгодно иметь перед собой одну сильную сторону, с которой необходимо договариваться. Вот почему инициатива В. Путина об ускорении интеграции была встречена очень холодно на Западе. И не случайно уже в июне 2012 года Узбекистан заявил о выходе из ОДКБ.

Но и Китай не испытывает симпатий по отношению к процессу евразийской интеграции. Как отмечает эксперт МГИМО(У) А. Казанцев, «В ближайшей и среднесрочной перспективе (до 3–5 лет) ключевое влияние на политические процессы в Средней Азии, кроме России, будут оказывать США и Китай. Именно последние два государства и будут основными конкурентами в борьбе за влияние в регионе, что соответствует ключевым глобальным тенденциям. Структура интересов ключевых держав в регионе будет достаточно сложной, а противоречия и «мягкое противостояние» будут возникать даже между ближайшими партнерами (например, Россией и Китаем), делая неизбежной политику гибких альянсов.

Для Китая Средняя Азия была и остается стратегическим «тылом» по многим позициям – безопасности, энергетике, противодействия Западу (США и НАТО), созданию новых рынков сбыта и источников сырья, транзитным «коридором». Однако этот «тыловой регион» глубоко вторичен для китайцев по сравнению с их океанической, глобальной политикой (инвестиции с Запада, доступ к ресурсам по всему миру). Он связан с развитием отсталых районов самого Китая, особенно, Синьцзяна. В то же время передовые приморские районы связаны с океанической политикой.

В этом плане среднеазиатское измерение взаимодействия РФ и КНР не является главным для обеих стран. Тем не менее, в нем складывается основа для объективного «мягкого противостояния», которое, разумеется, не вытеснит партнерство, но будет модифицировать его по темпам и объему.

Общий объем осваиваемых китайских инвестиций в странах Средней Азии, по разным данным, на 2011 г. составил около 17 млрд долл.

Российские инвестиции в регион незначительны на фоне китайских вложений.

В настоящее время просматривается четкая тенденция к доминированию Китая в торговле Средней Азии. Современный товарооборот Китая со странами региона превышает 20 млрд долл. (большая его часть приходится на Казахстан). По мере увеличения импорта туркменского газа роль Казахстана будет уменьшаться. Во второй половине текущего десятилетия по оптимистическим прогнозам импорт газа из Казахстана и Туркменистана может быть в диапазоне 80–100 млрд кубометров в год. Сотрудничество в торговле энергоресурсами с таким стабильным «оптовиком» – импортером, как Китай, способствует устойчивости коммерческих связей государств Средней Азии на трансрегиональном уровне, а также росту их добывающего комплекса. Помимо углеводородного сырья. Китай импортирует из Средней Азии хлопок и другие продукты для дальнейшей переработки.

В свою очередь. Средняя Азия является емким рынком для китайских товаров народного потребления, а также инженерного и промышленного оборудования, строительной и дорожной техники. Развитие экономических связей с Средней Азией стало важной составной частью китайской политики развития СУАР. В то же время идет абсолютное сокращение торговли между РФ и регионом, хотя со всеми странами Средней Азии Россия сохраняет положительное сальдо во внешней торговле. Экспорт из России промышленной продукции постоянно сокращается, замещаясь китайской.

Идея создания Евразийского союза, изложенная ещё российским премьером Владимиром Путиным, поддержанная президентами Казахстана Нурсултаном Назарбаевым и Белоруссии Александром Лукашенко, воспринятая в Пекине внешне спокойно, на самом деле, как отмечают авторитетные эксперты, вызвала серьезное беспокойство Китая, особенно в плане перспектив реализации китайской модели создания зоны свободной торговли в рамках проекта ШОС. Как известно, в 2004 г. китайская версия создания такой зоны была отклонена среднеазиатскими государствами-членами ШОС и Россией. Сегодня в Китае готовится новый вариант проекта, и планы Владимира Путина по евразийской интеграции объективно не

стыкуются с китайскими стратегиями региональной интеграции Средней Азии»¹.

¹ Казанцев А. Интеграция Путина не стыкуется с китайской стратегией в Средней Азии / Портал МГИМО(У). 13 июля 2012 г. / URL: <http://www.mgimo.ru>

д). Востребованность конкурентоспособной евразийской идеологии

Он (В. Путин) ожидает, что РФ сможет стать мировым лидером экономического и политического развития, если только будет на равных конкурировать между Европой и Азией¹

*А. Шкуренко,
эксперт CiceroGroup*

Политическое и экономическое лидерство всегда основывается на идеологическом лидерстве, привлекательности системы ценностей, образа жизни, традиции и культуры. Сегодня эта прописная истина, почему-то игнорируется не только либеральной частью российской элиты, которая под предлогом «деидеологизации протаскивает более 20 лет либеральную идеологию (а вернее. группу вульгаризированных вариантов), но и государственниками. Станным образом игнорируется даже собственная история, когда, например, в «Смутное время» начала XVII века, когда развалился система государственного управления, враждовали между собой все группы элиты и классы, только понимание национальной и религиозной общности (по Ключевскому В.О.) спасло Россию.

И сегодня, как справедливо пишет А. Неклесса, «России критически необходима яркая социокультурная гравитация – столь востребованная в новых условиях, особенно при наличии рассредоточенного, многоэтничного, дисперсного общества. Если такой гравитации – энергии культуры – нет, фрагменты несостоявшейся, распадающейся общности рассеиваются в человеческой вселенной или оказываются молекулами иных, могучих организмов. России не нужно определять, Европа она или Азия, Евразия или Азиопа. Она ни то, ни другое. Россия – это Россия, или, как выразился некогда издатель «Отечественных записок» Андрей Краевский (а до него – по апокрифическим пересказам – Петр I): «Россия – это часть света»².

Чтобы претендовать на роль лидера самостоятельного центра силы в Евразии, России необходимо (как США и КНР) предложить свою новую

¹ Шкуренко А.В. Плоды евразийской интеграции и их восприятие политическими кругами и обществом / Евразийская интеграция в XXI веке / ред. группа: А.А. Климов, В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. М.: ЛЕНАНД, 2012. С. 273.

² Неклесса А.И. Преодоление Евразии // Независимая газета. 2013. 20 марта. С. 5.

евразийскую идеологию в качестве альтернативной и конкурентоспособной европейской, исламской и китайской идеологии, из которой следовали бы и новые модели экономического и социального развития, также конкурентоспособные и привлекательные. Следует понимать, что в мире обостряется, а не ослабевает борьба за идеологическое лидерство, от которой пытается дистанцироваться российская правящая элита.

С одной стороны, существует бескомпромиссная позиция навязывания либеральных (или иных) ценностей, но, с другой, звучат и разумные голоса. Заявляющие о том, что мир не может быть одной цивилизацией и необходимы межкультурный диалог и партнерство.

Таким образом, евразийская идея и евразийская политика это не только геополитика в традиционном ее понимании как доминирование в регионе, это еще и борьба за **национальную систему ценностей**, которая фактически стала неотъемлемой частью борьбы за суверенитет и защиту национальных интересов в Евразии.

Формирующиеся глобальные центры силы – НАТО / Евросоюз, Китай, Индия – обладают характерными культурно-цивилизационными характеристиками. По сути дела такие центры силы – цивилизации, обладающие своей системой ценностей, историей, культурой, духовностью и иной национальной спецификой. При всем значении глобализации взаимопроникновения ни один из этих центров силы не откажется от этих качеств, более того, всячески будет их продвигать, даже навязывать другим центрам силы. Сегодня это активно делают США и менее заметно Китай, но в недавнем будущем подобная активность, безусловно, будет усиливаться.

Россия стоит перед очевидным выбором: либо стать мощным идеологическим и цивилизационным центром силы (что и было характерно для всей ее истории последнего тысячелетия), как и экономическим, социальным, либо, потеряв идентичность, интегрироваться в один из других глобальных центров силы, точнее, – **быть поделенной** с точки зрения национальной идентичности между европейским, исламским, китайским и индийскими цивилизациями.

е). Создание новых институтов сотрудничества в Евразии

Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»¹

*В. Путин,
Президент России*

Существующие институты, ориентированные на евразийскую интеграцию, не способны решить поставленной задачи. Пока что можно говорить только о позитивном опыте Таможенного союза и, отчасти, ЕврАзЭС. Очевидный пример ОДКБ. Как справедливо заметил В. Мухин, «... За все постсоветское время ОДКБ ни разу не участвовала в какой-либо коллективной обороне, разрешении того или иного конфликта на территории бывшего СССР. Хотя страны ОДКБ подвергались агрессии – как внутренней, так и внешней. Можно вспомнить атаки исламистов на Узбекистан с афганской территории, внутренние конфликты в Киргизии и Таджикистане и т.д. Но коллективной обороны не было ни разу. ОДКБ существовала и по сей день существует, по сути, только виртуально. Проводятся военные учения, работает Объединенный штаб, принимаются какие-то документы. И это все»².

Эксперты МГИМО(У) полагают, что международный опыт интеграционного сотрудничества достаточно богат и разнообразен³. Согласно данным ВТО, в мире на сегодняшний день действует около 200 региональных группировок с различным уровнем развития интеграционных связей в области экономики. Наиболее результативными интеграционными проектами признаются: Европейский союз (ЕС),

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 октября.

² Мухин В. Коллективная оборона умирает, не родившись // Независимая газета. 2012. 2 июля. С. 1–2.

³ Оценка перспектив и экономического эффекта от интеграционного сотрудничества в рамках Таможенного союза (ТС) ЕврАзЭС и единого экономического пространства (ЕЭП) России, Белоруссии и Казахстана, в том числе с учетом зарубежного опыта в этой сфере и возможного присоединения новых государств-участников к ТС и ЕЭП / Отчет НИР / ответ. рук. работы проф. К.П. Боришполец. М.: МГИМО(У), 2011.

Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Общий рынок стран Южного конуса (МЕРКОСУР) и Андское сообщество наций (АСНУ).

Место крупнейших региональных объединений в мировой экономике¹

	Доля в мировом экспорте, %	Доля в мировом ВВП (по паритету покупательной способности), %	Взаимный экспорт, %	Население, млн чел.
АСЕАН (1967)	6	4	25	591
НАФТА (1988)	21	24	51	445
МЕРКОСУР (1991)	1,8	4	14	273
Андское сообщество наций (1969)	0,6	1	8	111
ЕС – 27 (еврозона 12) (1957)	38	21	68	499
Таможенный союз (2007)	3	3	12,5	167

При этом все региональные группировки находятся на различной стадии сближения хозяйственных систем, а общепризнанные модельные типы объединительных тенденций – Зона свободной торговли (ЗСТ), Таможенный союз (ТС), Единый рынок (ЕР) и Экономический и валютный союз (ЭВС) лишь условно соотносятся с политической практикой.

Необходимо подчеркнуть, что существующие зоны свободной торговли являются неполными, согласование общего таможенного тарифа не касается наиболее чувствительных групп товаров, а Валютный союз в рамках ЕС распространяется только на 12 из 27 стран-членов. Вместе с тем, в рассматриваемых форматах ЗСТ и ТС присутствуют элементы общего рынка.

Например, в Андском сообществе действует общий паспорт, отменен визовый режим внутри блока, существуют минимальные ограничения перемещения рабочей силы на рынке труда. Условной является и стадийность характера развития интеграции. Так, в Европейском союзе нет выделяемого этапа ЗСТ, так как страны сразу приступили в

¹ World economy outlook 2010 / URL: <http://www.wto.org>, www.imf.org

реализации Таможенного союза. Сотрудничество в рамках НАФТА не ставит целью развитие единого экономического пространства.

При этом после 1991 г. прослеживается четкая тенденция независимо от создания перехода к формализации различных региональных блоков экономической интеграции, начинающихся созданием ЗСТ. Опыт ЕС востребован, но не всегда совпадает с практикой нового типа. Это связано в первую очередь с глобальной тенденцией к росту экономической взаимозависимости, развитию региональных взаимосвязей и необходимостью сотрудничества для определения самостоятельного места в мировом разделении труда. Всплеск регионализации стал прежде всего ответом на развитие глобализации. Примечательно, что на постсоветском пространстве в этот период развитие процессов носит противоположный характер». Другими словами, процессы дезинтеграции на пространстве бывшего СССР противоречили объективным мировым тенденциям и потребностям постсоветских государств. Правящие элиты этих стран действовали в ущерб своим национальным интересам, видимо, из-за своих узкоэгоистических соображений.

И, наоборот, активизация интеграции между Россией, Белоруссией, Казахстаном и, возможно, Арменией, Киргизией, Таджикистаном, как, впрочем и интеграционных процессов на пространстве СНГ, – классический пример экономической интеграции отдельных регионов, характерный для всех континентов планеты.

Глава 5. Становление евразийской стратегии России

Растет совокупная мощь КНР, включая
возможность проекции силы
в различных регионах¹

*В. Путин,
Президент России*

После Второй мировой войны Япония
научилась разрабатывать собственную
стратегию²

*Н. Хаябуса,
японский публицист*

Следует проводить грань между повседневной политикой страны и ее внешнеполитической стратегией, в которой внятно и даже жестко сформулированы приоритеты и средства реализации поставленной цели. Например, для США и Евросоюза такой стратегической целью по отношению к России является противодействие интеграции на постсоветском пространстве, в особенности, если речь идет об интеграции ключевых стран – Украины, Белоруссии и Казахстана. Это означает, что любые шаги должны соизмеряться с такой целью. Так, на очередном 16-м саммите Украины – ЕС в качестве главного условия подписания соглашения между Украиной и Евросоюзом президент Еврокомиссии Ж. Баррозу назвал «отказ от любых форм интеграции Украины на постсоветском пространстве»³. Кстати, когда симметричное требование выдвигает Россия, – это вызывает бурю негативных эмоций у украинских политиков и СМИ.

Более того, если рассматривать вопрос шире – с точки зрения обеспечения безопасности в Евразии и АТР, – то нельзя не заметить две явные тенденции, проявившиеся в последние десятилетия:

- расширение зоны ответственности НАТО на Евразию и даже АТР;
- усиление наступательного, военно-силового потенциала США и НАТО.

Обращает на себя внимание опрос, проведенный Атлантическим советом, в ходе которого определенные «западными аналитиками приоритетные цели Североатлантического союза, включающие помимо коллективной обороны еще и задачи по проведению операций вне

¹ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Коммерсант. 2012. 27 февраля. С. 2.

² Хаябуса Н. Дальнейший ход развития Северо-Восточной Азии. Роль России и Японии / Сотрудничество и соперничество в Евразии / под ред. А.В. Лукина. М.: МГИМО(У), 2010. С. 31.

³ Духман П. Киев загнали на задворки Европы // Российская газета. 2013. 27 февраля. С. 8.

традиционной зоны ответственности Альянса и осуществлению «глобального миротворчества» (соответственно, 37% и 24%), действительно очень близки к отмечаемой российскими экспертами тенденции придания структурами НАТО военного измерения решению современных проблем безопасности. В этой связи интересно отметить, что 90% американских экспертов считают, что НАТО следует развивать не только оборонительный, но и наступательный потенциал в сфере кибербезопасности»¹.

Говоря о евразийской стратегии России, некоторые российские эксперты справедливо отмечают, что проблема власти «в отсутствии четкого понимания политического курса страны»². С этим трудно не согласиться, хотя недостатка в стратегических документах, в частности, Стратегии национальной безопасности России до 2020 года или новой Концепции внешней политики Российской Федерации и др. вроде бы нет. В частности, в новой редакции Концепции внешней политики России, утвержденной Президентом РФ 12 февраля 2013 года, справедливо отмечается необходимость «своевременной прогнозной оценки приоритетности» каждого из направления внешнеполитической деятельности, однако собственно приоритетность евразийской интеграции относится к пункту № 34 «ж», где говорится о «закреплении статуса ... ключевого транзитного направления по обеспечению торгово-экономических связей между Европой и АТР»³. Другими словами, фактически евразийские транспортные коридоры, имеющие не только экономическое, но политическое и военное значение, рассматривается в Концепции только как «ключевые транспортные направления».

Приоритетность евразийской интеграции в Концепции не связывается по сути дела с переговорами США по ограничению ядерных вооружений и систем ПРО, на что эксперт А. Полунин справедливо замечает: «При этом, сами Штаты от ядерного оружия практически не

¹ *Абаев Л., Ермаков С. Диалог РФ-НАТО: оценки экспертов / Национальная оборона. 2012. Июль. № 7 (76). С. 5.*

² *Самарина А., Родин И. Стоп-кран для Белого дома // Независимая газета. 2012. 27 сентября. С. 1.*

³ *Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. / URL: <http://mid.ru>*

зависят – со своим высокоточным оружием глобального радиуса действия и будущей мощной ПРО. Сердюков со своим гаремом вынес из российской армии практически все ценное, остался только ядерный фактор. Едва он исчезнет – с подачи Вашингтона – исчезнет и влияние России в Евразии. А значит, США смогут без проблем приступить к давно задуманной разборке с Китаем в борьбе за мировое господство»¹.

Можно констатировать, таким образом, что формирование евразийской стратегии, охватывающей не только торгово-экономические аспекты, еще только начинается. В том числе и в области безопасности, прежде всего, военной. Однако ясность необходима уже сегодня, например, для того, чтобы учесть эти аспекты при создании системы стратегического планирования в военной сфере, которую Президент РФ поручил МО страны «завершить в полном объеме»².

Таким образом, можно констатировать, что широко декларируемая политиками ряда стран СНГ евразийская интеграция, пока что не имеет не только ясной и согласованной стратегии, но даже четкой концепции, ограничиваясь таможенно-экономическим сотрудничеством. Активность в других областях – информационной, противовоздушной и иной деятельности – пока что характеризуется как скромная, скорее, декларативная, чем практическая. Это вызвано тем, что у самих правящих элит нет пока что ясного представления о том, чего они хотят и к чему идут. Однако затягивать разработку практических начал евразийской стратегии было бы не рационально.

¹ Полунин А. Россия теряет ядерный щит / Эл. ресурс: «Свободная пресса». 2013. 1 февраля / <http://svpressa.ru>

² Путин В.В. Расширенная коллегия министерства обороны / Эл. ресурс: «Официальный сайт «Президент России». 2013. 27 февраля / URL: <http://президент.рф>

а). Стратегические цели евразийской интеграции

42. Приоритетными направлениями российской внешней политики являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ...

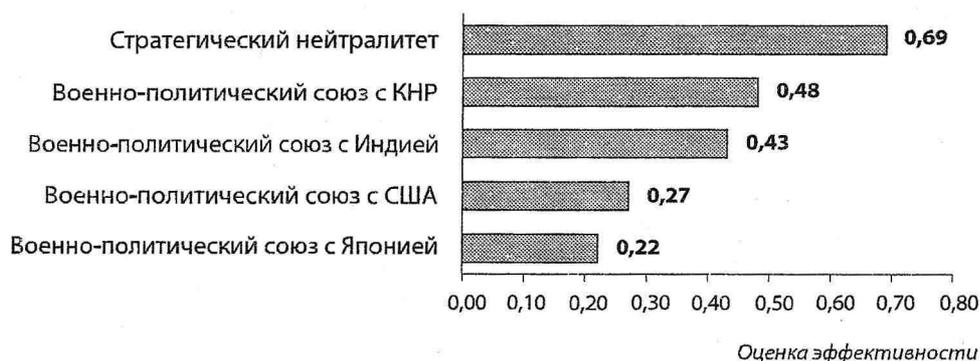
Строящийся на универсальных интеграционных принципах новый союз (Евразийский экономический союз – *авт.*) призван стать эффективным связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом

*Концепция внешней политики
Российской Федерации
(Утверждена Указом 12 февраля 2013 г.)*

В Концепции внешней политики России говорится о продвижении к созданию единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана»¹.

Однако полного единодушия среди экспертов в понимании этого нет. Опрос, проведенный РИСИ в апреле 2011 года показал, что отношения, даже принципиальные подходы у российских экспертов диаметрально противоположные².

Экспертная оценка эффективности возможных стратегий поведения России в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Как видно из опроса, большинство экспертов считают наиболее эффективной стратегией нейтралитета, хотя значительная часть

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Указом Президента РФ 12 февраля 2013 г.) / Эл. ресурс: Президент России. 2013. 18 февраля.

² Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества: сб. материалов. М.: РИСИ, 2011. С. 145.

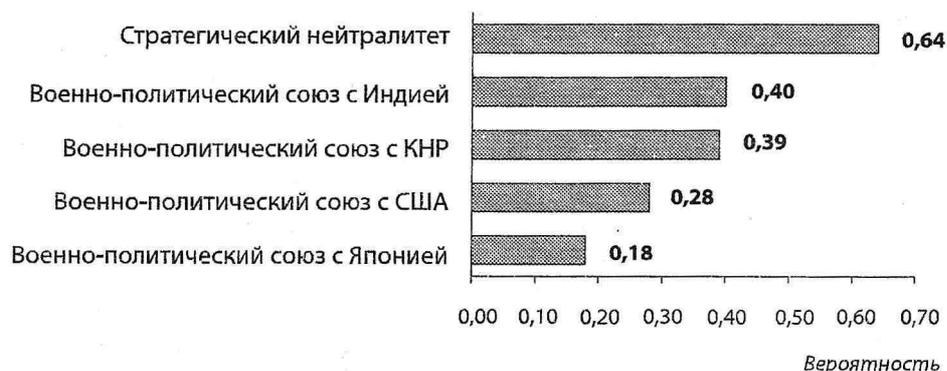
ориентирована на поиск союзников в лице КНР, Индии, США и даже Японии. Налицо очевидное существование разных подходов, которое по большому счету недопустимо. Оно свидетельствует о том, что такая разница означает и фактическое отсутствие в экспертной среде, а значит, и в правящей элите согласованной евразийской стратегии.

По сути дела это означает, что в среде правящих кругов нет сформулированного – стратегического евразийского курса: значительная часть элиты ориентируется на либеральную систему ценностей и интересы США, другая, тоже значительная часть, – на союз с КНР, Индией и Японией. Примечательно, что среди оценки эффективности возможных стратегий вообще не упоминается стратегия евразийской интеграции, к которой косвенно, в качестве пассивной версии, может относиться только «стратегия нейтралитета».

Между тем именно стратегия евразийской интеграции представляется наиболее эффективной и даже единственно возможной для России в Евразии и АТР. Причем не в вялой, «нейтральной», а в активной форме. Другое дело, что такая стратегия и такие приоритеты должны быть сформулированы. Причем не только в торговой и экономической областях, но, прежде всего, в области безопасности и внешней политики.

Примечательно и то, что оценки российских экспертов относительно возможности реализации такой стратегии, т.е. их реального воплощения в жизнь, в целом совпадают с оценками их эффективности (за исключением скепсиса в отношении КНР).

Экспертная оценка вероятности реализации возможных стратегий поведения России в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Более того, отсутствие сегодня евразийской стратегии не позволяет системно и последовательно подходить к решению частных задач. Это в полной мере относится и к ясному евразийскому курсу России, ее стратегии. Так, например, огромное значение для евразийской безопасности приобретает распространение высокоточного неядерного оружия (ВТО), в особенности его размещение США в прибрежных водах – от севера Европы до юга Азии. Эта очевидная угроза, особенно если речь идет о КРМБ, системах ПРО вокруг Евразии, не стала пока предметом внешнеполитических дискуссий в Евразии, а, значит, нет и позиции по этому вопросу.

Одновременно США всячески пытаются стимулировать дальнейшие двусторонние переговоры России и США по сокращению всех видов ядерного оружия: «США ясно дали понять, что мы преданы задаче постепенного сокращения общего количества ядерных вооружений, в том числе работе над новыми соглашениями с Россией о сокращении всех категорий вооружений – стратегических, нестратегических, развернутых и неразвернутых», – сказала заместитель госсекретаря США Геттемюллер... – «Администрация продолжает считать, что следующий шаг в сокращении вооружений должен вестись на двусторонней основе, поскольку в руках США и России по-прежнему сконцентрированы основные запасы мирового ядерного оружия. Держа это в голове, мы располагаем прекрасным примером в виде нового договора по СНВ», – сказала Геттемюллер¹.

Надо сказать, что оба эти процесса – массовое распространение ВТО и сокращение СНВ – идут параллельно уже не один год. Более того, США стремятся дополнить их процессом сокращения тактического ядерного оружия (ТЯО). Что не может не вызывать опасений, так как сокращение СЯС и ТЯО только США и России в условиях массового распространения ВТО и роста ядерных потенциалов других держав, безусловно, ведет не к укреплению безопасности в Евразии, а к дестабилизации на континенте.

¹ По мнению Госдепа, Россия и США должны сократить все виды ядерных вооружений / Эл. ресурс: «Взгляд». 2013. 22 февраля / URL: <http://vz.ru>

В этих условиях будущая евразийская стратегия России должна дать вполне внятный ответ на вопрос, который прямо, казалось бы, не касается евразийской безопасности: продолжать ли дальнейшее сокращение на двусторонней основе СЯС США и России, а тем более ТЯО, когда военные (в т.ч. ядерные) возможности Китая, Индии, Пакистана, Японии и США в Евразии возрастают?

Надо признать, что у других евразийских государств, как правило, такие внятные стратегии существуют. В отличие от Японии, например, которая научилась разрабатывать свою стратегию на годы, или Китая – на десятилетия, Россия еще даже не пытается сформулировать свою евразийскую стратегию, в которой пока что заметны только самые общие цели и направления. Тем более, в ней отсутствует стратегическое планирование, координация и ответственность за реализацию, хотя требование В. Путина к стратегическому планированию МО уже сформулировано и в очередной раз подтверждено на его встрече с военным руководством в феврале 2013 года. Складывается странная ситуация, когда военное планирование формируется исходя не из общенациональной стратегии в отношении государств Евразии, а из каких-то своих соображений Минобороны и Генштаба.

Более того, очевидны крупные противоречия (как, например, по вопросу с госкорпорацией по развитию Дальнего Востока. Тот же Н. Хаябуса обрисовал контуры такой стратегии для России в Азии, которые в целом не совпадают с «коридорно-ресурсной» концепцией развития восточных регионов, реализуемой в стране сегодня: «Если Россия будет заниматься не только продажей нефти и газа в Азии, но и привлекать для развития своих дальневосточного и азиатского регионов инвестиции из Китая, Южной Кореи и Японии и внедрять передовые технологии из Японии и Южной Кореи, тогда она сможет превратиться из страны – поставщика сырья в развитую индустриальную страну»¹.

Не менее важно определиться России с союзниками и оборонительной стратегией, ролью военной силы. Если для США в этом вопросе существует предельная ясность (по оценке Э. Картера, «Азия

¹ Хаябуса Н. Дальнейший ход развития Северо-Восточной Азии. Роль России и Японии / Сотрудничество и соперничество в Евразии / под ред. А.В. Лукина. М.: МГИМО(У), 2010. С. 33.

процветает 70 лет ... и главная причина такого процветания – центральная роль американской военной мощи в этой части света»¹), то для России подобной ясности в стратегии нет. Не вполне понятны, например, планы и роль развития ВМФ, в т.ч. авианесущих кораблей и вертолетоносцев, направления ВТС, перспективы создания коалиции или договорных отношений в военно-политической области, будущее ШОС и т.д.

Поэтому сегодня принципиально важно определиться, что же мы в конечном счете хотим в Евразии, какую Россию мы видим в будущем, какие цели преследуем и какими средствами пытаемся их добиться.

¹ Малрайн А. Как Пентагон планирует воплощать в жизнь «азиатскую ось» Обамы / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 19 февраля / URL: <http://eurasian-defence.ru>

б). Современная евразийская политика России

... в действительности Б. Ельцин не являлся сторонником развития интеграционных процессов и рассматривал их исключительно через призму своих субъективных интересов¹

*К. Мещеряков,
профессор*

Никакой «мягкой силы» в отсутствие жесткой силы у того же субъекта быть не может. Может быть только мягкое бессилие²

М. Леонтьев

Идею и стратегию евразийской интеграции следует концептуально отделить от истории процесса интеграции постсоветских государств, которая в лучшем случае может послужить уроком того, что и как не надо делать. История интеграции на постсоветском пространстве представляет нам несколько уроков, укладываемых в определенные исторические периоды, которые очень условно можно разделить на:

– (1991–1994 гг.) – период шока после развала СССР, когда Россия не была заинтересована в своих прежних регионах, ставших государствами, а в них нарастал процесс национальной самоидентификации. Созданное Содружество Независимых Государств (СНГ) как «институт развода» изначально не был пригоден для интеграции;

– (1995–1999 гг.) – развитие двусторонних отношений и модели «разноскоростной интеграции». По мнению профессора К. Мещерякова, «Что касается Москвы, то различным интеграционным объединениям она уделяла неодинаковое внимание. В 1991–1994 гг. основные усилия российской дипломатии были направлены на поощрение всестороннего взаимодействия в рамках СНГ. Однако практически сразу стало очевидно, что данная задача является невыполнимой, и наша страна начала развивать сотрудничество преимущественно с теми государствами, которые все еще соглашались признавать ее лидерство на постсоветском пространстве. В результате Россией было создано несколько субрегиональных интеграционных группировок (ДКБ,

¹ Мещеряков К.Е. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и участие в них России. Монография. С.-П., 2012. С. 39.

² Леонтьев М. «Мягкая сила» – реальная, эффективная – является проекцией жесткой силы / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 27 февраля / URL: <http://topwar.ru>

Таможенный союз, двусторонние объединения с Белоруссией, неинституционализованный тандем с Казахстаном), интерес к которым с течением времени у нее постоянно возрастал. С 2000 г. российское руководство сделало ставку исключительно на развитие разноскоростной интеграции на постсоветском пространстве, все более утрачивая интерес к СНГ и преобразовав Таможенный союз и ДКБ в полноценные международные организации – ЕврАзЭС и ОДКБ. При этом структуры, в которых Москва не участвовала (ГУ(У)АМ, ЦАС / ЦАЭС / ОЦАС), поначалу вызывали у нее неприязнь, а затем – либо безразличие (ГУ(У)АМ), либо определенный интерес (ЦАЭС / ОЦАС). Так или иначе, но справедливо утверждать, что с 1991 г. Россия неизменно играла ключевую роль в развитии всех интеграционных объединений на постсоветском пространстве, за исключением «Шанхайской пятерки» / ШОС, лидерство в которых ей приходилось делить с КНР. Вероятно, что данная тенденция сохранится и в обозримом будущем, поскольку наша страна всегда будет стремиться к развитию тесного взаимодействия со своими ближайшими соседями¹;

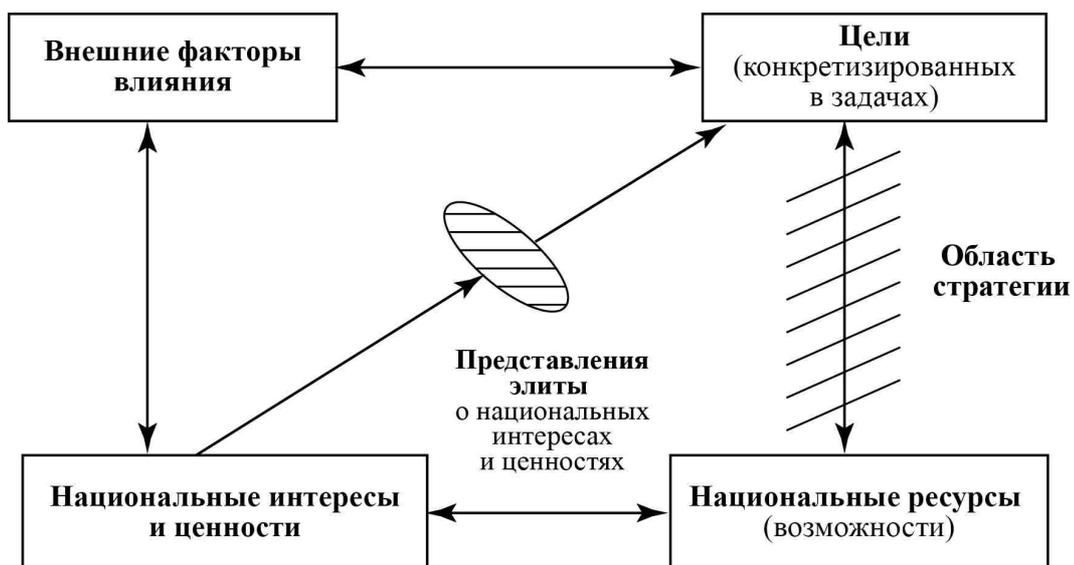
– (1999–2011 гг.) – период «вялой» экономической интеграции, когда развитие институтов (СНГ, ОДКБ) и двусторонних отношений существенно отставало от политических потребностей;

– (2011–2013 гг.) – период рывка в экономической интеграции с осторожным выходом на новые области сотрудничества.

Два процесса, проходивших в эти годы в мире, – усиление роли Евразии и воздействия на страны СНГ со стороны США и Китая – объективно препятствовали и продолжают препятствовать евразийской интеграции.

Стратегия вообще, а евразийская, в частности, это цели, соответствующие имеющимся и потенциальным ресурсам (возможностям). В агрегированном виде представить такую стратегию можно на следующем рисунке, который я не раз приводил прежде.

¹ Мещеряков К.Е. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и участие в них России. Монография. С.-П., 2012. С. 236–237.

Из этой схемы понятно, что решающее значение для формирования стратегии (в данном случае евразийской) имеет три группы факторов, которые, по приоритетности, включают в себя:

- достаточно субъективные представления национальной элиты о национальных интересах и ценностях, которые носят вполне объективный характер;
- существующие и потенциальные национальные ресурсы и возможности;
- группа внешних факторов влияющих.

В разное время и при разных внешнеполитических и внутривнутриполитических обстоятельствах эти группы влияют на стратегию по-разному. Нередко в современном глобальном мире влияние внешних факторов оказывается даже сильнее, чем внутренних, и для великих держав. Так, отказ от поставок в Иран систем ПВО С-300, объективно противоречащий национальным интересам России, привел к серьезным политическим и экономическим издержкам: изготовленные для поставок ЗРК практически невозможно поставить в другие страны, а иск к России выставлен на сумму в 4 млрд долл.¹

Этот пример иллюстрирует влияние внешних факторов на формирование стратегии даже великой державы, хотя в нормальных условиях стратегия находится прежде всего под влиянием двух групп

¹ РФ потеряла миллионы долларов из-за нереализации поставок С-300 Ирану / Информационный ресурс «Военное обозрение». 2013. 2 марта / URL: <http://topwar.ru>

факторов – сформулированных национальной элитой долгосрочных (стратегических целей) и имеющихся ресурсов (возможностей): политических, экономических, военных, гуманитарных и иных. Применительно к евразийской стратегии России это означает, что прежде всего необходимо, чтобы правящая элита четко сформулировала цели и вытекающие из них частные задачи, которые основывались бы на адекватной оценке ресурсов – как национальных, так и потенциальных союзников и партнеров.

Приходится констатировать, что такие долгосрочные стратегические цели для евразийской стратегии пока что формулируются в основном в области экономики и таможенных отношений, хотя зачатки наблюдаются уже и в других областях – ВТС, ПВО, информационной и, иногда, в политической области. Соответственно это ведет к непоследовательности, противоречивости, неопределенности, как и сколько использовать ресурсов. «Азиатский поворот Б. Обамы», например, привел к ряду негативных последствий для США, в частности, риску «быть втянутым в противостояние по поводу земель, ничего не значащих в стратегическом и экономическом смысле»¹, но этот поворот означал выбор новых приоритетов и новой стратегии, «включение» всех механизмов и перераспределения национальных ресурсов США в пользу этого поворота, последовательности во внешней, военной и экономической политике по отношению к Евразии и АТР.

Вот почему необходимо начинать с формулирования стратегических целей и задач, учитывая, конечно, как имеющиеся возможности, так и внешние факторы влияния. Простой пример: в первом квартале 2013 года должно было быть выполнено поручение В. Путина и принята программа развития Дальнего Востока и Забайкалья, однако ее проект, предложенный соответствующим министерством по развитию этих регионов, был забракован и отправлен на «доработку» под предлогом того, что затребованные ресурсы превышали возможности (5,7 трлн руб. на 12 лет без затрат на Транссиб и БАМ – 1,5 трлн руб.)².

¹ Росс. Р. Проблема с разворотом // Россия в глобальной политике. 2012. Ноябрь–декабрь. Т. 10. № 6. С. 143.

² Минвостокразвития хочет триллионы / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 25 февраля / URL: <http://topwar.ru>

Этот пример борьбы за соотношение «цели–ресурсы» – очень показателен. Вопрос, таким образом, в приоритетах и целях, формулируемых политическим руководством, которые не должны корректироваться в очередной раз чиновниками.

Евразийская стратегия России должна состоять из комплекса мер по достижению тех глобальных целей и решению конкретных задач, которые по отношению к другим политическим, экономическим и иным целям России являются приоритетными, т.е. более важными. Невозможно все цели сделать приоритетными (хотя в наших документах это нередко и происходит), невозможно и все цели обеспечить запрашиваемыми ресурсами. Как сказал один российский губернатор, «всех много, а всего мало». Вот почему при формулировании стратегических целей необходимо ограничиться тремя–четырьмя, наиболее приоритетными целями, которые **политически** будут означать и приоритет в выделении ресурсов. Это общее правило очень важно признать при разработке евразийской стратегии России, которая сама по себе является приоритетом № 1 в национальной стратегии.

Первая стратегическая цель России в Евразии всегда было обеспечение национальной безопасности. И это не только исторически, но и политически сохраняет свою актуальность. Россия, в восточных районах которой продолжают процессы депопуляции и деиндустриализации, становится чрезвычайно уязвима с военно-политической точки зрения. Как отмечал З. Бжезинский, «Крах Советского Союза вызвал колоссальное геополитическое замешательство... россияне неожиданно для себя обнаружили, что они более не являются хозяевами трансконтинентальной империи, а границы других республик с Россией стали теми, какими они были с Кавказом в начале 1800-х годов, со Средней Азией – в середине 1800-х и, что намного более драматично и болезненно, с Западом – приблизительно в 1600 г., сразу же после царствования Ивана Грозного»¹.

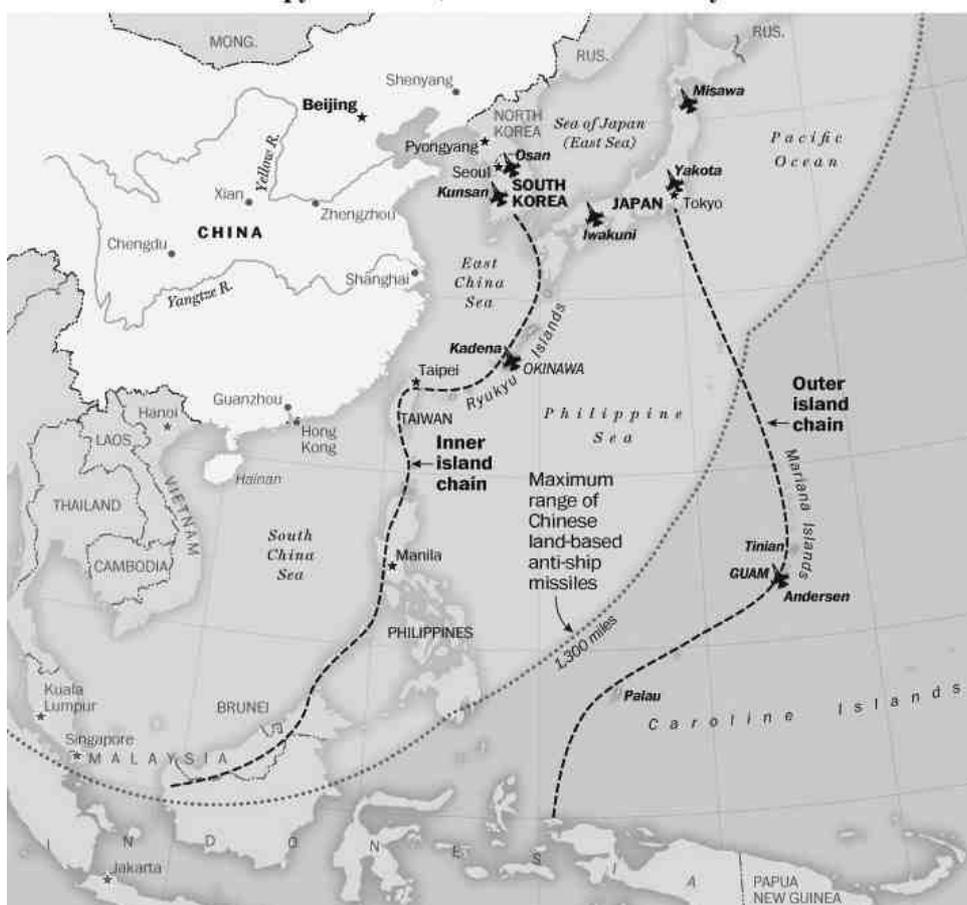
Надо понимать, что главной целью евразийской интеграции является борьба за сохранение суверенитета над восточными регионами, которые

¹ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010. С. 110.

невозможна при продолжении нынешней политики: нужны дополнительные ресурсы – люди, деньги, союзники, законы и т.д., – для того, чтобы добиться этой стратегической цели. Экономическая выгода без этих условий просто не реальна.

Такая стратегическая цель должна быть четко оформлена в Военной доктрине, Стратегии национальной безопасности, Стратегии социально-экономического развития и конкретизирована подробно в других нормативных документах. Таких, например, как Концепция воздушно-космической обороны (ВКО), Концепции информационной безопасности, Морской доктрине и т.д. Так, как это сделано, например, в США применительно к Юго-Восточной Азии и КНР.

Как Пентагон планирует воплощать в жизнь «азиатскую ось» Обамы

Вторая стратегическая цель: опережающее развитие восточных (от Урала) регионов страны, прежде всего, областей и отраслей, от которых зависит территориальная целостность и суверенитет России, – транспорта

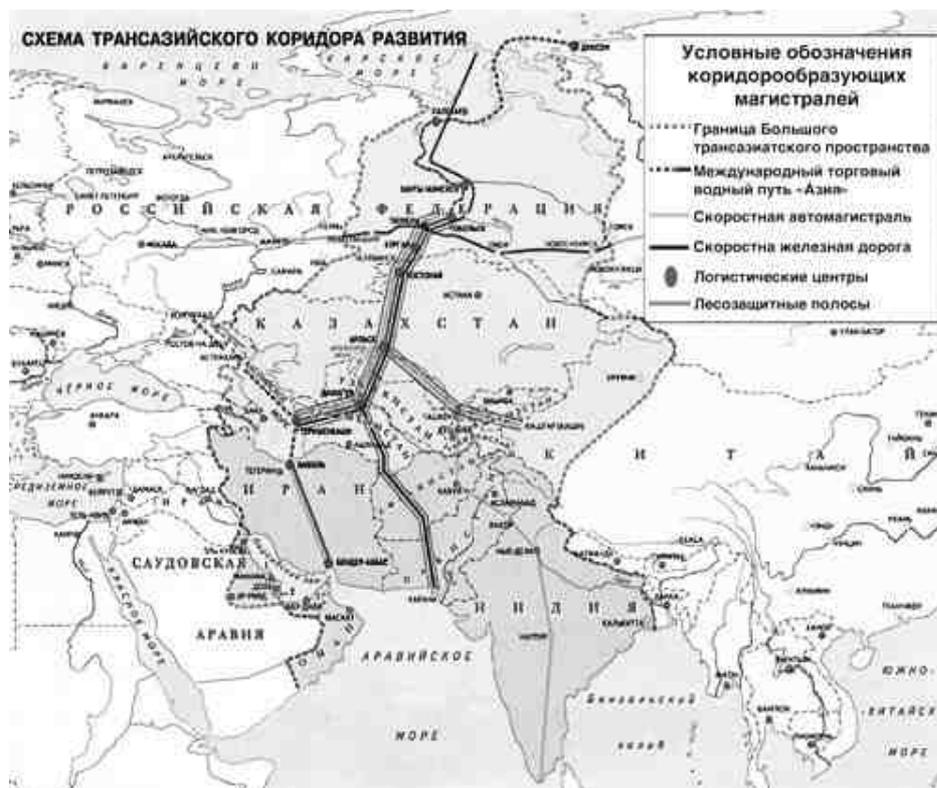
² Малрайн А. Как Пентагон планирует воплощать в жизнь «азиатскую ось» Обамы / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 19 февраля / URL: <http://eurasian-defence.ru>

и всей инфраструктуры, обрабатывающей промышленности на основе опережающего развития национального человеческого потенциала (НЧП) восточных регионов. При этом такие составляющие НЧП, как демографическая, уровень культуры и образования, наука и наукоемкие технологии выступают решающими.

Иногда говорят о приоритетном развитии транспортных коридоров восточных регионов, что, безусловно, справедливо. Но необходимо сделать существенную оговорку: сами по себе транспортные коридоры без развитого в этих регионах НЧП могут превратиться в контролируемый извне транзит с запада на восток (из Евросоюза в АТР) и с севера на юг (США – Южная и Центральная Азия). Примером тому может стать сделанная в свое время заявка США на контроль над поставками нефти на Ближнем и Среднем Востоке. Депопуляция Сибири и Дальнего Востока будет означать, что транспортные коридоры станут, как и минерально-сырьевые ресурсы, объектами будущих претензий США и, возможно, других развитых стран, включая Китаю.

И наоборот: системное и опережающее развитие транспортных коридоров как с запада на восток, так и с севера на юг позволяет не только развивать восточные регионы, но и предоставляет России колоссальные преимущества во всем процессе евразийской интеграции, сохраняя за ней не только географическое, но и политическое место универсального центра Евразии. Так, например, реализация проекта ТРАЗКОР обеспечивает не только кратчайшее расстояние между Северным морским путем и Южным морским путем (4500 км), но и резко усиливает значение широтных транспортных коридоров (Транссиба и Турксиба), создавая новые мощные транспортные развязки и центры развития¹, что хорошо видно на следующей карте.

¹ Рудашевский, Рыскулов Д. Трансазийский коридор развития // Независимая газета. 2012. 11 сентября. С. 10.

Третья цель: выход на новый уровень развития отношений с Украиной, Белоруссией, с одной стороны, и центральноазиатскими странами – с другой.

Положение России и ее евразийская стратегия во многом будет предопределяться уровнем ее отношений на Западе и на Юге с бывшими советскими республиками. Без нового качества этих отношений, нового уровня политической, экономической, гуманитарной и военной интеграции Россия окажется «зажатой» между Европой и Азией, странами Евросоюза и КНР. При этом восточные районы страны будут практически отрезаны по Поволжью и Уралу от европейской части попавшим под внешний контроль Казахстаном и неизбежным усилением влияния ислама в Поволжье и на Кавказе.

Необходимо пересмотреть стратегию отношений с этими странами в сторону усиления всех форм сотрудничества, не ограничиваясь ТС и ЕврАзес. Огромное значение, конечно, имеет расширение военно-политического сотрудничества по линии ОДКБ и особенно развитие евразийской системы Воздушно-космической обороны (ВКО). Но не только. Необходимо расширение всех форм сотрудничества притом понимания, что такая политическая приоритетность имеет значительно,

принципиально большее значение, чем экономическая выгода. Необходимо идти в том числе и на разумные экономические издержки, которые демонстрировали бы готовность не только руководства, но и народа России на восстановление порушенных связей.

Четвертая цель: новое качество в развитии отношений с двумя новыми центрами силы – Евросоюзом и странами АТР, – являющимися не только флангами Евразии, но и альтернативами в доминировании Соединенных Штатов Америки.

В этой связи важно рассмотреть влияние внешних факторов на формирование евразийской стратегии. Причем не только на стратегические цели России в Евразии, но и на ее ресурсы и, косвенно, на национальные интересы и ценности.

Необходимо признать, что евразийская стратегия России должна исходить из необходимости создания единой системы безопасности и сотрудничества от Великобритании до Дальнего Востока и Юго-Восточной и Южной Азии. Такая концепция предполагает, что чем сильнее и прочнее будут отношения России со странами Евросоюза и АТР, тем крепче будет ее безопасность и гарантированное суверенитет.

Надо признать, что в начале постсоветского периода Россия стремительно теряла свои возможности защиты национальных интересов и системы ценностей, осознание чего в руководстве страны произошло лишь в последнее десятилетие. Пока что только два блока в сотрудничестве России с другими странами – русский язык и образование – сохраняли бывшее постсоветское пространство и влияние страны в последние 20 лет. Для создания единой евразийской цивилизации эти блоки должны быть дополнены культурой, экономикой, единой политикой и наднациональными институтами¹. Пока этого нет, нет и национальной евразийской стратегии, тем более эффективной национальной стратегии развития, в которой основным приоритетом стало бы опережающее развитие национального человеческого потенциала (НЧП).

¹ Мадияр Д. Культурная интеграция // Независимая газета. 2012. 25 июня. С. 10.

Приоритет развития НЧП, очевидный в XXI веке для всех развитых государств, имеет особое значение для восточных регионов и евразийской стратегии России в силу следующих причин:

- стремительное сокращение демографической составляющей НЧП, ведущее к депопуляции восточных регионов страны. На огромной территории двух федеральных округов – Сибирском и Дальневосточном – сегодня проживает порядка 25 млн человек, что примерно равняется населению Тайваня, десятой части приграничного с Россией населения КНР и меньше половины численности стран С.-В. и Ю.-В. Азии;

- сокращения уже в ближайшем будущем возможностей использования природных ресурсов, являющихся экономической основой развития регионов, из-за объективной ограниченности разведанных объектов и фактически исчерпанности имеющихся запасов;

- неразвитости транспортной сети и всей инфраструктуры, неспособности эффективного использования даже имеющихся возможностей;

- стремительного развития АТР, на фоне которого растущее отставание восточных регионов России угрожает превратить эти районы в сырьевой придаток новых индустриальных государств.

Таким образом, практически это означает два разновекторных направления:

- слабеющие позиции России в Евразии, включая восточные регионы России;

- усиление экономического и политического значения Евразии.

На этом фоне отсутствие евразийской стратегии, которое не могут заменить декларации, особенно опасно, ибо ни россиянам, ни евразийским государствам не видна приоритетность этого вектора в политике России. Существование многочисленных концепций и проектов в отношении политики России на Востоке отнюдь не противоречит этому выводу. Даже внимание руководства страны, проявленное в 2011–2012 годах к этой проблеме (в т.ч. создание специального министерства в мае 2012 года), «евразийские», АТРовские и ШОСовские и другие инициативы пока что можно считать лишь декларациями о намерениях, не подкрепленными конкретными программами, а тем более

результатами. На сегодняшний день можно говорить только об узком понимании евразийской идеи как приоритета экономического сотрудничества Белоруссии, России и Казахстана, которая стала (используя выражение В. Путина) «... сердцевиной нашей внешней политики, курсом, рассчитанным на стратегическую перспективу»¹, но не о евразийской стратегии нашей страны в целом.

Вместе с тем в президентском подходе уже просматривается более широкий пространственный контекст – не только в отношении стран СНГ, прежде всего Украины, но и по отношению к восточным регионам и странам АТР. В формулировании В. Путина эта концепция выглядит следующим образом: «Россия будет и дальше укреплять свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Конечно, глобальный кризис не обошёл АТР стороной, но в целом регион продолжает наращивать свою экономическую мощь, сохраняет в значительной степени свою динамику, становится новым центром глобального развития. Наше участие в динамичных интеграционных процессах на Азиатско-Тихоокеанском пространстве, уверен, скажется на социально-экономическом подъёме Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Важнейшее значение имеет стратегическое и практическое взаимодействие с Китайской Народной Республикой. Мы намерены уделять особое внимание углублению всех форм сотрудничества с китайскими партнёрами, включая координацию действий по международной повестке дня. Это относится и к другим быстрорастущим и набирающим политический вес азиатским государствам, в первую очередь, конечно, это касается нашего традиционного партнёра и друга – Индии»².

Но пока что это заявление лишь важный вектор курса, а не евразийская стратегия. Из него не вытекают, например, конкретные приоритеты – ни военные, ни экономические, ни, тем более, стратегические. Так, не ясно, и соотношение приоритетов развития восточных регионов с бюджетными приоритетами, которые традиционно

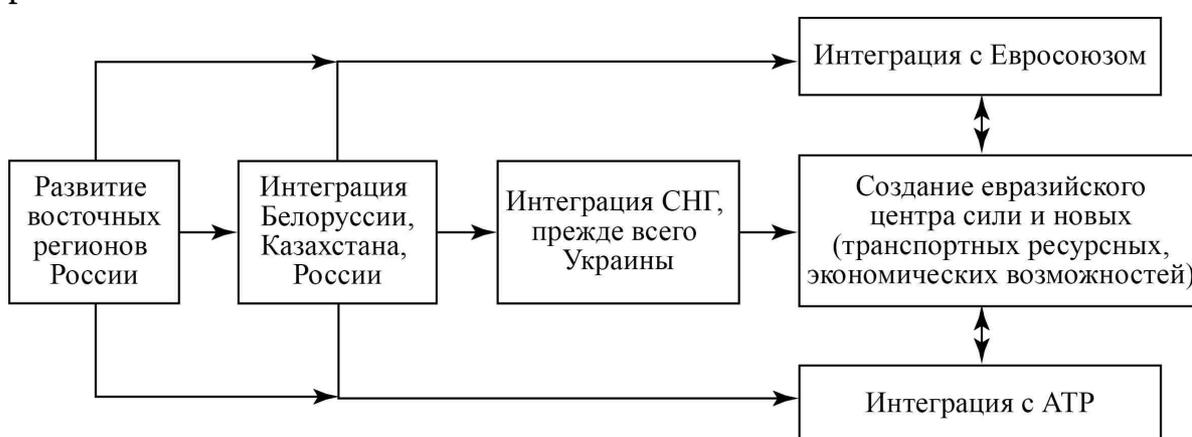
¹ Путин В.В. Выступление Президента России на совещании послов и постоянных представителей. 9 июля 2012 / URL: <http://news.kremlin.ru/news/15902>

² Путин В.В. Выступление Президента России на совещании послов и постоянных представителей. 9 июля 2012 / URL: <http://news.kremlin.ru/news/15902>

формируются под влиянием не политических, а макроэкономических параметров.

Не ясно также, каким образом евразийская интеграция соотносится с интересами безопасности России в Евразии. За исключением частных случаев такой возможной стратегии (акценте на сотрудничестве с ШОС и даже БРИКС, созданием ВКО ОДКБ, развитием двусторонних отношений с КНР, Индией, другими странами Евразии), не просматривается общего подхода, который вытекал бы из евразийской стратегии, единого взгляда из России на Евразию.

В качестве попытки такого подхода можно было бы предложить следующий алгоритм, который мог бы последовательно и системно реализовываться:

Из такого подхода видно, что необходимо начинать с создания в России нового евразийского центра силы и влияния, который целенаправленно развивал бы отношения по трем направлениям:

- постсоветском;
- европейском;
- азиатском.

Но для этого прежде всего должен быть создан такой центр силы в российской азиатской части, где развивались бы не только транспортные коридоры и инфраструктура, но и новые отрасли обрабатывающей промышленности. Пока же численность населения этих регионов сокращается, а безработица оставшегося – растет.

Причем эта ситуация осложняется общемировыми негативными тенденциями, набирающими силу. Выступая на международном круглом

столе в апреле 2012 года, А. Подберезкин коротко обозначил их следующим образом:

В мире сегодня определяют будущее следующие объективные тенденции:

1. Рост конфликтности, конкуренции между государствами, даже военного противостояния.
2. Слабеющая эффективность существующих международных институтов и механизмов, которые уже не справляются с новыми вызовами.
3. Набирающая силу регионализация – Евросоюз, ШОС, БРИКС и т.д..
4. Вероятность нового глобального кризиса, который вытекает из того понимания, что прежние социальные, политические, экономические модели устарели, а новые пока не созданы.

Эти мировые тенденции в то же время объективно содействуют созданию качественно новых условий для евразийской интеграции, которая, в конечном счете, предполагает два крупных принципиальных этапа:

- интеграцию на евразийском пространстве;
- расширение интеграции от Атлантики до Владивостока¹.

Дискуссии 2009–2012 годов осторожно вышли на главную тему модернизации – ее содержательное наполнение, которое заключается в том, что «... главным объектом любой модернизации должна быть само общество (я бы добавил ещё – и государство). Проблема – не в технологиях как таковых, а в социуме»², – справедливо заметил С. Миронов. Хотя именно о технологиях (езде, от образования до промышленности) и об их внедрениях преимущественно говорили российские лидеры в последние годы.

Одним из таких общенациональных крупнейших проектов России может и должен стать проект «развития России на Восток», который рассматривать в широком евразийском идеологическом контексте. Как

¹ Тезисы выступления А. Подберезкина на международном круглом столе «Российская Государственная Дума: становление парламентаризма на евразийском пространстве». М.: Дом Правительства РФ. 2012. 28 апреля.

² *Миронов С.М.* За нами Россия / отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: Ключ-С, 2010. С. 110.

справедливо замечают авторы доклада, подготовленного под руководством А. Кокошина, «В настоящее время возникает уникальная возможность для развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. Эта возможность связана со смещением центра мировой экономической активности с запада на восток. Страны Азии, включая Китай, Индию, Индонезию, Филиппины, Вьетнам и др., становятся ключевой движущей силой развития мировой экономики. Уже сейчас страны Азии производят более 1/5 мирового ВВП. По оценке МВФ, в 2011–2012 гг. средний темп роста ВВП развивающихся стран Азии достигнет 8,4%, в то время как рост ВВП развитых стран составит только 2,2–2,6%. В 2016 г. Китай станет крупнейшей экономикой мира по объему ВВП и при этом сохранит высокие темпы экономического роста. Вторым после Китая локомотивом мирового экономического роста в ближайшем будущем станет Индия»¹.

Если Россия не использует эту уникальную возможность, предоставляемую опережающим развитием АТР, то это конкурентное преимущество превратится для нее в большую угрозу: мощные восточные рынки просто-напросто превратят слабые восточные регионы страны в свои сырьевые придатки, колонизируют их, а затем и лишат политической самостоятельности.

Другая угроза также вытекает из, казалось бы, преимуществ развития стран АТР: «Важнейшим источником экономического роста в странах Азии является промышленное производство, которое генерирует колоссальный спрос на природные ресурсы и энергию, а также продукты их переработки. Сейчас на страны Азии приходится около 20 % мирового энергопотребления, около двух третей мирового импорта железной руды, больше половины мирового выпуска стали и алюминия. Спрос на ресурсы, необходимые для поддержания высоких темпов экономического роста, по прогнозам, в ближайшие 10–20 лет будет постоянно увеличиваться»².

На фоне упадка обрабатывающей промышленности восточных регионов растущий спрос на сырье – прямая угроза их экономической и политической независимости. Необходима новая индустриализация

¹ Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Иркутск, 2011. С. 6.

² Там же.

восточных регионов, которая позволила бы им выступить равноправными партнерами, а не зависимыми от производителей поставщиками сырья.

Наконец, существует еще один внешний фактор влияния, который рассматривается как потенциальная возможность, конкурентное преимущество России, но который очень быстро может превратиться для нее в опасную угрозу: «Территориальная близость к странам Азии и богатейший ресурсный потенциал Восточной Сибири и Дальнего Востока позволяют воспользоваться растущим спросом стран Азии и осуществить модернизацию экономики регионов на выгодных для России условиях. На территориях Восточной Сибири и Дальнего Востока, расположенных в непосредственной близости к быстрорастущим экономикам Азии, сосредоточено свыше 90% российских запасов платиновых металлов, более 70% никеля и меди, имеются крупные запасы углеводородов, лесных ресурсов, драгоценных и иных металлов. Помимо этого, эти регионы располагают огромным гидроэнергетическим потенциалом»¹. Также быстро превращаются в угрозу. Так, известно, что объективно-стремительно растет потребность в увеличении масштабов грузопассажирских перевозок, но эта же потребность может превратиться в диктат.

Восточные регионы, где продолжается депопуляция, хищническое истребление природных ресурсов и коррумпированная власть легко могут превратить региональную элиту в компрадорскую, готовую в интересах личной выгоды пойти на любые экономические и политические преступления. Пример развала ОВД и СССР, преступления в России высших должностных лиц (ставших достоянием общественности в ходе нынешней антикоррупционной кампании), – делают этот вывод вполне обоснованным.

Кроме того, следует оговориться, что геополитические преимущества, транспортный коридор – совокупность магистральных коммуникаций различных видов транспорта, которые совместно обеспечивают транзитные перевозки одного направления. Понятие «транспортного коридора» стало широко применяться после второй и

¹ Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Иркутск, 2011. С. 6.

третьей Европейских конференций министров транспорта (о. Крит – 1994 г., Хельсинки – 1997 г.). Результат Критской конференции – определение в соответствии со стратегическим направлением грузовых и пассажирских потоков на европейском континенте девяти Трансъевропейских коридоров (Критские коридоры). Для Северных регионов России наиболее значимым является Северный транспортный коридор (СТК), соединяющий Хельсинки с Санкт-Петербургом и Москвой¹.

Но развиваться эти идеи могут только между равноправными, суверенными государствами. Если же их потенциал, как в Сибири и на Дальнем Востоке, не сопоставим, то идея транспортного коридора быстро обрастает идеями экстерриториальности – сначала экономической и таможенной, а затем и политической. Это хорошо видно на растущих аппетитах в отношении Арктики, которые проявляются не только у северных стран, но даже у КНР.

Конференция в Хельсинки дополнила Критские коридоры четырьмя Пан-Европейскими транспортными зонами. Некоторые элементы транспортной инфраструктуры Северного транспортного коридора вошли в Баренцеву/Евро-Арктическую транспортную зону.

С тех пор тема Северного транспортного коридора присутствует в повестке дня всех мероприятий, связанных с развитием транспорта в Северной Европе; развитие разных видов транспорта в составе Коридора рассматривается под разными названиями, например:

– «Баренц Линк» – развитие железнодорожной связи в масштабе Баренц-региона;

– «Коридор N.E.W.» – развитие морской и железнодорожной связи в трансконтинентальном масштабе Северная Америка – Северная Европа – Азия;

– «Северный коридор России» – развитие широтного автодорожного сообщения.

В 2004 г. к Европейскому Союзу, объединявшему 15 стран-членов, присоединились еще 10 новых стран. Территория ЕС расширилась, и

¹ Воробьев Н.И. Роль транспортной инфраструктуры в отношениях России и Северной Европы. Диссертация на соискание степени магистра. М.: МГИМО(У), 2011. С. 53–54.

Критские коридоры, ранее выполнявшие функцию связей ЕС с соседними странами, большей частью оказались внутри ЕС в составе Трансьевропейских транспортных сетей (TEN-T). Поэтому ЕС предпринял следующий шаг – подготовить «Руководство для Трансьевропейских транспортных сетей», нацеленного на улучшение связей расширенного ЕС с новыми соседями. Документ требовал сфокусировать инвестиционную деятельность на ограниченном количестве направлений, обслуживающих торговые потоки между ЕС и соседними странами. Европейской комиссией была создана Рабочая группа, которая в 2005 г. подготовила Отчет «Транспортные сети для мира и развития», где были определены пять главных транспортных осей и критерии для финансирования проектов на направлениях этих осей из ресурсов ЕС. Концепция транснациональных осей подразумевает более глобальный подход к транспортным связям. Оси, как правило, берут начало и заканчиваются в морских портах, обслуживают международный транзит не только между соседними, но и третьими странами. Морские порты, объединенные в сеть, формируют главные логистические платформы, связанные между собой в рамках концепции «Морские магистрали».

Вероятно, сегодня настало время для новой редакции известного в прошлом лозунга, который в евразийском контексте звучит как «транспорт решает все».

Глава 6. Евразия и соседи России

Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня¹

*В. Путин,
Президент России*

Внешние вызовы, меняющийся мир вокруг нас заставляют нас принимать решения в области экономики, культуры, бюджетные и инвестиционные решения²

*В. Путин,
Президент России*

Для всех государств всегда исключительно большое значение имели отношения с ближайшими соседями. Иногда даже решающее значение. Как, впрочем, и то, что происходило в соседних государствах, какая была их внутренняя политика и политика по отношению к своему окружению. Особенное значение это обстоятельство всегда имело для России, у которой не было естественных природных преград для возможной агрессии, но которая граничит с самым большим числом государств в мире.

Другое обстоятельство заключалось в том, что Россия никогда в своей истории не имела естественных границ – водных или горных цепей – со своими соседями, что наложило глубокий отпечаток не только на всю историю ее развития, но и менталитет народа. Так, появление сильных врагов на юге Киевской Руси в XII–XIII веках (половцев и татар) привело к оттоку населения либо на запад, либо на северо-восток, что стало первопричиной возвышения Владимиро-Суздальского княжества, а затем и Московского великого княжества и государства.

Создание сильного Литовского государства и его экспансия на восток во многом также способствовало укреплению Московского государства и ослаблению Западной Руси, что сказывалось впоследствии на протяжении столетий существования России. К этому необходимо добавить два крупнейших в истории Европы нашествия на Россию с Запада – наполеоновское и гитлеровской Германии, – когда фактически против России, – Советского Союза выступила вся объединенная Европа.

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября.

² Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля.

Во многом эта ситуация не просто сохранилась, но и усугубилась с развалом ОВД и СССР, когда граница НАТО стала проходить в непосредственной близости с государственной границей Российской Федерации. Причем, если территории Великобритании или США, Японии или Испании во много защищены естественными границами, то Россия на протяжении всей своей истории и сегодня остается открытой как для агрессии с запада или востока, так и юга.

Сегодня Россия имеет не просто самую протяженную в мире сухопутную границу, она непосредственно граничит с государствами, абсолютное большинство из которых имеют к ней либо территориальные, либо иные претензии. От Норвегии на севере до Кавказа на юге Россия прямо соприкасается с самым крупным военно-политическим блоком в мире.

Не могут не вызывать беспокойства и действия стран Евросоюза, которые сформулировали и достаточно успешно реализовали, общую политику безопасности и обороны ЕС. Как признает академик В. Журкин, «... Общую политику безопасности и обороны можно в основном считать состоявшейся. Она обрела свою доктринальную основу – Европейскую стратегию безопасности. Более или менее отрегулированными можно было считать отношения с НАТО с принятием обеими сторонами формулы «Берлин-плюс», в основном в трактовке Евросоюза. Наконец, Европейский Союз начал проводить военные, гражданско-полицейские и смешанные операции сначала в Европе, а затем и за ее пределами»¹.

На этом фоне эффективность ОДКБ выглядит не всегда убедительно.

Относительное спокойствие на азиатских границах также может быть обманчиво. Политическая ситуация может измениться очень быстро.

Более того, единственное относительно безопасное направление – Север России – также становится опасным по мере разрастания споров вокруг Арктики, таяния льдов на протяжении Северного морского пути, а главное, оснащении американских ПЛА и судов КРМБ, которые превратили северное направление в потенциальный источник восточных угроз.

¹ Журкин В. Европейская армия: поражения и победы. Общая политика безопасности и обороны Европейского Союза. М.: Международные отношения. 2012. С. 159.

а). Геополитическое положение России после распада ОВД и СССР

С распадом СССР изменилось и геополитическое положение России. Основные железнодорожные магистрали России – Южсиб и Транссиб – проходят через территорию Северного Казахстана. Там же оказались участки линий высоковольтных электропередач, связи, трубопроводы.

Новые геополитические реалии сложились на западных, границах. Россия оказалась отделенной от Европы поясом самостоятельных независимых государств и в настоящий момент имеет ограниченные выходы к Балтийскому и Черному морям. Крупнейшие порты на Черном и Балтийском морях стали для России иностранными. Из крупных портов на Балтике остался Санкт-Петербургский, на Черном – Новороссийский и Туапсинский.

На западной границе до распада СССР имелось 25 железнодорожных переходов, современная же Россия располагает всего одним – из Калининградской области в Польшу. Главные перевалочные железнодорожные узлы находятся на территории Белоруссии, Украины и Молдовы.

Геополитические изменения коснулись границ России. В рамках СССР из 77 российских административно-политических единиц только 13 были пограничными, сегодня пограничными являются более половины. Изменилось и число зарубежных стран, граничащих с Россией: ранее имелось восемь стран-соседей, сейчас – 16. Ни у одной страны в мире такого числа соседей-государств нет¹.

По морю Россия граничит с двенадцатью государствами. С США и Японией Россия имеет только морскую границу. С Японией это узкие проливы: Лаперуза, Кунаширский, Измены и Советский, отделяющие Сахалин и Курильские острова от японского острова Хоккайдо. А с США — это Берингов пролив, граница, проходящая по которому отделяет остров Ратманова от острова Крузенштерна. Длина границы с Японией примерно 194,3 километра, с США — 49 километров. Также по морю пролегает участок границы с Норвегией (Баренцево море), Финляндией и Эстонией (Финский залив), Литвой и Польшей (Балтийское море),

¹ См. Геополитическое положение современной России / URL: <http://uchebnik-besplatno.com>

Украиной (Азовское и Черное моря), Абхазией — Черное море, Азербайджаном и Казахстаном (Каспийское море) и КНДР (Японское море).

Это имеет огромное значение с точки зрения безопасности России. Так, 1 февраля 2013 года Республика Корея и США провели совместные учения, целью которых было выяснить, можно ли «объединить на совместном ТВД системы ПРО обоих государств»¹.

Российские границы и статус

Сухопутные границы

Эстония

Эстония претендует на Печорский район Псковской области и правобережье реки Нарва с Ивангородом. 18 мая 2005 министры иностранных дел России и Эстонии Сергей Лавров и Урмас Паэт подписали договоры о государственной границе и разграничении морских пространств в Нарвском и Финском заливах, закрепивших прохождение госграницы между двумя государствами по прежней административной границе между РСФСР и Эстонской ССР «с незначительной корректировкой на условиях адекватной территориальной компенсации». Одним из основных предметов переговоров по российско-эстонской границе является «Саатсеский сапог». Его планировалось передать Эстонии, обменяв на другие территории. Договор не был ратифицирован Россией, из-за внесённых в него эстонской стороной поправок.

Латвия

Латвия претендовала на территорию Пыталовского района Псковской области. 27 марта 2007 года Россией был подписан договор о границах с Латвией, район остался в составе России.

Китайская Народная Республика

Демаркация российско-китайской границы в 2005 году состоялась в период президентства Владимира Путина. Китай получил ряд спорных

¹ В начале февраля 2013 г. Южная Корея и США провели совместные учения по ПРО / Синьхуа. 2013. 21 февраля.

территорий общей площадью 337 квадратных километров: участок земли в районе острова Большой (верховья реки Аргунь в Читинской области) и два участка в районе островов Тарабаров и Большой Уссурийский в районе слияния рек Амур и Уссури.

Морские

Азовское море

Азовское море и Керченский пролив являются внутренними водами одновременно России и Украины, согласно договору о сотрудничестве. Переговоры экспертных групп по разграничению Азово-Керченской акватории и Чёрного моря продолжаются.

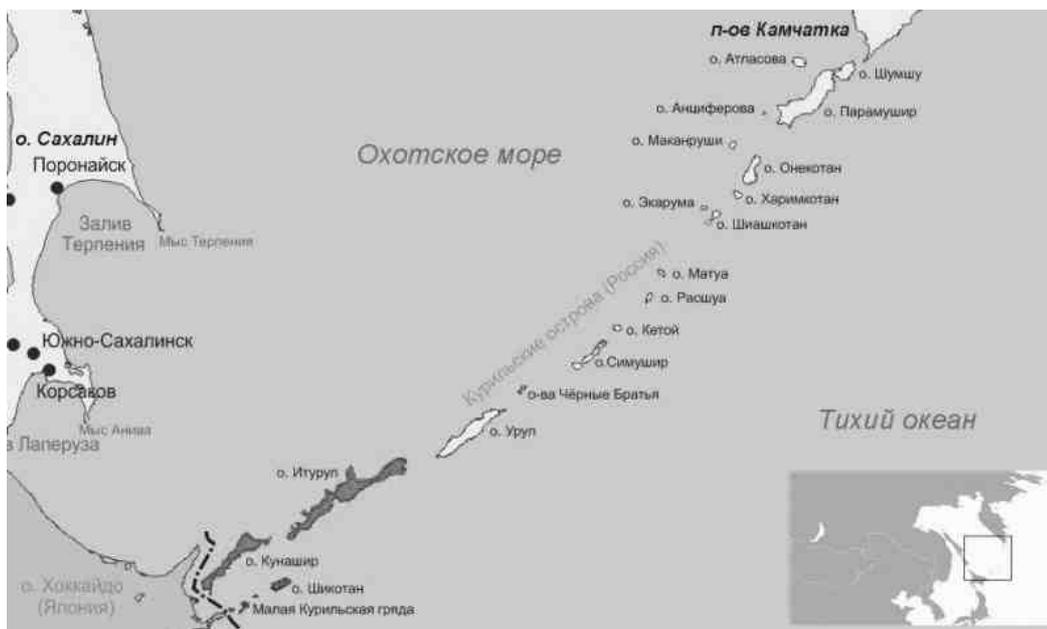
Каспийское море

В течение длительного времени идут переговоры между прикаспийскими государствами о статусе Каспийского моря – Азербайджан, Казахстан и Туркменистан настаивали на разделе Каспия по срединной линии, Иран – на разделе Каспия по одной пятой части между всеми прикаспийскими государствами. В 2003 году Россия, Азербайджан и Казахстан подписали соглашение о частичном разделе Каспийского моря по срединной линии.

Курильские острова

Основная статья: Проблема принадлежности Курильских островов Япония претендует на южную группу Курильских островов Итуруп, Шикотан, Кунашир и Хабомаи.

Территориальный спор между Россией и Японией может быть решен на основе компромисса – так, чтобы ни одна из сторон не чувствовала себя побежденной, заявил представитель премьер-министра Японии Ёсиро Мори, выступая перед студентами МГИМО.

«В последнее время появился новый подход к решению этой проблемы. В 2012 году президент Путин заявил, выступая перед журналистами, что спор должен быть решен на основе устраивающего обе стороны компромисса. Что-то вроде хикиваке. Хикиваке — термин из дзюдо, когда ни одной из сторон не удалось добиться победы», — сказал представитель японского премьер-министра. Он добавил, что с его точки зрения, обсуждать проблему решения спора между Москвой и Токио можно, отталкиваясь от декларации между СССР и Японией 1956 года. Она предусматривала передачу Японии двух островов, Хабомаи и Шикотан. Мори добавил, что закрепление за какой-либо из сторон всех четырех островов приведет к японо-российскому конфликту.

Мори накануне провел встречу с президентом России Владимиром Путиным для подготовки визита главы правительства Японии Синдзо Абэ. Мори не уточнил, когда состоится поездка японского премьера в Россию.

Япония претендует на четыре острова Курильской гряды — Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, ссылаясь на двусторонний Трактат о торговле и границах 1855 года. Возвращение островов Токио поставил условием заключения мирного договора с Россией, который по окончании Второй мировой войны так и не был подписан. Позиция Москвы состоит в том, что южные Курилы вошли в состав СССР по итогам Второй мировой войны и российский суверенитет над ними,

имеющий соответствующее международно-правовое оформление, сомнению не подлежит¹.

Полярные владения России

Границы северных полярных владений России определены постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926. Водная граница прошла тогда от Кольского полуострова через Северный полюс до Берингова пролива.

1 июня 1990 г. было подписано Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств, по условиям которого к США отошли часть исключительной экономической зоны СССР и участок континентального шельфа площадью 46,3 тыс. квадратных километров в открытой центральной части Берингова моря, а также территориальные воды на небольшом участке в Беринговом проливе между островами Ратманова (Россия) и Крузенштерна (США).

В 1997 году Россия ратифицировала Конвенцию по морскому праву 1982 года, отказавшись от особых прав на владения в Арктике, отказавшись тем самым от суверенных прав на 1,7 млн км² своего арктического сектора. Если будет доказано, что шельф от берегов России тянется дальше 200 миль, то страна может претендовать на исключительную экономическую зону. Чтобы добиться прав на полярные владения, Россия предпринимает шаги, чтобы доказать, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева имеют континентальное происхождение, связанное с территорией России.

Границы исключительных экономических зон

Россия имеет морские границы исключительных экономических зон в Баренцевом море, Чукотском, Беринговом, Охотском, Японском, Азовском, Черном и Балтийском морях со следующими странами: Норвегия, США, Япония, КНДР, Абхазия, Турция, Украина, Польша, Швеция, Литва, Эстония, Финляндия.

¹ РФ и Япония могут найти компромисс в территориальном споре. 2013. 23 февраля / URL: <http://topwar.ru>

Морская граница России и США

Таким образом, несмотря на правовую стабильность большей части российских границ, статус отдельных участков остается спорным и остается источником вызовов национальной безопасности нашей страны.

б). Потенциальные союзники, партнеры и противники

... осовременивание модели национальной идентичности в нашей стране совпало с поиском модели национальной модернизации, что в значительной степени осложнило оба эти процесса¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Проблема союзников и партнеров России в Евразии ключевая для понимания ее евразийской политики и стратегии. Ее решение, даже общий подход не может быть сведен к простой формуле «прагматичность – разновекторность», хотя бы потому, что и в европейской, и в азиатской частях Евразии уже сложились свои ценностные ориентиры и приоритеты. Поэтому России придется сделать выбор, от которого в конечном счете и будет зависеть ее евразийская политика. Сегодня этот выбор представляется следующим образом:

– выбор в пользу европейской идентичности и системы ценностей. Этот выбор уже является подспудно главным требованием не только российской либеральной оппозиции, но и стран Евросоюза. Так, в ходе визита в Москву в марте 2013 года председателя Еврокомиссии Жозе Мануэла Барроза он прямо сказал: «Я думаю, что на основе этого общего видения мы можем создать свободное пространство от Лиссабона до Владивостока, где будет обеспечено свободное передвижение и товаров, и людей. Если раньше наше партнерство было партнерством по необходимости, то сейчас мы переходим к партнерству по предпочтению»².

Важно оговориться, что эта декларация председателя Еврокомиссии очевидно противоречит реальному политическому курсу Евросоюза, который «выталкивает» Россию из Европы, противопоставляя ее другим странам континента и требуя от бывших советских государств четкого определения выбора между Европой и Россией. Это отчетливо проявилось в 2013 году на примере Украины, которую заставили взять на

¹ Торкунов А.В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. Декабрь. 2012. № 6 (27). С. 8.

² Латухина К. Москва уже Европа // Российская газета. 2013. 22 марта. С. 2.

себя обязательства и признать, что евроинтеграция исключает членство Украины в Таможенном союзе. Совершенно определенно по этому поводу высказался президент Польши Коморовский: «Неподписание этого Соглашения об ассоциации может означать, что Украина будет дрейфовать в совершенно ином направлении, чем Евросоюз. А это в дальнейшей перспективе может иметь негативное влияние на геополитическую ситуацию в нашем регионе»².

Примечательно, что оба заявления – председателя Еврокомиссии и президента Польши прозвучали одновременно.

«Двойная игра» Евросоюза объясняется просто: «европейский выбор» России должен означать, как минимум, отказ от национальной системы ценностей и национальных интересов, включая суверенитет, в пользу Евросоюза.

– выбор в пользу азиатской идентичности и переориентации на восток не только в политическом и экономическом, но и культурно-ценностном смысле;

– сохранение за Россией уникальности пути развития «нации – цивилизации».

В зависимости от этого выбора будут развиваться, даже предопределяться в будущем политические, экономические и военные аспекты политики России, имея в виду тезис (о котором уже не раз говорилось выше) о том, что в Евразии политика «сотрудничества–соперничества» будет иметь ценностной, культурно-исторический, в конечном счете цивилизационный характер.

К сожалению, сегодня трудно определить такую категорию пограничных государств, которую можно бесспорно отнести к потенциальным союзникам России. В лучшем случае можно говорить о том, что есть потенциал для развития партнерских отношений, который важно не допустить в превращение враждебного потенциала. С другой стороны, в начале XXI века у России пока нет и открытых противников, что позволяет какое-то время рассчитывать на то, что удастся приступить не только к построению эффективной экономики, общества и

² *Ивженко Т.* Киев предупредили в последний раз // Независимая газета. 2013. 22 марта. С. 1, 3.

государства, но и выбрать наиболее приемлемую формулу национальной самоидентификации и сформулировать стратегию национального развития и взаимоотношений на евразийском континенте.

Формирование партнерских, а тем более союзнических отношений, требует не только определенного совпадения национальных интересов и отсутствие антагонизма в системе ценностей, но и ответа на главный вопрос: каким видит себя государство и каким его видят в мире и в Евразии, насколько правящие элиты доверяют друг другу, а, главное, насколько преодолимы имеющиеся неизбежные разногласия и противоречия. При этом существует серьезная проблема в отношениях России и ее евразийских партнеров. Суть ее, если говорить коротко, заключается в том, что в Евразии не сложилось сколько-нибудь устойчивой системы коллективной безопасности. Это имеет своими важными следствиями как существование единственного военно-политического блока на континенте – НАТО, – так и доминирующей неопределенностью в ориентации большинства евразийских государств, которая прикрывается разного рода концепциями «прагматизма», «равноудаленности» и т.п. Эти концепции позволяют играть одним странам на противоречиях других стран, но они же препятствуют и созданию системы коллективной безопасности, а, в конечном счете неизбежно вредят безопасности самих этих стран. Так, Таджикистан странно маневрирует между Россией, Ираком и США, что фактически ведет к потере обоих партнеров¹.

Нерешенность идеологических проблем и вяло текущий процесс самоидентификации неизбежно сказывается на эффективности разрабатываемой евразийской стратегии России в отношении соседних государств.

«Оценка Б.Н. Ельциным роли России в СНГ очень напоминала его взгляды на роль РСФСР в составе Советского Союза. С одной стороны, Россия имела объективное превосходство над остальными республиками по экономическим, политическим и военным показателям, что позволяло ее руководству рассчитывать на ее безусловное лидерство во вновь

¹ Панфилова В. РФ и Иран не устраивают таджикские зигзаги // Независимая газета. 2013. 21 марта. С. 6.

образованной организации. С другой стороны, для сохранения подобного лидерства Москва не стремилась проводить активную внешнюю политику, поскольку у РСФСР никогда не было особого «внешнеполитического курса» в отношении других союзных республик»¹. Выступление В. Путина 3 октября 2011 года со статьей в «Известиях», безусловно, дало импульс развитию евразийских аспектов идеологии, хотя и рассматривалось большинством экспертов только как политическое выступление накануне парламентских и президентских выборов. Этот импульс пока что не превратился в подлинную евразийскую стратегию. Особенно, если речь идет не только об экономической интеграции России, Белоруссии и Казахстана, а о политической стратегии во всей Евразии – от Атлантики до Тихого океана и от Арктики до Индийского океана. Как справедливо заметил эксперт МГИМО(У) К. Коктыш: «Подписали огромное количество контрактов, но нет базовой концепции: что для чего, какие контракты нужны, какие не нужны, и что сделать, чтобы Россия на Дальнем Востоке прекратила испытывать давление практически всех окружающих азиатских стран, превосходящих ее и по демографическим, и по экономическим, и по ряду других параметров»².

Тем не менее импульс был дан. За ним последовало значительное оживление в экспертной и общественной среде: стали появляться новые партии и общественные организации, декларировавшие идеологию евразийства. Были замечены и инициативы среди законодателей, деятелей образования, науки и культуры, даже чиновничества. Все это говорит в пользу того, что в 2012 году появился новый, причем, – реальный – идеологический вектор в общественно-политической жизни России, который с разными, порой противоречивыми аспектами, получил название «евразийский».

Конечно же, этот вектор существовал и прежде. Его пытались обосновать и политики, и философы, и историки еще со времен Ивана III, борьбы славянофилов и западников, но в современной истории этот

¹ Мещеряков К.Е. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и участие в них России. Монография. С.-П., С-ПГУ, 2012. С. 22.

² Азиатская угроза / Эл. ресурс: РБК. 13 сентября 2012 г. URL:<http://top.rbc.ru/politics/13/09/2012/>

вектор нельзя было до недавнего времени назвать ни актуальным, ни одним из приоритетных. Во многом из-за попыток либералов и традиционалистов вписать современную евразийскую идеологию, либо в западно-либеральный, либо традиционный формат.

Как ни странно, появлению этого вектора способствовали неудачи практической политики российской правящей элиты, а не идеологические «изыски» философов, которые и сделали этот вектор в 2012 году реальным политико-идеологическим вектором развития России. Как писал известный ученый Н. Симония, «Увлеченные схоластическими дискуссиями, люди не видели окружающую их реальность такой, какой она есть, а именно, что, даже заимствуя у других народов социально-экономические и институциональные формы, Россия наполняла их своим собственным содержанием..., это во-первых, а, во-вторых, тем, что она заимствовала не только у Запада, но и у Востока. В результате всего Россия стала евразийской страной, то есть воплотила в себе синтез западного и азиатского»¹.

Евразийская геополитика, таким образом, стала новым реальным политическим вектором развития России во многом не благодаря усилиям ученых и работе аналитических служб государства, а «благодаря» ошибкам, допущенным в последние десятилетия во внешней (идеализация Европы) и во внутренней (идеализация рыночных механизмов) политике.

Объективно в этом направлении, безусловно, подталкивали и мощные экономические и политические сдвиги в расстановке мировых сил в пользу государств АТР, особенно Китая, стран Юго-Восточной Азии, а также Индии. Ко второму десятилетию XXI века никто уже не мог игнорировать ни экономическую, ни политическую, ни военную мощь этих государств, которые де-факто стали новым центром силы, во многом противопоставив себя старым центрам силы и влияния. Сотрудник РИСИ профессор А. Виноградов в этой связи осторожно, но точно заметил: «Неизвестно, переместится ли вслед за экономическим политический и военный центр мира в АТР. Известно другое, там формируются **принципиально новые субъекты мировой политики,**

¹ Симония Н.А. Избранное // МГИМО(У). 2012. С. 685.

появляются целые кластеры новых явлений, которые не сводятся к региональным системам безопасности, региональным экономическим союзам и военным блокам в том виде, в каком мы привыкли видеть в Западном полушарии. В целом, в Восточной Азии формируется новая международная архитектура. Возникает вопрос – нужно ли нам становиться её частью, и чем мы готовы за это заплатить?»¹

Вопрос, поставленный им, совершенно справедлив, хотя ответ на него уже есть. В том числе его дает и сам А. Виноградов: «Сомнений относительно необходимости интеграции России в АТР нет, поскольку альтернативой интеграции является изоляция слабой России от наиболее динамичного региона мира. Однако практическое решение этой проблемы осложняется тем, что российский Дальний Восток экономически никогда полноценно не был интегрирован в единое пространство страны. Он только геополитически был её частью. Сегодня его интеграция в Россию естественным путём практически невозможна – слишком быстро набирает экономический вес АТР, и в силу экономических закономерностей рано или поздно встанет вопрос о поглощении им и Дальнего Востока, и Восточной Сибири»².

Как видно, ответ очень конкретен и точен: интеграция неизбежна, но без развитых восточных регионов она практически невозможна. Поэтому логически следует, что опережающее развитие восточных регионов, главным содержанием которого в современных условиях становится развитие транспортно-инфраструктурной сети, является и главным условием интеграции России в АТР. Без этого все заявления и намерения остаются декларациями.

Но эти декларации подкрепляются резким усилением военной активности США в этих регионах. Прежде всего речь идет о поставках В и ВТ, усилении военного присутствия и создании региональных систем ПРО и ПВО. Но не только. Объективно, роль США и Китая в АТР очень высока, а России, скорее, переоценивается российскими экспертами. Так,

¹ Виноградов А.В. Россия в АТР: новые цели и задачи / В сб.: Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества / под ред. д-ра полит. наук А.В. Виноградова, д-ра ист. наук К.А. Кокарева. М.: РИСИ, 2011. С. 124.

² Виноградов А.В. Россия в АТР: новые цели и задачи / В сб.: Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества / под ред. д-ра полит. наук А.В. Виноградова, д-ра ист. наук К.А. Кокарева. М.: РИСИ, 2011. С. 124.

в экспертном опросе, проведенном в апреле 2011 года РИСИ, ситуация выглядит следующим образом¹.

Россия явно уступает лидерство не только США и КНР, но и Индонезии и Австралии, Южной Корее, Сингапуру и, возможно, Вьетнаму. И по уровню экономического, финансового и даже военного влияния роль России не просто ниже, но и продолжает снижаться.

Другая сторона проблемы обеспечения военной безопасности - растущая военно-экономическая мощь и внешнеполитическая активность Китая, которая встречает серьезную обеспокоенность не только у США, но и у Индии, Вьетнама, Японии и, конечно, России. Не случайно западные аналитики признают, что «... Россия кажется китайцем не вполне дружественной: рост китайского влияния в АТР с их стороны справедливо оценивается как проблема национальной безопасности России. Эксперты полагают, что именно опасаясь китайского роста, Россия продала современные истребители Индии и Вьетнаму, и отказалась от поставок КНР двигателя, необходимого для развития самолётов J-20 «Stealth Fighter». Также аналитикам представляется, что

¹ *Абаев Л.Ч., Терехов В.Ф.* Анализ результатов опросов участников конференции «Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества». В сб.: Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества. М.: РИСИ, 2011. С. 137.

участие русского флота в военно-морских учениях RIMPAC близ Гавайских островов этим летом доказывает, что Москва не отдает предпочтения ни Пекину, ни Вашингтону, то есть не выберет ни одного из них в качестве своего постоянного союзника в борьбе против другого»¹.

Действительно, необходимо сохранять внимание относительно намерений КНР по отношению к России и особенно Центральной Азии, на которой Пекин в последние два десятилетия акцентирует внимание. Как отмечает исследователь МГИМО(У) посол России В. Воробьев, «В Пекине исходят из того, что Центральная Азия играет стратегически важную роль в обеспечении национальной безопасности современного Китая. Наряду с Россией, этот регион выступает для него в качестве своего рода глубокого тыла, беспроегрешной опоры перед лицом все более тревожащей Пекин переориентации военных акцентов США на тихоокеанский бассейн, где нарастает конкуренция двух центров тяготения – США и КНР. К тому же заметна оправданная обеспокоенность Китая по поводу активизации заходов Запада в отношении Центральной Азии на фоне неопределенности афганского фактора.

Такой подход Пекина к Центральной Азии не нов. Он начал давать о себе знать еще в ходе нормализации советско-китайских отношений в 1980-е годы. Уже тогда КНР, действуя через Синьцзян-Уйгурский автономный район, начала устанавливать прямые контакты с советскими среднеазиатскими республиками. После некоторых раздумий в связи с распадом СССР в конце 1991-го года Пекин прочно утвердился в этой точке зрения. Выстраивая свою линию на постсоветском пространстве, Китай параллельно с акцентом на Россию, стал выделять регион Центральной Азии. Первейшим показателем (подтверждением) можно считать решение вопросов о границе в 1990-е годы между Китаем и его непосредственными соседями – Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном...»².

¹ Чувакин О. Русский Дальний Восток: китайцы впереди американцев / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2012. 4 октября / URL: <http://topwar.ru>

² Воробьев В.Я. Политика Китая в Центральной Азии / Эл. ресурс: «Евразийская оборона». 2013. 8 февраля / URL: <http://eurasian-defence.ru>

При этом сохраняется конфликтный потенциал, поводом для которого могут послужить самые разные обстоятельства – от исторических до правовых. Так, В. Воробьев справедливо полагает: «... Установление, то есть прокладка границы зачастую осуществляется в опоре не на историко-правовые аргументы, а руководствуясь политически приемлемой для обеих сторон целесообразностью. А уже тогда в трех среднеазиатских странах начали раздаваться голоса, утверждавшие, что русско-китайские договорные документы XIX и начала XX веков о разграничении в Средней Азии были составлены чиновниками царской России и императорского Китая без учета воли местных вождей и особенностей расселения народов, традиционных привычек и миграционных потоков. Китай, в свою очередь, также мог пересмотреть свои подходы, зафиксированные на переговорах с Советским Союзом. В китайских научных кругах и в общественном сознании с давних пор (и по сей день) превалирует точка зрения, согласно которой многие центральноазиатские земли находились под властью китайских императорских династий с древних времен и по вторую половину XIX века»¹.

¹ Воробьев В.Я. Политика Китая в Центральной Азии / Эл. ресурс: «Евразийская оборона». 2013. 8 февраля / URL: <http://eurasian-defence.ru>

Территориальные претензии Пекина, утечки о которых то и дело появляются не случайно в КНР, не могут остаться без внимания у стран, граничащих с КНР, – Японии, Вьетнама, России, КНДР, Киргизии, Казахстана и др.¹

Другой проблемой обеспечения военной безопасности России становится Арктика.

Несмотря на то, что Арктика де-юре считается демилитаризованным регионом, в котором не регламентируется создание военных баз различных государств, сегодня многие прекрасно понимают, что за этот регион рано или поздно может развернуться масштабное противодействие со стороны не только тех стран, которые входят в так называемый Арктический совет, – отмечают эксперты «Военного обозрения».

«Стоит напомнить, – считают они, – что сегодня в Арктическом совете состоят восемь государств: Россия, США, Канада, Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция. Помимо перечисленных стран есть у Арктического совета еще и группа государств-наблюдателей (Китай, Великобритания, Испания, Германия, Польша, Южная Корея,

¹ Чувакин О. Русский Дальний Восток: китайцы впереди американцев / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2012. 4 октября / URL: <http://topwar.ru>

Франция, Италия и Нидерланды), многие из которых всеми силами хотят приложить руку к арктическим ресурсам. А ресурсов в Арктике столько, что излишнее рвение ими распорядиться как членами Арктического совета (АС), так и странами-наблюдателями вполне понятно. По оценкам специалистов, одни только углеводородные запасы арктического шельфа могут составлять около четверти всех планетарных запасов нефти и газа. Именно арктические нефть и газ в последнее время стали объектами пристального внимания со стороны многих государств, которые, как говорится, к самой Арктике ни каким боком... В частности, о своей заинтересованности в арктических проектах заявляют Индия и Бразилия, которые по своим географическим координатам от арктического региона безумно далеки.

При этом далеко не каждое государство открыто заявляет о том, что оно собирается делать в Арктике... Одни сообщают о неких экологических проектах и спасении вымирающих видов животных, но при этом зачем-то говорят о строительстве собственных ледоколов, другие заявляют о некоем противодействии террористической угрозе, которая якобы вот-вот может себя проявить. Однако все отлично понимают, что все эти речи об экологической и террористической опасности для Арктики со стороны определенных сил – банальный блеф, который еще и плохо подготовлен»¹.

Примечательно, что есть немало примеров того, как даже небольшие государства Евразии демонстрируют рост военной активности. Причем в

¹ Претендентов на Арктику становится всё больше / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2012. 5 октября / URL: <http://topwar.ru>

области приобретения или создания наступательных вооружений. Так, Финляндия, например, заявила о намерении приобрести 70 оперативно-тактических ракет M39 Block 1A, способных достичь Санкт-Петербурга, Карелии, Ленинградской и Мурманской областей и предназначенных для уничтожения точечных целей – КП, ПУ ракет, объектов ПВО, узлов связи и т.п. Их дальность до 300 км позволяет угрожать по сути всему северозападному региону России. Эти системы – очевидно наступательные, – предназначены против России, о чем свидетельствуют ТТД и ТТХ¹.

Модификации и ТТХ оперативно-тактической ракеты MGM-140 ATACMS

Модификация	MGM-140A ATACMS Block 1	MGM-140B ATACMS Block 1A	MGM-164A ATACMS Block 2	MGM-164B ATACMS Block 2A	MGM-168A ATACMS Block 4A
Год начала эксплуатации	1991	1998	2003	Работы прекращены в 2003	2003
Кол-во ступеней	1	1	1	1	1
Длина	3,96 м	3,96 м	3,96 м	4,00 м	4,00 м
Диаметр	0,61 м	0,61 м	0,61 м	0,61 м	0,61 м
Размах крыльев	1,4 м	1,4 м	1,4 м	1,4 м	1,4 м
Масса	1670 кг	1320 кг	1480 кг	нет данных	нет данных
Масса ГЧ	560 кг	160 кг	268 кг	нет данных	227 кг
Тип ГЧ	Кассетная 950 БЭ M74	Кассетная 275 БЭ M74	Кассетная 13 самонаводящи хся БЭ ВАТ	Кассетная 6 самонаводящи хся БЭ Р I I- ВАТ	Осколочно- фугасная WDU-18/B
Дальность стрельбы	165 км	300 км	140 км	220 км	270 км
Тип системы управления	ИНС	ИНС + GPS	ИНС + GPS	ИНС + GPS	ИНС + GPS
Точность (КВО)	225-250 м	менее 100 м	200 м	менее 100 м	10-20 м

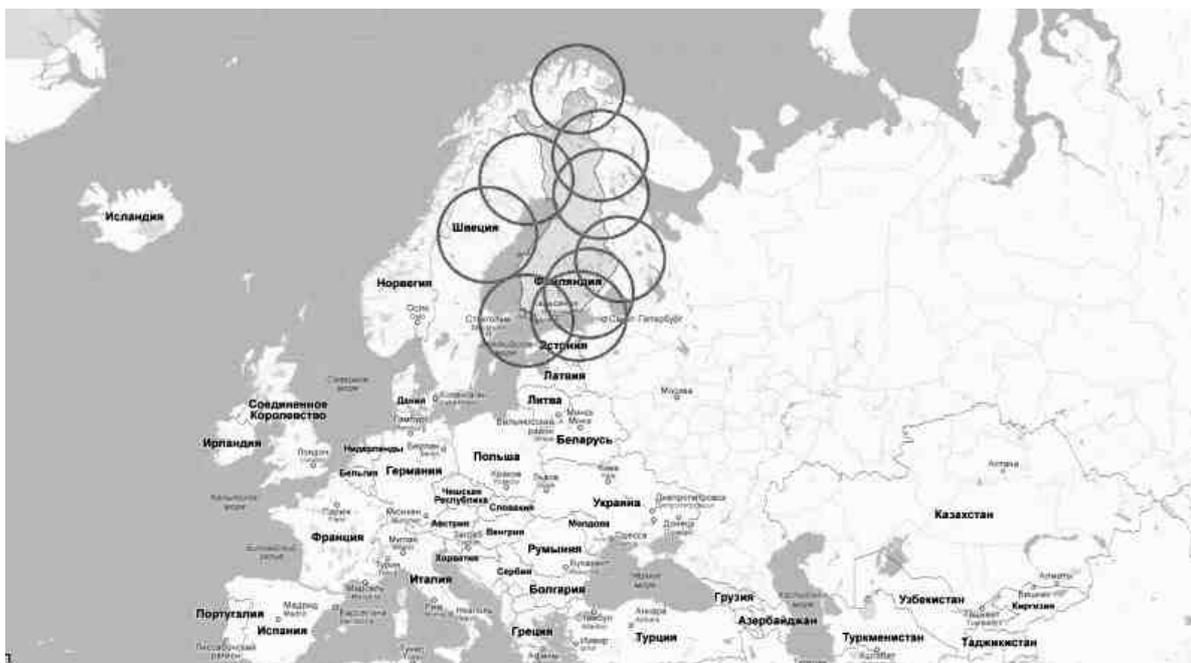
Не случайно российские эксперты задаются вопросом: с кем собирается воевать Финляндия – нейтральная страна?

И отвечают:

¹ Зачем Финляндии 70 оперативно-тактических ракет M39 Block 1A (MGM-168A) комплекса ATACMS? / Эл. ресурс: Военное обозрение. 2012. 6 октября / URL: <http://topwar.ru>

«Оперативно-тактический ракетный комплекс «АТАСМС» (Army Tactical Missile System) предназначен для поражения точечных целей, расположенных в глубине обороны противника в любых погодных условиях, в любое время суток.

Гипотетически с кем может воевать Финляндия (Нейтральная страна, член ЕЭС с 1996)?

С Эстонией (куда финны регулярно плавают за горячительным и где даже есть специальные такси и тюрьмы-гостиницы для перебравших лишнего финнов)? Со Швецией и Норвегией (с которыми даже отсутствует граница и контроль)?

Вероятно, финны решили глушить рыбу в Ботническом и Финском заливах.

А если серьезно, «крупные» и достойные цели – это города, которые можно легко угадать по этим фотографиям а также Штаб ОСК «Запад», объекты ЛенВО, Балтийского и Северного флотов»¹.

Понятно, что идеологическое оформление новой российской геополитики, как всегда, в России запаздывало. Систематизация шагов, необходимая для создания эффективной евразийской стратегии, началась

¹ Зачем Финляндии 70 оперативно-тактических ракет М39 Block 1A (MGM-168A) комплекса АТАСМС? / Эл. ресурс: Военное обозрение. 2012. 6 октября / URL: <http://topwar.ru>

в 2012 году. Только после статьи В. Путина. Но, приходится повторить, что это было хотя и бурное, но только начало.

Пока же ситуация остается примерно на уровне первой половины первого десятилетия XXI века, когда, как отмечал А. Гринберг, «научная проработка перспективных территориальных и региональных проблем России ведется в ожидании оформления СТР и стратегии макрорегионов»¹.

Эти стратегии, в свою очередь, не могут быть оформлены нормативно и политически без принятия соответствующей стратегии национального развития, в основе которого лежит соответствующая идеология. Без этого инструмента управления все остальные действия бессмысленны.

Сегодня стало очевидным для всех, что мощь государства, а значит и его международные позиции в мире определяются в первую очередь качеством человеческого капитала. Наши расчеты показывают, что кроме известных общепринятых критериев - душевой доход, уровень образования и продолжительность жизни – на качество человеческого капитала значительное влияние оказывают и другие факторы, а именно: культура и духовность нации. Россия, как самое древнее из существующих государств Европы, обладает в полной мере этими качествами. Они во многом определяют не только само понятие «русской цивилизации» или «русского мира», но и являются нашим важнейшим конкурентным преимуществом. Надо сказать, пока еще слабо используемым. В том числе и в международных отношениях. Это очень важно понимать. Особенно в тех случаях, когда речь идет о приоритете тех или иных ценностей – цивилизационных, человеческих, любых других.

Отношения с потенциальными партнерами и союзниками в Евразии будут определяться в XXI веке не столько наличием природных ресурсов (где позиции России сильны) сколько лидерством России в цивилизационной и идеологической области, которое сегодня **предопределяется** лидерством в науке, образовании, культуры и духовности. «Еще в конце XIX века немецкий предприниматель Вернер

¹ Гринберг А. Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации // Вопросы экономики. 2001. № 9. С. 18.

фон Сименс резонно заметил: когда дела идут совсем плохо, надо вкладываться в науку. Сегодня можно было бы развить этот афоризм: когда не знаешь, куда вложить лишние деньги, вложи их в науку»¹.

¹ Ваганов А. Три миллиона – за игру на суперструнах // Независимая газета. 2013. 22 марта. С. 2.

Глава 7. Политико-идеологический выбор евразийской стратегии России

Общественные силы и условия не просто «определяют» идеологии, как утверждал когда-то Карл Маркс, идеи не способны обрести силу, если они не обращены к нуждам большого количества обычных людей¹

Ф. Фукуяма

... я не могу отыскать на карте страну, кроме России, где могла бы родиться новая идея²

М. Хазин,
экономист

Важно подчеркнуть, что и план, и средства, и, тем более, ресурсы не являются только экономическими категориями. Все эти компоненты предопределяются политико-идеологическим обоснованием, в конечном счете политико-идеологическим выбором элиты. Уже говорилось, что выбор евразийской стратегии России, как естественной реакции на изменение в соотношении сил в Евразии, будет выбором между формированием самостоятельного центра силы, втягиванием в орбиту Запада или КНР, или продолжением невнятной тактики «равноудаленности» и «разновекторности», получившей название «качелей».

Также говорилось, что конкуренция в Евразии будет не столько между государствами, сколько между системами ценностей, которые представляют эти государства. И даже цивилизациями. В Евразии такими основными цивилизациями и системами ценностей могут быть:

– Европейская либерально-демократическая цивилизация и система ценностей, сознательно и усиленно формирующаяся Евросоюзом после Лиссабонского договора 2010 года. Эта система ценностей постепенно вытесняет и даже заменяет не только национальные системы ценностей, но и даже национальные интересы.

– Китайская конфуцианско-социалистическая система ценностей и цивилизация, обладающая огромным философско-историческим и культурным гомогенным потенциалом, не позволяющим раствориться ей в любой иной цивилизации.

¹ Фукуяма Ф. Будущее истории // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 1. С. 9.

² Хазин М. Мир на пороге новых перемен / Эл. ресурс. Центральная Азия. 3 августа 2012 г. / URL: <http://centrazia.ru/news>

– Индийская цивилизация и система ценностей, также обладающая огромным ресурсом своего развития.

– Исламская система ценностей и цивилизация, обладающая необычайной пассионарностью, динамизмом и агрессией.

– Наконец, российская система ценностей и цивилизация, которая (если в очередной раз не произойдет попытки ее ликвидации) является наследницей великих европейских и азиатских традиций.

Все эти основные системы ценностей и цивилизации обладают огромными, сопоставимыми между собой, культурно-духовными и экономическими ресурсами. Именно изменение в соотношении общих экономических (демографических, финансовых, военных и пр.) сил будет являться основой для конкуренции этих пяти основных цивилизаций и систем ценностей в Евразии и мире в XXI веке.

Существуют самые разные, порой очень отличающиеся друг от друга, долгосрочные прогнозы экономического развития государств, которые, однако, объединяет одно признание: расстановка экономических, политических и военных сил существенно, даже радикально изменится к середине XXI века прежде всего в пользу быстроразвивающихся демографических гигантов – Китая, Индии, Бразилии, Индонезии, которые также являются и носителями своих национальных систем ценностей и представителями цивилизаций: китайской, индийской, латиноамериканской, исламской.

Россия – как самостоятельный экономический и цивилизационный центр силы – отнюдь не выпадает из этого ряда, но является как бы «замыкающей», «восточно-православной» цивилизации и экономическим центром силы. Необходимо только определенное мужество и амбиции это признать.

Так, в одном из долгосрочных прогнозов «Мир в 2050 году», сделанном в докладе компании PricewaterhouseCoopers (PwC), даются следующие оценки¹.

Прогнозы перемен в группе лидеров крупнейших экономик мира

Место страны	Год
--------------	-----

¹ Цит. Куликов С. Бурный экономический рост к 2050 году // Независимая газета. 2013. 18 января. С. 4.

по объему ВВП в мире*	2011	2030	2050
1	США	Китай	Китай
2	Китай	США	США
3	Индия	Индия	Индия
4	Япония	Япония	Бразилия
5	Германия	Россия	Япония
6	Россия	Бразилия	Россия
7	Бразилия	Германия	Мексика
8	Франция	Мексика	Индонезия
9	Великобритания	Великобритания	Германия
10	Италия	Франция	Франция
11	Мексика	Индонезия	Великобритания
12	Испания	Турция	Турция
13	Южная Корея	Италия	Нигерия
14	Канада	Корея	Италия
15	Турция	Испания	Испания

*ВВП по паритету покупательной способности. Источник: Всемирный банк, прогнозы PricewaterhouseCoopers.

Как видно, уже с 2030 года мировые экономические лидеры определяются достаточно точно. К 2050 году Бразилия и Мексика становятся полноправными членами этого «клуба».

Но эти же мировые экономические гиганты являются уже сегодня и лидерами своих цивилизаций и своих ценностных систем.

Остается только одно: признать за Россией такое ее право и ответственность не только за экономическое и политическое, но и цивилизационное лидерство, которое будет признано неизбежно и за другими державами. Но цивилизационное лидерство означает в конкретных исторических условиях и лидерство **идеологическое**.

Более того, цивилизационное и идеологическое лидерство требует и лидерства концептуального, в т.ч. в области политического и государственного строительства, создания наиболее привлекательной, эффективной и оригинальной модели устройства и управления. Тем более, это лидерство требует оригинальной национально-цивилизационной стратегии развития.

Сказанное означает, что политико-идеологический выбор в пользу самостоятельной самоидентификации и лидерства во многом предрешен не только тем, что Россия не может согласиться интегрироваться в чужую систему ценностей, отказавшись от своей, но и самими условиями международного развития. С этим выводом наверняка не просто согласятся российские неолибералы, которые изначально решили за всю нацию, что ей необходимо ассимилироваться с западноевропейской системой ценностей.

Еще в 80-е годы XX века влиятельная часть советской элиты сделала выбор в пользу системы западноевропейских ценностей под предлогом отказа от коммунистической системы. Произошло то же самое, что в свое время при Екатерине II, когда общество, начитавшись французских романов и впитав дух либерализма, сделало модным не только французский язык (нередко, как Александр I, даже толком не зная русского), но и немодным все русское. Так и в 80-е годы стало модным критиковать все советское – даже придумали для этого термин «совок», – априори некритично воспринимая все западноевропейское. В определенном смысле появление феномена М. Горбачева не было случайностью, ведь вместе с ним появились не только либералы А. Яковлев и целая плеяда деятелей ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ, которые мгновенно смогли самоидентифицироваться как либеральные националисты. Вероятно, самым ярким представителем этой плеяды стал Э. Шеварднадзе.

Удивительно, но только во второй половине первого десятилетия нового века национальная самоидентификация дошла до российской элиты, что немедленно было встречено резким противодействием со стороны либералов-западников, которые со времен М.С. Горбачева фактически руководили нашей страной.

Ситуация цивилизационных альтернатив во многом знакома России по ее истории. Такой же выбор предстояло сделать ее элите в X веке между православием, католицизмом, иудейством и сохранением праславянских традиций. В XII–XIII веках – между Ордой и Тевтонским орденом. В XVI веке – между польско-литовским влиянием и сохранением православных ценностей и т.д., вплоть до конца XX века,

когда неолибералы попытались навязать «общечеловеческую» (либеральную) систему ценностей в противовес российской (под предлогом отказа от советской). Но самое важное состояло не в противопоставлении как таковому, а в том, что либеральный концепт был лишь завуалированным призывом к духовной капитуляции, предполагавшей не только отказ от стереотипов социалистического бытия но и от более глубоких оснований национальной идентичности.

а). Либерализм и американский «цивилизационный» гегемонизм в Евразии

Именно национализм, национальная гордость служит Китаю надежным щитом, который позволяет ему сохранить основы государства, противостоять тенденции глобализации¹

А. Ковалева

... за последние 20 лет у нас не было ситуации, при которой американцы были реальными врагами: «Россия для них – не враг, а партнер. Иногда трудный, но партнер. А у нас считают, что вашингтонский обком ни о чем другом не думает, кроме как ущемить «великую Русь»²

*И. Юргенс,
директор ИНСОП*

Вот уже многие годы часть российской элиты открыто и активно работает против национальной системы ценностей и в пользу чужой. Это происходит несмотря на обострение конкуренции великих держав в Евразии и противостояния представленных ими систем ценностей и цивилизации. Неизбежно признание, что наравне с конкуренцией военной и экономической происходит конкуренция в области идеологий, мировоззрения и систем ценностей. Причем если в США, Европе, Китае это не скрывается, а иногда и подчеркивается, поддерживается совершенно конкретными решениями и ресурсами в форме «мягкой силы», то в России эту конкуренцию как будто не замечают. Причина проста: мы зачастую не хотим признать того, что обладаем уникальной системой ценностей, традицией, а раз так, то это и не может конкурировать с чем-то, что реально существует.

На практике это означает стремление значительной части правящей элиты, которая обладала абсолютным господством до недавнего времени, и все еще сохраняет его в финансах и СМИ, ассоциироваться с западно-либеральной системой ценностей. По разным оценкам, к этой части общества принадлежит вряд ли более 10%, но именно эта социальная группа активно, даже агрессивно навязывала и продолжает навязывать всей нации свои представления и отрицая (не менее агрессивно) национальную систему ценностей и национальную идентичность.

¹ Ковалева А. Поднебесная держит оборону // Независимая газета. НГ-сценарии. 2012. 25 сентября. С. 14.

² Самарина А. Разные тактики российской внешнеполитической стратегии // Независимая газета. 2013. 25 февраля. С. 3.

Противопоставить растущим претензиям США в Евразии можно только политику, основанную на активном продвижении евразийской системы ценностей и долгосрочных интересов России, а значит сконцентрировать внимание на сохранении и развитии национальной ценностной системы. И это вполне возможно, ибо давление Запада, в основе которого лежит стремление любыми способами «продвинуть» в Евразию либеральную идеологию, может столкнуться с «обратной волной», о которой говорил в свое время еще социолог С. Хантингтон, известный специалист по теории цивилизаций, когда ввел в научную дискуссию понятие «обратной волны демократизации», объясняя ею временные отходы ранней демократии под напором более традиционных и привычных для жизни народа форм жизни при недемократических режимах»¹.

Этот процесс «забегания вперед» и «отката» – очень характерен для общественных явлений, неоднократно описан многими социологами и политологами, среди которых особенно хотелось бы отметить исследователя МГИМО(У) академика РАН Н. Симонию, который еще в 1980 году издал книгу «Страны Востока: пути развития»².

Суть его взглядов в следующем. Общественные процессы в своем развитии, иногда естественном, но иногда и искусственном, «забегание вперед», добиваются постановки и решения задач, к которым общество еще не готово. Поэтому следует «откат» и маятник устанавливает новое равновесие. Так было во времена Французской революции при якобинцах, военного коммунизма при большевиках. Это же случалось и в начале 90-х годов в России, когда, разогнавшись, либеральная волна намного забежала вперед.

В XXI веке большинство элиты осознало, что неолиберальное «забегание вперед» – авантюра. Последовал медленный откат, продолжающийся и сегодня. Пена, как после волны, смывается, обходит, цепляясь за немногие камни.

¹ Паин Э.А. Волшебная сила разнообразия // Независимая газета. НГ-сценарии. 2012. 25 сентября. С. 9.

² См.: Симония Н.А. Избранное. М.: МГИМО(У), 2012.

Этот откат наиболее ярко выражен в идеологии, когда у правящей элиты сохранилось две системы ценностей – неолиберальная, образца 80-х–90-х годов, и национальная, государственно-капиталистическая.

Последствия такого идеологического выбора, лежащего в основе формирования евразийской стратегии России, непосредственно будут связаны с сохранением суверенитета и будущим российского государства. Для неолибералов эти понятия несущественны, они вполне заменимы на «общечеловеческие» (либеральные) ценности. Идеологический выбор сегодня таким образом, – это выбор в конечном счете либо в пользу государственности, самоидентификаций, либо в пользу ограничения суверенитета и впоследствии развала России, включая неизбежное отделение от нее Сибири и Дальнего Востока. Для либералов понятие «национальное» малосущественно. Они вполне могут заменять его на «общечеловеческое» достояние. Этот политико-идеологический выбор не просто выбор между либералами или государственниками, «европейством» или «евразийством», но и выбор будущего для всего государства. Более того, это выбор будущего для всей российской цивилизации. Как справедливо заметил академик Н. Симония, «... евразийство России в его широком культурологическом понимании имеет под собой еще и важные географические и демографические основания – многонациональный состав ее населения и расположенность одновременно на значительной части как Европы, так и Азии. Игнорирование этих моментов может привести к развалу российской государственности, все еще не оправившейся от десятилетия ельцинского правления»¹.

Если для всей России, под которой, как правило, либералами понимается только ее наиболее населенная и экономически развитая европейская часть, окончательный выбор между либерализмом и некой новой идеологией может еще какое-то время и не быть неотложным, то для формирования современной евразийской стратегии и политики по отношению к развитию восточных регионов этот выбор уже даже запоздал. Неудачи всех стратегий и концепций последних лет выражаются в конкретной депопуляции, развале экономики и социальной сферы, восточных регионов, деградации населения и провала многочисленных и амбициозных начинаний.

¹ Симония Н.А. Избранное // МГИМО(У). 2012. С. 685–686.

б). Евразийский принцип в самоидентификации российской элиты

...к середине этого столетия первую строчку в рейтинге самых мощных экономик мира займет Китай. США переместятся на вторую позицию. Тройку экономических лидеров замкнет Индия. На четвертом месте окажется Бразилия, а за ней последует Япония. Россия, согласно прогнозам PwC, закрепится на шестой позиции...¹

Доклад PwC «Мир в 2050 году»

Создание стратегии евразийской интеграции является, прежде всего, следствием идеологического выбора элитой и обществом России в пользу самостоятельного, оригинального пути развития, самостоятельной политики, как внешней, так и внутренней, когда в мире происходят решительные изменения в соотношении сил. Требуется ясная самоидентификация. Прежде всего мировоззренческая и идеологическая, но, в конечном счете, политическая, от которой будет зависеть окончательное формулирование целей, определение необходимых национальных ресурсов и учет внешних факторов влияния.

В последние десятилетия XX и в начале XXI века в России шла бурная дискуссия по этим вопросам, которая в конце советского периода привела к тому, что разные элиты разных частей некогда единого государства совершенно по-разному ответили на эти вопросы. Прибалтийские государства самоидентифицировались как часть Западной Европы (превратившись в её задворки), Азербайджан – как мусульманское государство, Грузия – как «часть Евросоюза», Украина – чуть ли ни как член НАТО и т.д. и т.п. Процесс этот продолжается и сегодня.

¹ Цит. по: Куликов С. Бурный экономический рост к 2050 году // Независимая газета. 2013. 18 января. С. 4.

в). Идеология освоения пространства как оригинальная основа и модели развития России в Евразии

По мнению 71% опрошенных россиян, Россия принадлежит особой – «евроазиатской», или православной цивилизации, поэтому ей не подходит западный путь развития. Только 13% считают Россию частью западной цивилизации¹

*ВЦИОМ,
2–5 ноября 2001 г.*

Было бы разумно больше внимания уделять вопросам долгосрочных институционализированных связей в военно-политической сфере и сфере безопасности²

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Без политико-идеологического выбора и самоидентификации невозможно разработать оригинальную, свойственную только России стратегию и модель евразийской интеграции. Другой, не оригинальной модели для России в принципе быть не может. Ни опыт Евросоюза, ни любой иной в данном случае не подходит. Если предположить, что в основе евразийской самоидентификации России лежит национальная система ценностей, то и модель ее политического, социального и экономического развития может быть такой же оригинальной, даже уникальной как ее система ценностей и идентичность. Соответственно политико-идеологический выбор может и должен быть сделан в пользу такой оригинальной государственной модели, политической системы и экономики.

Пока что такой выбор не сделан, правящая элита страны пытается приспособить чужие примеры, идеалы и образы под российские реалии. Как правило, из этого ничего не получается.

После 1993 года не сложилось нормальной политической системы потому, что чужую, французскую систему попытались приспособить под конкретного человека – Б. Ельцина, – что выразилось в бесконечные переустройства и изменения правил «формирования» Совета Федерации и выборов депутатов Государственной Думы РФ, реорганизацию Генеральной прокуратуры, Министерства обороны, ФСБ, а, главное, неэффективность судебной власти и институтов гражданского общества.

¹ Россия: Западный путь развития для «евроазиатской» цивилизации? / Эл. ресурс: «Евразия» / URL: <http://eurasian-defence.ru>

² Торкунов А.В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 71.

Ко второму десятилетию второго тысячелетия стало ясно: Россия, перестав быть империей и коммунистическим государством, так и не обрела новую и эффективную для себя форму политического и государственного существования. Не имея такой эффективной формы государства (что особенно ярко подтверждается низкой эффективностью госуправления и коррупцией), Россия не в состоянии пока предложить другим странам ни привлекательного образа, ни модели государственного устройства. В рамках процесса евразийской интеграции это сводится к двустороннему экономическому сотрудничеству. Другие страны не видят в России пример, лидера ни в области идеологии, ни в области государственного устройства.

Причины, как правило, ищут в мировом кризисе, «сорвавшем реализацию Стратегии–2020», неисполнительности чиновников, коррупции, неадекватности оценок и планов. Не видят главного: неолиберальный подход к национальному развитию изначально отрицает как стратегический (идеологический) прогноз, так и стратегическое национальное планирование, которое подменяется макроэкономической оценкой, экстраполяцией только финансовых или социально-экономических процессов.

Российский либерализм, оттесненный от широкой политической жизни из-за его ничтожной общественной поддержки, удержался в системе «финансовых менеджеров» от обороны, безопасности, науки и образования. По сути дела финансово-монетарные власти остались те же, что и в 90-е годы: их не осталось практически в Федеральном Собрании, Администрации, региональных властных структурах, но они цепко держат либеральную финансовую инициативу, саботируя, игнорируя и, как минимум, искажая политическую волю.

«Дело Сердюкова», «Дело Скрынник», сотни других дел не изменили системы, созданной в 90-е годы либералами и во главе либералов, для которых национальные интересы и национальная система ценностей всегда будут вторичными по отношению к американо-европейской. Вот почему даже самые современные и амбициозные программы развития восточных регионов и или перевооруженных сил

будут сталкиваться с саботажем либеральных финансово-монетарных властей.

Это видно, например даже на оценке развед-сообществом США возможных последствий военной реформы и реализации ГОЗ-2020, прозвучавшей в докладе 16 спецслужб Сенату: «Планы РФ по модернизации своей армии американские спецслужбы оценивают скептически. По их оценкам, реализацию программы перевооружения армии, рассчитанной на десять лет, осложняет «развал оборонного комплекса», отсутствие финансирования и бюрократические трудности. Тем не менее, как считают аналитики США, «программы реформирования позволят российской армии быстрее побеждать своих небольших соседей и сохранять доминирующие позиции на постсоветском пространстве», однако «не смогут дать ей возможность вести серьезные наступательные операции против НАТО»¹.

Это уже геополитическая оценка эффективности политики российской власти, которой отводится второстепенная роль в Евразии. Она полностью соответствует тому созданному отечественными либералами политико-идеологическому алгоритму, при котором Россия должна на чужих условиях интегрироваться в западную систему ценностей, растеряв свой суверенитет, территорию и национальную идентичность.

Иначе говоря, по мнению либеральных критиков, масштабные планы российской власти по развитию страны, перевооружению не имеют серьезных геополитических последствий для России, которая в лучшем случае сможет сохранить «доминирующие позиции на постсоветском пространстве». Судя по всему, это мало беспокоит и правящие круги США, у которых в отношении Евразии существуют глобальные планы не только в ее европейской, но и юго-восточной, северо-восточной, центрально-азиатской и ближневосточной частях.

Получается, что смыкаются не только ценностные системы российских либералов и их американских политических и идеологических партнеров, но совпадают и их представления о

¹ *Белянинов К.* Россию признали сложной, но не самой страшной // Коммерсант. 2013. 14 марта. С. 7.

национальных интересах России. Примечательно, что если у некоторой части западной (не только американской) элиты есть радикальные представления о будущем России, в частности ее природных ресурсов, территориальной целостности и т.п., то и у радикального крыла российских либералов эти взгляды во многом совпадают. Так, если речь идет о судьбе восточных регионов нашей страны и их природных ресурсов, М. Олбрайт, Х. Клинтон, М. Тэтчер и ряд других крупных политиков полагали, что для России «досталось слишком много природных ресурсов». Но и в России немало сторонников того, чтобы восточные регионы либо «уравнять в правах» с европейскими (что на деле будет означать их дальнейшую деградацию), либо превратить в оффшоры, которые вскоре, как и транснациональные транспортные коридоры, могут лишиться политического суверенитета. Исторические примеры – «опийные войны», КВЖД и т.д. хорошо иллюстрируют эти возможности.

Для сохранения нации и государства правящей элите придется – хочет она того или нет – признать, что единственный способ это сделать – политико-идеологический выбор в пользу сохранения национальной системы ценностей. Более того, превращения их в ядро, вокруг которого могут концентрироваться другие цивилизации от восточно-славянских православных народов до стран Азии.

Надо признать, что российская элита, пусть не вся, но медленно, с опозданием, но пришла к идее необходимости самоидентификации. Президент В. Путин озвучил ее в своем послании Федеральному Собранию в декабре 2012 года: «В мире XXI века на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией»¹.

«Быть и оставаться Россией» означает не что иное, как признание уникальности цивилизации, к которой принадлежат народы нашей

¹ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / URL: <http://президент.рф>

страны, а значит невозможности ее ассимиляции ни с Западом, ни Востоком, ни кем-то еще.

Можно вместе с тем констатировать, что появление новых глобальных угроз и усиление нестабильности в мире, требующих четкой самоидентификации, не нашло пока что вполне адекватного отражения в восприятии российской элиты. Это отражение выразалось бы в ясной и логичной концепции долгосрочного национального развития и ее политики мире и в Евразии. Существующие концепции, в т.ч. принятая в феврале 2013 года Концепция внешней политики России, не могут пока устранить этот пробел. Это объясняется сосуществованием в российской элите двух противостоящих групп и двух противоречивых подходов – государственнического и либерального, – их борьбой и дискуссией. На практике это означает наличие двух противостоящих идеологий, что проявляется и в проведении двух политических тактик: либерально-монетаристской и государственно-капиталистической. Причем, не только по отношению к социально-экономическому, но и даже внешнеполитическому курсу, которые отчетливо проявляются в евразийской политике. Нерешенные идеологические вопросы становятся серьезным препятствием в политической практике.

Применительно к стратегии евразийской интеграции это справедливо в полной мере, хотя и менее заметно. «На поверхности» обе группы элиты договорились о приоритетах экономической интеграции, «оставив за скобками» тему евразийской внешнеполитической стратегии и военной политики, где, между тем, видна определенная, хотя и не всегда бросающаяся в глаза, позитивная динамика. Складывается впечатление, что в этих областях ведется подспудная, неафишируемая работа, когда «вдруг» появляются смелые решения, как, например, о создании объединенной системы ВКО СНГ.

Важно, однако, отметить не общие тренды российской евразийской политики, которые в целом отражают реалии, а скорость и эффективность такой политики, которая очевидно отстает от динамики процессов, происходящих в Евразии и АТР. Так, например, товарооборот России и КНР в несколько раз меньше, чем между КНР и Тайванем, а между Россией и Вьетнамом вообще скорее символичен, что характеризует

экономические возможности России в Евразии. Это, безусловно, сказывается на ситуации регионально и в рамках которой происходят без участия России мощные сдвиги в расстановке политических и военных сил, требующие быстрой и эффективной – ответной реакции с российской обороны. Россия не только потеряла многие свои позиции в Евразии в 90-е годы, но и продолжает их терять, в то время как происходит очевидное усиление влияния других цивилизаций и государств. То, что в Азербайджане перешли с кириллицы на латиницу еще можно как-то объяснить – Закавказье и Средняя Азия только в XIX веке стали частью восточноевропейской цивилизации во многом искусственно, – но то, что Казахстан, где значительная часть населения продолжает идентифицировать себя с Россией, принимает латиницу, означает, что даже союзник России по Таможенному Союзу стремится ассоциироваться с иной традицией и системой ценностей, что в конечном счете неизбежно приведет к расхождению национальных интересов.

Полагать, что подобные тенденции в политике национальных элит – следствие только внутренних процессов, было бы глубоко ошибочно. Борьба за цивилизационное влияние в Евразии идет по восходящей именно в последние годы. Так, например, визит министра иностранных дел Узбекистана Камилова в США в марте 2013 года показал новые тревожные тенденции, которые, по мнению эксперта А. Володина, выражаются в следующем:

Во-первых, с помощью неожиданного поворота демократизаторской политики США выдают аванс действующему руководству Узбекистана, усаживая его на достаточно короткий поводок. Мол, мы вон даже о соблюдении прав и свобод человека для вас забыли, а вы... Будьте так любезны – ответный реверанс.

Во-вторых, в регионе может быть вбит очередной клин между соседними государствами, ведь если узбекская армия действительно окажется хорошо вооруженной не без помощи натовских «друзей», то это в конечном итоге может привести к тому, что неким политическим силам захочется это военное преимущество в Центральной Азии реализовать.

В-третьих, в Центрально-Азиатском регионе может появиться (или уже появляется) государство, которое видит исключительные приоритеты

в отношениях с США и НАТО, нежели в отношениях со своими соседями¹.

Возникает закономерный вопрос: если происходит усиление внутрицивилизационных противоречий и борьбы, к которой подключаются активно даже мощные не евразийские силы, то какова должна быть стратегия России в Евразии? Пока что мы наблюдаем только активизацию экономической политики нашей страны в Евразии, где элементы противодействия внешнему влиянию, воздействия на неэкономические факторы практически отсутствуют.

Иными словами, если у важнейших геополитических игроков Евразии – США, Китая, Индии, исламских государств – есть долгосрочная геополитическая стратегия, с встроенным в нее идеологическим компонентом, то Россия пока что ограничивается и противопоставляет им только среднесрочную и чисто экономическую стратегию.

Особенно заметно это на главном – идейном – ТВД в Евразии – борьбе за сохранение и продвижения национальной системы ценностей в Евразии, где влияние России стремительно ослабевает. Уже целых два поколения граждан СНГ, родившихся после 1991 года, не говорят по-русски, не знакомы с общей историей России и своих стран. Более того, за исключением Белоруссии, школьные и институтские учебники очень своеобразно, а часто русофобски, трактуют общую историю.

В этой связи важно подчеркнуть принципиальное различие между Стратегией национального развития, частью которой должна быть евразийская стратегия, и концепцией социально-экономического развития, которая сегодня выступает нередко в качестве национальной стратегии. Первая ориентирована на интересы нации и государства в новых международных условиях, когда евразийская интеграция становится важнейшим фактором, а вторая – на некие абстрактные макроэкономические показатели, не имеющие по сути дела отношения ни к политике, ни к перспективам евразийской интеграции, ни даже собственно социальной жизни граждан. Разница – принципиальная.

¹ *Володин А.* Узбекистан и США: к чему приведёт большая региональная дружба? / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 14 марта / URL: <http://topwar.ru>

Особенно, если речь идет о конкретных регионах Сибири, Дальнего Востока и их сотрудничестве со странами АТР, где собственно экономические факторы уступают по своему значению геополитическим и военным.

К сожалению, все последние годы в России только и занимались, что пытались создать именно макроэкономические социально-экономические концепции, и «стратегии», игнорируя реальные национальные потребности, например, создавая «равные условия» для всех регионов.

Отказываясь признавать приоритетность развития восточных регионов страны, финансовые власти в итоге не только привели к их депопуляции и деиндустриализации, но и создали угрозу существованию целого ряда регионов и суверенитету страны на востоке в целом. По сути дело это стало и главной причиной отставания экономических и торговых связей России со странами АТР, серьезно тормозит процессы интеграции в Евразии.

Не произошло, например, переноса акцента в политико-административной деятельности и финансово-экономической активности на восток, за одним исключением – создания маломощного министерства в Хабаровске. Можно было бы не только политическим решением перевести часть чиновничества и бизнеса в Хабаровск и во Владивосток, что существенно снизило бы нагрузку на Москву и Санкт-Петербург, но сознательно развивать новые производства, проводить новую восточную военную политику (оставляя призывников, и, наоборот, передислоцируя на восток воинские части, склады и сервисное обслуживание). Так, строительство нового космодрома «Восточный» можно было бы сделать более масштабным, а Дальневосточного университета – более осмысленным.

Очень важно было бы сознательно и при помощи государственных средств развивать на востоке переработку того производного и минерального сырья, которым богата Сибирь и Дальний Восток.

При этом даже в такой осознанной восточной политике особая роль должна была принадлежать развитию транспортных коридоров и инфраструктуры, особенно железных дорог, портов, аэропортов. Все это делалось в определенных объемах, которые, однако, не отразились на

общей тенденции деградации регионов. Нужны были более масштабные, принципиально иные политические решения. Такие, как в свое время были предприняты на Северо-Западе Петром I, или на востоке Александром III и Николаем II.

Это отразилось в том числе и на реализации собственно экономических задач страны: сверхконцентрация финансовых ресурсов в Москве привела к опустошению восточных регионов, что отчетливо видно на сравнении регионов-доноров и их дотационных областей на востоке. И, наоборот, в Китае, где были обеспечены в эти годы высокие темпы роста, именно «активное внедрение идей национализма» стало «главным оружием» экономической политики в отсталых регионах. Там, по сути дела, сознательно создавались точки промышленного роста – комплексно, системно и масштабно.

Таким образом, чтобы избежать прежней ошибки при создании концепции евразийской интеграции, необходимо изначально понимать, что нужна не очередная концепция (теперь уже евразийская) социально-экономического развития или экономического и торгового сотрудничества, а **стратегия развития евразийской интеграции, в основу которой положены геополитические и военно-политические интересы опережающего развития восточных регионов России.**

Этот общий вывод вполне допустим и к относительно частной концепции евразийской экономической интеграции, которая рассматривает пока что экономическую интеграцию лишь трех государств Евразии – России, Казахстана и Белоруссии – в отрыве от широкого геополитического контекста, хотя присоединение Афганистана и Сербии в качестве наблюдателей к Парламентской Ассамблее уже дает повод по-новому рассмотреть пространственный охват самой идеи евразийской интеграции. В каких-то аспектах эта идея может быть расширена до Кипра, Греции и Вьетнама. Заранее можно сказать, что только частная, ограниченная концепция будет либо малорезультативна (как СНГ), либо окажется вообще нереализованной.

Первым шагом в создании комплексной национальной стратегии России в Евразии должен стать политико-идеологический выбор правящей элиты, смена – прежде всего политическая – приоритетов в

пользу Евразии. Выбор, который должен основываться на национальной системе ценностей и долгосрочных национальных интересах, вытекающих из четкой национальной самоидентификации.

Очень важно в евразийской политике определиться по отношению к конкретным государствам Евразии, представляющим собой три четверти населения планеты с разными цивилизационными, историческими, политическими особенностями, стратегия и евразийская политика не позволяют говорить об универсальном подходе, но требуют все-таки неких принципов, лежащих в основе линии, отличной от принципов глобальной политики.

Перечень этих стран чрезвычайно широк, но именно российская цивилизация дает шанс на развитие интеграционных процессов со всеми странами, не только с государствами, расположенными на материке Евразии, но и государствами, расположенными на островах, причисляемых к Европе или Азии (пример – Япония). Несмотря на огромные политические, экономические и цивилизационные различия, эти страны геополитически и географически, а также экологически и транспортно взаимосвязаны. Так, долететь с Кипра до Индокитая, минуя ряд евразийских государств, невозможно. Как и поставка товаров с востока на запад и с запада на восток примерно в 2,5–3 раза дешевле, если использовать Северный морской путь или железнодорожное сообщение. Негативные экологические последствия также прежде всего сказываются на соседних странах, будь то извержение вулкана в Исландии или авария на АЭС в Японии.

Но прежде всего евразийские страны объединяет проблема общей безопасности, которая особенно выпукло видна на примере противоракетной и противовоздушной обороны. Траектории полетов ракет, радиолокационные поля, интегрированность воздушно-космического пространства на высотах от нескольких метров до 100 км стали современной евразийской военно-политической реальностью.

Пока что одна часть Евразии – Западная и Центральная Европа – обладает конкретным военно-политическим механизмом обеспечения безопасности – Североатлантическим Союзом – и соответствующими, военно-техническими средствами. В других частях Евразии существуют

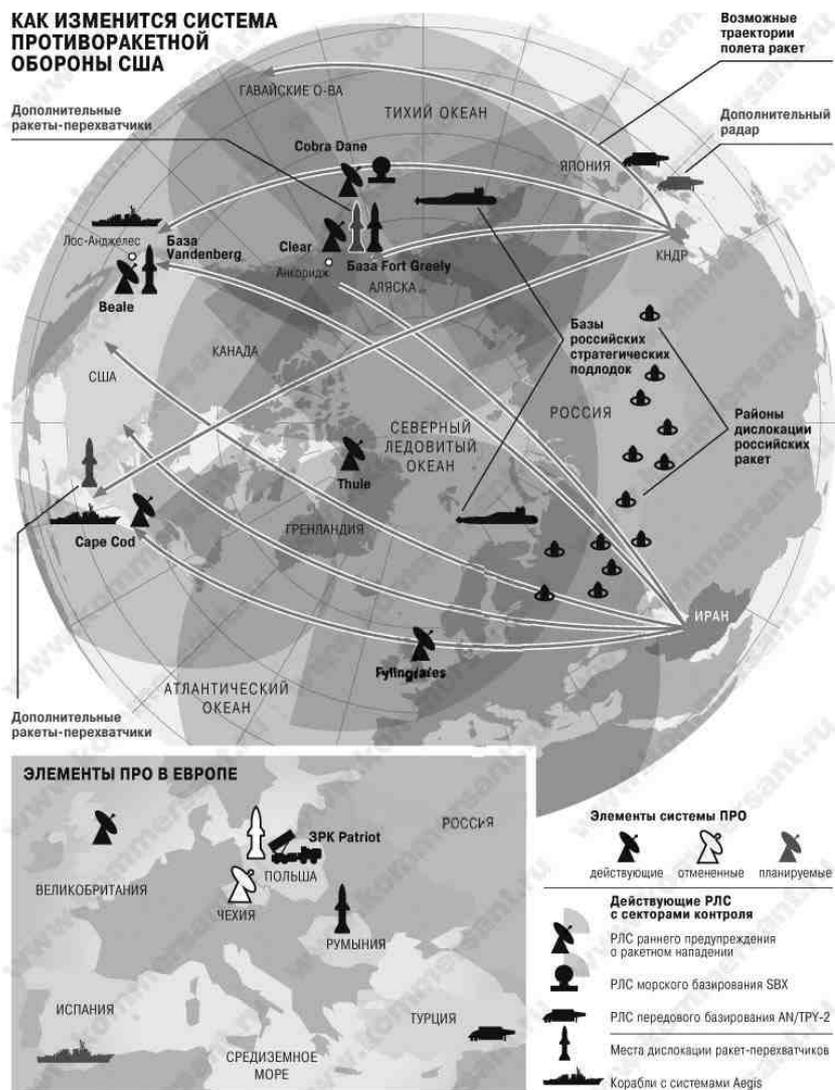
либо прообразы – ОДКБ, ШОС, – либо национальные системы (КНР, Индия), либо двусторонние договоры по обеспечению безопасности, реалистичность которых (как, например, между США и Тайванем) вызывает серьезные сомнения.

Вот почему стратегия евразийской интеграции должна включать в качестве составной своей части идею евразийской безопасности. Это идея должна основываться на некоторых общих и частных принципах. Так, одним из таких общих принципов должен стать принцип «нераздельной безопасности» в Евразии, когда, например, Россия не может и не должна рассматривать ущерб евразийской безопасности в качестве компенсации за возможный выигрыш в области безопасности в отношениях с США или какой-то части Евразии, например, Евросоюзом. Соответственно и идея европейской безопасности не должна быть оторванной от идеи безопасности евразийской. Инициативы России в области европейской безопасности, безуспешно продвигавшиеся Д. Медведевым, должны быть пересмотрены с учетом интересов всех евразийских государств.

Это также означает, что создание универсальной системы безопасности в Евразии (Европе и Азии) не должно идти за счет какого-то одного из субрегионов – Европы или Азии. В практическом плане, например, это означает, что пересмотр планов США по НПРО в пользу усиления ее компонентов в АТР (и в ущерб Азии), который может происходить, не должен находить российской поддержки. О пересмотре таких планов по ПРО глава минобороны США Чак Хейгел объявил в марте 2013 года. В частности, Пентагон намерен перебросить средства, запланированные на программу размещения SM-3 IIB в Польше, на размещение дополнительных ракет-перехватчиков на территории США и разработку новейших видов наземных перехватчиков и новых версий SM-3. Подобная корректировка, с точки зрения евразийской безопасности, наносит, безусловно, ущерб интересам КНР и целого ряда других государств. Прежде всего КНДР, которая не может стать «изгоем» с точки зрения безопасности всей Евразии. Также, впрочем, как Иран, либо любая иная евразийская страна.

Для России пересмотр планов США действительно мало что означает с точки зрения ее ВКО. И в этом смысле еще раз подтверждается

правильность постановки вопроса о системе евразийской безопасности, которая может быть конкретизирована, например, в идею создания евразийской воздушно-космической обороны (ЕвразВКО)¹. Перехватчики, размещенные на платформах морского базирования в Арктике и на Дальнем Востоке, для России не менее опасны, чем те же перехватчики в Польше и Румынии.

Понятно, что куда более эмоционально на планы Вашингтона отреагировал Пекин. «Такие шаги, как усиление системы ПРО, приведут только к обострению противостояния и не способствуют решению проблемы. Надеемся, что соответствующие государства, исходя из интересов обеспечения мира и стабильности в регионе, займут

¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО(У), 2013.

ответственную позицию и будут осмотрительно действовать в вопросах ПРО»¹, – подчеркнули в китайском МИДе.

Тем самым в очередной раз подтверждается мысль о том, что в Евразии не существует некая безопасность ее отдельных частей. Превращение воздушно-космического пространства на континенте в единый потенциальный ТВД – уже стало реальностью. Но пока что эта реальность еще не стала предметом переговоров. Между тем сам предмет переговоров – ограничение воздушно-космических средств нападения и защиты – очевиден и актуален для всех евразийских государств. Как в Европе, так и Южной или Юго-Восточной Азии. Если беспокойство КНР эксперты назвали обоснованными, то не менее обоснованы беспокойства России, КНДР, Ирана или, например, Кипра, который традиционно подозрительно относится к активности Турции. Это становится общепризнанным фактом. «Когда американцы перемещают с Запада акценты в зону Азиатско-Тихоокеанского региона и защиты своей национальной территории, то, конечно, китайцев это начинает волновать»².

Таким образом, становится все более очевидным, что:

– для России необходима не столько экономическая евразийская интеграция, сколько среднесрочная и долгосрочная стратегия евразийской интеграции;

– что эта стратегия пространственно должна охватывать все государства Евразии от Лиссабона до Владивостока;

– что эта стратегия должна предусматривать опережающее развитие восточных регионов России и прежде всего транспортных коридоров и других инфраструктурных изменений;

– что в основе этой стратегии лежат вопросы единой евразийской безопасности, создания политических и военно-технических средств ее обеспечения;

– что в условиях нарастающего противостояния цивилизаций и систем ценностей Россия должна заявить о своей роли и способности обеспечить сотрудничество и взаимодействие этих цивилизаций в Евразии.

¹ Вашингтон представил Москве новые данные по вопросу решения проблемы ПРО / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 21 марта / URL: <http://eurasian-defence.ru>

² Там же.

Все эти и другие шаги возможны только при том важном условии, что правящая российская элита сможет сделать осознанный **политический выбор** в пользу евразийской самоидентификации и самостоятельного идеологического лидерства. Это выбор будет означать окончательный разрыв с либерализмом в его прозападническом, примитивном понимании, который нанес такой огромный ущерб народам и экономике России.

Только после политико-идеологического выбора станет возможной появление внятной, а значит и эффективной национальной стратегии развития и, её производной – евразийской стратегии, не ограниченной, пространственно и функционально, только рамками ТС или ЕврАзЭС.

Оставаясь в тисках нынешней парадигмы, российского развития, ее реалий, можно только экстраполировать существующие тенденции, в интеграции. Но либеральная парадигма и модель развития себя очевидно исчерпала. В ее рамках невозможно реализовать интеграционные ожидания народов, безусловно существующих и требующих своего воплощения. Общественная поддержка, как стабильно многие годы показывают опросы ВЦИОМ, этого либерального курса минимальна, что в конечном счете привело в 2010–2013 годы к эволюции. Его большинство отнюдь не либерально, как показывает состав и политика «Единой России». Это, скорее, социально-консервативное большинство, уже порвавшее с либерализмом, но формально еще не меняющее целей идеологии.

Отсюда – противоречивость и непоследовательность, сочетание административных и рыночных механизмов, «откаты» и «забегания вперед» в экономической, внешней и военной политике, боязнь сформулировать оригинальную, национально ориентированную стратегию развития России в Евразии и модель взаимоотношений с европейскими и азиатскими партнерами.

Так, новая военная политика (безусловно, уже не либеральная), ориентированная на восстановление военных возможностей России к 2020 году, подверглась критике со стороны оппонентов за ее «несоответствие возможностям» страны и приоритетам ее развития. По мнению А. Арбатова, например, «..... существующая программа

переворужения вооруженных сил не соответствует экономическим возможностям России. В настоящее время весь ВВП нашей страны составляет 60 триллионов рублей. Для осуществления намеченной программы, так как на оборону выделяется 4% ВВП, требуется, чтобы ВВП составлял около 150 триллионов. Но это практически недостижимо. По самым оптимистичным прогнозам он может достигнуть к 2020 году только уровня 100 триллионов рублей. Таким образом, получается, что программу перевооружения армии можно осуществить, если увеличить расходы на оборону до 6-7 % ВВП. Но такое увеличение может произойти за счет урезания социальных расходов на образование, медицинское обслуживание и т.д.»¹

На самом деле либеральная критика военных программ В. Путина – Д. Медведева в 2012–2013 годы основывалась отнюдь не на заботе о программах развития человеческого капитала и сохранении сбалансированности бюджета. И первое, и второе совершенно не волновало либералов в 90-е годы: расходы на образование, науку здравоохранение стремительно (в десятки раз!) сокращались, а бюджет был дефицитным. Либералов взволновало именно то, что суверенитет России получал реальное военно-техническое обеспечение, а вместе с этим и получал толчок процесс национальной самоидентификации и реальной оценки национальной системы ценностей.

Не случайно критика военной политики в 2012–2013 годы шла параллельно с критикой политики евразийской интеграции. И первое, и второе неизбежно девальвировало западно-либеральные идеи и стратегии развития, показывали, что созданная прежде, в 90-е годы, модель государственного и общественного устройства неэффективна и должна быть, наконец, заменена на новую, оригинальную модель, где Евразии отводится важнейшая роль.

Это означает, что в 2013 году российская элита и общество вплотную встали перед серьезным мировоззренческим и идеологическим кризисом: прежняя либеральная модель себя не оправдала, а люди, ее представлявшие – от А. Чубайса и А. Сердюкова до Е. Скрынник себя

¹ *Перенджиев А.* Проведение военной реформы в России: есть ли надежда на успех? / Эл. ресурс: «Центр военно-политических исследований». 2013. 13 марта / URL: <http://eurasian-defence.ru>

полностью дискредитировали. Новая модель (которую попытались выразить в «Единой России» три ее идеологических клуба) – еще не выкристаллизовалась.

В практическом плане мы в 2013 году находимся перед лицом двух крупнейших проблем, решение которых взаимосвязано органически и которые предстоит в кратчайшие сроки решить политической и интеллектуальной элите России. Их противоречие отчетливо проявилось в требовании В. Путина ускорить темпы роста экономики, с одной стороны, и нежелания правящей либеральной финансово-экономической элиты перейти на новые средства управления, – с другой. В. Путину необходимо либо сменить либеральную модель и отодвинуть от власти либералов, либо столкнуться со стагнацией и непониманием.

Во-первых, предстоит найти для России прежде всего эффективную стратегию национального развития и евразийской интеграции, учитывающую потребности восточных регионов страны, такую новую политико-идеологическую модель, которая была бы способна привести к замене неудачной социально-экономической модели либерализма, доминировавшей в сознании элиты последние десятилетия. Эта модель может быть только нелиберальной, оригинальной, российской. И она потребует решительного отказа от прежних представлений.

До тех пор пока мы не избавимся от радикально-либеральных представлений и установок конкретных либералов, управляющих финансово-экономической жизнью страны, мы не сможем перейти к реализации приоритетов развития НЧП и решению геополитических задач. Мы по-прежнему будем эксплуатировать сырьевую модель, рушить обрабатывающую промышленность восточных регионов и фактически способствовать их депопуляции. Стоит напомнить, что восточные районы развивались либо в эпоху царизма, либо при Советской власти. И в первом, и во втором случае реализовывались нелиберальные модели и нелибералами – С. Витте, П. Столыпин, И. Сталин, А. Косыгин – именно благодаря им развитие восточных регионов получило толчок, а идеология «освоения пространства» и опережающего развития стала господствующей стратегией.

И наоборот. Либералы и либеральная интеллигенция всегда выступали против освоения Сибири и Дальнего Востока, и евразийской интеграции, в том числе и потому, что были против сильного централизованного государства, с помощью которого этого только и можно было добиться. Хотим мы того или нет, но рыночно-либеральная евразийская стратегия просто не существует, а реализуемая либеральная политика в восточных регионах неизбежно ведет к их отпаду и переходу под контроль других государств. Либералы, особенно в начале 90-х годов, доказали, что готовы идти на любые территориальные уступки ради «либеральной мечты». Так, как в свое время шел на это бывший Генсек М. Горбачев, бывший заместитель министра иностранных дел Г. Кунадзе и др. Именно поэтому либералы считали «проклятьем страны» тот самый союз национализма с самодержавием, который и сегодня считается «величайшей преградой и на пути к свободе России»¹.

Опережающее развитие страны не может быть без еще более опережающего развития ее восточных регионов и создания полноценных транспортных коридоров, соединяющих не только Европу и Азию, но прежде всего внутренние рынки страны. Это и есть новая стратегия опережающего развития и новая национальная идея.

Во-вторых, необходимо создать **собственную привлекательную модель евразийской интеграции**, которая была бы ориентирована на российское лидерство и альтернативна американской и китайской, с одной стороны, и привлекательной для евразийских государств (включая страны Евросоюза, Средней и Центральной, а также Юго-Восточной Азии), с другой.

И здесь – хотим мы того или нет – нам придется заняться идеологией, где геополитика будет играть существенную роль. Необходимо, прежде всего идеологически, создать альтернативу американской геополитической модели, которая была актуализирована в книге З. Бжезинского «Великая шахматная доска». В ней, – как справедливо считает В. Мотяшов, – «... изложена программа удержания под американским контролем после холодной войны крупнейших центров силы в приморье Евразии – Китая, Ирана, Турции, стран — лидеров Евросоюза. Причем добиваться этого

¹ Никонов В.А. Крушение России. М.: АСТ: 2011. Апрель. С. 301.

предлагается, поощряя рост их влияния на постсоветских территориях при продолжающемся ослаблении России»².

Наша альтернативная модель евразийской интеграции должна быть и новой моделью государства. Необходимо предложить и Европе и Азии идею нового союза с центром в России, куда могли бы в интересах безопасности и экономического благополучия войти на равных условиях любые евразийские государства. Не только бывшие советские республики, но и страны Европы, прежде всего цивилизационно близкие, страны Средиземноморья, Центральной, Северной и Юго-Восточной Азии. Этот новый союз взял бы на себя вполне конкретные политические, военные и экономические обязательства в условиях роста новых угроз миру и неготовности государств и международных организаций обеспечить безопасность и необходимый уровень сотрудничества.

Понятно, что скорость движения в создании этого союза будет очень разной. Но, во-первых, он политически и экономически будет открыт для всех стран, а, во-вторых, вокруг такого союза уже будет существовать ядро – ТС – и система, гарантирующая его безопасность – ОДКБ.

² Мотышов В. Газ и геополитика: шанс России. М.: Книга и бизнес, 2011. С. 13.

г). **Неизбежность выбора в пользу идеологического лидерства России в Евразии**

Китай – мировая держава, основанная на человеческом капитале¹

Крах Российской империи создал вакуум силы в самом центре Евразии²

Доклад «Перспективы развития КНР к 2030 году»

З. Бжезинский, политолог

Политико-идеологический выбор в пользу национальной системы ценностей, национальных интересов означает цивилизационный выбор, а раз мы признаем обострение конкуренции между различными цивилизациями в Евразии (напомним – европейской, китайской, исламской, индийской), то неизбежно придется сделать и вывод о том, что в такой конкурентной борьбе победит сильнейший. Тот, чья идеология, система ценностей и политика будет наиболее привлекательным. Во многом исход этой борьбы будет определяться и результатами соревнования цивилизаций в социально-экономической области, качеством жизни граждан и степенью их удовлетворенности («индексом счастья»). Это очень важный, но не единственный, тем более, не решающий фактор, хотя в 80-е годы в СССР, да и сегодня, нередко пытаются свести все к уровню жизни. В конечном счете победит не та цивилизация, где на душу населения будет приходиться больше «Мерседесов», а та, где нация будет уверена в своем будущем, ее общество будет построено на основах социальной справедливости, а нравственность станет общей нормой.

Именно поэтому Россия должна предложить сначала себе, а затем и другим народам Евразии привлекательную идею, цель развития, «включить» в работу такой идеологический фактор, который был бы конкурентоспособным с аналогичными китайским, американским, исламским и индейскими факторами. Пока что этого нет в силу в том числе и объективных причин – неурядиц различного порядка в нашей стране. Но, думается, что наводить порядок в собственном доме и предлагая идеи Евразии придется одновременно. Нельзя быть справедливым вовне, не будучи справедливым внутри страны.

¹ Перспективы развития КНР к 2030 году. Научные прогнозы китайских ученых / ИДВ РАН. 2012. С. 45.

² Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010. С. 111.

Исторический опыт показывает, что когда СССР завоевал статус идеологического лидера мирового уровня, то этот фактор оказал мощное влияние на его положение в мире. Теперь советская идея дискредитирована, но у России, которая является, безусловно, лидером восточноевропейской цивилизации, есть духовный, нравственный геополитический ресурс для того, чтобы вновь заявить о себе как об идеологическом лидере.

Необходимо, чтобы государство представило альтернативную систему ценностей, конкурентоспособную идеологию и волю для их продвижения. Должна быть четкая национальная идентификация, оформленная в оригинальную политико-идеологическую модель государственного, общественного и экономического устройства. Сегодня эта ниша занята либеральной идеологией США и конфуцианско-социалистической моделью Китая. Россия и Индия пока что четко не определились ни со своими традиционными системами ценностей, ни с моделями для Евразии, а, значит, пока не могут предложить странам Евразии и миру своей альтернативы. Поэтому чем скорее Россия предложит свою идею, свой образ и свою концепцию евразийской интеграции, тем политически и экономически это будет более выгодно для России. Не раз в 2012–2013 годах в разговорах с различными высокопоставленными деятелями государств Евразии встречался один и тот же вопрос: что же, в конце концов, хочет и предлагает Россия за пределами, по сути технических документов?

У КНР, в отличие от России, просматривается внятная долгосрочная стратегия экономического втягивания в свою орбиту евразийских государств. Так же как это произошло с Сингапуром, Гонконгом, Тайванем. Этот процесс уже охватил всю Евразию – от Кипра до Пакистана. Понятно, что у этой стратегии есть и противники, опасющиеся по сути дела поглощения Китаем, но этот процесс, эта стратегия успешно реализуется. Она рассчитана на долгие годы и в конечном счете имеет хорошие шансы на успех.

Аналогичная долгосрочная стратегия есть и у США. Во многом поэтому США уже имеют существенные конкурентные преимущества, «втягивая» в свою политико-идеологическую орбиту евразийские государства при отсутствии внятных политико-идеологических инициатив

других стран и относительной пассивности Китая, за которой скрывается очень активная экономическая политика.

США успешно заполняют сегодня «идеологический вакуум», где им выступают единственным конкурентом исламские государства. США не потому успешны, что их идеология безупречна и всем нравится, а потому, что ей нет альтернативы. Наличие стратегии и идеологии у США стоит гораздо больше, чем их экономическое влияние. Экономические инвестиции России в Киргизию и Таджикистан в сотни раз больше, чем американские, но США их концентрируют в рамках единой стратегии в Евразии и в русле американской идеологии. В них предельно четко сформулирована цель американской политики, которая выражена в идее господства над Евразией «... поскольку Евразия, тем не менее, сохраняет свое ключевое геополитическое значение, она как раз и предстает той «шахматной доской», на которой развернулась борьба за мировое господство. Бжезинский пытается решить вопрос о том, каким образом имеющая глобальные интересы Америка должна справляться со сложными отношениями между евразийскими державами и как ей предотвратить появление на международной арене доминирующей и противостоящей США евразийской державы. Угроза этого, по мысли Бжезинского, остается главной для способности Америки осуществлять свою планетарную власть»¹. «Предотвратить появление» – означает не допустить появление идеологического лидера. Таким лидером для Евразии может быть только Россия.

У России есть все основания претендовать на роль евразийского лидера. И исторические, и геополитические. Но главное из-за того, что Россия всегда являлась культурно-исторической частью и Европы, и Азии. Православная традиция, насчитывающая тысячелетия, тесно связала киприотов, греков, сербов, болгар, русских и другие народы, как и совместная их борьба с католичеством и исламом. Более половины географической Европы – православные славянские народы. Значительная часть Азии заселена тем же народом. У США остается только один шанс – «европеизировать» и «либерализировать» Евразию – за счет народов и при помощи либералов России. «Размеры и многообразие Евразии, а также

¹ Мотышов В. Газ и геополитика: шанс России / М.: Книга и бизнес, 2011. С. 14.

могущество некоторых ее государств ограничивают глубину американского влияния и масштабы контроля над ходом событий, – справедливо отмечает В. Мотяшов. – В этой борьбе Европа является важнейшим геополитическим плацдармом Соединенных Штатов. На нынешней стадии американско-европейских отношений, когда безопасность союзных европейских государств в значительной степени обеспечивается Америкой, любое расширение пределов Евросоюза автоматически становится также расширением прямого американского влияния. И, наоборот, без тесных трансатлантических связей главенство Америки в Евразии исчезнет»¹.

Иными словами «могущество Америки прирастает Европой», т.е. расширение Евросоюза и НАТО, которое происходит последние 20 лет, ведет к усилению влияния США в Евразии. Именно под этим углом зрения следует рассматривать политику США по отношению к Украине и Белоруссии.

Вот почему России нужна альтернатива идеологической и политической экспансии США в виде собственной концепции евразийской интеграции, основанной на общности национальных интересов и возможности неконфронтационного сотрудничества стран и цивилизаций. В противовес продвижению американской системы ценностей Россия должна предложить синтез европейско-азиатских ценностей и представленных ими цивилизации.

В истории было немало периодов, когда католические, протестантские, православные и исламские цивилизации тесно сотрудничали друг с другом, а не выступали кровавыми врагами. Во многом их объединяла торговля, транспортные коридоры и обмены культурными и научными достижениями. В современные годы можно и нужно вернуться к этому, если придерживаться следующих принципов, которые могут стать основой евразийского «идеологического прорыва» России.

Первое. Уважение системы ценностей другой цивилизации и нации. Отказ от попыток создания, а тем более навязывания «универсальной системы ценностей».

¹ Мотяшов В. Газ и геополитика: шанс России. М.: Книга и бизнес, 2011. С. 14.

Второе. Создание системы безопасности, гарантирующей каждой из стран суверенитет и территориальную целостность, сохранение уникальной национальной ценностной системы.

Третье. Создание справедливой системы финансово-экономических отношений, которая не контролировалась бы одним государством, либо узкой группой.

Для России эти общие принципы имеют особенно важное значение в связи с развитием ее восточных регионов.

Так же как в XVI и XVII веках, когда “могущество России (по словам М.В. Ломоносова) будет прирастать Сибирью», перспектива развития нашей страны, более того, ее будущее и будущее Евразии во многом будет зависеть от двух ключевых факторов:

- опережающего развития восточных регионов России, прежде всего транспорта и другой инфраструктуры;

- возможности России консолидировать ряд стран Евразии для противодействия попытке США взять под контроль весь континент.

Определенно, что и первое, и второе условие будут реализованы только в случае, если Россия возьмет на себя роль идеологического лидера в Евразии. Чего, кстати, очень боятся США. Это лидерство, как правило, перерастает в лидерство политическое, которое США рассматривают как прямую угрозу для себя. «Чтобы США и дальше могли сохранять свое главенство, важно, по мысли Бжезинского, не допустить нового возвышения России в качестве евразийской империи. Особая роль в решении этой задачи и осуществлении американской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы отводится Украине. Отрыв Украины от России существенно ограничивает геостратегические возможности последней. Даже без Прибалтийских республик и Польши Россия, сохранив контроль над Украиной, получает реальные шансы вернуть себе место неоспоримого лидера на постсоветском пространстве. Внутри него Москва смогла бы подчинить своей воле неславянские народы южного и юго-восточного регионов бывшего Советского Союза»¹.

Таким образом можно констатировать:

¹ Мотышов В. Газ и геополитика: шанс России. М.: Книга и бизнес, 2011. С. 14.

- борьба за идеологическое лидерство, как следствие конкуренции цивилизаций в Евразии, будет усиливаться;
- Россия неизбежно должна вступить в эту борьбу, заявив о своем праве на идеологическое лидерство;
- Если Россия этого не сделает, то контроль над Евразией (и восточными регионами России) неизбежно перейдет к США или Китаю.

Глава 8. Стратегия–2020 как пример отказа от идеологического лидерства России в Евразии

Данное политическое устройство (демократия – авт.) устанавливалось так редко в историческом ракурсе, что для его возникновения и сохранения должны были появиться совершенно необычные предпосылки¹

*Ст. Холмс,
политолог*

Потенциально самым опасным сценарием развития событий может быть создание «антигегемонистской» коалиции с участием Китая, России и, возможно, Ирана...²

*З. Бжезинский,
политолог*

Псевдodemократический и псевдолиберальный выбор России, сделанный элитой в политике и экономике в 90-е гг. XX века, безусловно отразился не только на социально-экономическом курсе страны, но и на ее внешнеполитической стратегии. «Демократию» попытались внедрить сразу и везде, включая и внешнюю политику, что на деле означало простое перенесение либеральных экономических принципов во внешнюю политику, т.е. простое перенесение либеральных экономических принципов во внешнюю политику: «рынок» (стихия) стал управлять ею, а значит и положил конец любой продуманной стратегии и стратегическому планированию. Что в конечном счете привело к катастрофическому подрыву позиций России в Евразии и АТР и деградации восточных регионов нашей страны.

В отличие от российской правящей элиты, американская элита сделала свой геополитический выбор в отношении Евразии еще во второй половине XX века, вновь подтвердив и актуализировав его во втором десятилетии нынешнего столетия. Соответственно этот выбор был подкреплен конкретной и эффективной стратегией, в которой приоритет Евразии стал выше чем остальные региональные приоритеты США. Обращает на себя внимание механизм разработки такой евразийской стратегии, предложенный еще З. Бжезинским. По его мнению, «требуется два основных шага»:

¹ Холмс Ст. Имитация демократии и имитация авторитаризма / В сб. Демократия в российском зеркале / ред.-состав. Мигранян М.А., Пшеворский А.М.: МГИМО, 2013. С. 16.

² Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения. 2010. С. 73.

– первый: выявить динамичные с геостратегической точки зрения евразийские государства... разгадать центральные внешнеполитические цели их политических элит, а также возможные последствия,... точно указать принципиально важные... евразийские государства, чье расположение и/или существование имеют эффект катализатора...

– второй: сформулировать конкретную политику США для того, чтобы компенсировать, подключить и/или контролировать вышесказанное в целях сохранения и продвижения жизненных интересов США...¹.

Как видно, в отношении Евразии у США была уже в XX веке сформулирована долгосрочная стратегия, которая, коротко говоря, сводилась к нейтрализации наиболее активных субъектов политики в Евразии в целях продвижения американских интересов. Этот «контроль» и «нейтрализация» очевидно имеет значение только по отношению к сильным государствам Евразии, способным составить конкуренцию США – Китаю, Индии, Японии и России. В тактическом, среднесрочном плане можно говорить даже о двух государствах – КНР и РФ, на которых сосредотачивается внимание США.

Отсутствие евразийской стратегии России на этом фоне в ещё большей степени ослабляло ее позиции в Евразии и, в частности, на постсоветском пространстве. Спихнулись, когда многое уже было безвозвратно потеряно. И у этого провального курса есть конкретные авторы – не только те, кто в 90-е гг. формулировали повестку дня, но и те, что в XXI веке во многом продолжают определять ее экономическое и финансовое содержание - сторонника псевдодемократической и псевдолиберальной политики.

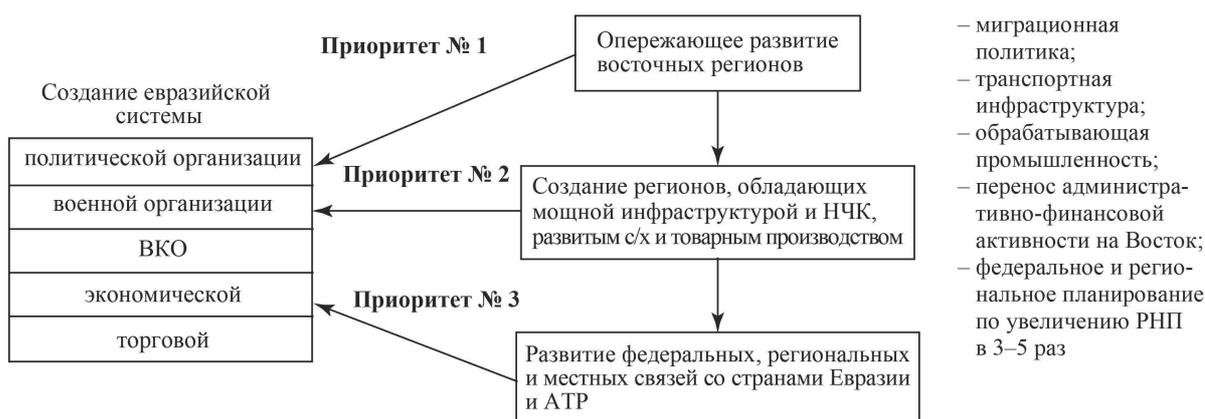
¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения. 2010. С. 55.

а). Отсутствие евразийской стратегии у России

Долгосрочная же задача состоит в следующем: ... не допустить возрождения вновь евразийской империи...¹

З. Бжезинский,
политолог

Главная проблема в отсутствии стратегии евразийской интеграции заключается в том, что нет системного подхода, включающего в себя не только отдельные проблемы внешней и военной политики (которые присутствуют в Концепции внешней политики, Военной доктрине и Стратегии национальной безопасности), но и общего видения проблемы. В том числе последовательности ее решения, взаимосочетаемости разных факторов. Схематично такая евразийская стратегия могла быть изложена следующим образом.

Как видно из этой упрощенной схемы, главным приоритетом евразийской стратегии должно стать опережающее развитие восточных регионов и транспортной инфраструктуры. По сути дела речь идет о создании новых мощных регионов в России. Так же, как в свое время они были созданы в Санкт-Петербурге, на южном Урале, в Западной Сибири. Учитывая новую геополитическую реальность, такими «старо-новыми» гигантами должны стать Омская область и Новосибирская область в Западной Сибири («прикрывающие» Центральную Азию), Красноярский край и Иркутская область (Восточная Сибирь), а главное – Хабаровская

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения. 2010. С. 109.

область и Приморский край, – которые должны стать новым центром России на востоке.

Исходя из этой концепции, можно предположить, что новые субъекты РФ станут производящими и логическими центрами для российских партнеров в Евразии, в которых будет концентрироваться демографический и человеческий капитал, военные и транспортные возможности. Эта новая геополитическая роль регионов будет означать и перенос «центра тяжести» управления, распределения финансов и иных ресурсов из европейской части, особенно перегруженных регионов – Москвы, Санкт-Петербурга (и их областей), Краснодарского края, Ростовской области. Это – естественно, если учесть, что численность населения, например, Московской области равна численности населения всего ДВФО. Примерно такое же соотношение транспортных артерий, численности вооруженных сил, но еще хуже с численностью граждан, занятых в наукоемких отраслях, прежде всего в науке, образовании, медицине. Так, если, уж, надо было строить Сколково (хотя гораздо разумнее было бы развивать его не на пустом месте, а в Черногловке или Дубне), то строить его нужно было в Хабаровске или Владивостоке.

Современная программа развития регионов Дальнего Востока очевидно недостаточна. Она по сути является лишь регионально-отраслевой социально-экономической программой, а не общенациональной стратегией развития восточных регионов. Критикуемая либералами за необоснованность финансирования, она, на самом деле, по своим масштабам финансирования абсолютно недостаточна. Требуется, чтобы все направления – от образования, промышленности до военной политики – были переосмыслены с учетом приоритета в развитии восточных регионов.

Значительным шагом стал бы перенос штаб-квартир корпораций и ряда госучреждений в восточные регионы. Это позволило бы значительно разрядить перенаселенную Москву и область, чья инфраструктура не выдерживает ежегодно увеличивающейся нагрузки, а также перенаправить финансовые потоки и сферу услуг в восточные регионы. Положительный опыт переноса даже столиц – (С.-Петербург, Астана,

Бразилия, Анкара) – также свидетельствует о целесообразности этих шагов.

Соответственно те функции, которые сегодня выполняют центральноевропейские регионы в торговле со странами Евросоюза, были бы перенацелены на восточные регионы и их торгово-экономические отношения со странами Евразии и особенно АТР. Приграничная и трансграничная торговля занимает все большее место в европейских регионах, но она ничтожно мала, например, в отношениях с Японией, Республикой Корея, Сингапуром или Вьетнамом.

Но для этого нужна общенациональная, а не частная экономическая стратегия, а изначально – идеологический поворот.

Таким образом, главной нерешенной проблемой в евразийской стратегии России остается политико-идеологическая проблема. Господствующая либеральная идеология не принимала в расчет долгосрочных геополитических интересов России, основываясь на макроэкономическом рыночном фундаментализме.

2011 год подвел определенную черту под этапом «стабилизации» и «модернизации» в развитии России: было признано многими, в том числе и В. Путиным, и Д. Медведевым, и В. Сурковым, что прежняя политика не соответствовала международным реалиям. «Новая политическая реальность», о которой заявил в декабре 2011 года В. Сурков, не означала, однако, главного – новой идеологии, новой концепции национального развития.

Это ощущение «нехватки» идеологии в России выражается во многом. И, прежде всего, в отсутствии внятной стратегии национального развития, которая вытекала бы из такой идеологии. Естественно, что в отсутствии такой стратегии практические результаты социально-экономического развития малозначительны, выглядят декларативно и вызывают критику. Именно отсутствие практических результатов стало основной социальной причиной формирования оппозиции в России в 2011–2012 годах. Сами по себе либеральные требования стали лишь поводом, очередной попыткой либералов укрепиться во власти в России.

И ответной реакцией либералов на усиление государства и его институтов в экономике, возвращение незаконно приобретенной собственности и ограничение «всевластия рынка».

Элементы такой идеологии складывались в последние годы, благодаря В. Путину, но целостной системы взглядов, разделяемой большинством правящей элиты и общества, так и не сформировалось¹.

В результате это привело к отсутствию позитивной динамики развития страны, которая проявлялась во многих аспектах, включая, естественно, процесс национальной самоидентификации и евразийской интеграции. Так, например, В. Путин в 2009 году поручил создать рейтинговый комитет при ЕвразЭС, который давал бы реальные оценки интеграции, но, по признанию советника Президента РФ С. Глазьева, «... финансовые власти нашей страны до сих пор руководствуются исследованиями Moody's, S&P и Fitch..., которые «себя дискредитировали» и «априори лояльны к США»².

Другой пример ограниченности экономического подхода к евразийской интеграции. С момента создания ТС товарооборот между странами-участницами ТС / ЕЭП – Россией, Казахстаном и Белоруссией – вырос на 45%, достигнув 68 млрд долл. Соответствующую статистику привел министр по конкуренции и антимонопольному регулированию Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Нурлан Алдабергенов. Согласно информации Алдабергенова, в 2010 году товарооборот в составил 47 млрд долл., в 2011 году – уже 63 млрд долл. Собственно говоря эти, безусловно, позитивные примеры свидетельствуют лишь о том, что таможенные барьеры многие годы сдерживали товарооборот, но они сами по себе не содействуют развитию производства. Поэтому утверждение председателя коллегии Евразийской экономической комиссии Виктор Христенко о том, что динамика взаимной торговли между государствами ТС и ЕЭП, равно как и внешней торговли с третьими странами, опережает темпы мировой торговли, – не очень сильный аргумент в пользу интеграции. Так, советник президента России

¹ Подберезкин О.А. Человеческий капитал и посткапиталистическая идеология // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 235.

² Наумов И. Россия обзавелась собственным рейтингом // Независимая газета. 2013. 15 марта. С. 4.

Сергей Глазьев обращает внимание на то, что изначально взрывной рост взаимной торговли был вызван снятием таможенных барьеров, но сейчас этот потенциал уже практически исчерпан: дальнейшее увеличение объемов торговли возможно только при производственной и научно-технической кооперации. К 2030 году ЕЭП намерено получить дополнительный совокупный объем ВВП в 1 трлн долл., и две трети этого продукта может быть создано исключительно благодаря производственной кооперации. А для этого необходима общая промышленная политика и стратегия экономического развития»¹.

Но именно общая промышленная политика возможна только в условиях общей интеграционной политики в экономике и финансах, чего боятся многие, в т.ч. даже среди членов ТС.

Сегодня Казахстан наиболее успешно разрабатывает и реализует свою долгосрочную национальную стратегию, что выражается в конкретном росте душевого ВВП, ИРЧП и других показателей. Вполне возможно, что его планы войти к 2030 году в число 20 ведущих экономик мира будут выполнены. Но остается, как минимум, три вопроса.

Во-первых, в этих долгосрочных планах основные интеграционные усилия сосредоточены на торговле. Они (за редким исключением) подчеркивают развитие суверенитета, исключая создание наднациональных органов даже там, где без них просто не обойтись – в парламентской деятельности, воздушно-космической обороне и т.д. Подчеркивая «многовекторность» своей политики, Казахстан ограничивает перспективу евразийской интеграции достаточно узкими рамками торгово-экономических отношений.

Во-вторых, развитие интеграции – долгосрочный процесс, требующий совместного стратегического прогнозирования и планирования не только на национальном, но и на международном уровне. Очевидно, например, что строительство двух одинаковых заводов в союзе невыгодно и нецелесообразно. Тем более такое строительство не нужно, если подобный завод уже существует, либо строится.

¹ *Беляев А.* Рост внутреннего товарооборота в ЕЭП: за 2 года – 45% / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 15 марта / URL: <http://topwar.ru>

Наконец, в-третьих, в интегрированных государствах огромное значение приобретает совместное создание и развитие инфраструктуры, прежде всего транспорта и связи. Это изначально требует совместных решений, которые, в силу их высокой стоимости, относятся к компетенции высшего политического руководства.

Важно подчеркнуть, что отсутствие единой стратегии евразийской интеграции ведет не только к сокращению возможной прибыли, но и прямым потерям. Так, Президент России В. Путин на встрече с В. Януковичем 4 марта 2013 года признал, что товарооборот в 2012 г. между Украиной и Российской Федерацией сократился сразу на 5 млрд долл. и составил 45 млрд долл. Президент Украины, в свою очередь, признал, что эти потери связаны со слабым развитием экономической интеграции с Таможенным союзом¹.

Таким образом, «разновекторность» в политике Украины ведет к конкретным и немалым экономическим издержкам. Но это же справедливо и по отношению к другим странам Евразии: пытаясь ограничиться экономическими соглашениями, отрицая необходимость общей стратегии интеграции, они ежегодно теряют десятки миллиардов долларов. По сути это идеологическая плата за внешнеполитическую «разновекторность», которая легализует доминирование в политической идеологии либеральных экономических идей.

¹ *Беляев А.* Рост внутреннего товарооборота в ЕЭП: за 2 года – 45% / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 15 марта / URL: <http://topwar.ru>

б). Идеологическое лидерство и экономический детерминизм в евразийской политике России

... следует отметить, что публичная дипломатия и «мягкая сила» только тогда достигают своего идеала, когда страна обладает притягательной для внешнего мира идеей или идеологией. Это ресурс эксклюзивный – он в полной своей мере проявлялся у революционной и наполеоновской Франции, молодого Советского государства, в виде «американской мечты» поколения 1940–1960-х гг., отчасти в идеологии интеграционного европеизма, к сожалению, в идеологии воинствующего ислама

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Идеологическому лидерству России в Евразии мешают не внешние оппоненты, а собственные либералы, проповедующие идеологию, не требующую ни государства, ни суверенитета. С точки зрения евразийской интеграции эта идеология ограничена представлениями о примитивной выгоде, хотя даже опыт Евросоюза, показывает, что принимаемые общие решения далеко не всегда и всем выгодны.

Представление о политических и экономических приоритетах либеральной части российской элиты дает «скорректированный» вариант «Стратегии–2020», который, хотя и не был принят в качестве нормативного документа, отражал общее направление либеральной мысли и финансово-экономического курса России во втором десятилетии XXI века¹. То, что над этим документом около года трудилось более 1000 экспертов и он широко рекламировался в СМИ, о многом говорит. Как и то, что сразу же после его завершения о нем никто больше не вспоминает.

Приведем несколько примеров этой очередной неудачной либеральной версии, о которой забыли сразу же после выборов президента 2012, но идеология которой сохранилась в правящих финансовых кругах страны до настоящего времени и, во многом, определяет евразийскую политику России.

¹ Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М.: ВШЭ, 2012. Март. С. 813–815.

Один из главных разделов Стратегии посвящен диверсификации направлений регионального экономического сотрудничества, где предусмотрены следующие «базовые приоритеты регионального сотрудничества»:

«В современных условиях процессы экономической регионализации, не являясь альтернативой глобализации, – пишут все чаще становятся платформой для инициатив и проектов либерализации торговли и инвестиций. В связи с этим перед Российской Федерацией открываются широкие возможности для **сочетания** (!?) механизмов региональной интеграции в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана, а также иных форматов интеграционного сотрудничества на постсоветском пространстве с развитием регионального сотрудничества по другим направлениям, прежде всего с ЕС и странами АТР»¹.

На практике подобная «сочетаемость» оказывается несочетаемой. Страны Евросоюза открыто заявляют о невозможности интеграции и четко противопоставляют свой рынок рынку ТС. Более того, они требуют от других стран жесткого соблюдения правил поведения. Так, в начале 2013 года Евросоюз потребовал от Украины сделать выбор между ним и ТС, не допустив (как того хотели украинцы) даже возможности компромисса. В то же время А. Меркель потребовала от Кипра не вести переговоры с Россией, ориентируясь исключительно на Евросоюз, МВФ и ВБ. Существует и множество других примеров, из которых видно, что Евросоюз руководствуется иными принципами по отношению к странам, не являющимися его членами. Прежде всего – постсоветским государствам. Евросоюзу не нужен конкурент – ни политический, ни экономический – в Европе и Азии в виде любого интеграционного объединения просто потому, что с каждым из государств по отдельности договариваться проще и выгоднее. Он даже готов платить (например, Украине) за ее отказ от евразийской интеграции. Постсоветские государства для Евросоюза – рынок сбыта товаров и источник сырья, а не партнер. Тем более политический. Вот почему ни в среднесрочной, ни в долгосрочной перспективе страны ТС не рассматриваются Евросоюзом в

¹ Эл. ресурс – URL:<http://www.imemo.ru/ru/publ/2012/12006.pdf>

качестве полноправного участника совместной экономической деятельности.

Пожелания либералов «сочетать» интеграционные процессы в Евразии с интересами ЕС и АТР означают завуалированное требование того, чтобы евразийская интеграция не противоречила интересам Евросоюза и США в АТР, а развивалась как простое дополнение к ним. И, что немаловажно, на их политических и экономических условиях.

В такой формулировке наших либералов полностью отсутствует собственно национальная стратегия развития России в Евразии на сколько-нибудь далекую перспективу, оставляя за ней тактическую возможность привязки к политике Евросоюза. Но в этом случае возникает вопрос: если вы выбираете себе такую роль («посредника», «транспортного коридора», «проводника европейских интересов» и т.п.), то зачем вы вообще нужны, когда можно обойтись без вас? Также, например, как КНР, строящий ледокольный флот для прохождения СМП, может вполне обойтись в будущем без российского ледокольного флота.

Апеллируя к Евросоюзу, наши либералы совершают политическую ошибку, имеющую далеко идущие негативные последствия.

Во-первых, привязка к Евросоюзу означает, что Россия отказывается от лидерства в Евразии и процессе евразийской интеграции, отдавая инициативу другим политико-идеологическим центрам силы. Тем самым она лишает себя влиятельного фактора развития, превращаясь в ведомого в региональной среде.

Во-вторых, отказ от идеологического лидерства означает, что Россия отказывается от роли политического центра одного из евразийских интеграционных процессов превращаясь в партнера, для которого объявляют условия. Что, кстати, нередко практикует Запад по отношению к России.

В-третьих, отказываясь от политико-идеологического лидерства, Россия теряет влияние на формирование экономических условий интеграции, уступает свои текущие и будущие интересы.

Наконец, в-четвертых, в конкуренции цивилизации отказ от идеологического лидерства означает изначально признание себя проигравшим, готовым отказаться от национальной системы ценностей.

В отличие от такой подчиненной, зависимой «стратегии» либералов в Евразии, КНР, например, предлагает долгосрочную национальную стратегию, которую подкрепляет последовательными настойчивыми и конкретными шагами. Как пишет известный ученый А. Фридберг, «... даже занимая оборонительную позицию, китайские официальные лица не довольствуются пассивной ролью. Они стремятся двигаться вперед постепенно, маленькими шагами, медленно расширяя сферу влияния, укрепляя позиции в Азии, тихо, без лишнего шума подрывая позиции Америки в этом регионе. Хотя китайские лидеры не говорят об этом открыто, они нацелены на то, чтобы в долгосрочной перспективе Китай сменил Соединенные Штаты в качестве главной региональной державы, поскольку считают подобное положение вполне законным»¹.

Иными словами, руководство КНР уже определилось со своей стратегией в Евразии, которая основывается на лидерстве в китайской идеологии и традиции. Практическая политика Китая является естественным продолжением китайской истории и традиции. Это в полной мере относится и к китайской политической тактике и дипломатии. А. Фридберг ясно подмечает особенности китайской политики в Евразии, которая ограничивается очень скромными публичными заявлениями (делая исключение только в отношении китайского суверенитета и внутренней политики), но максимально активной экономической политикой не только в Азии, но и в Европе: «Китайское руководство не думает, что этой цели можно достичь быстро или путем наступления по всему фронту. Вместо этого оно стремится успокоить и обнадежить соседние государства, полагаясь на силу могучей китайской экономики (заманчивого партнера для всех), которая, по мнению КНР, способна противодействовать начавшимся попыткам уравновесить ее. Следуя совету военного стратега древности Сунь-Цзы, Пекин намеревается "победить без сражения", постепенно создавая ситуацию, в которой открытое сопротивление его желаниям окажется тщетным и бесполезным»².

¹ Фридберг А. Несговорчивый Пекин // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 5. С. 150.

² Фридберг А. Несговорчивый Пекин // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 5. С. 150.

Такая китайская стратегия и тактика полностью соответствует представлениям о конкурирующих в Евразии цивилизациях, противоречия между которыми имеют базовый, фундаментальный характер, налагающий вполне конкретные ограничения на возможности сотрудничества и сближения. А. Фридберг четко подмечает характер этой стратегии: «Невозможность достижения искреннего согласия между США и Китаем объясняется не отсутствием усилий, а фундаментальным расхождением интересов»¹.

Надо сказать, что цивилизационно-ценностной подход свойственен не только Китаю или США, но и Евросоюзу, где во втором десятилетии политика единой системы ценностей стала вытеснять политику интересов национальной безопасности. Это процесс, несмотря на кризис и естественное национальное сопротивление, станет доминирующим, а значит Евросоюз неизбежно формализует и легализует (в том числе и в нормативно-правовой форме) свою систему ценностей.

Наши либеральные эксперты в качестве главного принципа российской стратегии обозначают «непротиворечивый характер обязательств» между потенциальными партнерами в Евразии - Евросоюзом (США), странами ТС, сотрудничество с которыми в силу «их технологической отсталости» не позволяет считать их «в качестве основного фактора»². Это, конечно, скорее пожелание, чем действительность. На самом деле противоречия встречаются во всех областях – от энергетики и торговли до гуманитарной области и открытых попыток навязывать свои представления о демократии, выборах или отношению к неправительственным организациям. Соответственно и вывод авторов Стратегии выглядит излишне оптимистичным: «Оптимальная стратегия для России заключается в выстраивании многоуровневой системы форматов взаимодействия, позволяющих в максимальной степени использовать возможности торгового, инвестиционного и технологического сотрудничества со странами-партнерами. Основным условием реализации этой стратегии

¹ Там же.

² Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М.: ВШЭ, 2012. Март. С. 815.

является непротиворечивый характер (?!) обязательств, принимаемых в контексте отношений с различными группами стран (партнерами по Таможенному союзу, другими странами СНГ, ЕС, АСЕАН и т. д.)¹.

Особенное внимание привлекает представление авторов Стратегии–2020 о приоритетах сотрудничества. Прежде всего из-за того, что в представленных направлениях, выстроенных в четкую иерархию, ничего не говорится о геополитических и военно-политических факторах, без которых экономическое сотрудничество становится «самоценным». Крайне мало в предлагаемой иерархии говорится об исторических, географических и цивилизационных особенностях интеграции. Наши либералы сознательно или бессознательно забывают, например, что европейская интеграция основывалась на представлениях об общей безопасности. Североатлантический союз, созданный в 1949 году намного раньше экономических объединений Западной Европы, стал двигателем европейской интеграции. Да и сегодня, после подписания Лиссабонского договора, общая внешняя и военная политика Евросоюза является мощнейшим стимулом для интеграции в других областях.

Авторы Стратегии–2020 дают описание приоритетов регионального сотрудничества, что является достаточно полным представлением о взглядах либералов на евразийскую интеграцию: «Иерархия региональных приоритетов сотрудничества может быть представлена следующим образом:

1. Страны Таможенного союза останутся основными кандидатами на развитие «глубоких» форматов интеграционного взаимодействия с учетом их территориальной, этнокультурной и исторической близости. Формирование самостоятельного интеграционного ядра на основе Единого экономического пространства и, в перспективе, Евразийского экономического союза позволит участвовать, наряду с ЕС и интеграционными процессами в АТР, в создании комплексной системы интеграционного взаимодействия в Европе и Азии»². Не очень понятна

¹ Стратегия–2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М.: ВШЭ, 2012. Март. С. 815.

² Стратегия–2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М.: ВШЭ, 2012. Март. С. 816.

идея «комплексной системы интеграционного взаимодействия», в которой будет участвовать ТС. Пока что Евросоюз и другие международные объединения игнорируют ТС и ОДКБ. И это будет продолжаться до тех пор, пока ТС и ОДКБ во главе с Россией не превратятся в самостоятельный и мощный политический, военный и экономический фактор. Только тогда идея сотрудничества Евросоюза – ТС – АТЭС станет реальной. И это действительно станет возможным в Евразии, но через идеологическое лидерство России, ее способность создать собственный центр силы, равноправный субъект для сотрудничества с Евросоюзом. В конце концов авторы все-таки признают необходимость «формирования самостоятельного интеграционного ядра».

Говоря о наиболее приоритетном (и первом по порядку) направлении сотрудничества, авторы Стратегии–2020 занимают «текущий технологический уровень СНГ», полагая, что он не может быть «основным фактором, стимулирующим модернизацию в России». На самом деле многие новейшие производства и технологии создавались в СССР и приобретались позже не только в Казахстане и Белоруссии, но и на Украине.

«Текущий технологический уровень стран СНГ не позволяет рассматривать сотрудничество с ними в качестве основного фактора, стимулирующего модернизационные процессы в России. Однако критически важно, чтобы механизмы интеграционного сотрудничества на пространстве СНГ и Таможенного союза, имеющие важную политическую составляющую, обеспечивали рынки сбыта для российских технологически сложных и инновационных товаров»¹.

Обращает на себя внимание особая «привязанность» российских либералов к Евросоюзу, которая, как представляется, имеет под собой неэкономическую основу. Именно это мешает им объективно отнестись к перспективам сотрудничества с Евросоюзом: «2. Страны ЕС в период до 2020 г. останутся основными торговыми партнерами России и основными поставщиками прямых иностранных инвестиций в экономику страны. Трансферт европейских технологий и развитие технологических альянсов

¹ Там же.

между российскими и европейскими компаниями, освоение европейских рынков будут служить мощными стимулами для повышения конкурентоспособности национальных производителей. В этих условиях долгосрочной стратегической целью является интеграция с ЕС в формате соглашения «зона свободной торговли плюс», которая в сочетании с уже существующим режимом Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Беларуси и Казахстана обеспечит формирование интегрированного рынка, охватывающего всю северную часть Евразийского континента»².

Вызывает сомнение второй приоритет, обозначенный либеральными авторами Стратегии–2020, – сотрудничество со странами Евросоюза. Прежде всего в этом приоритете желаемое выдается за действительность. В самом деле Евросоюз является крупнейшим партнером России, на который в наши дни приходится 60% всей торговли, но также ясно, что:

- растущая мощь азиатских стран неизбежно приведет к уменьшению этой доли, в особенности, если наконец-то получат быстрое развитие восточные регионы России;

- Евросоюз рассматривает Россию только как поставщика энергоресурсов и рынок сбыта своей готовой продукции, сознательно стремясь сохранить именно такую направленность взаимоотношений;

- интеграции с Евросоюзом в любом формате будут мешать неэкономические – ценностные, военно-политические, гуманитарные и другие факторы. Евросоюз сможет и захочет интеграции с ТС только на условиях признания постсоветскими государствами той системы ценностей, которая становится основой существования современного Евросоюза;

- Евросоюз будет стремиться развивать отношения с каждой страной ТС по отдельности, прямо ставить их перед выбором (как в случае с Украиной) – Евросоюз или ТС.

В целом евроцентризм либералов мешает им объективно оценить возможности и перспективы развития отношений с Евросоюзом. Но, что гораздо хуже, этот акцент в том или ином виде противодействует

² Стратегия–2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М.: ВШЭ, 2012. Март. С. 816.

процессу евразийской интеграции, переносу акцентов в социально-экономическом развитии на восточные регионы страны, которые рассматриваются ими в лучшем случае как транзитные коридоры между Европой и Азией.

Очень коротко и не полно авторами Стратегии–2020 рассматривается третье, «китайско-азиатское» направление. Практически только как возможность для роста торговли. Речь не идет ни о возможной интеграции, ни – главное – о приоритете развития восточных регионов нашей страны и их роли в евразийской интеграции. Так, авторы формулируют это направление следующим образом: «3. Динамичное развитие **Китая и других стран Азии** создает благоприятную основу для географической диверсификации российского экспорта. Рост значения этого региона в системе внешнеэкономических приоритетов страны будет поддерживаться снижением взаимных барьеров для торговли и инвестиций и реализацией интеграционных инициатив (в формате соглашений о свободной торговле) с отдельными странами, а также подключением (после присоединения к ВТО) к переговорам в многостороннем формате»¹.

В подобном подходе совершенно отсутствует геополитический анализ. Так же, впрочем, как и в оценке четвертого, американского, направления, где роль борьбы за Евразию вообще не видится, а тем более не просматривается перспектива развития экономических связей восточных регионов с США: «4. Перспективы **экономического сотрудничества с США** будут в решающей мере зависеть от развития российско-американских политических отношений. На этом фоне важную роль для интенсификации торгово-инвестиционных контактов будет иметь присоединение России к ВТО и ОЭСР, обеспечение полноценного участия в механизмах «Большой восьмерки», а также обновление договорной базы двустороннего сотрудничества»².

¹ Стратегия–2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М.: ВШЭ, 2012. Март. С. 816.

² Стратегия–2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М.: ВШЭ, 2012. Март. С. 816.

Традиционно и очень скромно рассматривается направление сотрудничества со странами Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока, хотя с некоторыми государствами этих регионов можно ожидать быстрых темпов роста не только торговли, но и военно-технического сотрудничества (как, например, с Венесуэлой или Ираном).

В этой связи особое внимание привлекают Бразилия и Мексика, которые не только становятся экономическими гигантами, но и могут претендовать на лидерство в цивилизационном плане. Очевидная недооценка этих стран также бросается в глаза, как и иллюзии в отношении Евросоюза: «5. Использование потенциала сотрудничества со странами **Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока** будет опираться, с одной стороны, на прогресс в политическом диалоге с отдельными государствами, а с другой стороны — на индивидуальные инвестиционные стратегии конкретных российских компаний, ведущих бизнес в этих регионах. Оптимальная поддержка такого сотрудничества должна состоять в заключение рамочных соглашений России (Таможенного союза) с ведущими региональными организациями и отдельными странами в рамках региональных структур межгосударственного диалога либо в формате двусторонних межгосударственных соглашений»¹.

Подытоживая, можно сказать, что либеральный подход к евразийской интеграции, отраженный в труде более 1000 экспертов, страдает существенными недостатками, которые в совокупности не позволяют называть его долгосрочной стратегией. В частности:

- в нем нет ясно сформулированных долгосрочных политических и геополитических целей России, вытекающих из анализа ее долгосрочных национальных интересов;

- Стратегия–2020 фактически сводится к внешнеэкономическому сотрудничеству, игнорируя важнейшие неэкономические факторы — систему сложившихся национальных ценностей, интересы безопасности, политико-идеологические и гуманитарные факторы;

¹ Там же.

– эта Стратегия отражает идеологию либерализма и его систему ценностей, ориентированную прежде всего на Евросоюз. Нередко в ущерб России;

– она не может быть интеграционной стратегией потому, что либералы предполагают, только одно интеграционное направление – Евросоюз, нереализуемое на практике.

Обращает также на себя внимание подчеркнутый приоритет европейского интеграционного направления, хотя во втором десятилетии нашего века российские либералы уже не столь явно идеализируют и абсолютизируют его значение¹:

«Европейский Союз – традиционно ведущий внешнеэкономический партнер России. В настоящее время на 27 государств-членов ЕС приходится почти половина внешнеторгового оборота России и свыше двух третей накопленных в России прямых иностранных инвестиций. Главные плюсы подобной географической концентрации: доступ к емкому рынку сбыта сырьевых товаров российского экспорта, осуществление европейскими компаниями-лидерами прямых иностранных инвестиций и связанный с этим трансферт технологий, а также косвенный эффект, связанный со стимулированием конкуренции в российской деловой среде и совершенствованием экономических институтов по образцу ЕС»².

Авторы Стратегии–2020 вынуждены признавать объективные реалии в отношениях России и Евросоюза, но рассматривают их исключительно с экономической точки зрения, лишь косвенно затрагивая политическую сущность Евросоюза и приоритеты его ценностного подхода. «Вместе с тем чрезмерная ориентация на ЕС имеет ряд негативных эффектов. Во-первых, ЕС – один из наименее динамично развивающихся регионов мира, как в настоящее время, так и, по-видимому, в ближайшей перспективе. Европейский рынок не сможет динамично расширять спрос на товары российского экспорта (а по энергетическим товарам может даже снижать спрос в рамках стратегий энергосбережения, повышения

¹ Стратегия–2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М.: ВШЭ, 2012. Март. С. 816.

² Там же.

энергоэффективности и диверсификации поставок энергоносителей). Во-вторых, зависимость России от ЕС во многом односторонняя: значение России как внешнеэкономического партнера для большинства стран ЕС намного меньше, чем значение ЕС для России, что создает предпосылки давления на Россию по критически важным для нее вопросам сотрудничества (прежде всего энергетического). В-третьих, высокая политизированность принятия решений в ЕС на фоне кризиса в зоне евро и долгосрочных проблем создания условий для успешного развития южноевропейских членов ЕС еще больше отодвигает вопросы углубления интеграционного взаимодействия ЕС с Россией, включая заключение нового Соглашения о партнерстве и сотрудничестве»¹.

Кажется, что либералы опасаются, что низкая результативность политики России по отношению к Евросоюзу, политизация без необходимости отношений ряда европейских стран, даже открытое вмешательство во внутренние дела России, а иногда и нескрываемая враждебность, переходящая в русофобию, отражаются не только на экономических связях, но и на самом российском либерализме, который во многом стал откровенно западническим.

Понимая растущее значение восточных регионов России и стран АТР, либералы боятся быть оторванными от той части Евразии, которая претендует в лице Евросоюза уже не только на самостоятельность в экономике и политике, но и на идеологическое лидерство в Евразии. Вот почему либеральные авторы пишут: «Тем не менее географическая диверсификация внешнеэкономических связей России не должна означать снижения внимания к европейскому вектору сотрудничества. Напротив, на этом направлении надо продолжать максимально использовать имеющийся потенциал, в том числе способствуя позитивным структурным сдвигам во внешней торговле и инвестиционных потоках между Россией и ЕС»², – считают авторы Стратегии–2020.

¹ Стратегия–2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М.: ВШЭ, 2012. Март. С. 816.

² Стратегия–2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М.: ВШЭ, 2012. Март. С. 816.

Активизация идеологической дискуссии по вопросу о путях развития России в последнее время имеет объективные внутренние причины:

– **во-первых**, завершение периода социально-экономической стабилизации еще до кризиса 2008–2011 гг. сформировало объективный запрос общества на формулирование четкой картины развития страны, долгосрочную стратегию и план, выполнение которых невозможно без ясной идеологии.

Если выходить из кризиса, сохранять стабильность можно и без плана, без идеи методами «ручного управления», то для того, чтобы даже просто начать движение, уже требуется **выбор приоритетного направления**, расчет ресурсов, учет времени и т.д. Дискуссии в правительстве и обществе в 2008–2012 годах хорошо иллюстрируют эту проблему. Провал модернизации в 2008–2012 годах вполне понятен: не было сделано главного – построения национальной стратегии модернизации, из которой вытекало бы решение основных проблем инновационного процесса.

Недостатка в концепциях – отраслевых, региональных, частных – не было. За 2005–2012 годы были подготовлены сотни таких концепций и стратегий, что само по себе уже хорошо, ведь в 90-е годы сама идея создания подобных концепций в корне отрицалась либералами, которые больше всего на свете боялись появления Госплана в любом виде. Но у этих концепций и стратегий были и остаются существенные недостатки, которые превращают их в пустые нормативные документы.

Во-первых, они не носят директивного характера, не являются основой для других решений в политической, бюджетной или финансовой области.

Во-вторых, у них нет практического механизма реализации. Если конкретные поручения Президента РФ выполняются, как считают, в лучшем случае на 15%, то выполняемость концепций никто не требует вообще. Так, Стратегия–2020, Инновационная стратегия развития России до 2020 года и другие документы остались известны узкому кругу лиц. Они не получили ни политической, ни медийной поддержки.

В-третьих, и это главное, эти концепции должны были бы быть частью более широкого политико-идеологического документа, который

был бы обязателен к исполнению, носил бы директивный характер, а кроме того, идеологически смог бы выполнять функцию массового управления миллионами людей.

Такие документы были не только у КПСС и КПК, но и существуют во вполне даже либерально-демократических странах, руководство которых понимает необходимость долгосрочной системной работы, нацеленной на поэтапное достижение конкретных результатов. Которых, к сожалению, очень мало у России.

За 2008–2012 годы не было решено ни одной крупной проблемы, от которой зависит успех, например, инновационной политики. Некоторые авторы адресуют этот упрек только Д. Медведеву: «Он не проводил структурных реформ в экономике, не осуществлял радикальных перестановок в элите, не выступал с громкими внешнеполитическими инициативами»¹.

Это, конечно же, неверно. Все эти действия имели место, хотя «радикальными» их назвать нельзя. Что, на мой взгляд, тоже неплохо. Разумный консерватизм и осторожность гораздо реже встречались в современной истории, чем радикализм и авантюризм.

Чего действительно не было, так это системы взглядов и действий, оформленных в национальную стратегию, важнейшими элементами которой во втором десятилетии XXI века стали:

- стратегия опережающего развития восточных регионов и транспортной инфраструктуры;
- стратегия евразийской интеграции;
- инновационная стратегия.

Национальная инновационная стратегия должна основываться на национальной идеологии развития. Как справедливо заметили эксперты в этой области, «Прежде чем перейти к решению проблемы инновационного процесса, перечислим наиболее распространенные трудности...»² которые, к настоящему времени, так и не были преодолены.

В современном мире идеологическое лидерство невозможно без лидерства в науке, образовании и технологиях. Это лидерство не может быть

¹ Родионов К. После рокировки // Независимая газета. 2012. 21 мая. С. 3.

² Андрусов А., Ряпосов А. Организационные аспекты управления инновациями // Эффективное антикризисное управление. 2011. № 4 (67). С. 29.

основано, как продолжают считать либералы, на заимствованных технологиях. Для России эта задача существенно осложняется геополитической ситуацией в Евразии и деградаций восточных регионов. Поэтому национальная стратегия должна системно основываться на этих трех приоритетах: евразийской стратегии, инновационной стратегии и стратегии опережающего развития восточных регионов и транспортной инфраструктуры. Так, матрица важнейших проблем инновационной стратегии должна быть совмещена с матрицами важнейших проблем стратегии опережающего развития восточных регионов и проблем евразийской стратегии¹.

Главные проблемы и задачи инновационной стратегии

1. Определение приоритетов инновационного развития восточных регионов и евразийской интеграции	<ul style="list-style-type: none"> – Определение стратегических приоритетов развития – Декомпозиция стратегии до уровня целей по технологиям, продуктам и системе управления
2. Формирование общественного спроса на инновации, евразийскую интеграцию и развитие восточных регионов	<ul style="list-style-type: none"> – Конкретизация внутренних потребностей в новых технологиях и процессах – Конкретизация требований к новым продуктам – Формирование запроса на инновации с учетом стратегических приоритетов
3. Поиск/генерация, отбор и доработка решений по инновациям, интеграции и развитию восточных регионов	<ul style="list-style-type: none"> – Сбор вариантов решения (поиск существующих решений, генерация идей на всех уровнях, НИОКР...) – Выбор наиболее перспективных решений – Доработка решений (до стадии внедрения)
4. Внедрение принятых решений, обязательность их исполнение и дальнейшее развитие	<ul style="list-style-type: none"> – Управление проектом внедрения – Контроль результатов внедрения – Обратная связь – Премирование

За 2008–2013 годы пока этого сделано не было. Пока ещё не определены ни приоритеты, ни сформирован общественный спрос на инновации, ни отбор решений, ни создана система внедрения таких решений.

Без этого невозможно идеологическое лидерство и эффективная цивилизационная конкуренция в Евразии, а значит неизбежен

¹ Андрусов А., Ряпосов А. Организационные аспекты управления инновациями // Эффективное антикризисное управление. 2011. № 4 (67). С. 29.

стратегический проигрыш, потеря в конечном счете национальной идентичности и даже государственного суверенитета.

в). Социально-экономические последствия политики либерализма в странах Евразии

Каждый из противников (в Евразии – *авт.*) распространял по всему миру свой идеологический призыв, проникнутый историческим оптимизмом...¹

З. Бжезинский,
политолог

Экономический потенциал не просто усиливает роль страны на международной арене, но и заставляет диверсифицировать внешнюю политику. Чем в большем количестве рыночных секторов представлена Россия на европейском постсоветском пространстве, тем более детальной, сложной становится российская внешняя политика²

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Идеологическое лидерство, как обязательное условие успешной конкуренции между цивилизациями в Евразии, предполагает лидерство в области национального человеческого капитала (НЧК). Соответственно та идеология и политическая практика, а также экономика будет успешней, которая в наибольшей степени ориентирована на развитие НЧК. Современный НЧК характеризуется несколькими важнейшими критериями, из которых с 1990 года было признано на уровне ООН три: душевой доход, образование, продолжительность жизни.

Есть все основания дополнить эти три критерия, как минимум, еще тремя – уровнем развития науки, культуры и духовности. Эти три критерия отражают научные, креативные и духовные способности личности, без которых невозможно формирование класса-творца или креативного класса, создающего в современном мире основную часть духовных, интеллектуальных и материальных благ.

Надо признать, что соревнование между коммунистической и либеральной идеологиями было выиграно в 80-е–90-е годы XX века либералами потому, что эта идеология в большей степени, чем коммунистическая была ориентирована на развитие НЧК. Прежде всего таких его составляющих, как душевой доход, продолжительность жизни, отчасти, здравоохранение, наука и образование, хотя последние две

¹ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения. 2010. С. 18.

² *Торкунов А.В.* Выступление президента РАМИ ректора МГИМО(У) МИД России, академика РАН А.В. Торкунова // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 18.

области, как и культура и духовность, вряд ли можно назвать сильными сторонами либеральной идеологии.

Евразийская интеграция во многом будет определяться также идеологией, которая более другой будет ориентирована на развитие НЧК. В том виде, как существующая западническая либеральная идеология повлияла на НЧК евразийских государств, во многом находится ответ на вопрос о новой евразийской идеологии и цивилизационном лидерстве России.

Геополитическая и социально-экономическая ситуация в странах Евразии характеризуется прежде всего темпами развития и качеством человеческого потенциала. Эти страны условно можно разделить на три группы.

Первая группа – развитые страны Европы и Азии, где уровень развития человеческого потенциала позволяет говорить об их мировом лидерстве – Норвегия, Финляндия, Швеция и другие европейские страны, с одной стороны, и Гонконг, Республика Корея, Япония, Сингапур, – с другой. Во многом успех их развития был предопределен успехом идеологии социального либерализма, даже социализма, получившего признание во второй половине XX века.

Вторая группа стран, – где темпы развития человеческого потенциала развиваются опережающими темпами по сравнению со среднемировыми: Китай, Индия, Казахстан и др. Причем быстро растет не только такой ключевой показатель НЧК, как душевой ВВП, но и уровень образования (за 20 лет более 300 млн китайцев получили высшее образование), науки, качество институтов развития НЧП и т.п.

Как правило, эти страны выбрали национальные модели развития, где элементы социализма или либерализма присутствуют в тех пропорциях, которые считают необходимыми национальные элиты.

Третья группа стран, к которой принадлежит Россия, большинство постсоветских государств (включая прибалтийские) и значительная часть азиатских стран, где уровень НЧК остается последние годы на прежнем уровне или даже снижается.

Таким образом, евразийские страны очень по-разному понимают значение и развивают главную часть своего национального богатства –

человеческий капитал. Это объясняется, прежде всего, идеологически выбором, адекватностью и профессионализмом их элит, и, как следствие, способностью к эффективному управлению. Социальный либерализм и социализм западноевропейских стран обеспечили быстрые темпы роста НЧК в конце XX века. «Российский капитализм», наоборот, остановил его развитие, даже отбросил назад. Набирающие силу национальные идеологии с сильным социальным акцентом, видимо, наиболее перспективные в будущем.

Так, в КНР опережающее развитие НЧП является главной долгосрочной политической и социально-экономической целью, в стратегии развития, которой подчинены остальные задачи. Думается, что Китай сможет продемонстрировать в будущем фантастические темпы роста уже не экстенсивного, а интенсивного характера именно за счет роста НЧК. Качество личности, как главный фактор современного развития, умноженное на демографический потенциал неизбежно будет стремительно умножать мощь Китая.

В России по-прежнему не произошел пересмотр идеологических приоритетов в пользу НЧК, что, естественно, отражается не только на структуре и качестве ее экономики, но и на уровне развития общественно-политических институтов. Достаточно сказать, что Россия – единственная развитая страна, где численность ученых не растет, а сокращается, а закон о финансировании культуры не менее 2% ВВП ни разу не был выполнен. За эти же годы практически не изменилось в лучшую сторону социально-экономическое положение граждан России и в большинстве бывших советских республик, что видно на состоянии, например, их ИРЧП. По самым разным оценкам численность среднего класса не превышает 20%, что во многом предопределяет сдерживание численности креативного класса, который мог бы достигать по некоторым оценкам 35%.

Либеральная идеология и политическая практика в России изначально пытались внедрить рыночные механизмы в те области человеческой деятельности, где они очевидно были неэффективны. Более того, разрушительны. Демографический провал удалось ликвидировать только в 2012 году, но для восточных регионов эта

проблема осталась нерешенной и сегодня. Только в самые последние годы отдельные программы по развитию НЧК страны стали давать некоторый эффект, что, впрочем, пока не отразилось на месте России по ИРЧП ежегодно публикуемому ПРООН¹. Оставаясь в седьмом десятке по этому показателю, Россия никогда не сможет стать не только идеологическим лидером Евразии, но даже считаться развитой страной.

Стране нужна идеология опережающего развития, в которой главным критерием эффективности должны стать не макроэкономические показатели, а темпы развития НЧК. Без этого попытки нашей страны возглавить интеграционный евразийский проект будут обречены на провал. Более того, стране грозит откол восточных, ставших уже не малонаселенных и деиндустриальных, а пустынных регионов, которые неизбежно попадут под влияние и контроль мощных государств Евразии.

Консервация влияния либеральной идеологии влияет и на политическую стабильность в обществе, которая в постсоветских республиках в течение 25 лет находится на низком уровне, позволяя внешним силам оказывать на них недопустимое влияние. Российский либерализм отрицает социальную справедливость, «вынося за скобки» активной жизни огромные социальные слои граждан. Тем самым общество не только теряет трудовые ресурсы, но и стремительно распадается на отдельные социальные группы, которыми можно манипулировать извне.

Репертуар протестных действий, по мнению экспертов, практически не меняется. Активизация либералов-западников в 2011–2013 годы показала, что они так ничему и не научились и не сделали выводов из допущенных ошибок и преступлений. Не меняются также и действия власти. Опасность протестных событий возрастает тогда, когда власть теряет контакт с обществом, а ожидания социума, или его активной части, не соответствуют тому, что происходит в действительности. Для

¹ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. Т. I, Т. II, Т. III. М.: МГИМО(У), 2011–2012 гг.

власти в таком случае есть только два выхода: либо переговоры, компромиссы для осторожного «выпуска пара», либо радикальный рост мер силового подавления протестов. Второй способ может дать тактический результат. Но стратегически – это гарантированная потеря властных рычагов, и ведет к целому «букету» негативных последствий.

Во-первых, недопустимому социальному расслоению общества, его неизбежной политической дестабилизации и подрыву самого фундамента развития – среднего и креативного класса, его институтов¹.

По сути консервируется отсталая социальная структура, более того, она за последние десятилетия даже ухудшается, не позволяя развиваться ни экономике знаний, ни общественным институтам. Страна по сути разделена на бедных и нищих, с одной стороны, составляющих до 80% граждан, и богатых и сверхбогатых, с другой. Эта пропорция характерна в еще большей степени и для других постсоветских государств. В зависимости от подсчета, к относительно благополучным (не нищим и не бедным) можно отнести до 20% граждан России и Белоруссии и не более 10% других постсоветских государств. В эти же проценты входит и 0,5–1% сверхбогатых граждан этих стран.

Распределение населения по группам доходов, в %

Доход, евро		Россия	Украина	Казахстан	Белоруссия	Азербайджан
Наиболее нуждающиеся	менее 115	20,5	25,6	26,7	12,1	13,2
Низкообеспеченные	115–345	52,9	67,0	66,8	5,2	85,4
Относительно бедные	345–805	22,5	7,3	6,4	28,2	1,3
Среднеобеспеченные	805–1265	3,1	0,1	0,1	3,6	0,1
Высокообеспеченные	более 1265	1,0	0	0	0,9	0

Нетрудно видеть, что в самой «богатой» из этих стран – России – пятая часть населения живет в натуральной нищете, имея доход менее 115 евро в месяц на человека. Еще 52,9% населения России, то есть более половины, живет в бедности, имея в месяц не более 345 евро на человека. Учитывая, что цены на товары и услуги выше, чем во многих

¹ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Креативный класс и идеология русского социализма. Книга 3. Т. III. Национальный человеческий капитал. М. 2011. С. 599–842.

европейских странах, этот уровень дохода позволяет большинству населения только выживать, а не увеличивать свой человеческий капитал.

В остальных приведенных странах дела обстоят еще хуже. В Украине, Казахстане, Азербайджане среднего класса практически нет, не говоря уже о богатых (зато есть сверхбогатые). В Азербайджане даже «относительно бедных» почти нет – только основательно бедные и нищие. Единственное исключение составляла Белоруссия, где ситуация была примерно такой же, как в России – во многом за счет нее же, – но уже сегодня, можно не сомневаться, Белоруссия стала в общий строй.

Подобное социальное расслоение означает, что евразийская интеграция во главе с Россией будет интеграцией бедных и нищих народов, ведь богатая часть населения и большинство элиты не заинтересованы в интеграции. Поэтому социальная и политическая база для интеграции будет слабой, а сопротивление интеграционным процессам неизбежно будет нарастать со стороны богатых слоев общества и большинства правящих элит. Не трудно предположить, что сторонники «европейского либерализма» в России являются и противниками евразийской интеграции. Они боятся, что евразийская интеграция и самоидентификация помешают внедрению западной системы ценностей. Примечательно, что такие лица, составляющие предположительно до 10% граждан России, составляют и половину численности относительно благополучных граждан и значительную часть элиты.

Социальное расслоение ведет к росту противодействия евразийской интеграции, успех которой в конечном счете будет зависеть от того, сможет ли идеология и практика либерализма удержать нынешний политико-экономический курс. Собственно это противоречие и стало главным противоречием внутри российской элиты в 2011–2013 годы.

Для успеха евразийской интеграции обязательно необходимо избавиться от балласта «российского либерализма» и стремительно развивать НЧК, что позволит достаточно быстро оптимизировать социальную структуру общества и предотвратить неизбежный социальный взрыв.

В социально-ориентированных моделях общества оптимальное распределение населения по доходам складывается следующим образом: почти полностью отсутствуют наиболее нуждающиеся и низкообеспеченные граждане, а доля населения с доходами ниже среднего уровня («относительно бедные») составляет около 20%. Доля среднеобеспеченного населения – около 60%. Еще 20% приходится на высокообеспеченных граждан. Анализ показал: ни одна из перечисленных стран СНГ не только не соответствует этому эталону развитых стран, но и бесконечно далека от него. Такая ситуация чревата, как минимум:

- отставанием в НЧК и, естественно в темпах развития;
- социальным взрывом из-за вопиющей социальной несправедливости;
- консервацией самых отсталых форм общественной жизни и производительности труда.

– **Во-вторых**, создание устойчивой евразийской структуры невозможно при отставании в развитии НЧП. Отставание в НЧП ведет к невозможности формирования устойчивой национальной политической системы. Для национальных элит главной политической задачей является сохранение власти, что требует создания под такую политическую систему некую устойчивую идеологическую базу. Консервация политических отсталых систем в условиях социальной несправедливости может вести только к отсталым идеологическим формам (что мы и наблюдаем) и проигрышу в цивилизационной конкуренции в Евразии. Устойчивую политическую систему в этих условиях в принципе нельзя создать, ведь ее придется формировать, опираясь на абсолютное меньшинство богатого населения стран. Просто быть «за Путина» или «за Назарбаева» стало уже мало: необходимо национальное идеологическое и политическое единство, которого невозможно добиться в условиях такого социального неравенства.

Соответственно для противников нынешнего полулиберального курса необходимо идеологическое объединение, которого добиться проще, опираясь либо на большинство, ущемленное в доходах, либо на либеральное меньшинство. Если на самом общем уровне, единство

большинства гипотетически возможно под лозунгом «вместе против Путина», то в дальнейшем (и это хорошо понимают оппоненты В. Путина) необходимы идеологические, программные основы для консолидации, которые нынешних лидеров оппозиции в постсоветских государствах не беспокоят.

Сохраняющиеся остатки «российского» либерализма препятствуют:

- распространению новой национальной идеологии и политической практике, благодаря которым в последние десятилетия быстро развивался НЧП Китая, Индии, Бразилии, Гонконга, Республики Корея и других стран;

- расконсервации старых либеральных и советских форм управления и хозяйствования;

- возможности создания евразийской политико-идеологической платформы для интеграции не только в торговой, но и экономической, политической и военных областях;

- опережающим темпам развития страны и прежде всего ее восточных регионов. В 2013 году стало ясно, что темпов роста ВВП, которые были в 2001–2007 годах (5,5–6,7%) не достигнуть. Эти темпы были вызваны отнюдь не ростом экономики, а восстановлением ее отдельных отраслей, разрушенных в 90-е годы и взлетом цен на энергоносители. Те же темпы, которые прогнозируют сегодня (3–4%), не обеспечат развития страны. Нужна новая идеология развития, ориентированная на НЧП.

- **В-третьих**, впервые власть вынужденно сама стала участником, причем активным, идеологической дискуссии в 2000–2013 годах, предложив обществу свою повестку дня, свое понимание системы ценностей и приоритетов. Это предложение пока не выглядит вполне убедительным ни в России, ни в других странах, но оно вывело идеологию из числа запретных тем. Если последние десятилетия либеральная элита отрицала необходимость идеологии, ссылаясь даже на запрет Конституции (который относится к государственной, монополевой идеологии), то теперь внутри партий стали создаваться идеологические клубы, но, главное, активно заработала общественная мысль. Произошло

примерно то же, о чем писал В.О. Ключевский: после 15 лет смуты 1598–1612 гг. общество стало стремительно идеологизироваться.

Не стояла и общественная мысль в это время в странах СНГ. Прошло несколько очень примечательных событий, связанных как с развитием институтов гражданского общества, так и с появлением новых, принципиальных документов, в которых правящие классы бывшего СССР и России и его научная элита внесли существенные коррективы в представления о месте своих государств в мире. В России это прежде всего «идеологические» Послания Президентов РФ Федеральному Собранию 2008–2013 годов, в которых были сделаны попытки сформулировать основные приоритеты и цели власти. В дальнейшем, к сожалению, так и не реализованные, именно из-за отсутствия новой идеологической системы. Заметим идеологическим событием стала статья В. Путина 3 октября 2011 года, посвященная евразийской интеграции. В Казахстане, Белоруссии, на Украине появились новые, в т.ч. евразийские идеологические наработки.

Все это говорит о том, что мы находимся накануне качественного идеологического поворота, главными чертами которого будут:

- избавление от остатков «российского либерализма»;
- появление новой идеологической системы взглядов, ориентированной на развитие НЧК;
- смена существующего алгоритма управления и остатков либеральной элиты.

В-четвертых, в геополитической борьбе за Евразию очевидные преимущества будут иметь те цивилизационные центры силы и государства, в которых качество и темпы развития человеческого капитала будут выше. Пока что сохраняется лидерство западной части Евразии, за которой стоят США, но это уже не идеологическое лидерство. Кризис в развитых странах 2008–2012 годов показал, что этот кризис был прежде всего идеологическим, а потом уже финансовым и экономическим. Этот кризис на Западе не сумели преодолеть. По сути дела это означает, что старые идеологические принципы либерализма, которые уже не эффективны во втором десятилетии XXI века,

сохраняются искусственно, консервируются, ибо на них строилась экономика и политическая мощь либеральной цивилизации.

Уже в среднесрочной перспективе видно, как соотношение сил меняется в пользу Китая, Бразилии, Мексики и Индии, где огромные демографические ресурсы и политика в области развития НЧК предоставляют им мощные конкурентные преимущества. Именно их национальная идеология обеспечивает этим странам стремительный рост. Но эта же идеология уничтожает остатки либерализма.

В-пятых, Россия и другие постсоветские государства очевидно проигрывают в этом соревновании национальных человеческих капиталов, как старым лидерам – либеральным демократиям, – которые пока что сохраняют верхние строчки рейтинга, так и государствам, стремительно догоняющим лидеров. По основным критериям НЧК: продолжительности жизни, душевому ВВП, уровню образования, культуры, науки и здравоохранения – Россия и другие постсоветские государства занимают места в 7–8 десятке государств все последнее десятилетие. Это свидетельствует о стагнации, отсутствии динамики в развитии.

Сохранение подобной динамики до 2030 года неизбежно приведет к относительному отставанию России и других постсоветских государств и их перемещению в группу стран со слабым НЧК, то есть в группу отстающих государств.

Это неизбежно ведет к подрыву их шансов на сохранение цивилизационной идентичности и суверенитета. Конкуренция цивилизаций в Евразии будет иметь своим неизбежным последствием размывание систем ценностей слабых государств, рост их уязвимости со стороны государств, обладающих более мощным НЧК и цивилизационным ресурсом. Проигравшие в цивилизационном соревновании нации и государства будут постепенно терять свой суверенитет, поддаваться все более мощному влиянию стран, обладающих высоким НЧК (а, значит, и «мягкой силой»), терять контроль над своими ресурсами и территориями.

В этих условиях евразийская интеграция (если ее рассматривать шире, чем просто единое таможенное пространство), в особенности

промышленная, научная, образовательная кооперация позволит быстрее исправить отставание в развитии НЧП и, как следствие, обеспечить уверенные внешнеполитические и военно-политические позиции.

Если предположить, что будущее соотношение сил в мире будет определяться соотношением НЧК, то, естественно, что те страны и цивилизации, которые сумеют повысить индивидуальный уровень человеческого капитала до максимального показателя и станут новыми мировыми лидерами. Сегодня демографическое (количественное) преимущество в НЧК и качественное (душевой ВВП, уровень образования, науки и культуры) преимущество – у Европы и США, но как только качественные показатели НЧК Индии, Китая, Мексики, Бразилии, Индонезии будут увеличены, мир станет принципиально иным. Опыт показывает, что этим странам потребуется еще 15–20 лет.

Важно, чтобы этот период не был потерян для восточноевропейской цивилизации, которая сохраняет пока свою идентичность на уровне народов, но уже подверглась эрозии на уровне элит, государств и их институтов.

Глава 9. Власть и евразийская идеология

все вызовы напрямую затрагивают наши
интересы... и определяют расстановку
наших приоритетов¹

*В. Путин,
Президент России*

Россия – многонациональная нация²

И. Ильин

Позиция российской власти, правящей элиты имеет решающее значение в формировании евразийской идеологии. Это хорошо видно на примере известной статьи В. Путина, опубликованной 4 октября 2011 года в газете «Известия». Можно сказать, что до этой публикации евразийские идеи россиян нашли либо отвлеченно-академический характер, либо ассоциировались с политическими идеалистами. «Вдруг» после выступления в печати В. Путина ускорился не только верхушечно-административный процесс, но и стремительно выросла активность политиков, заявивших о приверженности этой идеи, за несколько месяцев 2012–2013 года был зарегистрирован в Минюсте десяток евразийских партий, стремительно стали появляться евразийские клубы, ассоциации, сайты.

Находившиеся на периферии внимания российских СМИ события в постсоветских государствах стали вдруг предметом бурных дискуссий, которые распространились на парламенты, органы исполнительной власти. Еженедельно стали проводиться международные конференции, круглые столы, семинары, школы и т.п.

Власть, конкретно В. Путин, безусловно нащупала ту точку, которая привлекла всеобщее внимание, сразу же породив как горячих сторонников, так и не менее горячих противников преимущественно из либерального лагеря, почувствовавших, скорее, чем осознав, что евразийская интеграция будет во многом вступать в противоречие с западничеством и продвижением в Россию либеральных ценностей.

¹ Путин В.В. Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства обороны. 27.02.2013 / Эл. ресурс: «Президент России». 2013. 27 февраля.

² Цит. по: Тишков В. Национализм – погода на завтра // Независимая газета. НГ-сценарии. 2012. 25 сентября. С. 11.

а) Пространственное и функциональное расширение представлений о евразийской интеграции

Укрепление международного
экономического сотрудничества,
открытие рынков, интеграция – вот наш
ответ на вызовы кризиса и таково
магистральное направление
дальнейшего развития¹

*И. Шувалов,
первый заместитель Председателя
Правительства РФ*

... Атлантический альянс укрепляет
американское политическое влияние и
военную мощь на Евразийском континенте²

*З. Бжезинский,
политолог*

Очень важно изначально определить границы – географические и геополитические – самой идеи евразийской интеграции, установленные властью. Пока что речь идет о создании «Единого» экономического пространства со странами ТС и «общего» пространства – от Атлантики до Тихого океана со странами Евросоюза.

«За скобками» современного понимания властью евразийской интеграции остаются, таким образом, не только страны Евразии, но и АТР. Особенно неясна ситуация с КНР и Индией, которые являются «стратегическими партнерами» России. В общих чертах ее охарактеризовал А. Блинов: «... стороны не стремятся к формированию военного союза. Между обеими странами существуют контакты и сотрудничество в военной области, но оно имеет характер нормальных контактов между военными ведомствами дружественных стран. Шанхайская организация сотрудничества, в которой участвуют обе страны, не является военной организацией, она не имеет в своем составе структуры военного управления. Совместные учения, которые проводятся в рамках ШОС, имеют антитеррористический характер.

В этой связи правомерно отметить, что сотрудничество Москвы и Пекина как в сфере безопасности, так и вообще по международным проблемам состоит в скоординированном задействовании их влияния и авторитета, того, что сейчас принято называть «мягкой силой»³.

¹ Шувалов И.И. Россия на пути модернизации. 2012. С. 23 / URL: www.gov.ru

² Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения. 2010. С. 77.

³ Блинов А. Москва и Пекин опираются друг на друга // Независимая газета. 2013. 1 апреля. С. 9.

Таким образом можно сделать следующей вывод: власть пока что ограничивает **пространственно** евразийскую интеграцию узким кругом постсоветских государств, допуская углубленные формы сотрудничества с ЕС, Китаем, Индией и рядом других стран. **Функционально**, эти формы сотрудничества не переходят границ общего (и единого) экономического пространства, не распространяясь на другие области: безопасность, гуманитарную сферу, культуру и образование.

Следует признать за властью не только инициативу выдвижения евразийского проекта, но и ответственность за его направленность, которая вплоть до 2013 года ограничивалась развитием ТС и попытками экономического сотрудничества. В других областях проявлялись осторожные инициативы, среди которых можно было бы выделить две. Первая – парламентский вектор евразийской интеграции, который развивался благодаря во многом личному участию Председателя Госдумы ФС С.Е. Нарышкина. Его энергичные усилия вылились в проведение крупных и успешных международных конференций, в которых приняли участие не только активные депутаты разных парламентов, но и сотрудники аппаратов власти, известные ученые и журналисты.

Второе, менее заметное направление, это решение, принятое в декабре 2012 года о создании объединенной ВКО СНГ и ОДКБ¹.

Которая самым тесным образом связана с геополитикой, историей и культурой, народов, населяющих Россию. Что нередко игнорируется. Между тем, А. Неклесса, справедливо замечает, что «судьба России – бытие на распутье, выбор дорог. И метафизика тут вполне уживается с географией, хотя вряд ли можно сказать, что в ее душе мирно сопрягаются стремление состояться как гражданин Европы и тяга в запредельное беспамятство континента»².

Выступая на расширенном заседании коллегии Министерства обороны 27 февраля 2013 г., Президент России, пожалуй, впервые сказал о том, что среди приоритетов внешней и военной политики России важнейшим является евразийская интеграция, которая, как следует из

¹ См.: подробнее: *Подберезкин А.И.* Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО(У), 2013.

² *Неклесса А.И.* Преодоление Евразии // Независимая газета. 2013. 20 марта. С. 5.

контекста, становится главным инструментом противодействия внешним угрозам: «Это прежде всего развитие тесной интеграции в Евразии, укрепление Единого экономического пространства, переход к созданию Евразийского экономического союза. Это углубление партнерских связей в рамках Шанхайской организации сотрудничества и стран, которые объединены в систему, называемую БРИКС»¹.

Это – очень важное, даже революционное заявление В. Путина, которое свидетельствует о том, что за 2011–2013 годы его представления о внешнем мире, направлениях внешней политики и роли евразийской интеграции прошли большой путь от формулировки экономического приоритета до внешнеполитического и военно-политического приоритета.

Более того, в российской элите также произошли не менее радикальные изменения во взглядах на пространство интеграции – от представлений об интеграции как интеграции России, Казахстана и Белоруссии до расширенного понимания евразийской интеграции, которое включает в себя ШОС и даже БРИКС.

К сожалению, политические шаги часто оказываются без поддержки на уровне экономической политики и управленческих структур, которые фактически игнорируют политические решения. Это не раз подчеркивалось, например, на встрече руководителей фракций Госдумы и Верховной Рады в МГИМО(У) 25 июня 2013 года. В итоге, политические декларации отстают от центробежных тенденций. Так, в июле 2013 года около 80% членов украинского парламента были готовы к вступлению ассоциированным членом ЕС, несмотря на все издержки для Украины.

¹ Путин В.В. Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства обороны. 27.02.2013 / Эл. ресурс: «Президент России». 2013. 27 февраля.

КАК ПОЙДЕТ РОССИЙСКИЙ ГАЗ В ЕВРОПУ С 2018 ГОДА

Иными словами, «пространственное» расширение евразийской интеграции наталкивается на более сильные процессы противодействия.

Примечательно, что в правящих элитах других постсоветских государств также было отмечено обострение дискуссии по вопросу выбора между евразийской и западно-европейской интеграцией. В частности, в молдавской элите эти расхождения даже привели к распаду правящей коалиции Альянса «За европейскую интеграцию»¹.

В этой связи приходится признать, что в российском руководстве в полной мере осознают необходимость оперативного расширения евразийского сотрудничества по самым разным направлениям. В частности, таким ключевым областям развития НЧК, как наука, образование, технологии. Обращает на себя внимание в этом контексте пример США, где число ученых-инженеров, получивших докторские степени в науке и инженерном деле, не являющихся гражданами США в 2000–2009 гг. значительно выросло

	2000 г.	2005 г.	2009 г.
Все не граждане США, в том числе:	7 664	10 427	12 217
Китай	2 034	3 281	3 680
Корея	695	1 118	1 156
Индия	726	1 033	2 029
Германия	169	145	165

¹ Жильцов С. Передел власти по-молдавски // Независимая газета. 2013. 15–16 марта. С. 3.

Япония	166	183	188
Всего в науке	5 213	6 665	8 006
Всего в инженерном деле	2 451	3 761	4211

Составлено по: URL:<http://www.census.gov/prod/2011pubs/12statab/science.pdf>. Т. 811. [403]

Число выпускников американских университетов в области науки и инженерного дела 2000 и 2009 гг. (тыс. человек)

Область	Всего 2000 г.	Всего 2009 г.	Иностранцы 2000 г.	Иностранцы 2009 г.
Всего:	443.5	573.9	123.3	163.3
Наука и инженерное дело	374.8	497.2	118	155.1
Инженерное дело	98.8	136.7	46.3	62.8
Науки всего	275.9	360.5	71.7	92.3
– физика	29.6	37.1	11.5	14.8
– математика	14.4	20.5	5.9	8.2
– компьютерные науки	40.3	45.6	19.7	22.1
Медицина	68.8	76.7	5.4	8.2

Составлено по: URL:<http://www.census.gov/prod/2011pubs/12statab/science.pdf>. - Tab. 810. [403]

В 1995 г. 15% ученых и 17% инженеров, работающих в США, были неамериканского происхождения. Эти цифры существенно превышали общую долю иностранцев среди работающего населения США - она равна лишь 10%.

Сегодня инженеры неамериканского происхождения достигают более высоких уровней образования по сравнению с коренными американцами: 12% иностранцев получают степени докторов наук, в то время как среди американцев – только 4%. С учетом более высокого уровня образования, инженеры не американцы представляют 1/3 всех инженеров¹.

России необходимо максимально активно расширять евразийские связи в сфере образования, технологий нации, чтобы стать современным центром «циркуляции умов», а не поставщиком интеллектуальных мигрантов в США и страны ЕС.

¹ Фролов А.В. Национальная инновационная система США: этапы становления, структура и направления реформирования / А.В. Фролов. М.: Новые печатные технологии, 2013. 374 с.

б). Евразийская интеграция как ключевая идея стратегии национального развития

Все постсоветское евразийское пространство остается полем, на котором одновременно присутствует сложная комбинация интеграционных, сепаратистских и ирредентистских тенденций. Практически все двадцать лет с момента распада СССР эта система пребывает в состоянии перманентного кризиса, и с уверенностью можно утверждать, что в дальнейшем она обречена на более или менее конфликтную трансформацию¹

*М. Барабанов, К. Макиенко, Р. Пухов,
эксперты*

Мы искренне убеждены, что наши ближайшие соседи не должны ставиться перед искусственным выбором между «западным» и «восточным» векторами развития. Интеграционные процессы на континенте – и в Евросоюзе, и в евразийских форматах – развиваются по одним и тем же правилам, поэтому необходимо способствовать объективной тенденции к их сопряжению, а не пытаться искусственно противопоставлять их друг другу²

*С. Лавров,
министр иностранных дел России*

Локомотивом развития общественно-политической мысли в стране в 2005–2012 годы стала политика – как внутренняя, так и внешняя, – которая отнюдь не замерла, как пытаются утверждать некоторые политики и эксперты. Совсем наоборот: отчетливо проявились те тенденции, иногда опасные для страны и общества, которые еще не были очевидны, например, в 2004 году. Среди них главная – борьба в элите за власть, подготовка к выборам 2007–2008 и 2011–2012 годов, наступление либеральной оппозиции, стартовавшая системная работа администрации уже не только по формированию лагеря сторонников президента, но и «партии президентского курса». Но эта политика оставалась скорее функционалом администрации, чем политикой правящей элиты, опирающейся на идеологию, систему ценностей и стратегию национального развития. В результате многие частные решения принимались исходя из случайных мотивов, не объединенных в единую систему. Это означало изначально, что такие решения будут запоздалые, несистемные и противоречивые.

Если говорить о евразийской стратегии, то она в полной мере отражала эту тенденцию. Решения – запоздалые, несистемные и противоречивые – на всем протяжении последних 25 лет, поэтому

¹ Военная реформа: на пути к новому облику Российской Армии / Аналитический доклад. Валдай. 2012. Июль. С. 10.

² Воробьев В. В союз или в зону? // Российская газета. 2013. 5 марта. С. 2.

оказывались малоэффективными. В результате «политико-экономический выход» оказался не соответствующим заявлениям декларациям и даже решениям. Это во многом объясняет невысокую эффективность СНГ, ОДКБ, а также политики в области двусторонних отношений в Евразии.

Примечательно, что другой пример, на этот раз эффективный, – европейской интеграции, – прочно основывался на идеологическом фундаменте, который предполагал приоритет в создании общей системы европейских ценностей даже по отношению к национальным интересам. Это позволяло странам Евросоюза в каждом конкретном случае – будь то отношения с Украиной, ее позиция по ТС, либо вопрос с задолженностью Кипра, исходить именно из политико-идеологических соображений.

К сожалению, системной идеологической работы так и не велось. Более того, наступившее «политическое затишье» 2008–2011 годов сопровождалось затуханием и без того слабой интеллектуальной активностью власти. «Прагматизм», неостребованность концептуальных исследований привели к тому, что с начала политического сезона в 2011 году интеллектуальную инициативу взяли на себя либералы, которые попытались взять идеологический и политический реванш. Власть в 2011–2012 годы в очередной раз отдала идеологическую инициативу либеральной оппозиции. Созданные ею центры и институты (типа ИСЭПИ) оказались неспособными выдать реальный идеологический продукт. Как заметил Г. Павловский, «– В прошлом году (2011 г. – *авт.*) институт благополучно завалил работу по созданию Народной программы. Сотрудники этого института бегали по всей Москве и предлагали кому угодно, вплоть до аспирантов, написать отдельные странички. Потом они все это склеили и, насколько я понимаю, передали Путину, который не стал туда заглядывать. Ну и сейчас они могут сделать что-нибудь методом народной стройки»¹.

Эту работу был вынужден делать В. Путин и его администрация. Начиная с 3 октября 2011 года была опубликована серия программных статей. Позже, в 2012–2013 годах В. Путин не раз выступал со статьями и инициативами новых редакций нормативных документов, как, например,

¹ Галимова Н. Объединенный народный фронт определился с идеологом // Известия. 2012. 18 июня. С. 2.

новой редакции Концепции внешней политики РФ от февраля 2013 года, но строгой идеологической концепции национального развития, частью которой должна быть евразийская стратегия, так и не появилось. Это в полной мере относится и к представлениям о евразийской интеграции и развитии восточных регионов страны, что привело к продолжительной недооценке их роли и излишним спорам (в том числе и по государственной программе развития Дальнего Востока).

Конечно же, идеологическим документом мог бы быть программный документ правящей партии – «Единой России» или Народного фронта. При условии политико-идеологической консолидации партии и элиты страны, чего пока что не произошло. Наоборот, в партии и элите в 2012–2013 годы звучали разные, порой противоречивые точки зрения о евразийской интеграции, хотя «евразийский вектор» стремительно набирал обороты, выходя за рамки узко экономического понимания интеграции. В пользу этого суждения есть несколько соображений.

Во-первых, именно правящая партия или ее коалиция в настоящее время могла бы стать стержнем формирующейся новой политической системы России. Вполне логично сознательное усиление этой тенденции через подготовку крупного и обоснованного идеологического документа, который стал бы реальным инструментом для партийной идеологической работы. Более того, политическая система без идеологического фундамента вообще не сможет существовать. Видимо, осознание этой простой истины постепенно привело администрацию Президента РФ к созданию «идеологического» управления и соответствующих департаментов в региональных администрациях, которые должны были быть созданы к 11 апреля 2013 года¹. Этот безусловно, положительный факт, однако изначально был:

- запоздалым, отстающим от политических потребностей общества;
- не соответствующим уровню стоящих задач и компетенции чиновников.

Можно напомнить, что политико-идеологическая работа в любой стране является главной заботой первых лиц – от Генсека СССР (где в Политбюро человек, отвечавший за идеологию, всегда был фигурой № 2),

¹ Полпреды по воспитательной работе // Коммерсант. 2013. 21 марта. С. 1, 3.

до Президента США, который в своих выступлениях и посланиях оперирует нравственными и ценностными категориями, а не процентами.

В результате многие инициативы власти оказывались нереализованы. И причина здесь в том, что идеология выполняет важнейшую управленческую функцию, гораздо более весомую, чем финансовые и административно-правовые инструменты. Но этот инструмент властью так и не был использован: ставка по-прежнему делалась на «ручное управление»: «паркетный пиар» (сигналы обществу), распределение ресурсов и стремительно растущее нормотворчество.

Во-вторых, этот политико-идеологический и обязательный документ мог бы консолидировать сторонников и членов партии вокруг В. Путина уже на идеологической основе. Выступление 7 февраля 2006 года В. Суркова было именно такой попыткой (безуспешной в итоге) – реализовать направленность. Его логичным продолжением могла бы стать дискуссия, в результате которой у правящей партии появился бы необходимый ей программный документ, который означал бы появление национальной доктрины развития.

К сожалению, ни в 2008–2012 гг., ни позже в области евразийской интеграции, военной и внешней политики, например, так и не было разработано долгосрочной стратегии, а, значит, не было и стратегического планирования. В феврале 2013 года В. Путин косвенно был вынужден это признать, заявив, что «был утвержден План обороны до 2016 года» (т.е. на краткосрочную перспективу) и необходимо «завершить в полном объеме создание целостной системы стратегического планирования в военной сфере»¹.

Вряд ли необходимо говорить, что в отсутствии такого документа планы военного строительства на долгосрочную перспективу становятся очень приблизительными, а обязательства, например, на ГОЗ-2020, – условны.

В-третьих, такой партийный, достаточно общий политико-идеологический материал не носил бы нормативный и слишком

¹ Путин В.В. Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства обороны. 27.02.2013 / Эл. ресурс: «Президент России». 2013. 27 февраля.

детальный характер, а был бы идеологической программой, что, естественно, не связывало бы слишком прочно руки администрации и исполнительной власти в практической работе. Вместе с тем, он задавал бы политические и нравственные рамки поведения элиты, вносил бы элементы политической и административной ответственности представителей элиты. Действительно, если допустить, что правящая российская элита включает в себя десятки тысяч человек, то управлять ими через «телевизор» или законы в оперативном режиме невозможно. Невозможно сформулировать и нравственные нормы поведения посредством принятия законов и указов. Но идеологически, как показывает опыт не только СССР и Китая, но и вполне либеральных стран, это очень даже возможно. Причем, идеологические инструменты оказываются более эффективными. Так, в КНР сотни тысяч лиц наказано по партийной линии – выговор, исключение из партии и т.п., – и лишь менее 5% наказаны в уголовном порядке.

Некоторые проблемы вообще невозможно решить без политико-идеологической национальной доктрины потому, что они по своей сути являются идеологическими. Но их пытались и пытаются решить финансовыми, административными и уголовными средствами. К таким идеологическим проблемам относятся:

- национализм и политический экстремизм;
- терроризм;
- коррупция;
- эффективность работы госаппарата и местного самоуправления;
- защита национальных ценностей.

Вместе с тем, эта логика выдвижения партийного документа, своего рода «Программа КПСС», имеет серьезный минус, а именно: партийный документ не стал бы общенациональной программой – у других партий есть свои программы и они изначально выступали бы с оппозиционной критикой. Вот почему, видимо, новая редакция Стратегии национальной безопасности России до 2020 года, если она будет политико-идеологически конкретизирована и будет иметь силу Федерального закона, могла бы играть эту роль уже в качестве общенациональной стратегии. Либо ею мог бы стать иной общенациональный документ,

выполняющий, по сути, ту же функцию, что и принимавшиеся на съездах КПСС пятилетние и семилетние планы социально-экономического развития страны. Почему бы и нет?

Представляется, что в такой ситуации подчеркнута идеологическая дискуссия о путях развития страны имеет не только научную перспективу, но и практическую, политико-экономическую значимость. Более того, неоднократно высказанные В. Путиным ясно сформулированные мысли о роли партий и других институтов гражданского общества в разработке таких идей свидетельствуют о том, что, прежде всего, партии, их представители должны выдвигать такие идеи. Российская практика свидетельствует пока что об обратном: партии ориентированы на выборы, амбиции лидеров, интриги, но не на серьезную концептуальную работу в интересах всей нации.

При этом общенациональная содержательная дискуссия сегодня крайне необходима, как никогда. Оформление общенациональной идеологии и, как следствие, национальной стратегии после переходного, восстановительного периода в некую официальную доктрину должно происходить с учетом мнения широкого круга экспертов и представителей общественности на надпартийной основе. Она не должна стать продуктом деятельности только администрации либо только одной партии. Неубедительно и вредно, когда идеологию президента (а тем более, общенациональную идеологию) комментируют и трактуют отдельные представители экспертного сообщества, «назначенные» из администрации Президента России. Тем более глупо и гротескно это выглядит на «публицистических» передачах центральных телеканалов.

«Официальная» идеологическая доктрина должна поддерживаться без указаний «сверху», она должна стать нормой для поведения элиты. Следует вспомнить, наконец, что «обычаи» и «нормы», «ряды» и пр. на протяжении сотен лет являлись основой государственного и общественного порядка на Руси и в России, «корректируя» правовые нормы, приходившие из Византии или других стран до неузнаваемости. Не только «Русская правда», «Устав Ярослава» или другие правовые документы, но и все последующие законы, своды и кодексы становились следствием не умозрительных правовых норм (граничащих с правовым

дебилизмом), но прежде всего обычаев и порядков, устоявшихся в стране. Наверное, было бы хорошо, если бы представители элиты перечитали или прослушали лекции В. Ключевского на этот счет.

Так, вопрос о государстве, его роли, бывшей главным идеологическим вопросом с 1987 года, ежедневно, ежечасно «пробует на лояльность» любых политиков и экспертов. Этот вопрос и в 2008–2013 годах в той или иной форме становился центральным вопросом в российской дискуссии: от роли государства в евразийской интеграции и развитии восточных регионов до роли государства в РПЦ и образовании.

Есть еще одна чисто российская особенность. Сложилась ситуация, когда большинство идеологических и стратегических вопросов развития не только предлагается, но и решается Минфином и МЭР, – именно их идеи в конечном счете доминируют при составлении концепций развития и проектов бюджета в последние годы. Что, конечно же, является пережитком разгула либерализма прошлых десятилетий. Финансовые и экономические институты и инструменты – средства политики, а не ее цель. Необходимо принципиально изменить ситуацию, «включать энергию» общества и всей нации, что совершенно невозможно без идеологической доктрины.

При разработке стратегии национального развития важно также правильно оценить возможные ресурсы развития нации, особенно интеллектуальные и духовные, которые до сих пор игнорируются монетарными властями. Проведение «инвентаризации» нематериальных активов, а в действительности – важнейших национальных ресурсов – уже сама по себе крупная идеологическая и организационная задача, актуальность которой неизбежно возрастает по мере роста угроз и появления новых возможностей. Сегодня же превалирует оценка потенциала энергетических и других сырьевых ресурсов. Иные ресурсы – интеллектуальные, образовательные, технологические, а тем более, моральные и духовные – пока практически не учитываются, либо учитываются слабо. Тем самым, реальное место России в современном мире, ее возможности очевидно недооцениваются, а, соответственно, «планка амбиций» – занижается. Это прямо относится к приоритету евразийской интеграции, где место России определяется не столько ее

экономическими возможностями (несопоставимыми с КНР или США), а с историческим наследием, традицией, культурой и другими нематериальными активами.

Очень важно правильно оценить реальное место России XXI века в мире. Не переоценить, дабы не требовать невозможного, чтобы не было перенапряжения ресурсов. Но и не недооценить, чтобы не лишиться себя шанса на достойное место в будущем. И прежде всего с геополитической точки зрения, где ошибки наиболее ощутимы. Так, очевидно, что расходы на развитие восточных регионов, евразийскую интеграцию, оборону (прежде всего ВКО) имеют приоритетный характер, но и они зависят в конечном счете от темпов роста ВВП страны и эффективности намеченных программ. Перенапряжение ресурсов здесь также недопустимо, как и прежнее игнорирование национальных приоритетов.

«Критическим моментом для ГПВ-2020 является очевидная несбалансированность общей системы военных расходов. Программа задала тренд явного перекоса военных расходов в пользу закупок вооружения и техники, в том числе в ущерб затратам на личный состав»¹, – подчеркивает М. Барабанов.

¹ Барабанов М. Программа вооружений: Кривая военных расходов Азии / Эл. ресурс: «Евразийская оборона». 2013. 27 февраля / URL: <http://eurasian-defence.ru>

в). Евразийский приоритет

Сейчас самое время дать официальное политическое «обоснование» российскому военному (в том числе пограничному) присутствию России в странах СНГ, предложить варианты его дальнейшей эволюции¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Перед государством встала задача освоения одной шестой обитаемой суши.

И Александр III совершил поворот – перешел от углубления реформ, начатых отцом, к обустройству разросшейся империи. Другими словами, был реализован «новый курс»: интенсивность реформ в значительной мере замещалась стратегией пространственного развития²

*А. Неклесса,
руководитель «ИНТЕЛПРОС»*

Слова, сказанные академиком РАН А. Торкуновым в 2005 году, во многом объясняют современное состояние политики России и ту эволюцию, которая она прошла на евразийском направлении за последующие восемь лет: вычленения внешнеполитических приоритетов и развитие «вариантов дальнейшего военного присутствия», которые в декабре 2012 года привели к договоренности и созданию объединенной системы ПВО. Эта мысль язвительным и неслучайным образом совпадает с политикой Александра III, направленной на пространственное освоение и обустройство огромной российской территории, сложившейся к 80-м годам XIX века. Это пространственное обустройство России вытекало из четкой концепции, которой последовательно придерживались Александра III и Николай II, лично курировавшие этот огромный проект. Эту концепцию А. Неклесса коротко описал следующим образом: «Два аспекта грандиозного действия сливались воедино: освоение Восточной Сибири, Туркестана, Приморья – недавно обретенных областей империи и создание сети железных дорог. «С постройкой Сибирской железной дороги полагается начало не только соединения западных и восточных берегов Российской империи, но и северных и южных окраин, ибо исследуются Карское море, устье Оби и Енисея, а в алтайских и саянских горах возникает, кроме уральских, металлургическая деятельность. Эта великая дорога представляет завершение Русской земли...», – писал парадоксальный мыслитель Николай Федоров, мечтавший соединить

¹ Торкунов А.В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 71.

² Неклесса А.И. Трансъевразийский трамплин // Независимая газета. 2013. 10 апреля. С. 5.

земную бескрайность и человеческое бессмертие в формуле бесконечного общежития. Пространства империи провоцировали физическое прочтение бытия.

Железнодорожное строительство сопрягалось и с геополитикой. Динамичная экспансия напоминала формирование империи в XVIII веке, разве что от «прорубания окна» на Запад страна развернулась к движению на Восток – к Восточному (так написано на российских картах) океану. Это стремление к морским просторам – универсальный признак имперского модуса, в случае же с Россией связанный с освоением «сухопутного океана» Евразии во многом через сеть ямских трактов, почтовых станций, водных коммуникаций. И железнодорожных магистралей, километр за километром сшивающих в единое целое широту и долготу материка.

Подспудная формула интеграции отражала, однако, не столько евразийскую, сколько трансевразийскую, выводящую за пределы континента логику»¹.

Итак, евразийская стратегия двух императоров и их кабинетов состояла из:

– пространственного освоения территории России, прежде всего посредством строительства железных дорог и портов на Тихом океане, прорывного освоения «Большого Дальнего Востока»;

– трансевразийского понимания роли России в Азии и на побережье Тихого океана.

Прежде всего, если говорить о месте России в мире, ее отношении к главным центрам силы – США, странам Евросоюза, Китаю.

Здесь не может быть простого ответа, но не может до бесконечности продолжаться и отказ от такого ответа. Под любым предлогом – «прагматичности», «разновекторности», «неидеологизации» и т.д. Так, очевидно, что развитие и само будущее России может быть только как самостоятельного мирового центра силы, на базе которого будет формироваться Евразийский союз. Россия и постсоветские государства слишком велики для интеграции и поглощения любым центром силы –

¹ Неклесса А.И. Трансевразийский трамплин // Независимая газета. 2013. 10 апреля. С. 5.

будь то Евросоюз или Китай. Но это отнюдь не означает того, что, сформировав свой центр силы, Россия не может органично сотрудничать с Евросоюзом либо Китаем. Совсем наоборот: укрепление России ведет к укреплению сотрудничества с двумя этими центрами силы, что хорошо иллюстрирует последнее десятилетие, когда объем внешней торговли с Китаем вырос с 8 до 80 млрд долл., а сотрудничество с Евросоюзом стало краеугольным камнем российской внешней политики. Что видно из структуры экспорта/импорта России.

Экспорт/Импорт стран ЕврАзЭС по основным регионам мира

страны	ЕврАзЭС	Другие страны СНГ	ЕС	США	Китай	Ближний и Средний Восток	Остальной мир
Белоруссия							
Экспорт	33,5	10,3	43,6	0,2	0,8	1,3	10,3
Импорт	58,8	4,9	22,9	1,5	3,8	0,3	7,8
Казахстан							
Экспорт	9,8	5,9	48,7	1,4	13,6	5,7	14,8
Импорт	33,1	9,4	27,4	4,9	12,6	1,0	11,7
Киргизия							
Экспорт	34,4	10,6	13,5	2,3	1,2	6,6	14,8
Импорт	49,6	6,9	9,9	2,3	20,5	0,5	11,7
Россия							
Экспорт	9,1	6,4	53,3	3,1	5,5	2,2	20,4
Импорт	6,6	6,4	45,0	5,5	13,7	0,6	22,3
Таджикистан							
Экспорт	12,9	7,9	9,8	0,1	40,1	7,3	21,9
Импорт	44,2	13,1	9,3	2,7	10,4	6,0	14,3

Очевидно, что смещение мирового центра экономической активности в страны АТР должно повлечь за собой и изменение акцентов в российской торгово-экономической политике. Чего пока что не произошло.

Характеристика внешнеторговых потоков стран-участников ЕврАзЭС/ТС/ЕЭП, представленная в таблице, показывает, что за пределами их общего интеграционного пространства нет центра,

сравнимого по экономическому влиянию с Россией, особенно в том, что касается роли РФ в качестве источника импорта. Другими словами, бремя решающего вклада в функциональное поддержание жизнеспособности хозяйственных систем всех партнеров в среднесрочной перспективе будет лежать на российской стороне.

Пока что акцент очевидно смещен на страны Евросоюза. Как заметил профессор В. Фальцман, «будущее экономическое развитие России происходит в неразрывном единстве, партнерстве, взаимообусловленности и взаимответственности с Германией и другими странами Евросоюза: Россия отапливает Западную Европу, а Европа работает на ее догоняющую модернизацию. В будущем Россия сможет еще и кормить развивающийся мир»¹.

Понятно, что приоритеты евразийской интеграции, прежде всего опережающего развития восточных регионов России, в первую очередь их инфраструктуры, не отражены в реальной политико-идеологической доктрине. Что немедленно проявляется в экономической политике, когда в течение 2012–2013 годов не раз звучали заявления о «равных условиях» для всех регионов страны. Такой же экономический детерминизм господствует и в политике евразийской интеграции, где «экономическая целесообразность» (например, очередного варианта Концепции социально-экономического развития – 2020) диктует политические и военные условия евразийской интеграции. Это хорошо видно на примере депопуляции восточных регионов, по отношению к которым не выдвигается серьезных демографических приоритетов.

Желаемое и ожидаемое число детей по федеральным округам

Федеральные округа	Женщины		Мужчины	
	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей
Центральный	2,22	1,66	2,20	1,75
Северо-Западный	2,47	1,73	2,21	1,82
Южный	2,37	1,80	2,63	2,08
Приволжский	2,27	1,72	2,41	1,91

¹ Фальцман В.К. Время исчерпания роста // Независимая газета. 2012. 20 июня. С. 5.

Уральский	2,32	1,85	2,32	1,93
Сибирский	2,25	1,70	2,43	1,94
Дальневосточный	2,22	1,64	2,30	1,78

Ожидаемое число детей выше двух только у мужчин Южного федерального округа, но у женщин ни в одном округе среднее ожидаемое число детей не превышало 1,85, хотя желаемое число детей – выше двух. Эта разница свидетельствует о необходимости введения дополнительных мер демографической политики, которые позволят частично сократить разрыв между желаемым и ожидаемым числом детей (в то же время остается актуальной и более сложной задачей – повысить желаемое число детей)¹.

Между тем далеко не все измеряется экономической выгодой. Даже наиболее успешный пример интеграции – Евросоюз – демонстрирует, что в его основе сначала лежали интересы безопасности, а затем – общая система ценностей². Представляется, что в данном случае либеральный пример очень показателен для российской элиты. В том числе и для тех, кто выдвигает идею «экономической» нецелесообразности евразийской интеграции или «равных условий» для развития всех регионов России.

Это тем более справедливо относительно разработки евразийской политики России, где политические и военные факторы, а не только экономика, будут влиять на формирование внешнеполитического курса. В том числе и по отношению к политике США в Евразии. Как справедливо заметил академик Л. Титаренко, «характерной чертой современной обстановки является относительное ослабление позиций самого мощного и влиятельного государства – Соединенных Штатов Америки. Стало очевидным, что никакая, даже самая сильная страна не в состоянии справиться с решением нарастающих в мире серьезных проблем, навязать миру свою волю. Все более явные попытки освободиться от тотальной зависимости от США, выработать стратегию, в наибольшей степени отвечающую собственным интересам,

¹ Региональная демографическая политика: сб. статей / под ред. Елизарова В.В. и Джанаевой Н.Г.: МАК Пресс, 2012. С. 114.

² Sven Biscop and Jo Coelmont / Europe, Strategy and Armed Forces. – Routledge: London and New York 2012. P. 14.

предпринимают Евросоюз, ближайший союзник Вашингтона – Япония. Вектор мировой политики постепенно смещается от евроатлантического направления, безраздельно доминировавшего на международной арене на протяжении ряда веков, в Азиатско-Тихоокеанский регион, значение которого в формировании нового миропорядка будет и дальше неуклонно возрастать»¹.

Военные расходы КНР выросли на 10,7% по сравнению с 2012 годом и составили 114,3 млрд долл. США. Это вдвое больше, чем тратилось в 2008 году и втрое больше по сравнению с бюджетом 2005 года.

Между тем военные эксперты заявляют о некорректности анализа абсолютных цифр без сопоставления с другими показателями. Так, несмотря на возросший уровень армейских трат, доля оборонных расходов в Китае составляет 1,7% ВВП. У глобальных конкурентов КНР эти данные значительно выше: США тратит на военную сферу 4,8% ВВП, Россия – 3,9%, Великобритания – 2,6%. К тому же если разделить общую сумму расходов на число военнослужащих (в Китае в мирное время это 2,2 млн чел. – мировой рекорд), то получатся вовсе не запредельные суммы в расчете на каждого солдата².

Сегодня, например, широко распространена точка зрения, что Россия безвозвратно потеряла ведущее место в мире. По большинству важнейших показателей – душевому ВВП, уровню образования, информационной вооруженности – Россия занимает 50–60-е место в мире. Ее экономика в 10 раз меньше американской, уступая не только японской, китайской, но и немецкой, французской, итальянской. Это – реальность 2012 года, которую необходимо признать. Но, с другой стороны, адекватно оцененные возможности и потенциал страны в Евразии, разумно амбициозные цели развития восточных регионов страны могут и должны привести к серьезному изменению роли России в Евразии, а значит и в мире уже в среднесрочной перспективе. А тем более – в долгосрочной. Если, конечно, такую задачу сформулировать в

¹ *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. С. 12.

² *Меснянко А.* Наука побеждать. Китайскую армию научат добиваться победы в любой войне. 2013. 15 марта / Эл. ресурс: URL:<http://topwar.ru>

качестве общенациональной и провести мобилизацию национальных – материальных, духовных и интеллектуальных – ресурсов. Тогда – пессимизм недопустим, хотя и возможен.

И в этой новой политической идеологии важнейшая роль принадлежит процессу евразийской интеграции, который предполагает два крупных этапа.

Этап I. Консолидация усилий постсоветских государств и превращение России в «ядро» будущего Евразийского союза. Это потребует, как минимум, идеологического и политического обоснования лидерства России в Евразии, отказа от ориентации на западные страны и, соответственно, формулирования соответствующей цели. Причем также политически конкретно, как это сделали США и страны Евросоюза, которые заявили о своем главном приоритете в Евразии – не допустить евразийской интеграции.

Этап II. Формирование устойчивых связей с КНР, Юго-Восточными странами, с одной стороны, и странами Евросоюза, с другой. Причем на условии их фактического признания за Россией приоритета и ее ведущей роли в евразийской интеграции. Что, безусловно, станет главной проблемой России в отношениях с США и Евросоюзом. Причем в самых разных областях – от гуманитарного сотрудничества до переговоров по ПРО.

Проблема заключается в том, чтобы оба этапа осуществлялись как органические и последовательные шаги, не были разделены.

Глава 10. Российское «ядро» евразийской интеграции

Целостный образ (России – А.П.) отсутствует, он надерган из разных стран. Дескать, мы должны развиваться, как Япония в 70-е годы, чтоб была социальная защита, как в Швеции в 80-е годы, чтобы нас уважали в мире и боялись, как во времена СССР¹

*А. Макаркин,
политолог*

... Россия – самое крупное сухопутное государство мира и обладает самым большим и холодным северным пространством... География разъединяет регионы государства, но одновременно служит источником могущества²

*А. Хайтун,
руководитель Центра энергетической
политики Института Европы РАН*

Политико-идеологический выбор стратегии евразийской интеграции не может не учитывать роли России как исторического ядра единой Евразии. Эта роль, правда, в последние годы сознательно ставится под сомнение. И не только за рубежом, но и в самой России, благодаря усилиям ангажированных политиков и политологов и во многом как следствие объективного процесса переноса соперничества великих держав в Евразию.

При этом можно выделить условно две основные политико-идеологические концепции, противоречащие истории, которые пытаются навязать политическим элитам, Евразии.

Концепция первая, отрицающая общую историю и геополитическое единство Евразии, которая противопоставляет ее отдельные части друг другу прежде всего в цивилизационном и ценностном разрезе, делит Евразию на Запад, Юг и Восток. Примечательно, что эта политико-идеологическая концепция, не подкрепленная научными аргументами и не нуждающаяся в них, становится (и даже уже стала) реальной политикой раздела Евразии. Серьезные ученые не раз опровергали такой подход. Так, Д. Кристиан пишет: «... у Афроевразии есть общая история несмотря на экологическую и культурную разнородность».

Роль, которую играл Шелковый путь в обмене товаров, технологий и идей между областями аграрной цивилизации, хорошо понята. Менее хорошо ясна трансэкологическая роль Шелкового пути – обмен товаров и идей между кочевой и аграрной цивилизациями. Трансэкологическая

¹ Сидибее П. Демократия нужна 3% россиян // Известия. 2012. 9 июня. С. 2.

² Хайтун А.Д. Интеграторы евразийского пространства // Независимая газета. 2012. 15 мая. С. 10.

роль предшествовала более известному «трансцивилизационному» обмену»¹.

Другая концепция прямо направлена против России. В своих различных формах, – «колонизаторской», «имперской», «советского тоталитаризма» она противопоставляет Русь – Россию – СССР остальной Евразии. Причем, не только Западу, но и Востоку. Тем самым идеология опять вступает в противоречие с историей: «...несмотря на ее большое разнообразие, история Афроевразии всегда сохраняла основное единство, которое было выражено в общих технологиях, стилях, культуре и религии, даже болезнях. Андрэ Гюнде Франк и Барри Джиллс утверждают, что весь афроевразийский регион принадлежал единственной «мировой системе» уже, возможно, в 2000 до н.э.»², – пишут известные западные историки.

Понятно, что если Россия «не часть Европы» и «не часть Азии», то она при таких идеологизированных подходах должна противопоставляться Западу и Востоку и, как минимум, не имеет права на претензии стать центром евразийской интеграции³. При этом как Россия, так и страны Евросоюза еще с саммита в Санкт-Петербурге в мае 2003 года договорились о создании 4-х общих (экономического, безопасности, свободы и образования) пространств, исключаящих, однако, общее идеологическое пространство. Несмотря на очевидные геополитические, исторические, географические и иные аргументы в пользу этого. Понятен и политический замысел: если в годы холодной войны США и их союзники ограничивались контролем западной и юго-восточных частей Евразии, то сегодня они стремятся распространить свое влияние уже на весь континент, не оставляя без внимания ни Центральную Азию, ни собственно Россию, ни Китай. Очевидно, что в годы «холодной войны» конфликт в Евразии между системой протекал по географической периферии. Сегодня его пытаются перенести уже на всю

¹ Christian D. «Silk Roads or Steppe Roads? The Silk Roads in World History». *Journal of World History* 11. No. 1 (2000). P. 2.

² See Frank A.G. Gills B.K., eds., *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* (New York: Routledge, 1992).

³ См. подробнее: *Барабанов О.Н., Клименко А.И. Перспективы формирования общего идеологического пространства России и Европейского Союза. М.: МГИМО(У), 2010.*

Евразию. Как откровенно писал З. Бжезинский, «В геополитическом плане конфликт протекал главным образом на периферии самой Евразии. Китайско-советский блок господствовал в большей части Евразии, однако он не контролировал ее периферию. Северной Америке удалось закрепиться как на крайнем западном, так и на крайнем восточном побережье великого Евразийского континента. Оборона этих континентальных плацдармов (выражавшаяся на Западном «фронте» в блокаде Берлина, а на Восточном – в Корейской войне) явилась, таким образом, первым стратегическим испытанием того, что потом стало известно как холодная война»¹.

Позже, в Афганистане и Центральной Азии, по его мнению, появился «третий фронт» – южный, а в XXI веке еще и Дальневосточный.

В период «холодной войны» геополитические представления о Евразии и ее «флангах» формировались по оси противостояния социализма и капитализма, что хорошо видно на карте, отображающей представления З. Бжезинского².

Сегодня геополитическая ситуация в Евразии выглядит намного сложнее. Прежде всего потому, что нет единого «восточного блока», который распался, а также потому, что появились новые «фронты», как их видят на Западе – центрально-азиатский, ближневосточный и восточноевропейской.

На практике неоднозначность положения еще более усиливается: на каждом из этих фронтов ускоренно формируются свои центры силы. На Ближнем и Среднем Востоке, а также в Центральной Азии – исламский, на Дальневосточном – китайский, на Южном – индийский. Причем эти «фронты» в силу разного рода причин не всегда несут антироссийской направленности, а в ряде случаев направлены против США и стран Евросоюза.

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М. 1998.

² Иноземцев В. Что делать России с Кавказом и Сибирью, чтобы их не потерять / Цит. по: Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 7 сентября / URL: <http://topwar.ru/>

Китайско-советский блок и три центральных стратегических фронта

Это объясняет и то, что политическое и военное соперничество нередко приобретает черты сотрудничества в новом веке, когда интересы России, США и КНР совпадают. Однако следует признать, что как бы ни развивались эти отношения, главный вопрос о роли России как геополитического центра Евразии остается ключевым и зависящим прежде всего не от дипломатии, а от собственного положения дел в стране, отношения собственной элиты. Как и в XIX веке, политика России на юге и в юго-восточной Европе во многом предопределяется неясностью отношения собственной элиты к роли России в Евразии. Так, дискуссия о роли России в Евразии, прежде всего на Кавказе и в восточных регионах, получила новый толчок в начале XXI века. При этом либеральные политики и эксперты (умышленно или нет) изолируют Россию от остальной Евразии. В. Иноземцев, например, пишет: «Россия сегодня – уникальное политическое образование. Значительная ее часть – поселенческая колония, не отделившаяся, в отличие от европейских колоний. Россия – нечто типа Англомерики или Портобразы, не отложись 13 колоний от Англии в 1776 г., и Бразилия от Португалии в 1822-м.

При этом в «метрополии» не замечают меняющегося баланса потенциалов центра и периферии. На закате советской эпохи на Сибирь приходилось 13% экономического потенциала СССР и менее 10% его

³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М. 1998.

населения (при том, что зауральские земли составляли 57,1% территории страны). Но теперь земли к востоку от Урала – это 74,8% территории России и 20,3% ее жителей. Более того, по итогам 2012 г. от 68 до 75% всего экспорта страны составили товары, добытые или первично переработанные в Сибири. А всего два платежа – налог на добычу полезных ископаемых и экспортная пошлина на нефть и газ (оба по преимуществу «сибирские») – обеспечили 50,7% доходов федерального бюджета. Лишись Россия сибирского экспорта – она немедленно скатится с 9-го на 30-е место в рейтинге глобальных экспортеров, расположившись за... Австрией. Сегодня не Сибирь – восточная окраина России, а Москва – крупный непроизводительный город к западу от Сибири...»¹.

И далее, в отношении Кавказа он продолжает: «С другой стороны, в составе России остались территории, присоединенные в XIX веке на Северном Кавказе. И сегодня они выглядят совершенно особенными хотя бы по одной причине: в них практически нет русского населения. Доля русских, украинцев и белорусов, проживающих в Дагестане (по переписи 2010 г.) – 3,6%, в Чечне – 2,2%, а в Ингушетии – 0,8%. Это меньше, чем, например, в независимом Узбекистане и даже в Туркмении. По сути, это воспроизведение колониальной ситуации не XVII века, а XIX столетия, когда главными факторами удержания владений были военная сила, вассальные отношения и, разумеется, экономическое развитие...»²

Хочет того или нет В. Иноземцев, но он сознательно делит Россию на различные части, которые «колонизировал» центр. Естественно, что ни о какой центральной роли России при таком делении речи не идет.

Согласиться с такой ролью России нельзя. Несмотря на объективную слабость России в экономической области и уровне развития НЧП, отставании в модернизации и военной мощи, у России есть все основания претендовать на возвращение не только исторической, но и политической роли центра Евразии посредством евразийской интеграции и вовлечения в свою орбиту различных государств.

Если говорить коротко, то эти основания лежат в области ее географического положения, природных ресурсов, истории и культуры.

¹ Что делать России с Кавказом и Сибирью, чтобы их не потерять / Интернет-ресурс: «Военное обозрение», 2013. 7 сентября / URL: <http://topwar.ru/>

² Там же.

Не хватает только того, чтобы Россия заявила о своей политической роли «евразийского ядра». Так, если «вычленишь» Россию из Евразии, то последняя окажется поделенной на четыре слабо связанных между собой части – Западную и Центральную Европу, Большой Ближний Восток, Южную и Юго-Восточную Азию. Именно Россия – географически и геополитически – объединяет все эти четыре части одного континента. Но не политически, как это было во времена Империи и СССР. При этом Империю, СССР и даже сегодняшнюю Россию следует рассматривать не в узком политико-страновом контексте, а именно как восточно-евразийскую и азиатскую цивилизацию. И сегодня, например, влияние России на Кипре, Балканах и в Восточной Европе отнюдь не исчезло полностью. Как не исчезла оно и в Азии, даже в Китае и Японии, не говоря уже о Вьетнаме.

Исторически и культурно, Россия также интегрирует эти четыре пространства и четыре цивилизации в нечто целое. Так, историю Европы невозможно представить себе без истории Киевской Руси, Московского государства и Российской империи. Также, впрочем, как и историю России.

Но и историю, и культуру Азии без влияния России (особенно в Центральной Азии) также трудно себе представить: Византия, Персия, Турция, даже Индия и Китай не только в древности, но и в современной истории испытывали на себе российское влияние. И не только из-за обмена, торговли и взаимопроникновения через «Великий шелковый путь», распространение сельского хозяйства и промышленности, что признается даже западными учеными. Но и из-за общей культурно-экологической доминанты, сложившейся еще за 2000 лет до нашей эры. Как признают западные исследователи, ещё Дж. Бентли описал культурные и религиозные обмены вдоль Шелкового пути. И позже, Франк и Жиль утверждали что Шелковый путь, сыграл важную роль в создании афроевразийской мировой системы в 2000 до н.э.»¹.

Есть множество артефактов и исторических доказательств того, что европейская и азиатские части современной России играли исключительно

¹ Curtin P.D. *Cross-Cultural Trade in World History* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985); W. H. McNeill, *Plagues and Peoples* (Oxford: Blackwell, 1977).

важную роль в истории Европы и Евразии. Так, результаты генетического анализа, сделанного доктором Э. Элханком из Университета Дж. Хопкинса (США), показывают, что большая часть евреев Центральной и Восточной Европы ведет свое происхождение от потомков населения Хазарского каганата, мигрировавших на запад в X–XIV веках¹. Аналогичные генетические экспертизы показывают, что от 50 до 20% представителей нынешнего населения Восточной, Центральной, Северной и даже Западной Европы имеют своими предками представителей, проживавших на территории современной европейской и западно-сибирской части России.

Сегодня вопрос роли России как «ядра» евразийской интеграции должен рассматриваться не только как экономический, но прежде всего как вопрос цивилизационный и геополитический. Соответственно, если в российской элите созреет такое понимание, то это будет означать, что нужна новая евразийская политика, которую условно можно назвать политикой «концентрических кругов» вокруг «российского ядра».

Проблема российского ядра евразийской интеграции во многом связана и с пониманием среди ведущих держав мира и собственно государств евразийского континента как роли и значения Евразии в мире, так и роли и значения отдельных стран. В зависимости от этого понимания формируется политика великих держав, прежде всего США и Китая, а также тех государств, которые непосредственно имеют отношение к континенту. Эта политика имеет непосредственное отношение к политике по формированию «российского ядра». Если, например, США создают в Евразии два фланга – ТТП и ТАП, – а также усиливают свое влияние в ЦА, то Китай – очевидно концентрирует вокруг себя государства, используя в этих целях огромные экономические ресурсы. По сути дела это та же политика «ядра», но китайского – «срединной империи», влияние которой уже распространилось не только на Центральную Азию, Ближний и Средний Восток, но и на Европу.

¹ *Малянов Д.* Евреи прибыли с Кавказа / Эл. ресурс: «Газета.Ru». 2013. 17 января / URL: <http://www.gazeta.ru>

а). «Российское ядро» в Евразии как альтернатива ликвидации русской цивилизации

Главная проблема русских либералов-бар
в том, что они – милейшие люди.

И умные, и обходительные и желающие
пользы стране. Но опасные¹

*М. Шевченко,
публицист*

Нынешний прогноз соотношения сил
в мировом хозяйстве в 2050 г.,
подготовленный PricewaterhouseCoopers,
предполагает увеличение экономической
мощи России за 50 лет XXI века более
чем в 7 раз²

*В. Клинов,
эксперт МГИМО(У)*

Ключевая проблема возвращения России роли евразийского «ядра» интеграции состоит из двух основных задач.

Во-первых, превращения нашей страны в привлекательный для других стран и народов центр силы в Евразии, способной предложить другим нациям и цивилизациям альтернативную модель общественно-политического устройства и социально-экономических условий существования. В определенной степени такую модель предложил в свое время СССР, которая какое-то время конкурировала с либеральной моделью. Сегодня, после уничтожения этой модели, исчез не только центр силы в Евразии, но и определенная привлекательность, существовавшая несколько десятилетий. По оценкам социологов, в 2012 году хотели бы покинуть нашу страну уже 17% граждан (в 2011 – 15%, а в 2007 – 14%) нашей страны, причем молодежь за 30 лет составляет 33%³, т.е. наиболее творческая («креативная») часть населения, что говорит о том, что существующая модель и условия развития НЧП не конкурентоспособны, не привлекательны для других стран Евразии.

Во-вторых, возвращение России роли «ядра» евразийской интеграции прямо связано с той геополитической катастрофой, которая постигла нашу страну и необходимостью ее политико-идеологического преодоления национальной элитой.

¹ Шевченко М. Кто кого кормит – надо еще посмотреть / Цит. по: Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 7 сентября / URL: <http://topwar.ru/>

² Клинов В. «Мир в 2050 году»: Россия впереди / Эл. ресурс: МГИМО(У). 2013. 18 января / URL: <http://www.mgimo.ru>

³ Самарина А. Креативная эмиграция // Независимая газета. 2012. 27 октября. С. 1.

Вплоть до развала ОВД и СССР противостояние в Евразии происходило, как говорил З. Бжезинский, «на периферии самой Евразии». Можно сказать, что вплоть до 1990 года, распада ОВД и СЭВа, последующего разрыва России своих обязательств перед евразийскими государствами – Афганистаном, Ираком, Вьетнамом и т.д. – существовало полноценное «ядро» европейской интеграции, успешно конкурировавшее с влиянием Запада. Это, в частности, проявлялось в том, что влияние США и их союзников серьезно ощущалось только на «флангах» Евразии – в Европе, Японии, ряде стран Ближнего и Среднего Востока. Это видно и на множестве других примеров, в частности, известно, что в 2013 году парк российских авиаперевозчиков состоял лишь на 5% из отечественных моделей, не говоря уже о других странах. Одна из главных причин заключалась в том, что три крупнейшие авиакомпании СССР, производившие самолеты не только для нашей страны, но и десятков других стран, оказались в разных государствах: главный офис «Антонова» – на Украине, штаб-квартира «Ильюшина» – в Узбекистане и только фирма «Туполева» – в Москве¹.

Аналогичная ситуация сложилась во всем ОПК, который оказался поделенным не только с бывшими республиками, но и союзниками по ОВД. Более того, в силу западнической ориентации правительств России, она искусственно, во вред своим экономическим интересам, отказалась от зарубежных рынков ВВТ, баз и опорных пунктов, а за одно и бывших союзников (исправно выплатив всем внешний долг СССР, не компенсировав бывшей советской собственности).

К тому времени Китай еще не стал экономической и военной сверхдержавой, однако у него уже была заметна претензия на самостоятельную роль в Евразии, которая пока что не была оформлена в какие-либо масштабные политические амбиции. Остался единственный центр силы – США, который немедленно воспользовался этой ситуацией, активизировав свою евразийскую политику не только на прежних направлениях, но и создав новые «фронты».

После развала СССР, ОВД и СЭВа, разрыва многих интеграционных связей и отношений России с другими евразийскими государствами,

¹ Russia and the Loss of Empire / Strategy Page. 2013. September.

США и Евросоюз оказались перед фактом исчезновения российского «евразийского ядра» и фактического ухода России не только из Центральной и Восточной Европы, но и Средней Азии, стран Ближнего, Среднего Востока и Юго-Восточной Азии. Образовался вакуум, который стали стремительно заполнять США, формируя опорные точки в лице новых элит и государств на освободившемся пространстве. Опираясь на идею продвижение своей системы ценностей, экономические, военные и информационные ресурсы, США стремились взять контроль уже не только над отдельными «флангами» Евразии, но и над всем континентом.

Соответственно после 90-х годов американская элита существенно изменила свою стратегию, полагаясь на способность подчинить правящие элиты евразийских стран своему влиянию, вовлекая их в проводимую США политику. З. Бжезинский достаточно откровенно пишет об этом: «В силу этих внутренних факторов американская глобальная система уделяет гораздо больше специального внимания методам кооптации (как в случае с поверженными противниками – Германией, Японией и затем даже Россией), чем это делали прежние имперские системы. Она, вероятно, широко полагается на косвенное использование влияния на зависимые иностранные элиты, одновременно извлекая значительную выгоду из притягательности своих демократических принципов и институтов. Все вышеупомянутое подкрепляется широким, но неосязаемым влиянием американского господства в области глобальных коммуникаций, народных развлечений и массовой культуры, а также потенциально весьма ощутимым влиянием американского технологического превосходства и глобального военного присутствия»¹.

По сути же «методы кооптации», о которых говорит З. Бжезинский, означают не просто «косвенное влияние» на евразийские элиты, но и попытку установления прямого контроля над ситуацией в Евразии. Прежде всего за счет развития двусторонних связей США со странами Евразии и АТР. Как оказалось впоследствии во втором десятилетии это привело к созданию Трансатлантического (ТАП) и Транстихоокеанского (ТПП) партнерства. В этих условиях роль «российского ядра»

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М. 1998.

евразийской цивилизации практически сводится к нулю. Это «ядро» или «центр» влияния переносится в США. Или уже перенесен: ТТП и ТАП по сути стали теми «клещами» или «челюстями», которые охватили всю Евразию.

Остаются нерешенными два вопроса.

Первый вопрос связан с КНР и ее правящей элитой, которая, безусловно, выпадает из этой стратегии США, но с которой, в силу торгово-экономических связей, устанавливается некий договор. Этот договор может вполне быть расширен в будущем и перенесен на другие страны Евразии. Проще говоря, произойдет раздел сфер влияния. Что, безусловно, не может не беспокоить Россию, ибо вслед за разделом сфер влияния неизбежно следует раздел природных ресурсов и территорий. Иными словами, у России есть выбор: ибо идти в фарватере США и Евросоюза, ассимилируя их правила, нормы и систему ценностей, либо ориентироваться на другой центр силы – КНР. По сути дела об этом не раз в последние годы говорили открыто не только за рубежом, но и отечественные либералы. И даже те, кого традиционно к либералам в России не относят.

Второй вопрос – Россия. Сама по себе она уже не представляет угрозы США. Более того, некоторые круги в США и России рассматривают эти государства как состоящие в союзнических отношениях в Евразии. С той разницей, что в США (по Бжезинскому) этот союз видится как «кооптация», т.е. вовлеченность и подчиненность внешней политике США, а в России еще до конца не определились со степенью самостоятельности своей политики по отношению к США. В последние годы по разному поводу эта тема не раз становилась центральной в российско-американских отношениях. Особенно острой она стала в 2012–2013 годах в связи с ситуацией в Сирии и Иране. По сути дела каждый раз Россию пытались сделать «виноватой» в том, что она не вписывается в политику «демократических» стран, которую олицетворяют США. На саммите в Санкт-Петербурге в сентябре 2013 года, в связи с вопросом о санкциях против Сирии, такой подход стал особенно заметен.

Если идею «российского ядра» рассматривать как альтернативу американской политики «кооптации», то многое в стратегии евразийской интеграции становится ясно, а именно: реализация этой идеи будет означать возрастание не только уровня экономического, но и военно-политического сотрудничества, пространственного расширения идеи евразийской интеграции на все страны Евразии. Что, естественно, будет идти вразрез с политикой «политической кооптации» США. Два разных вектора очевидно не совпадают.

Надо еще раз подчеркнуть, что у идеи «российского ядра» с точек зрения исторической, геополитической, географической, цивилизационной есть много преимуществ перед другими цивилизациями. Даже по оценкам западных историков, взаимодействие в Евразии разных этносов и религий насчитывает не менее трех тысячелетий. Но особенно в последние пятнадцать веков русская цивилизация была плотно интегрирована как с западными, так и восточными цивилизациями. Во многом это подтверждается, например, историческим опытом сотрудничества православного христианства и ислама. Как справедливо замечает В. Дубовицкий, «История не сохранила свидетельств межконфессиональных конфликтов христиан и мусульман в Средней Азии вплоть до XIV в., когда последние христианские общины несториан были изгнаны из региона «из-за неразумного рвения в вере» последних. Вместе с ними, по всей видимости, исчезли и христиане других конфессий. Возвращение христианской церкви в регион Средней Азии происходит уже в середине XIX века, с присоединением территории к России.

К началу XX в. в Туркестане на 6,03 млн мусульман приходилось 391 тыс. православных христиан или на 5340 мечетей – 306 церквей. На 1897 год православное население Туркестанского края составляло 3,7% от общей численности.

В этих условиях обращает на себя внимание политика русской администрации Туркестана в отношении мусульманского населения, имевшая, на наш взгляд, многовековые традиции и не менее чем столетние прецеденты в законодательстве России. Так, из политических соображений туркестанским епископам запрещалось разъезжать по

епархии чаще одного раза в пять лет, а в самом Ташкенте они долгое время не имели права содержать квартиру.

Русская Православная Церковь сознательно отказалась на территории Средней Азии от прозелитизма, т.е. от активного обращения в христианскую веру верующих мусульман, сосредоточив свои усилия на окормлении русского населения края. Такая позиция русских властей в регионе естественно вытекала не просто из государственной политики, но и народных традиций межнационального и межконфессионального общения православного и мусульманского населения на территории Исторической России, берущих начало с VII века»¹.

Надо сказать, что и при Советской власти и в современной России, не возникает существенных противоречий между традиционными религиями и конфессиями в России, которые установили хорошие формальные и неформальные отношения не только между собой, но и с властью. В России проблемы между различными религиями и конфессиями возникают в двух случаях:

– когда осуществляется внешняя экспансия чужих религий и конфессий, которая искусственно – политически и финансово – поддерживается извне;

– когда против традиционных религий и конфессий выступают экстремистские религиозные группы, которые по сути идеологически направлены на ослабление или ликвидацию этих религий и конфессий. Особенно это заметно на Северном Кавказе и Поволжье, где экстремизм имеет отчетливо выраженный политический характер.

Во многом уникальность российской цивилизации объясняется и тем, что в ее культуре, истории и государственном устройстве изначально были заложены разные этнические и культурные особенности, о которых спорят до сего времени. Так, добрая треть русских православных князей была детьми жен – половчанок и женатых на половчанках (включая святого А. Невского), а почти половина родовитого дворянства Российской империи были этническими татарами, литовцами, грузинами,

¹ Дубовицкий В. Особенности христианско-исламского диалога в современной Центральной Евразии / Эл. ресурс: «Геополитика» 2013. 16 мая / URL: <http://www.geopolitica.ru/article/osobennosti-hristiansko-islamskogo-dialoga-v-sovremennoy-centralnoy-evrazii?nopaging=1#.UZ3Rh7Xwk1M>

азербайджанцами и т.д. «Несмотря на свой официальный православный, а с конца XVII века – вестернизированный фасад, российское государство в немалой степени выступало как носитель той политической культуры, которая складывалась в обоих регионах, входивших длительное время в Монгольскую империю, охватывавшую большую часть Евразии. Эта культура включала в себя обособление служилой аристократии и наделение ее земельными владениями; отказ от конфессионального абсолютизма в пользу прагматической регуляции межконфессиональных отношений вплоть до покровительства монотеистическим конфессиям; сдерживание радикальной модернизации в целях сохранения стабильности. Азиатские компоненты империй отчетливо функционировали как основа цивилизационной стабильности в противовес ускорению и далеко идущей модернизации»¹.

Как известно, кроме потенциальных центров силы в Евразии – США, Китая, России, Индии и исламского мира – в Евразии существуют десятки государств, которые будут вынуждены выбирать свою цивилизационную, экономическую, политическую и иную ориентацию и стратегию интеграции. В силу разного рода причин их выбор, во-первых, ограничен пятью потенциальными центрами силы, а, во-вторых, предопределен изначально сложившимися культурно-историческими и иными предпосылками. Так, какое-то количество государств (Япония, например) изначально могут пойти на ориентацию в американо-европейском направлении, но наверняка не пойдут ни на исламскую, ни на индийскую, ни, тем более, китайскую ориентацию.

Сегодня во многих правящих элитах евразийских государств существует иллюзия «разновекторной» интеграции, «равноуделенности» и «равноправности». В той или иной степени эти иллюзии свойственны элитам всех государств – от Казахстана до Пакистана. Вместе с тем, думается, что подобная ситуация не может продолжаться слишком долго: так или иначе, но любое государство (при всех его амбициях по сохранению суверенитета) будет вынуждено определиться с выбором.

¹ Дубовицкий В. Особенности христианско-исламского диалога в современной Центральной Евразии / Эл. ресурс: «Геополитика» 2013. 16 мая / URL: <http://www.geopolitica.ru/article/osobennosti-hristiansko-islamskogo-dialoga-v-sovremennoy-centralnoy-evrazii?nopaging=1#.UZ3Rh7Xwk1M>

Так, страны Евросоюза, при всех демократических процедурах, уже вынужденно ограничены в своем выборе, в том числе и в случае кризисных ситуаций. И не только потому, что связаны договорами по НАТО и Евросоюзу, но и потому, что они уже находятся в системе политических, финансовых, военных взаимоотношений, которая диктует свои нормы и правила поведения, в рамках которых свобода маневра очень ограничена.

За полную свободу маневра, т.е. абсолютный суверенитет, надо платить тяжелую цену. Поэтому многие евразийские страны пытаются отдалить по мере возможности окончательный выбор.

Представляется, что в зависимости от способности и привлекательности России она сможет и обязана предложить этим евразийским странам свою модель интеграции, в основе которой лежит усиление политического влияния российского ядра Евразии, но которая учитывает максимально интересы всех стран Евразии.

Коротко говоря, политическое влияние и контроль над Евразией предопределяет будущее соотношение сил в мире, о чем недвусмысленно сказал в свое время З. Бжезинский в своей классической работе «Великая шахматная доска»: «С того момента, как приблизительно 500 лет назад континенты стали взаимодействовать в политическом отношении, Евразия становится центром мирового могущества... Последнее десятилетие XX века было отмечено тектоническим сдвигом в мировых делах. Впервые в истории неевразийская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире. Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария – Соединенных Штатов – в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы»¹.

Учитывая современное и будущее значение Евразии в мире, либо возвращения своей роли ядра России неизбежно предстоит разработать собственную долгосрочную стратегию в Евразии, либо вхождения в

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М. 1998.

орбиту влияния других государств. В основе такого выбора будет лежать принципиальный политико-идеологический выбор, который должна сделать российская элита из имеющихся четырех вариантов:

– **вариант № 1.** Войти в орбиту влияния, «в кооперацию» с США и Евросоюзом, естественно, на их условиях, потеряв во многом в суверенитете, национальной идентичности, а в перспективе неизбежно и территориальную целостность. Этот вариант достаточно упорно проталкивается отечественными либералами под разными предлогами и в самых разных формах. Это «вхождение в кооперацию» будет означать по сути конец независимой внешней политики России в Евразии, которой, может быть, на первое время и дадут какие-то преференции по отношению к постсоветским государствам, но неизбежно ограничат их ростом своего влияния и присутствия.

Политически и цивилизационно, это совершенно капитулянтский вариант, за которым неизбежно последуют требования «соблюдения общих норм во внутренней политике». Более того, Россию, ее ресурсы просто будут использовать «в общих кооперационных» интересах, что неизбежно отразится на ее авторитете и будущих позициях.

– **вариант № 2.** Войти в орбиту влияния КНР на основе «стратегического союза». В последние годы этот вариант находит все больше и больше поддержки и сторонников, полагающих, что КНР, продвигаясь в Ю-В и Центральной Азии, будет заинтересована в прочном стратегическом тыле со стороны России. Тактически, этот вариант возможен и, может быть, даже необходим. Но он оставляет открытым по меньшей мере два вопроса. Во-первых, что будет, если амбиции Пекина, возрастая по мере роста его мощи, перестанут соответствовать таким договоренностям.

Во-вторых, что произойдет, если два гиганта – США и КНР – вступят в конфликт, либо попытаются договориться за счет территории и ресурсов России?

– **вариант № 3.** Самостоятельно создать такой центр силы и притяжения, который большинством экспертов рассматривается как малореальный и малоперспективный. Это, безусловно, амбициозная, но, безусловно, единственно правильная задача. Превращение (точнее –

возвращение) России политической роли «евразийского ядра» основано не только на географических, геополитических и исторических предпосылках, но и политической целесообразности. Только взяв на себя политическую инициативу, наша страна может вернуть себе статус великой державы, но, главное, – сохранить восточную евразийскую уникальную цивилизацию, а с ней и национальную идентичность.

– **наконец, вариант № 4**, существующий сегодня, который называется «многовекторной политикой / дипломатией», «тактикой маятника» и т.д., но, на самом деле, как справедливо считает ряд авторов, означает «отсутствие всякой стратегии». Этот последний, четвертый вариант по сути инерционной, малоинициативной политики характерен не только для внешней политики России, но и всех стран на постсоветском пространстве и ряда евразийских государств. Вопрос, однако, в том, что этот вариант не может являться стратегией. Тем более долгосрочной. Такая политика отдает политическую инициативу другим странам и цивилизациям. Продолжение такой политики неизбежно будет вести к ослаблению влияния России, росту амбиций национальных элит, которые (как сейчас) маневрируют между Москвой, Вашингтоном и Пекином. Эти элиты должны быть поставлены перед выбором.

Думается, что России неизбежно предстоит формировать собственный центр силы и свою стратегию, хотя реальных шансов для этого становится с каждым годом все меньше и меньше. Как пишет П. Салин, «Что касается... варианта – образования самостоятельного центра влияния в АТР, то он явно выглядит нереальным. По экономической мощи и влиянию в регионе Россия не только несопоставима с Китаем, но и уступает многим другим странам, например, Индии и даже Индонезии. Все экономические связи России исторически строились по принципу «с Востока на Запад», и если в период доминирования Европы это было стратегически выигрышно, то сейчас начинает играть против интересов Москвы в АТР»¹.

Действительно, экономическое и военное влияние России в АТР и Евразии слабеет, но это не историческая тенденция, а политическая

¹ Салин П. Три пути России в Азию // Россия в глобальной политике. 2012. Сентябрь–октябрь. Т. 10, № 5. С. 166–167.

ошибка российского руководства. Исправить ее можно и нужно двумя сопряженными стратегиями.

Во-первых, стратегией опережающего развития восточных регионов и инфраструктуры нашей страны. Не какой-то, пусть крупной, но программой, а национальной стратегией, которая превратила бы в короткие сроки (5–7 лет как при Николае II или И. Сталине) эти регионы в крупные промышленно-коммуникационные центры, способные к самостоятельным внешнеэкономическим связям со странами Ю.-В. Азии и АТР.

Во-вторых, должна быть скорректирована федеральная внешняя и военная политика в сторону развития связей со странами АТР и Евразии. Необходимы новые институты и механизмы сотрудничества с этими странами на высшем и высоком уровне.

И первое, и второе направление восточной стратегии начинает реализовываться, но пока что не превратилось в национальный приоритет. Между тем, именно там, на востоке, находится большинство наших инвесторов и партнеров. И не только в Китае, но и в других странах Азии.

Павел Салин справедливо пишет, что «... способность быть основой самостоятельного центра силы зачастую определяется военной мощью – претендующее на лидерские позиции государство должно обеспечить безопасность своим сателлитам. Такие гарантии давали своим союзникам СССР в рамках Организации Варшавского договора и США в НАТО во время холодной войны такие же гарантии, правда, пока не закрепленные каким-либо юридическим документом, Вашингтон предоставляет своим действующим и потенциальным союзникам в АТР.

С военной точки зрения присутствие Москвы в АТР ничтожно – даже меньше, чем экономическое. Более того, российское (и советское) военное строительство было нацелено на европейский театр военных действий (в меньшей степени – на южное направление), который характеризуется большой площадью суши»¹.

¹ Салин П. Три пути России в Азию // Россия в глобальной политике. 2012. Сентябрь–октябрь. Т. 10, № 5. С. 166–167.

И в этом он совершенно прав. Сокращение военного строительства и присутствия России на Дальнем Востоке – катастрофическое. Но оно, как и ВПК, вполне восстановимо в случае реализации национальной стратегии опережающего развития дальневосточных регионов. Так, некоторое количество призывников из ДВФО должно, безусловно, оставаться в регионах. Более того, можно передислоцировать часть Вооруженных Сил России, строить новые заводы и цеха ОПК именно на Дальнем Востоке. Там же развивать переработку рыбопродуктов, древесины и полезных ископаемых. На эти же регионы можно в приоритетном порядке переориентировать и развитие других отраслей, например сельского хозяйства.

Поэтому П. Салин признает, что у России «есть шанс»: – «стать (или, вернее, остаться) самостоятельным центром силы в «мягком подбрюшье» Китая. Речь идет о Центральной Азии, где в силу советского наследия позиции Москвы достаточно сильны. Этот регион как источник ресурсов (а в перспективе – и часть транспортного коридора Китай–Европа) имеет для Пекина стратегическое значение. Частично контролируя его, можно оказывать влияние на баланс сил в Евразии и АТР.

Правда, и здесь позиции Москвы подвергаются эрозии, во многом благодаря действиям КНР, – пишет П. Салин. – Так, ШОС, которая рассматривалась Москвой в начале «нулевых» как инструмент возрождения влияния в Центральной Азии, все больше выходит из-под ее контроля. Москва прекрасно понимает потенциал пекинской тактики «двусторонней дипломатии», так как сама успешно использует ее на западном направлении – в отношениях с Европой»¹.

«И хотя в политике Китая СНГ в целом оставалось на периферии, поскольку главные китайские политические и экономические интересы находятся отнюдь не в этом регионе, невозможно не видеть усиление китайского интереса к членам СНГ на двусторонней основе. Помимо России данный круг интересов охватывает практически весь ареал бывшего СССР, включая и такие не входящие в СНГ страны, как Литва, Латвия и Эстония.

¹ Салин П. Три пути России в Азию // Россия в глобальной политике. 2012. Сентябрь–октябрь. Т. 10, № 5. С. 166–167.

Последние китайские начинания на экономическом поприще в мирохозяйственных связях могут позволить сделать заключение, что на текущий момент для Пекина основными представляются такие из многосторонних форматов, как БРИКС, форум БОАО, а в самое последнее время – «Балтийский форум», состоявшийся под эгидой России в Санкт-Петербурге на уровне глав правительств всех государств, которые можно было бы отнести к данному региону на карте мира, включая и такие из его составляющих, как Гренландия, Арктика (Арктический Совет), Исландия, Нидерланды. В контексте прихода к власти нового «пятого» поколения китайских руководителей наблюдается явное повышение интереса китайских системообразующих инстанций к экономическим аспектам этого региона.

Тенденцией последнего времени является как констатация китайской стороной снижения роли СНГ и в мировой политике, так и повышение заинтересованности со стороны китайских экономических элит в установлении прямых экономических обменов с теми, кто остался на «развалинах» бывшего СССР»¹, – пишет исследователь МГИМО(У) А. Мочульский.

Действительно, ШОС может в процессе своего развития приобрести характер организации, которая будет служить в большей мере интересам Китая (особенно в военно-политической области), чем России. Или интересам других государств. Поэтому в любом случае России предстоит сосредоточиться в политическом плане на приоритетах:

– во-первых, цивилизационного развития «российского ядра» Евразии;

– во-вторых, на опережающем развитии своих восточных регионов и их инфраструктуры.

И первое, и второе – политические приоритеты, которые необходимо обеспечить экономическими и демографическими ресурсами. Что должно быть осознано российской правящей элитой в полной мере. В том числе и с точки зрения инвестиций в своих партнеров по СНГ и ОДКБ, которые

¹ Мочульский А.Ф. Политика Китая в СНГ, в том числе в Центральной Азии, в контексте долгосрочных интересов России / Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У). 2013. Май. С. 3.

должны носить разумно-ограниченный и обусловленный этими политическими приоритетами характер.

Вместе с тем по ряду направлений, от которых прямо зависят евразийские страны, например, в области ПВО и ПРО, важно усилить активность и сотрудничество, понимая, что вопросы обеспечения евразийской безопасности должны быть тесно связаны с приоритетами развития «российского ядра» Евразии².

Надежды на ШОС, ОДКБ или СНГ должны быть второстепенными по отношению к нуждам и приоритетам «российского ядра» и прямо вытекать из этих нужд.

«Организация Договора о коллективной безопасности, которая в силу подавляющего военного превосходства России находится под ее контролем, все чаще по своей проблематике пересекается с ШОС. Так, например, на последних саммитах обеих организаций затрагивались вопросы безопасности в Центральной Азии, и большой вопрос, решения какой организации для ее членов будут приоритетнее. К тому же в ОДКБ явно накопились глубокие проблемы, связанные с отсутствием полноценного доверия между союзниками, и даже рост неопределенности вокруг Афганистана пока не ведет к сплочению стран-членов вокруг Москвы»¹, – справедливо отмечает П. Салин.

Крайне маловероятно, что усилия Москвы по развитию отношений в рамках существующих международных организаций дадут значимый эффект. Примеров тому – множество за все последние 20 лет. Но превратить Россию в донора, соревнующегося с КНР и США, в плане «благоденствия», – абсолютно неверно и бесперспективно. Это только добавит возможностей странам-членам СНГ и ОДКБ развивать свою «разновекторность», что особенно заметно на примерах современной политики Казахстана, Узбекистана и Азербайджана. Нужен очень прагматический курс, в основе которого лежит ставка на развитие «российского ядра» Евразии, и в зависимости от которого должна формироваться политика в Евразии.

² См. подробнее: Подберезкин А.И. Евразийская воздушно-космическая оборона. – М.: МГИМО(У), 2013.

¹ Салин П. Три пути России в Азию // Россия в глобальной политике. 2012. Сентябрь–октябрь. Т. 10, № 5. С. 166–167.

Но прежде всего нужно все эти идеи и концепции оформить в единую идеологическую и геополитическую евразийскую стратегию, включающую в свой пространственный охват прежде всего восточные регионы России, а также страны АТР и Европы. Без такой внятной стратегии, частные двусторонние отношения станут втягивать Россию год за годом в частные и недешевые (политически и экономически) решения. «Осознав, что формирование самостоятельного геополитического центра силы в АТР невозможно, российские элиты могут впасть в противоположный соблазн – плыть по течению. Именно такой сценарий лоббирует китайская сторона, которая на экспертном уровне практически открыто говорит, что никакой стратегии по отношению к АТР Москве разрабатывать не нужно – «все и так хорошо». Более того, чувствуя, что российские власти все больше тяготеют инерционным развитием событий, чреватым переходом экономической зависимости в политическую, китайцы действуют по принципу «если процесс нельзя остановить, его нужно возглавить»»¹.

Эта политика Пекина, на самом деле, – хороший пример для России. В отличие от нас, в КНР четко понимают приоритеты своей долгосрочной стратегии и действует исключительно в соответствии с этой стратегией.

¹ Салин П. Три пути России в Азию // Россия в глобальной политике. 2012. Сентябрь–октябрь. Т. 10, № 5. С. 167.

б). Предпосылки обеспечения ведущей роли России в Евразии

Если плохо знаем историю, – то у нас неясные перспективы развития. Так было и так будет¹

*В. Путин,
Президент России*

... всем понятно, что начать Евразийский союз можно только один раз и только успешно. Наши потенциальные партнеры, включая Иран, ждут, пока мы разберемся в себе, и начнем, наконец, действовать²

*Д. Дворников,
политолог*

Рассуждая сегодня о роли России в Евразии и мире, мы должны в обязательном порядке учитывать два фактора, без которых невозможно адекватно сформулировать будущую цель евразийской политики. Оба этих фактора имеют достаточно субъективный характер, но именно они сегодня формируют пессимизм российской правящей элиты и общества в отношении будущей роли России в Евразии.

Во-первых, увлечение глобализацией и идеями экономической конкурентоспособности, свойственные российской правящей элите в последние 25 лет, привели к непониманию той простой истины, что только «нерастворенная нация» и суверенное государство могут быть успешными участниками этих процессов. Другими словами, сохранение нации и государства является **важнейшим условием** успешного участия в глобализации и усилении конкурентоспособности.

Во-вторых, размышляя о будущей роли России, мы неизбежно экстраполируем (и к этому за последние десятилетия приучили либералы-макроэкономисты) наше нынешнее, достаточно плачевное состояние на стратегическую перспективу. Что в корне неверно, ведь по важнейшим показателям мы оказались даже не на уровне 1990 года, на значительно более низких уровнях. О чем свидетельствуют, например, оценки В. Якунина:

¹ Стремидловский С. Три «кита» патриотизма от Владимира Путина // ВВП. 2012. № 7 (77). С. 159.

² Дворников Д. Иран готов стать вторым естественным полюсом Евразийского союза / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 15 марта / URL: <http://topwar.ru>

К понятию успешности геополитического субъекта Жизнеспособность и геополитический статус

Как видно из приведенных рисунков, реальная жизнеспособность и геополитический статус России во втором десятилетии XXI века опустились до уровня 20-х годов XX века, т.е. времени, когда российское государство находилось в полной разрухе. Из этой оценки вытекают и два других вывода:

– во-первых, огромный потенциал России фактически недооценен, не превратился в реальный фактор мировой политики, в т.ч. в Евразии и АТР;

– во-вторых, акцент в евразийской политике должен быть сделан на собственно национальном потенциале. Применительно к евразийской стратегии это означает, что такой акцент должен быть сделан на

приоритетном развитии восточных регионов страны, «русского ядра» Евразии. Возможности для этого не просто существуют. Они огромны.

Россия обладает, например, таким важнейшим конкурентным преимуществом, как центральное геополитическое и историко-цивилизационное положение в Евразии. Это преимущество появилось отнюдь не само по себе: веками огромные массы людей двигались с востока на запад, разрушая государства и уничтожая целые народы. И только русские настойчиво продвигались с запада на восток Евразии, осваивая всё новые и новые территории, пока не дошли до берегов Тихого океана и даже пересекли его, основав поселения на Аляске и в Калифорнии. Таким образом можно говорить, что уже к XVIII веку движение России на восток привело к смещению на восток не только ее географического центра, но и влияния России и даже Европы на ситуацию в Евразии, которой отчетливо проявилось уже во второй половине XIX века в Центральной Азии и в Северо-Восточной Азии.

Сегодня эта историческая заслуга российского народа предоставляет ему исключительные возможности и преимущества стать реальным мостом и кратчайшим путем из Европы в быстро развивающиеся страны АТР. И речь идет не только о транспортных коридорах, но и о цивилизационном значении, когда разные культуры и системы ценностей возможно синтезировать на примере опыта России, избежать противостояния Запада и Востока. Этот опыт имеет колоссальное значение в период, когда международные отношения переходят на новый, может быть, более опасный виток развития, ведь в Евразию переносится не только центр мировой экономики, политики, но и центр военно-политического противостояния. Если до начала 90-х годов такой центр находился в Европе и проецировался на Ближний и Средний Восток, то во втором десятилетии он, безусловно, переместился в регионы и акватории Евразии. Еще в начале 90-х годов З. Бжезинский таким образом подметил эту тенденцию: «Евразия... сохраняет свое геополитическое значение... Соответственно вопрос о том, каким образом имеющая глобальные интересы Америка должна справляться со

сложными отношениями между евразийскими державами и особенно сможет ли она предотвратить появление на международной арене доминирующей и антагонистической евразийской державы, остается центральным в плане способности Америки осуществлять свое мировое господство.

Евразия является «шахматной доской», на которой ведется борьба за мировое господство, и такая борьба затрагивает геостратегию – стратегическое управление геополитическими интересами»¹.

Таким образом можно полагать, что в понимании будущей роли России как «российского ядра» евразийской интеграции лежит не только одно из важнейших политико-идеологических требований при формировании российской евразийской стратегии, но и адекватная оценка потенциальных возможностей и современной реальной геополитической ситуации и места, которое занимает в ней Евразия. Коротко она сводится к следующему:

– во-первых, контроль над Евразией предопределяет будущую военно-политическую и экономическую ситуацию в мире. За пределами Евразии остается несопоставимо меньше ресурсов (менее трети населения и менее половины мирового ВВП) и государств, способных взять на себя функции глобального влияния. Теоретически это может быть Бразилия, но в реальности в обозримой перспективе – только США, которые в любой форме будут навязывать свое лидерство в Евразии;

– во-вторых, великие державы будут всегда претендовать на этот контроль и на то, чтобы стать такими «центрами» евразийской интеграции. Речь идет прежде всего о Китае, Евросоюзе, США, а также группе исламских государств. Такой контроль и влияние над Евразией возможны посредством либо лидерства одной из этих стран, либо при помощи создания соответствующей коалиции. Пока что только США успешно реализуют этот проект обоими способами: как посредством своего лидерства, так и посредством складывания подконтрольной коалиции. Причем, по мере падения роли США в Евразии, значение такой

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М. 1998. С. 11–12.

коалиции будет усиливаться. Что хорошо понимают в Вашингтоне и предпринимают соответствующие шаги;

– в-третьих, сегодня фактически Соединенные Штаты являются таким центром, контролируя не только Западную, Центральную и Восточную Европу, но и ряд стран и регионов Центральной Азии, а также во многом Южную и Юго-Восточную Азию. Очевидно, что их отношение к политике евразийской интеграции будет влиять на этот процесс. Сегодня можно говорить, по меньшей мере, о двух тенденциях, существующих в правящей элите США. Первую озвучила бывший госсекретарь Х. Клинтон в декабре 2012 года, заявив о том, что США будут противодействовать евразийской интеграции в любой ее форме. Вторую тенденцию озвучило разведсообщество в докладе Сенату Конгресса США, «допустив» возможность сохранения контроля России на постсоветском пространстве. Важно, что обе эти тенденции исключают геополитическую и цивилизационную роль «российского ядра» в Евразии.

В действительности наблюдается явное усиление активности США и их союзников не только в Евразии, но и на постсоветском пространстве. Так, если говорить о ситуации в Евразии, то ярким свидетельством этому стало фактическое вмешательство США которые полуофициально и неофициально оказывают поддержку сирийской оппозиции. В частности, Министерство финансов США разрешило частным лицам и корпорациям перечислять средства и поставлять товары 15 марта 2013 года в дополнение к тем 500 млн долл., которые уже были выделены правительством страны¹.

В это же время США и их союзники усилили активность на постсоветском пространстве, что привело не только к выходу Узбекистана из ОДКБ, но и усилению оппозиции в Казахстане,

¹ Цит. по: США разрешили своим гражданам и компаниям финансировать и вооружать сирийских боевиков / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 16 марта / URL: <http://eurasian-defence.ru>

потребовавшей выхода из ТС¹, а Великобритания выделила 17 млн фунтов стерлингов для «ликвидации бедности»²;

– в-четвертых, нарастающее противоречие и вероятный конфликт из-за такого контроля с США других великих евразийских держав, прежде всего Китая и России, и в перспективе – Индии. В отсутствии норм и правил поведения в Евразии США будут стремиться строить с Китаем, Россией и Индией двусторонние отношения, игнорируя существующие институты (ШОС ОДКБ и др.) и препятствуя созданию евразийской системы безопасности;

– в-пятых, рассуждения о формировании различных центров силы в Евразии, как и стремление отдельных государств создать «множественность» таких центров силы, свойственные правящим элитам Евразии, – бесперспективны и даже наивны, независимо от мотивов и намерений стоящих за ними политиков и экспертов. В конечном счете им предстоит сделать выбор в пользу одного из центров силы. Это противоречие стало уже предметом острой внутривнутриполитической борьбы на Украине, Молдавии и Казахстане, где влиятельные силы требуют четкой политической ориентации и «европейского выбора» от своих правительств.

Современные процессы в Евразии, таким образом, – разновекторные процессы, сутью которых, однако, остается борьба великих держав за контроль над Евразией. Сегодня такой контроль фактически, находится у США, которые с помощью своих союзников по НАТО отнесли весь регион в зону своей ответственности, но уже видно, что Китай, Россия, Индия претендуют на свою роль в этом процессе.

Наивность некоторых политиков и экспертов евразийских государств (причем как европейских, так и азиатских) имеет под собой определенную экономическую основу. Балансируя между претендующими на контроль в Евразии великими державами, они пытаются выторговать себе более выгодные условия и преференции.

¹ Оппозиция Казахстана выносит на референдум вопрос о выходе из ТС / Эл. ресурс: «АПН». 2013. 16 марта / URL: <http://ria.ru>

² Тохири Т. Великобритания способствует сокращению бедности в Средней Азии / Эл. ресурс: «Центральная Азия». 1009. 26 сентября / URL: <http://centralasiaonline.com/ru>

К сожалению, и у значительной части экспертов и политиков из постсоветских государств существуют явные и мнимые опасения относительно имперского подхода России к евразийской интеграции. Это, безусловно, будет использоваться для того, чтобы придать интеграции утилитарно-упрощенный, неидеологический характер. Задача – сделать будущий Евразийский союз «многополюсным». Об этом, например, ясно говорит казахстанский эксперт Алмат Тоекин: «... в плане развития Россией интеграционных процессов на постсоветском пространстве, на мой взгляд, неправильно и недальновидно будет объединение вокруг только одного центра, как это было ранее. И в этом ключе понятны желания первых лиц РФ, выступающих собирателями “земель русских” и форсирующих формирование единой валюты в рамках Таможенного союза (ТС), Единого экономического пространства (ЕЭП) и Евразийского союза (ЕАС), то бишь рубля. В оценке “таких шагов” нашего союзника – России я встаю на сторону таких казахстанских политологов и общественных деятелей, как Айдос Сарым, Мухтар Тайжан и других, высказывающихся против подобного союза с Россией. Понятно, что у РФ есть множество рычагов, которая она использует или может использовать в отношении Беларуси, Казахстана и других потенциальных кандидатов на участие в интеграционных процессах»¹.

В этих рассуждениях казахстанского эксперта много политической наивности и заведомо ложных допущений, суть которых сводится к простой формуле: будущий евразийский союз не должен ограничивать национальных суверенитетов, являясь, по сути дела, коммерческим проектом, где все будет зависеть от экономической выгоды. Сторонники такой точки зрения, однако, не осознают реалий. Любой союз, конфедерация или даже ассоциация государств, предполагает не только экономическое, но и хотя бы отчасти политическое, военное, финансово-банковское, гуманитарное сотрудничество, которые так или иначе ограничивают национальные суверенитеты. Как ни странно, но такие ограничения могут как ослаблять, так и усиливать национальный суверенитет, делая государство безопаснее и конкурентоспособнее. Что,

¹ *Парамонов В.* Казахстанские эксперты: что не так с внешней политикой России? / Эл. ресурс. «Viperson.ru». 19 июля 2012 г. / URL: <http://viperson.ru>

собственно говоря, мы и наблюдаем в Евросоюзе, который держится на двух опорах – общей безопасности и системе ценностей и общих, наднациональных институтах.

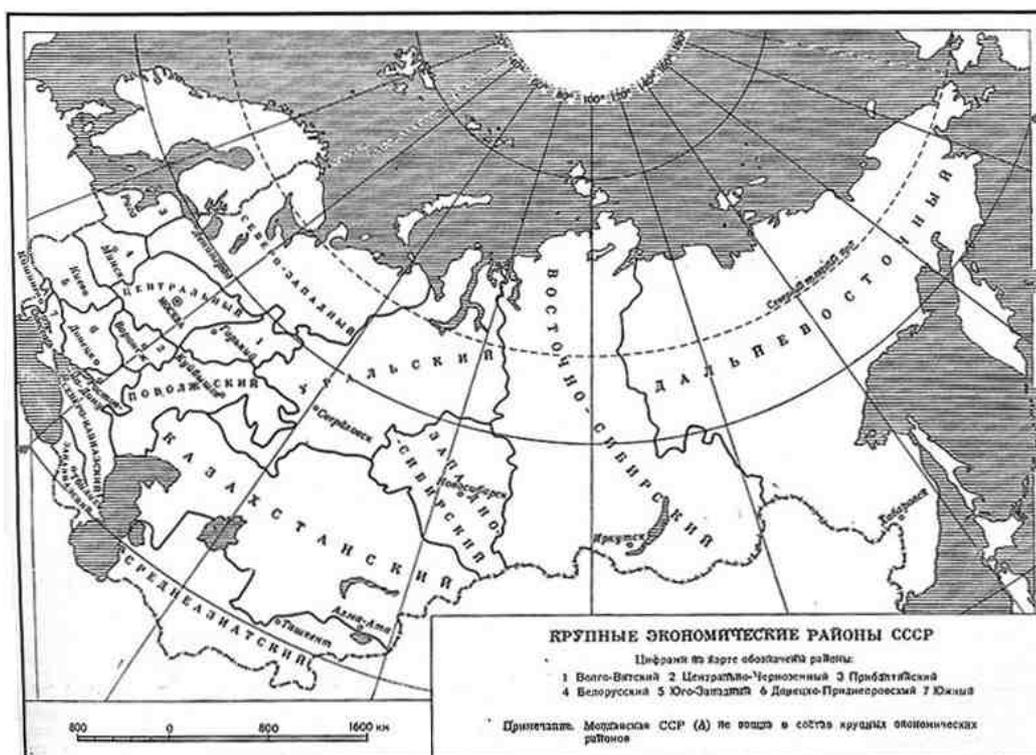
Даже неучастие в союзе – уже накладывает определенные ограничения на внешнеполитическое поведение государств. Что справедливо, например, для бывших среднеазиатских советских республик. Как . Что весьма обоснованно заметил один из авторов ресурса «Военное обозрение», «Для того чтобы понять патовость ситуации (в Средней Азии – *авт.*), достаточно взглянуть на экономические карты СССР. С точки зрения народного хозяйства после индустриализации Средней Азии – никакого Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана не существует. Есть среднеазиатский экономический район, который можно и нужно рассматривать исключительно как единое целое. Если искать аналогии, доступные бытовому мышлению, то экономический район сродни многоквартирному дому: квартиры можно сто раз продать и приватизировать, – но хозяйственной сути дома это не изменит».

И далее: «Думаю, что многие из нас в быту сталкивались с этим феноменом, когда пытались провести автономное отопление и горячую воду. После того, как более 30% квартир перейдут на “автономку”, станет бессмысленным отопление центральное – в силу перегрузки локальных сетей. В результате начнёт вымерзать 70% оставшихся квартир – и сколько бы ты ни топил у себя дома своим модным германским котлом, согреться будет невозможно в силу того, что все соседи вокруг вымерзают. И за бортом эволюции окажутся и те, кто инвестировал в автономное отопление, и те, кто надеются на родной ЖЭК. Тупик»¹.

Этот тупик становится еще очевиднее, когда речь идет о формировании мировой политики на макроуровне, – «большой восьмерки», «большой двадцатки» и в других площадках институтах, где только Россия может эффективно защищать интересы своих союзников.

Есть и другие уровни функциональных связей, например, ВТС, особенно, в области ВКО, где «абсолютный суверенитет» невозможен.

¹ Евразийская политология. Почему нам есть дело до будущей супервойны в Средней Азии / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 19 марта / URL: <http://topwar.ru>

«Кстати, если взглянуть на эту же карту – но уже в части Украины, продолжает автор «Военного обозрения», – то можно увидеть, что политический “раскол”, который мы наблюдаем на каждых выборах, проходит ровно по экономическим районам: восточный с центром в Донецке, южный с центром в Одессе и центрально-западный с центром в Киеве»¹. И далее, он делает вывод: «Очевидно лишь одно: именно Средняя Азия станет испытанием для будущего Евразийского союза. Потому что на повестке дня будет стоять не экономизм – кто больше наторговал, – а базовые вопросы жизнедеятельности и безопасности. Которые, как известно, путём переговоров и меморандумов не решаются. Самые главные испытания – наступят всего через два года»².

Более того, если говорить об интеграции (даже только экономической), то придется говорить о делегировании части суверенитета и формировании механизмов и органов, которые по сути своей уже будут наднациональными и «надсуверенными». Опыт развития Евросоюза, кстати, свидетельствует о том, что процесс делегирования

¹ Евразийская политология. Почему нам есть дело до будущей супервойны в Средней Азии / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 19 марта / URL: <http://topwar.ru>

² Там же.

части суверенитета и формирования наднациональных органов – неизбежен. Этот процесс, естественно, может и будет протекать противоречиво, однако в результате, как мы видим на примере Евросоюза, будет сформирована конфедерация, которая стала реальностью после Лиссабонского саммита 2010 года.

Этому объективному процессу евразийской интеграции вряд ли что-то может всерьез противостоять, ведь речь идет по сути только об одном – под чьим контролем он будет проходить. Либо, как сегодня, под контролем США, который неизбежно будет усиливаться от Юго-Восточной Азии до Антарктики. Либо под контролем Китая, создающего свой, «Великокитайский евразийский союз», либо под контролем России (и, возможно, Индии), которая сможет объединить евразийские державы. Другие проекты, включая «полицентричные», неизбежно обречены на провал именно в силу своей политической наивности и нереалистичности. Суть этих «аргументов» приводит казахский политолог Алмат Тоекин: «... концепция создания Евразийского союза по Назарбаеву является самой притягательной и эффективной для народов Евразии. Привожу отдельные тезисы из этой концепции: различия между “империалистическим евразийством” и евразийством Назарбаева вполне очевидны и их можно сформулировать в нескольких пунктах (На самом деле, можно назвать по-другому: реалистическим евразийством и идеалистическим евразийством – *авт.*).

«1. В рамках евразийства Назарбаева интегрируются независимые участники на основе добровольного решения и общности интересов. Это главное отличие от “империалистического евразийства”, в рамках которого один народ подавляет и подчиняет другие.

2. Н. Назарбаев предлагает осуществлять евразийскую интеграцию на основе добровольности, равноправия, максимально исключая всякое давление и применение силы. Это бесконечно далеко от “империалистического евразийства”, в котором “интеграция” велась вооруженной силой. Стоит отметить, что у Казахстана отказ от силы и давления не является пустой фразой, а представляется неотъемлемой частью внешней политики. Казахстан отказался от ядерного оружия, запретил его испытания, участвует в многосторонних региональных

организациях безопасности, а также решил многие спорные вопросы путем переговоров. Казахстан не бряцает оружием, в отличие от многих своих соседей.

3. Евразийская интеграция предусматривает выгоду для каждого участника интеграционных процессов, а также использование суммарного потенциала в интересах всех участников. В империях, восхваляемых “империалистическим евразийством”, все обстояло наоборот. В них всегда был главный выгодополучатель, тогда как остальные участники терпели самый разнообразный ущерб. Суммарный потенциал не только не использовался, но и растранижировался за счет ограничений и притеснений покоренных народов.

4. В интеграции Евразии по Назарбаеву нет никаких целей противопоставления каким-либо государствам или силам в других частях мира. Более того, развивается понимание, что участие в процессах интеграции в Евразии может быть выгодно для стран, весьма удаленных от нее. “Империалистическое евразийство”, так или иначе, волей-неволей противопоставляет Евразию другим частям мира и толкает народы континента в конфронтацию. И наоборот, добровольная и равноправная интеграция дает гарантию того, что народы Евразии не будут втянуты в губительное противостояние.

5. Назарбаевская интеграция Евразии, помимо перечисленных моментов, не предусматривает стирания и ликвидации национальных культур, языков и обычаев, как это делалось во всех империях. Империя всегда навязывает одну культуру (пусть даже великую и очень успешную) в качестве единого образца, тогда как в назарбаевском евразийстве ничего подобного нет»¹.

Хотим мы того или нет, по разным политическим причинам, но нам придется ясно ответить на вопрос: будет ли будущий Евразийский союз моноцентричным, либо полицентричным? Сегодня на этот счёт, как видим, даже среди ближайших союзников России в Казахстане и Белоруссии существуют разные мнения, хотя по большому счету выбор будет не между моноцентричной «империалистической Евразией» и

¹ *Парамонов В.* Казахстанские эксперты: что не так с внешней политикой России? / Эл. ресурс. «Viperson.ru». 19 июля 2012 г. / URL: <http://viperson.ru>

«полицентричной», а между «американоцентричной», «китаеццентричной», либо российско, а, возможно, индийско-центричными проектами.

в). Значение России как «центра Евразии»

Сибирь и Дальний Восток – это наш колоссальный потенциал, об этом говорил еще Михаил Ломоносов¹

*В. Путин,
Президент России*

В десятом столетии государство Русь пролегло вдоль торговых маршрутов, ведущих от Балтии до Византии, свергнув хазар, и став главной международной силой в регионе²

Существующая сегодня в России концепция евразийской интеграции мало связала политически с приоритетами развития России вообще и ее восточных регионов, в частности, хотя такая связь не просто существует, но и является ключевой в понимании геополитического будущего нашей страны. Более того, пока что концепция евразийской интеграции политически только иногда декларирует единство Евразии (от Лиссабона до Владивостока), но не реализовано в конкретных инициативах, а тем более конкретной политике. Складывается впечатление, что общее историческое, экологическое и географическое пространство Евразии, сложившееся несколько тысячелетий назад, роль в этом пространстве Руси – России «выпадает» из современного политико-экономического контекста.

Между тем эта историческая реальность не просто существует, но и является важным фактором современной политики. Более того, по мере развития стран АТР и Азии этот фактор будет превращаться в серьезный политический аргумент, который неизбежно будет использоваться самыми разными государствами, естественно, в своих интересах. Важно, чтобы и Россия не только не забывала об этом, но и учитывала его в своей Восточной политике. Тем более, что и на Западе некоторые ученые по достоинству оценивают роль Руси – России в формировании единого евразийского пространства. Так, Д. Кристиан, например, пишет: «Причина того, что маршруты были проложены севернее, кроется в развитии, в распространении сельского хозяйства на территории, которая позже стала называться Русью в 500 г. до н.э. Развитие сельского

¹ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / URL: <http://президент.рф>

² «The Khaganate of the Rus': Non-Slavic Sources of Russian Statehood», in *Challenging Traditional Views of Russian History*, ed. S. G. Wheatcroft (Basingstoke: Macmillan, in press). P. 3.

хозяйства продолжалось и тысячу лет спустя в связи с дальнейшим расширением Московского государства в Сибирь. Это – распространение сельского хозяйства, и появление многочисленного, оседлого населения на землях к северу от степи и объясняет появление новых, северных ответвлений Шелкового пути¹.

Между тем в Евросоюзе уже начался процесс переосмысления своей роли в Евразии, который может стать встречной инициативой для евразийской интеграции. «Долгое время стратегические исследования и европейские исследования взаимно игнорировали друг друга»², – пишут известные политологи С. Бископ и Й. Коелмонт.

Ситуация изменилась после подписания Лиссабонского договора, фактически превратившего Евросоюз в субъект мировой политики, который неизбежно должен был пересмотреть свою роль в мире и в его отдельных регионах, включая и отношения с США, региональными организациями и акторами³.

Даже если абстрагироваться от стратегии евразийской интеграции, то сохранение нашей страны как единого целого двух частей – европейской и азиатской – будет зависеть, во-первых, от темпов освоения восточных регионов, во-вторых, от развития транспорта и другой инфраструктуры и, в-третьих, от уровня сотрудничества России (прежде всего ее азиатских регионов) со странами Евразии и АТР. И первое, и второе, и третье возможно только при условии закрепления за Россией роли центра Евразии уже не только как географической, геополитической и культурно-исторической реалии, но и как реалии политической, экономической и военной. Чего, кстати, очень боятся за пределами Евразии, прежде всего в США.

«Вероятна схватка этих концептуально разнонаправленных лагерей. Мондиалисты-неоглобализаторы и евразийцы – антиподы. Если продолжится экспансия НАТО в зону геополитического влияния стран-участниц ШОС, то это противостояние перейдет в другую плоскость –

¹ *Christian D.* «Silk Roads or Steppe Roads? The Silk Roads in World History». *Journal of World History* 11. No. 1 (2000). P. 16–17.

² *Biscop S., Coelmont Jo.* *Europe. Strategy and Armed Forces* // Routledge. London. 2012. P. 30.

³ *Biscop S., Coelmont Jo.* *Europe. Strategy and Armed Forces* // Routledge. London. 2012. P. 1.

НАТО – ШОС. И Шанхайская организация вынуждена будет в ближайшем будущем стать ведущим военно-политическим и экономическим союзом в Евразии. Учитывая, что НАТО, это, прежде всего, военная мощь США, а не полуассальской Европы, то усилится конфронтация по линии США – ШОС. Наступательная евразийская геостратегия США требуют от Пекина корректировки внешнеполитического курса. Американские системы ПРО планируется разместить не только в Европе. В 2007 г. Соединенные Штаты озвучили идею о более тесном военном сотрудничестве с Японией и Австралией и создании совместной системы ПРО на Тихом океане. Таким образом, Запад по существу подталкивает Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) трансформироваться в военно-политический блок, пока Россия и Китай еще не обложены окончательно красными флажками. Потому и соблазняют Россию «перестроечной» химерой – чтоб притянуть её в обойму Запада и ею вбить осиновый кол в ШОС – потенциальный анти-НАТО.

По мнению С. Лаврова, «вестернизация» обернулась для России невниманием к великому Китаю, вообще ко всему восточному направлению внешней политики, самому динамичному в мире региону – Азиатско-Тихоокеанскому (АТР). Азиатский регион, пронизанный линиями конфликтов между этносами, религиями, административными конструкциями, кланами и группировками, элитами, неформальными движениями, – взрывоопасный «котел». Толпа легко мобилизуется для протестных акций под любыми лозунгами и для точечных действий по смене режима. При желании не составит большого труда раздуть застарелые проблемы, доведя «градус» социальной активности недовольных и подкупленных смутьянов до взрывной кондиции. Политико-психологическим диверсантам по силам воздействовать на когнитивном уровне на «спинномозговое» сознание бурлящей массы, подсказав ей, что «дальше так нельзя», что только радикальными способами можно изменить ситуацию.

Очень опасно подогревать этнические, религиозные, социальные и административные интересы в регионе. Процессы могут не остановиться на фазе «относительного хаоса», а вырваться из рамок кланового

передела собственности в бесконечный кровавый сепаратизм, убийственный для всех. Только честное и справедливое устойчивое сохранение баланса интересов России, Китая, США и Европы в Центральной Азии – гарант региональной безопасности»¹.

«Бжезинский в свое время говорил, что сплоченность Евразии – это страшный сон для США. По его мнению, соединение политических сил в Евразии приведет к тому, что Соединенные Штаты не смогут доминировать в мире. Китаю и России следует идти рука об руку и придерживаться единых позиций по большому спектру вопросов. Во всяком случае, это лучше, чем награждать Барака Обаму Нобелевской премией». И с российской стороны авторитетный голос Леонида Ивашова в принципе о том же: «Борьба между США и Китаем будет только разгораться»; и в этом противостоянии стоит сформировать альянс в составе России, Китая, Индии и Ирана... После масштабного вывода контингентов из Афганистана и Ирака внешнеполитический акцент будет перемещен на динамично развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). «Конкуренция между США и Поднебесной происходит не только в АТР, но и на Ближнем Востоке, и в Северной Африке, включая вторжение в Ливию и попытки подчинить Иран. В этом проявляется не только стремление взять под свой контроль регион, богатый углеводородными ресурсами, но и избавиться от китайского бизнес-присутствия. По сути, это война с Китаем, но пока на чужих территориях. Еще одним объектом, за контроль над которым бьются США и Китай, является район Центральной Азии»².

Евразийский проект таким образом имеет большое значение и для России. Может показаться странным, но социально-экономический кризис в России не может быть преодолен до тех пор, пока не будет преодолен кризис идеологический, в частности, пока не будет сформулирована глобальная цель развития нации, ее будущий образ и определено ее место в мире. Так уж устроена русская цивилизация: без сверхзадачи она не может ни объединиться, ни выстроить свою стратегию развития. Так было в XIV–XV веках, так было в начале XVII

¹ Россия – ядро Евразии / Эл. ресурс: «Евразийский союз». 2013. 3 февраля / URL: <http://eurasia-info.com/?p=101>

² Там же.

в., так было в начале XX века. XXI век – не исключение: русской элите и обществу нужно понять свое предназначение, в соответствии с которым выстраивать стратегию национального развития. Никто в XV веке не говорил о «макроэкономических показателях» и «экономической целесообразности» превращения Руси в «Третий Рим».

Вот и сегодня, говоря о евразийской интеграции, нельзя сводить эту стратегическую национальную идею к процентам прироста объема внешней торговли внутри СНГ или другими странами. Нельзя ради этой сомнительной экономической выгоды идти и на размывание России как центра евразийской интеграции. В противном случае неизбежно появятся другие центры – в Евросоюзе, либо в Китае.

Более того, недооценка роли национального «ядра», как и в период до развала СССР, может привести к дезинтеграции страны. Опыт СССР – весьма поучителен. Как справедливо пишут российские авторы, «Непропорционально большие средства вкладывались в развитие отдельных периферийных республик за счет ослабления геополитического ядра страны»¹.

К чему это привело – известно. Российское ядро превратилось в донора недоразвитых регионов империи: «... в годы войны произошло перемещение основных промышленных мощностей и населения на периферию – в Среднюю Азию, Казахстан. В послевоенный период были значительно продвинуты вперед промышленность и сельское хозяйство тех же Средней Азии и Казахстана, проведена индустриализация Западной Украины, Белоруссии, Молдавии и других республик. Такая стратегия территориального развития получила название политики «развития национальных окраин». Однако ресурсов в стране для проведения такой масштабной стратегии оказалось явно недостаточно, и они изыскивались за счет «срединной территории» Советского Союза, которая располагалась в пространственном треугольнике Ленинград–Донбасс–Новосибирск, что постепенно привело к его ослаблению», – пишут российские авторы.

¹ Косов Ю.В., Торопыгин А.В. Содружество независимых государств: интеграция, парламентская дипломатия и конфликты. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 7.

Вот и сегодня «полицентричный» евразийский проект означает, что России в очередной раз придется нести на себе бремя экономической и, что неизбежно, военно-политической интеграции. Только экономическая интеграция, как уже говорилось, невозможна. На всем пространстве Евразии неизбежно будут развиваться процессы глобализации в информационной, технологической, социокультурной, политической и военной областях. Одновременно с процессами регионализации (как в Евросоюзе или ШОС). Вопрос в том, какой из этих процессов интеграции – глобальный или региональный – будет для стран-участников наиболее приоритетным.

Понятно, что американский проект евразийской интеграции будет исходить прежде всего из американско-европейской системы ценностей и приоритетов, что доказали события в Афганистане, Ираке, а также в арабских странах. Будущее этого проекта также понятно: контроль над Евразией будет способствовать противодействию Китаю, укреплению позиций США в Южной и Юго-Восточной, а также Центральной Азии.

Китайский проект пока еще только намечается, но уже сегодня ясно, что лидеров КНР:

- не устраивает ни американский, ни российские проекты;
- этот проект продвигается осторожно, но неуклонно и последовательно;
- он будет основываться на китайской системе ценностей и государственности.

Для России неприемлемы ни американский, ни китайский евразийские проекты. Но также неприемлем и наивно-эгоистичный «полицентричный» проект, который основывается по сути дела лишь на эгоизме национальных элит. Более того, «полицентричный» проект угрожает экономике России, так же как и в прошлом СССР. И не только экономике, но и государственному единству, «ядру» возможных интеграционных процессов. «... к началу 1990-х годов в СССР сложилась парадоксальная и опасная для многонациональной страны ситуация, когда многие периферийные республики по целому ряду важных показателей развития (уровень жизни, рождаемость, промышленное развитие, число лиц, имеющих высшее образование, и

т.д.) оказались в более выгодном положении, чем области, составлявшие геополитическое ядро страны. В связи с этим в Советском Союзе резко возросли центробежные тенденции, когда окраинные территории стремились освободиться от зависимости со стороны бедневшего на глазах центра»¹.

Сегодня для постсоветских элит важно определиться не только с национальной и евразийской самоидентификацией, но и вектором развития, без чего теряют всякий смысл стратегии социально-экономического, финансового и пр. развития постсоветских государств. Не трудно заметить, что все они так или иначе зависят от геополитического (цивилизационного) выбора – быть ли России лидером евразийской интеграции, либо, «как на Западе», «как на Востоке». Быть России и ее партнерам самостоятельной цивилизацией и, соответственно, союзом стран, обладающих не только суверенитетом над территорией и ресурсами, но и, главное, культурно-историческим суверенитетом, своей системой ценностей и общим наследием.

¹ Косов Ю.В., Торопыгин А.В. Содружество независимых государств: интеграция, парламентская дипломатия и конфликты. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 7.

Глава 11. Россия – уникальная цивилизация и геополитическая реальность

Нынешняя форма глобализированного капитализма разрушает социальную базу среднего класса, на котором держится либеральная демократия¹

Ф. Фукуяма

Нужно научиться «смотреть за горизонт», оценивать характер угроз на 30–50 лет вперед»²

В. Путин,
Президент России

Перспектива реализации евразийского проекта зависит от понимания правящей российской элитой и элитами евразийских государств исключительной роли России, способной стать альтернативным ядром американской и китайской моделям евразийской интеграции. Эта уникальность, в отличие от американской и китайской моделей, заключается в следующем:

– **Россия социокультурно** близка евроатлантическим и азиатским народам, сосуществуя с ними тысячелетия на одном континенте;

– **исторически** Россия всю новую и новейшую историю была связана как с Западной и Центральной Европой, так и Центральной Азией и Дальним Востоком;

– **географически** Россия расположена не просто на двух континентах (аналог существует только с Турцией), но и занимает большую часть всего евразийского континента, соприкасаясь непосредственно по своему периметру со всеми субрегионами – Западной, Центральной и Северной Европой, – с запада; составляя арктический «фасад» Евразии – на севере; граничит со странами Центральной Азии, а также Дальнего Востока.

– **экономически** Россия поддерживала многие столетия отношения со всеми странами Евразии. И сегодня ее главные торговые партнеры – Европа и Китай, – являющиеся также крупнейшими торговыми партнерами между собой;

– **с точки зрения транспорта** – Россия занимает исключительно удобное положение, когда по ее территории могут проходить самые

¹ Фукуяма Ф. Будущее истории // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 1. С. 9.

² Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 1.

короткие маршруты как с Запада на Восток (и обратно), так и с Севера на Юг, включая СМП и трансарктические перелеты, связывающие Евразию с Америкой. Эта мысль сегодня в той или иной форме витает в российских головах. А. Неклесса выразил, например, ее следующим образом: «На рубеже XX века у России вновь после эскиза Русской Америки образовался трансевразийский трамплин, имевший океаническую проекцию.

Хабаровск, Владивосток, Харбин, Порт-Артур, Дальний – это логистика и терминалы, ориентированные на морские коммуникации и озаряемые мыслью о второй – восточной – столице империи. А если взглянуть на ситуацию пристальнее, то виден и отблеск мечты о российском Царьграде, воздвигнутом на противоположном северо-западному граду святого Петра – юго-восточном полюсе страны, на берегу бухты Золотой Рог, возле пролива Восточный Босфор, на перекрестке миров и континентов. Возведенном, быть может, в историософском смятении, но с искрой «ретроспективной прозорливости»: мыслью о возможном удержании здесь российской цивилизации, ее обновлении и переустройстве в случае сокрушения по тем или иным причинам западной части Северной Ромеи»¹.

Важно подчеркнуть необходимость понимания российской правящей элитой того, что оценка будущих угроз, поиск механизмов их нейтрализации зависит от ее адекватного представления о будущем месте и роли России как евразийского центра в мире. Россия не может быть «просто» частью Европы, как считают либералы. Она всегда будет евразийской державой. Хотим мы того или нет, но здесь придется обратиться к геополитике, с помощью которой можно, хотя бы приблизительно, прогнозировать развитие мирового сообщества и собственно России в ближайшие десятилетия.

При этом важно подчеркнуть, что отсутствие интегрированной национальной стратегии евразийской интеграции в нормативных и концептуальных документах ведет к превращению процесса евразийской интеграции в частную федеральную концепцию, слабо связанную с неэкономическими приоритетами: «... концептуальная и практическая

¹ Неклесса А.И. Преодоление Евразии // Независимая газета. 2013. 20 марта. С. 5.

размытость курса на евразийскую интеграцию в условиях форсирования Россией сразу двух стратегий – на глобализацию (то же вступление в ВТО, кооптация в международные/западные финансово-экономические институты) и регионализацию (евразийская интеграция) – обуславливает кризис евразийской интеграционной идеи как таковой, закономерно отражается на слабости интеграционных структур, в том числе Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в целом является важным показателем того сложного периода, в который вступает современная Россия»¹.

Правящей российской элите придется признать:

– во-первых, уникальность российской цивилизации, невозможность ее интегрировать в некий либеральный проект;

– во-вторых, ее особую роль на евразийском континенте и ответственность за то, чтобы евразийский проект был реализован на базе российского, а неамериканского или китайского «ядра»;

– в-третьих, необходимость пересмотра всех нормативных, правовых и концептуальных документов в связи с активизацией евразийского проекта;

– наконец, в-четвертых, изменения всей социально-экономической стратегии страны в связи с формированием евразийской стратегии национального развития.

Пока же в этих целях мы обращаемся лишь к макроэкономическим прогнозам, которые, как уже не раз оказывались, малоэффективны, и в принципе не способны ответить на важные не только неэкономические, но даже и экономические вопросы.

¹ *Парамонов В.* Казахстанские эксперты: что не так с внешней политикой России? Советы Владимиру Путину / Эл. ресурс: «Центральная Евразия». 2012. 18 июля / URL: <http://www.ceasia.ru/>

а). Евразийская идея

Союзы в классическом смысле слова...
закключаются тогда, когда есть общий
враг. Россия и Китай ... заявили, что
отношения между ними не направлены
против третьих стран..., что в союзе, тем
более военном, нет необходимости¹

Ли Юньюань

Становится очевидным, что Россия
возвращается в Среднюю Азию – и
возвращается стремительно, с большими
проектами и недвусмысленными целями²

*А. Барбашин,
политолог*

Политический аспект евразийской идеи чрезвычайно важен, но, похоже, он не является главным. Более того, как показывает процесс евразийской экономической интеграции, он вызывает настороженность элит, даже отторжение. И не только в Китае или других странах АТР, но даже в Узбекистане, Казахстане, не говоря уже об Азербайджане. Думается, что главным, в этой связи становятся два направления, на которые пока что в России обращают мало внимания.

Это, во-первых, – культурно-идеологический аспект, связанный с созданием и внедрением общей для всех евразийских стран концепцией интеграции.

Во-вторых, – социально-гуманитарный, общественный аспект, связанный с созданием общественной и элитно-экспертной поддержкой идеи евразийской интеграции. Пока процесс находится в руках только правящих элит и делегированных ими бюрократов, он будет продвигаться крайне медленно и непоследовательно, заведомо отставая от центробежных сил: ослабление культурных, образовательных связей, «вымывание» русского языка и кириллицы, замещение традиционных ценностей, ценностями глобализации «неизбежно приведет к провалу идеи евразийской интеграции, ограничив ее в лучшем случае идеей создания общего экономического пространства.

И наоборот, евразийская идея может стать консолидирующей идеей не только для россиян (что в многонациональной России с ее проблемами уже не мало), но и для всего постсоветского пространства, более того, других стран Евразии, включая восточноевропейские и даже западно-европейские государства.

¹ *Скосырев В.* Москве и Пекину не нужен военный союз // Независимая газета. 2013. 6 июня. С. 7.

² *Барбашин А.* РФ и США делят Среднюю Азию // Независимая газета. 2012. 24 сентября. С. 9.

Пока же российская правящая элита оперирует критериями «качества жизни», подразумевая улучшение материального достатка. Что для граждан России мало.

Как показывает история последних десятилетий без сверхидеи, объединяющей нацию, ясной самоидентификации (которой могла бы стать евразийская интеграция), нация начинает деградировать, стремительно теряя свой национальный человеческий капитал (НЧК). Такая нация не может стать лидером, примером для других стран. Соответственно она же не может стать центром интеграции.

Даже позитивные изменения в экономике и качестве жизни не меняют этой закономерности, хотя власть продолжает апеллировать только к этой категории. Более того, улучшение материального благополучия иногда даже негативно сказывается на социальном ощущении и чувстве безопасности граждан. Это видно, например, из следующих соцопросов, которые иллюстрируют падение значения личных профессиональных качеств и творчества в социальной иерархии.

Оценки факторов обеспечения социального положения и престижа человека в обществе (в %)¹

Факторы	1987	2003	2006	2009	2011
Владение деньгами, материальными ценностями	35,8	45,6	50,7	51,5	53,6
Обладание властью или доступ к ней	–	38,1	35,4	36,3	37,3
Авторитет, определяемый служебным положением	–	21,2	21,0	25,9	33,0
Личные достижения в образовании, профессиональной подготовке и др.	29,0	23,2	20,9	25,2	22,6
Социальное положение семьи, родственные связи	24,4	23,6	25,0	24,5	22,1
Личные качества людей (привлекательность, ум, сила и др.)	58,5	16,0	18,2	22,0	21,5

Как видно, факторы материального обеспечения все больше усиливаются в ущерб факторам, определяющим качество человеческого потенциала и всей нации. Налицо деградация. С этим связано и социальное самочувствие граждан, из чего, собственно говоря, и формируется нация и ее потенциал. У такой нации нет сверхидеи, и, как следствие, стимулов для развития НЧК, который, в свою очередь, является главным потенциалом не только экономического, но и

¹ Бойков В. В массовом сознании присутствует постоянный стресс // Независимая газета. 2012. 3 июня. С. 13.

национального развития. Тем более, такая нация не способна предложить привлекательную идею, систему ценностей или эффективную модель политического и государственного устройства, а значит и не может стать лидером по отношению к другим нациям и государствам. Она может быть лишь в лучшем случае «ведомым», а в худшем – постепенно деградируя, превратиться в придаток других наций. Что и произошло во множестве случаев в Европе с западными славянами, онемеченными и окатоличенными. Что происходит с ними и сейчас в Моравии, Хорватии, Польше и на Украине.

Понятно, что ни о какой политической (военной) и иной интеграции в этом случае речи идти не может. Может создаваться лишь евразийская часть глобального экономического пространства, подконтрольного другой нации – лидеру.

Отсутствие такой национальной идеи ведет к неизбежной деградации нации. Применительно к России ситуация усугубляется тем, что ее национальные меньшинства не могут вписаться в российскую идентичность, создавая свои сообщества, в том числе и на коренных землях русских. Во многом это является причиной роста преступности в стране, которая, несмотря на все усилия, превратилась в эпидемию.

Динамика количества жертв преступлений, которыми были опрошенные или члены их семей в соответствующем году (в %)¹

Варианты ответов	1990	1994	1998	2000	2002	2006	2011
Были жертвами преступлений	7,2	16,0	19,3	23,2	25,3	22,6	22,5
Не были жертвами преступлений	91,5	83,0	80,5	76,5	71,1	77,4	77,4
Не ответили	1,3	1,0	0,2	0,3	3,6	–	0,1

Как видно из приведенных данных численность жертв преступников только за 20 лет выросла на 300%. Это означает, по сути дела, абсолютную криминализацию общества. Что, в принципе, не удивительно, ведь во главу системы национальных ценностей было поставлено материальное благополучие любой ценой. В том числе и за счет преступной деятельности.

¹ Бойков В. В массовом сознании присутствует постоянный стресс // Независимая газета. 2012. 3 июня. С. 13.

Другая сторона проблемы отсутствия общественной идеи – рост тревожности среди граждан, которая охватила абсолютное большинство населения. Как видно из данных соцопросов, за последние 20 лет эта тревога нарастала, охватив абсолютное большинство населения¹. Но другой стороной этого процесса является отсутствие перспективы, цели национального развития. Это – четкое ощущение от политики элиты, которая хаотично и бессистемно декларирует разные приоритеты.

Распространенность тревог по поводу неопределенности будущего (в %)²

Варианты ответа	1993 г.	1998 г.	2001 г.	2003 г.	2006 г.	2007 г.	2011 г.
Очень тревожит	32,3	77,1	57,6	54,2	45,6	32,2	39,9
Скорее тревожит	48,8	18,1	33,9	26,4	32,7	38,0	45,5
Мало или совсем не тревожит	15,0	2,6	5,1	10,8	14,1	24,2	11,0
Затруднились ответить	4,7	2,2	3,4	8,6	7,6	5,6	3,6

Сегодня консенсуса о «национальном предназначении» нет, преобладают разновекторные представления – от односторонней ориентации на НАТО, ОДКБ, Китай, либо даже «русскую державу»³. Но, примечательно, из года в год соцопросы подтверждают, что большинство граждан России видят ее как государство, которое развивается по самостоятельному вектору, не схожему ни с какой другой страной. Вот и опрос ВЦИОМа, проведенный в июне 2012 года, подтвердил в очередной раз этот тренд⁴. Как видно из данных ВЦИОМ, большинство российских граждан не верят в то, что Россия сможет стать «похожей» на какую-либо державу. И не случайно. Они чувствуют отчетливо внешнее, идеологическое влияние.

На процессы внутри России в 90-е годы не могло не сказаться влияние извне. Прежде всего тех либеральных ученых и политиков, которые выступали с идеями «размягчения суверенитета» или даже его ограничения.

¹ Бойков В. В массовом сознании присутствует постоянный стресс // Независимая газета. 2012. 3 июня. С. 13.

² Там же.

³ Коновалов С. Коллективная оборона прирастает Кавказом // Независимая газета. 2012. 16 мая. С. 1.

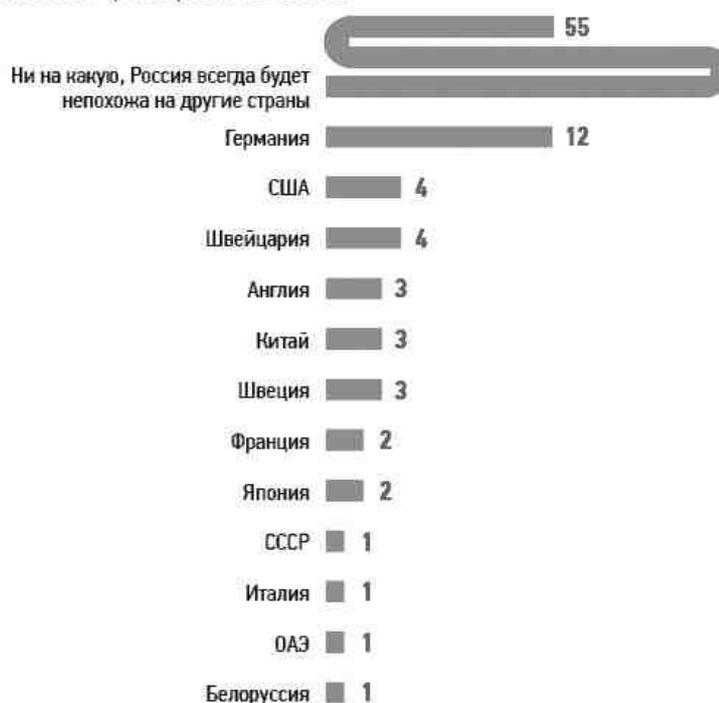
⁴ Сидибее П. Демократия нужна 3% россиян // Известия. 2012. 9 июня. С. 2.

Примечательно, что, во-первых, это оказалось долгосрочной, стратегической тенденцией в политике США, которой пытаются придать и универсальный» характер. Во-вторых, этот «универсализм» – выборочный. Он не относится, например, к самим США, Китаю, Индии, ряду других стран. Как пишет А. Богатуров, «сведенный вместе материал, относящийся к развитию стран Западной Европы, бывшего «социалистического лагеря» и «третьего мира», дал основания для радикального теоретического вывода: «размягчение» суверенитета – общемировой тренд. Работы, развивающие этот тезис, заполнили книжный рынок, продолжая выходить в США, странах Западной Европы и даже Австралии вплоть до второй афганской войны. Среди них были и книги серьезных международников – С. Краснера, Дж. Хобсона, С. Лоусон...

«Всемирная демократическая волна» начала 90-х годов поднималась параллельно с разработкой в Вашингтоне доктрины «расширения демократии» (1993), которая предусматривала активное участие США в политических процессах внутри бывших социалистических стран. В отсутствие «железного занавеса» те лишь приветствовали стремление западных стран включиться в управление преобразованиями, не протестуя и не считая происходившее вмешательством в свои внутренние дела. Возник феномен «размягчения суверенитета» на востоке Европы»¹.

¹ Богатуров А. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Январь–апрель. Т. 2. № 1 (4).

На какую страну/страны Вы хотели бы видеть похожей Россию? (открытый вопрос, не более трех вариантов ответов)

ИСТОЧНИК: ВЦИОМ

Отсутствие национальной идентификации и «идеи» ведет к неизбежному росту социальной напряженности, которую не удастся ликвидировать простым ростом доходов. Более того, сегодня многие политологи делают неутешительный вывод о том, что и власть, и оппозиция делают ставку не на национальный консенсус, а на конфронтацию. Как пишет, например, профессор Л. Васильев, «... нетерпимость и ненависть составляют основу стратегии и у власти, и у экстремальной оппозиции, и у разъяренной массы не слишком образованных недовольных. И этот объяснимый и далеко не случайный парадокс стоит принять во внимание, так как он объясняет суть стратегии, присущей этим социальным группам: она в ставке на конфронтацию и конфликт»¹.

Самоидентификация, которая до сих пор окончательно не произошла в России, сказывается непосредственно и на отношении по всем другим проблемам — от формирования внешнеполитической стратегии до, казалось бы, частного вопроса — отношению к валютному курсу, да и самой национальной валюте. Так, с одной стороны, весь мировой опыт

¹ Васильев Л.С. Не дойти до форс-мажора // Независимая газета. 2012. 27 июня. С. 5.

«свидетельствует, что необоснованная отмена валютных ограничений, тренд на выравнивание структуры внутренних цен с мировыми и искусственное завышение курса национальной валюты почти всегда и везде ведут не к повышению ее международного статуса и экономическому процветанию, а к долговому кризису и обвальной девальвации. Исключений не бывает. Аргентина в 2001 году, Россия в 1998-м и 2008-м, США в 2007-м и еврозона в 2012-м – все это кризисные следствия одной первопричины – необоснованного усиления национальных валют»¹.

Складывается парадоксальная ситуация, когда национальную финансовую политику определяет Центробанк России, который должен по Конституции следить за устойчивостью национальной валюты, но, в действительности, выступает простым регулятором, выбрасывая на валютный рынок значительные средства (валютные интервенции). При этом не всегда понятно, из каких соображений эти интервенции осуществляются.

Очевидная зависимость курса российского рубля от цены на энергоносители ведет к серьезным колебаниям национальной валюты, которая зависит от ЗВР, формируемых в основном из долларовых запасов. Тем самым Россия фактически инвестирует экономику США, что очевидно противоречит национальным интересам России.

Формирование национальной евразийской стратегии неизбежно столкнется в будущем с двумя проблемами, на которые будет нужно найти ответ. Во-первых, с проблемой единой валюты будущего Евразийского союза. Опыт российско-белорусских попыток решить эту проблему с 1993 года показывает, что придется столкнуться с серьезными трудностями, хотя выгоды для всех стран, вроде бы, очевидны.

Во-вторых, растущая экономика Китая и огромные ЗВР этой страны неизбежно приведут к тому, что китайская валюта станет резервной валютой. Возможно для Евразии, что, видимо, и является целью китайского руководства. Не исключается возможность того, что КНР

¹ *Беляков А., Туруев И. Критерий – конкурентоспособность // Независимая газета. 2012. 8 июня. С. 5.*

попытается вообще заменить в будущем американский доллар на юань, что неизбежно поставит вопрос о будущей валюте для Евразийского союза.

Сегодняшнее «исключение из правил – Китай, руководствующийся в курсовой политике исключительно рациональными соображениями»¹, может стать в будущем инструментом превращения Евразийского союза в «Китайский евразийский проект». Эту, хотя и долгосрочную перспективу, мы должны учитывать.

¹ *Беляков А., Туруев И. Критерий – конкурентоспособность // Независимая газета. 2012. 8 июня. С. 5.*

б). Евразийская идеология

Для США Средняя Азия не менее значима, и для достижения своих целей Вашингтон готов на риски¹

А. Барбашин

Отдельный вопрос – идеология Евразийского союза. Пока что на этот счет никто не высказывается, что объясняется сложностью этой проблемы. Но от него никуда не уйти. И прежде всего российской элите и элитам постсоветских государств.

Развал Российской империи и развал СССР начинался с **идеологического** развала. Соответственно и восстановление России (а не только Российской Федерации – РСФСР) надо начинать с общей идеи, идеологии, как **системы взглядов** российской элиты. При том понимании, что под этим термином имеется в виду не только собственно элита Российской Федерации, но и элиты Украины, Белоруссии, Казахстана и других бывших советских республик.

Надо также иметь в виду, что китайское руководство последовательно развивает и укрепляет свое культурное и идеологическое влияние, на которое активно работает не только экономическая и торговая, но и гуманитарная политика КНР.

Представляется неверным сводить евразийскую интеграцию и развитие России «на восток» исключительно к экономической выгоде, на чем акцентируют внимание партнеры России из постсоветских республик. Так, гендиректор Информационно-аналитического центра МГУ А. Власов справедливо убежден, что ТС, как и в целом евразийский проект, должен, помимо всего прочего, обладать еще и качеством притяжения для привлечения новых членов. Точно так, как Европейский Союз, который расширился за счет стран Восточной Европы. «Москве важно показать, что Таможенный союз – не только три страны и что чье-либо вступление в организацию делает этот проект привлекательным»².

¹ Барбашин А. РФ и США делят Среднюю Азию // Независимая газета. 2012. 24 сентября. С. 9.

² Панфилова В. Киргизию тянут в Таможенный союз // Независимая газета. 2012. 14 июня. С. 7.

Очень важно в этой связи адекватно оценить место России в мире, избрать ясную внешнеполитическую евразийскую стратегию, которая обеспечила бы стране максимально благоприятные условия для развития идей евразийства. В том числе и с точки зрения расходования национальных и общеевразийских ресурсов. Так, «Обращают на себя внимание предпринимаемые Вашингтоном и некоторыми его европейскими партнерами попытки привлечь Россию к усилиям Запада по сдерживанию Китая, а по сути – вбить клин в наши отношения с КНР. Это, в частности, проявилось в ходе разрабатываемой Вашингтоном совместно со своими союзниками по НАТО новой стратегической концепции альянса. Американские представители, включая госсекретаря Х. Клинтон, всячески пытаются заверить Россию, что НАТО не представляет какой-либо угрозы для нашей страны, поэтому России следует внимательнее отнестись к другим и «реальным угрозам» ее безопасности. Во время поездки в Россию в 2010 г. «группы мудрецов НАТО», участвующих в разработке указанной концепции, проявила особый интерес к тому, как «смотрит Россия на Китай и китайский вызов» и почему в новой российской военной доктрине отсутствует слово «Китай», а в качестве главной военной опасности указывается на действия НАТО»¹.

Евразийская стратегия России неизбежно должна будет вытекать из идеологии правящей элиты страны, которая должна будет ответить на многие вопросы, включая вопросы отношения к США и Китаю как странам, претендующим на контроль над евразийским континентом. Для России и ряда других государств это будет означать **идеологический и культурно-цивилизационный** выбор между американским либерализмом, китайским «социалистическим» конфуцианством и **собственной культурно-цивилизационной идентичностью**.

Примечательно в этой связи воспоминание легендарного чекиста – идеолога Ф. Бобкова. Цитируя газету «Московские новости» (№ 3 от 29 марта 1987 г.), он приводит основную мысль тех, кто планировал уничтожение великого государства: «Идеология – настоящий стержень

¹ *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. С. 19.

советской системы, не позволяющий стране отклоняться слишком далеко и надолго. Если не ставить под сомнение конечные цели и основополагающие принципы, долгосрочная стратегия становится predetermined, и руководителям остается только решать тактические проблемы»¹.

В настоящее время такой идеологический выбор во многом будет predetermined культурно-цивилизационной общностью евразийских государств. Элиты этих стран, как и элита России, за последние десятилетия пробовали ориентироваться на разные системы ценностей, но, можно предположить, что наиболее реалистичный выбор останется за общим культурно-историческим и духовным наследием Евразии. В этой связи необходимо понимать особое значение для активизации и даже самого существования процесса евразийской интеграции развития культурно-образовательных и информационных связей. В конечном счете от этого будет зависеть цивилизационный и идеологический выбор национальных элит и формирование политической идеологии евразийской интеграции. Это значение культуры (в широком смысле этого понятия) очевидно пока недооценивается политиками.

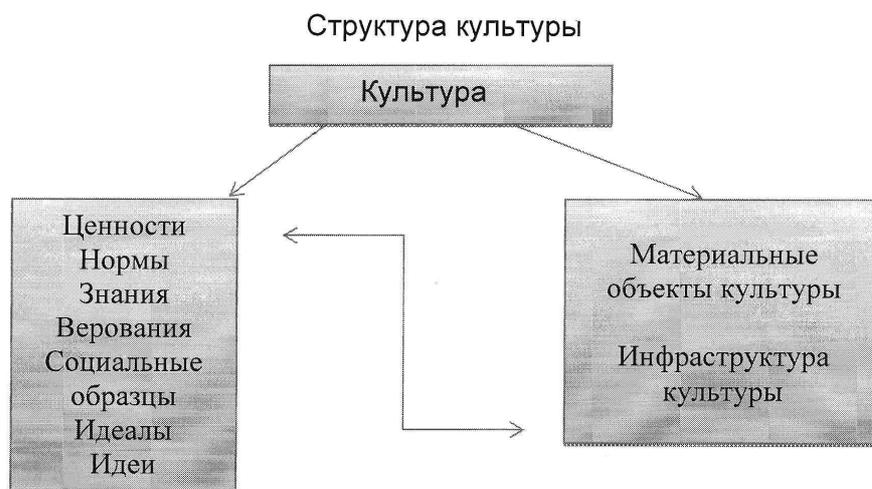
В этой связи важно остановиться подробнее на содержании современного понятия «культура», которое, например, описывается исследователями МГИМО(У) следующим образом²:

Наука выделяет две основные подсистемы культуры: нормативно-ценностную и материальную. К элементам нормативно-ценностной подсистемы относятся знания, идеалы, социальные образцы, ценности, идеи, нормы, верования. Объективированные формы элементов нормативно-ценностной подсистемы представлены в виде знаков, символов, мира образов, звуков, человеческого поведения. К элементам материально-денотативной системы относятся материальные объекты культуры и инфраструктура культуры. Данное разделение имеет, главным

¹ Бобков Ф.Д. Как готовили предателей: начальник политической контрразведки свидетельствует... М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. С. 192–193.

² Анализ политики Российской Федерации в области культуры в современных условиях и ее воздействия на социально-экономическое развитие государства. Отчет НИР / отв. руковод. работы проф. С.А. Кравченко. М.: МГИМО(У), 2012.

образом, теоретико-методологическое значение. В реальности наблюдается симбиоз этих двух подсистем культуры

В узком понимании «культура» есть сфера жизнедеятельности общества (наряду с экономической, политической, социальной и духовной сферами), включающая в себя специфические социальные связи и отношения, совокупность социальных институтов и видов внеэкономической деятельности (литературу, театр, музыку, музеи, живопись, библиотеки, кино, мораль и т.п.), а также инфраструктуру, непосредственно обеспечивающую производство, распространение и сохранение культурного достояния народа.

Эта сфера деятельности в нашей стране регулируется и финансируется, в основном, Министерством культуры РФ. Культура тесно связана с образованием, наукой, духовно-религиозными категориями. Сфера культуры в идеале должна обеспечивать повышение культурного уровня граждан, возможность их самореализации, а также удовлетворять рекреационные потребности людей.

Культура реализует функции, способствующие стабильному функционированию и устойчивому развитию общества. Функциями культуры являются упорядочение жизни множества людей, придание смысловой направленности социальным процессам, обеспечение преемственности поколений, а также интеграция и консолидация населения в единую социокультурную общность – народ. Культура является инструментом сохранения духовных и морально-нравственных традиций, формирует мировоззрение, мировосприятие и целеполагание

людей, воспроизводит социальное и патриотическое сознание граждан, их эстетические чувства, а также является регулятором установок на рождение и воспитание детей, на образование, труд и защиту Родины. Культура обладает мощным мобилизационным потенциалом. Вспомним роль культуры в годы Великой Отечественной войны и слова «нам песня строить и жить помогает».

Отметим, что для нормальной жизнедеятельности общества необходимо сохранение и воспроизводство культурных ценностей или культурного наследия – всего того, что передается следующему поколению и обладает устойчивостью во времени¹. Но культура – это не статичная структура, а изменяющаяся и развивающаяся система. По словам академика В. Степина, «для бытия культуры и общества одинаково важны оба противоположных процесса – традиция и инновация, воспроизводство и творчество, как важны наследственность и изменчивость для существования биологических организмов». Основными механизмами изменения и развития культуры являются инновации и творчество. Культурное развитие есть составляющая социального развития. Под «культурным развитием» нами понимается процесс трансформации элементов культуры, возникновение или исчезновение каких-либо культурных элементов или связей, в результате которых культурная система качественно изменяется. Таким образом, культура является диалектической системой, претерпевающая изменения и одновременно сохраняющая культурные элементы, прошедшие ценностный отбор в виде культурного наследия.

На культурное развитие современного общества и сохранение его культурного наследия влияют различные «внутренние» и «внешние» факторы. Внутренние факторы влияния являются производными от состояния самого общества (страны и ее населения): экономическое развитие, политическая ситуация, деятельность институциональных структур по сохранению и развитию культуры, отношение общества к своей культуре и сохранению ее культурного наследия и т.д. К внешней группе факторов относятся объективные «внешние» социальные процессы: растущая открытость общества, культурная и информационная

¹ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. С. 45.

глобализация, рост скорости социальных изменений, ускоряющееся старение знаний и др.

Факторы развития культуры

По своему воздействию на культуру факторы классифицируются на функциональные, т.е. способствующие культурному развитию и сохранению культурного наследия, и дисфункциональные, обуславливающие стагнацию культурного развития.

Уровень развития культуры определяется системой объективных статистических и субъективно-оценочных показателей, среди которых:

- признанный вклад культуры страны в мировое культурное наследие, экспертные оценки развития культуры,
- степень сохранения культурой национальных особенностей общества, характер влияния культуры на общество,
- состояние и динамика развития инфраструктуры культуры,

– оценка населением развития культуры страны и отношение к своей культуре,

– доступность культуры широким массам населения,

– участие широких слоев населения в культурной жизни страны и др.

Те, кто уничтожал великое государство, – СССР как геополитическую реальность – прекрасно понимали роль культуры и идеологии, их стратегический характер. Они же потом, вплоть до настоящего времени, отрицают роль культуры и необходимость такой идеологии, объединяющей идеи для России и постсоветских государств. Вплоть до настоящего времени.

Отказ от национальной идеологии в дальнейшем неизбежно приведет к кризису власти в России, которая сегодня держится на авторитете В. Путина. По оценкам О. Крыштановской, только 3% выступавших на акциях протеста выступали против В. Путина, а остальные – против власти¹. Если учесть, что число противников власти растет, то перемена в отношении к В. Путину, его полная ассоциация с властью может привести к тому, что политико-идеологическая антипутинская стратегия появится у широкой оппозиции, которая неизбежно приведет к ее политической реализации. Пока у власти и у оппозиции нет противостоящих идеологий, такое системное столкновение не может быть масштабным. Но что случится, если антипутинская идеология появится, а путинская нет?

То же самое справедливо и для интеграции Евразии: отсутствие евразийской идеологии и недооценка социокультурной базы интеграции неизбежно приведет к **появлению** антироссийской и в конечном счете антиевразийской идеологии, зачатки которой уже формируются на базе либерализма нынешнего евразийского гегемона США и вероятного будущего – Китая.

Евразия не останется без лидера – гегемона, который должен стать сначала идеологическим и культурным лидером на континенте. Только экономического и военного превосходства недостаточно. Это, кстати, хорошо понимают и в США, и в Китае, где продвижение гуманитарных

¹ Самарина А. Кремль на распутье // Независимая газета. 2012. 20 июня. С. 1.

программ и системы ценностей стало уже давно государственной политикой.

И начинать в России следует именно с широкой дискуссии о евразийской идее и евразийской идеологии как **прикладной стратегии** развития России и других евразийских государств, как системы взглядов - философских, политических, экономических, военных **на общее будущее**.

В основе идеологии евразийского развития России должна лежать некая общая геополитическая идея, ясно иллюстрирующая место России в мире и перспективу национального развития. Сегодня нет недостатка в таких геополитических моделях, по-разному рисующих будущие модели мирового устройства.

Развитие современных представлений о геополитике как науки связано с американским геополитиком С. Коэном¹. С. Коэн ввел в геополитику новые, более сложные геополитические структуры мира и представления о многополюсности мира и динамике иерархии центров политической силы.

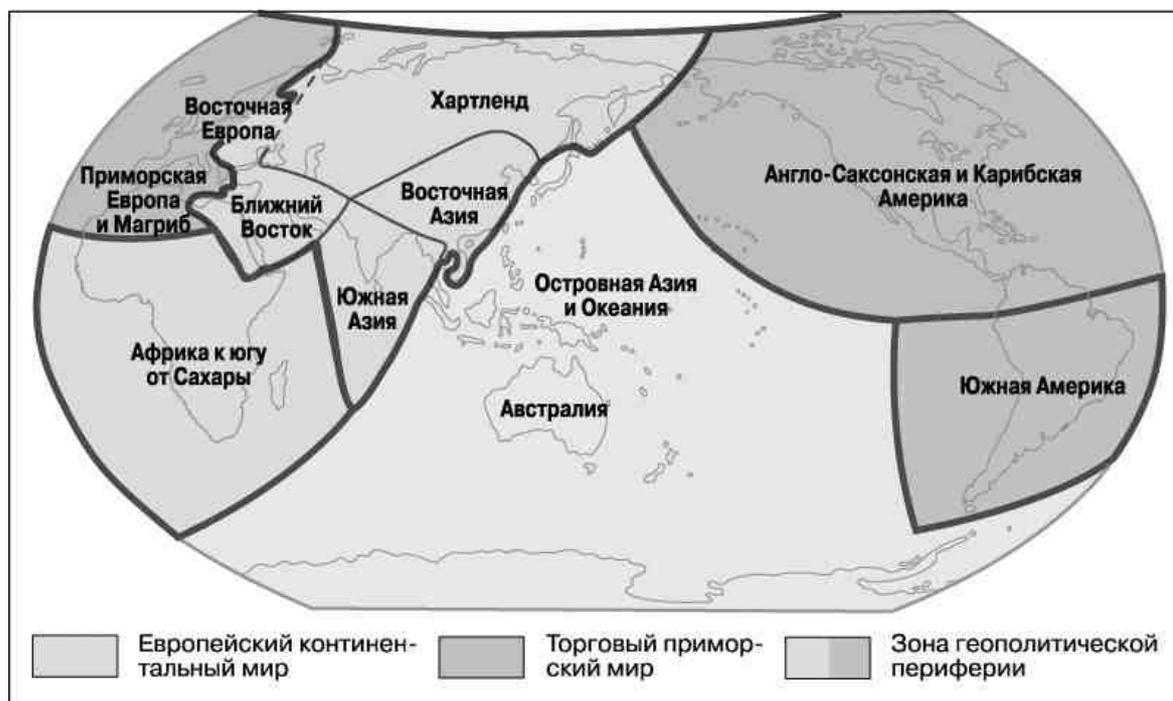
Было выделено три уровня геополитической организации мира:

– геостратегическая область (в мире, по его мнению, их две – Торговый приморский и Евразийский континентальный мир);

– геополитический регион (их пять в Торговой приморской области – Приморская Европа и Магриб, Африка к югу от Сахары, Северная Америка и Карибский бассейн, Южная Америка, Островная Азия и Океания и два в Евразийском континентальном мире – Хартленд и Восточная Европа, Восточная Азия);

– нация-государство.

¹ Коэн С. Его основные работы: «География и политика в разделенном мире» (1963 г.), «Новая карта глобального политического равновесия» (1982 г.), «Глобальные геополитические изменения в эру после «холодной войны» (1991 г.).

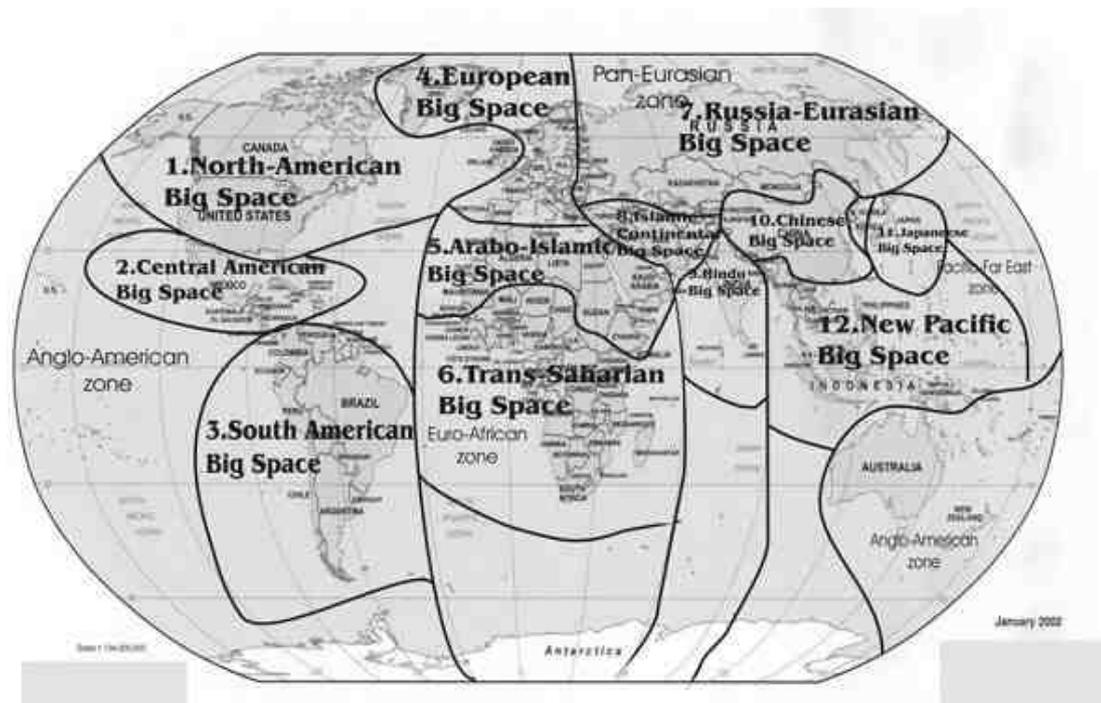
В модель С. Коэна входит и так называемая мировая «периферийная зона», включающая Африку и Латинскую Америку. Ближний Восток, Африка к югу от Сахары и Юго-Восточная Азия входят в «зоны разлома» – конфликтные районы геополитической нестабильности, где противостоят друг другу представители разных геостратегических областей, что выражается в острых межгосударственных и этнических конфликтах.

Кроме того, в качестве «транзитных государств» («государств-ворот») выступают территории, через которые осуществляется взаимодействие государств, относящихся к разным геостратегическим областям и регионам. Примеры транзитных государств: страны Балтии, Словения, Эритрея, Каталония, Страна Басков, Пенджаб, Квебек и др.»¹

Применительно к России также используются различные модели, среди которых наиболее популярными в последнее время стали «евразийские модели» А. Дугина. Так, одна из карт представляет собой рисунок многополярного мира, где за Россией «закреплена» пан-евразийская зона².

¹ Какие принципы лежат в основе геополитических моделей / URL: <http://edu.kubannet.ru/dlrstore/>

² Материал информационно-аналитического портала «Евразия» / URL: <http://www.evrazia.info/modules.php?name=News&file=print&sid=1885>

2-d map of multipolar world. Four zones - big spaces.

- 1. North American big space
- 2. Central American big space
- 3. South American big space
- 4. European big space
- 5. Arabo-Islamic big space
- 6. Trans-Saharan big space
- 7. Russian-Eurasian big space
- 8. Islamic continental big space
- 9. Hindu big space
- 10. Chinese big space
- 11. Japanese big space
- 12. New Pacific big space

Можно по-разному относиться к таким рисункам и схемам, но ясно, что так или иначе будущее мироустройство с геополитической точки зрения может быть изображено на карте. Пусть неточно, с серьезными искажениями, но такие рисунки могут многое иллюстрировать. Так, например, некоторые видят будущее Китая следующим образом¹.

¹ URL:<http://www.mesoeurasia.org/wp-content/uploads/2012/07/Великий-Китай1.jpg>

На наш взгляд, пытаясь изобразить будущую Россию, можно представить себе карту Евразии – от Лиссабона до Владивостока, куда, вероятно, можно включить и Центральную и Южную Азию (исключая Китай). КНР – как самостоятельная цивилизация – всегда будет оставаться центром силы, к которому будут тяготеть страны Юго-Восточной Азии и, вероятно, другие приграничные государства.

Вопрос с Индией остается открытым. С одной стороны, огромные демографические и культурно-исторические ресурсы этой страны позволяют ей с полным основанием претендовать на роль самостоятельного центра силы. Но, с другой, – Индия объективно будет противостоять мусульманскому и китайскому мирам, с которыми она вряд ли когда-то сможет интегрироваться.

Таким образом, геополитические процессы должны быть объектом не только прогнозирования, но и мониторинга.

в). Неизбежность борьбы евразийских идеологических моделей

Складывается впечатление, что внешне-политическая стратегия России в последнее время распадается на два направления. Одно из них представлено парламентариями, которые выглядят людьми свободными, раскованными, не стесняющимися в выражениях, но политически нестрашными. В этом плане российский парламент все меньше отличается от Конгресса США. В то же время руководство страны все чаще демонстрирует сдержанность и готовность к диалогу¹

*А. Самарина,
обозреватель «НГ»*

Россия располагает конкурентными преимуществами в фундаментальной науке и в образовании²

Д. Медведев

Из неизбежности цивилизационных противоречий в Евразии, их возможной трансформации в межгосударственные конфликты и обостряющейся конкуренции за роль лидера, следует как неизбежность роста идеологических противоречий и систем ценностей, так и противоречий внутри собственно евразийской идеологии и политики.

В этих геополитических построениях особая роль, как уже говорилось, принадлежит США и Китаю. Причем, если у Китая есть не только идеология и долгосрочная евразийская стратегия, удачно вписанная в национальную стратегию развития, то у США есть только идеология, которую (отнюдь не случайно) они не могут трансформировать в привлекательную евразийскую стратегию. Как замечает исследователь МГИМО(У) И. Кузнецов, «Администрация президента Б. Обамы оказалась не в состоянии предложить проект экономического развития, приемлемого для большинства стран региона, а также концепцию региональной безопасности. Соответственно, не определен также и объем возможных обязательств и гарантий США как регионального лидера в сфере безопасности в отношении стран, не участвующих в военных союзах. Эти просчеты и проблемы в региональной стратегии США вызывают серьезные сомнения относительно ее достоверности и ресурсной обеспеченности, а, следовательно, и реализуемости, не только у политически

¹ Самарина А. Разные тактики российской внешнеполитической стратегии // Независимая газета. 2013. 25 февраля. С. 3.

² Топорков С. Позиция мягкой силы // Российская газета. 2012. 4 сентября. С. 3.

неангажированных стран АТР, но и у союзников и стратегических партнеров США. В этом смысле действующий вариант региональной стратегии США можно считать декларативным.

В американском экспертно-аналитическом сообществе существуют как позитивные, так и критические оценки «качества» директивных установок действующей администрации. К позитивным аспектам стратегии обычно относят проницательность администрации, которая «впервые» усмотрела жизненно важные интересы США в АТР, в связи с чем США намерены играть более значительную роль в формировании будущего региона».

Критически настроенные аналитики, вполне обоснованно, полагают, что единственными инновациями «новой» стратегии Белого дома являются положения относительно расширенного участия США в многосторонних региональных институтах АТР и «видение региональной географии как включающей Индийский океан» и, соответственно, Индию как перспективного стратегического партнера¹.

США сегодня фактически являются не только глобальным лидером. Это лидерство во многом предопределено их лидерством на всем евразийском континенте, что объясняет, например, не только политику расширения НАТО на восток, но и активные усилия последних 20 лет в Центральной Азии и усиление активности в Юго-Восточной Азии.

Существует определенная и усиливающаяся тенденция в политике КНР, которую можно было бы назвать стремлением создать «Большую китайскую Евразию». Нынешнюю позицию КНР описал эксперт МГИМО(У) А. Казанцев: «КНР в настоящее время усиливает политику, направленную на формирование зоны свободной торговли (ЗСТ) в рамках ШОС. Однако для России приоритетом должна быть реинтеграция экономик бывших советских республик. Интеграция в рамках ШОС же должна идти намного более медленными темпами в рамках общей политики России по постепенной и частичной переориентации экономики от исключительно европейского направления к связям с регионом АТР как новым глобальным центром экономического роста.

¹ Кузнецов И.И. Основные направления развития политики США в АТР на современном этапе / Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У). 2013. Февраль. С. 9.

Пока Китай, понимая, что Россия отстает от него в экономическом освоении Средней Азии, политически продолжает признавать за ней неофициальное военно-стратегическое лидерство в регионе. Таким образом, он еще и экономит собственные ресурсы. Как долго это будет продолжаться? Не исключено, что российский евразийский проект, если он пойдет успешно, активизирует КНР на среднеазиатском направлении. Важно отметить в этом плане изменившиеся за последнее десятилетие настроения симпатий среднеазиатских элит. Последние дружно пытаются понравиться Китаю, особенно, когда речь идет о новых китайских вливаниях. В настоящее время китайский компонент в Средней Азии, учитывая растущие возможности КНР, рассматривается правящими элитами как один из ключевых в плане получения внешних инвестиций, кредитов, строительства инфраструктуры, развития торговли, реализации энергетических проектов. Важно отметить, что **региональные элиты будут готовы делать это даже в ущерб экономическим и политическим интересам России, если сам Пекин такого обострения противоречий захочет.** Важный момент - наличие двух региональных проектов, в которых Россия играет ключевую роль, а Китай в них не участвует: ЕврАзЭС и ОДКБ. Формально представители трех организаций (ШОС, ЕврАзЭС, ОДКБ) говорят о необходимости взаимодействия. Однако в реальности оно очень невелико. Китайские представители не раз высказывались и продолжают высказываться в пользу возможности в будущем, через реализацию китайской ЗСТ, **интеграции двух проектов ЕврАзЭС + ШОС. Это неизбежно приведет к созданию “Большой китайской Евразии”**, резкому уменьшению роли России на данном пространстве, угрозе национальных приоритетов России и стран Средней Азии. Теоретически, с учетом соотношения темпов усиления КНР, все это в перспективе нескольких десятилетий может привести к упразднению СНГ и замене его на некую “китайскую Евразию”, хотя, разумеется, пока о таких перспективах не готовы думать даже в Пекине (прежде всего, в силу того, что среднеазиатское направление для Китая не столь уж и важно).

Пока курс на расширение своего влияния в регионе Китай строит очень осмотрительно. Дипломатия КНР стремится тщательно избежать конкуренции с Россией, которую она рассматривает не как соперника, а больше как партнера в деле предупреждения усиления позиций Запада. “Большой” российско-китайский Договор о стратегическом партнерстве

2001 г. косвенно распространяется и на Среднюю Азию. Китай позиционирует себя в Средней Азии пока как государство, которое признает российские приоритеты в данном регионе, не пытается подменить или выдать РФ. Однако (де-факто) экономически КНР (по объемам инвестиций, числу реализованных инфраструктурных и энергетических проектов за последние 15 лет) серьезно обошла Россию и даже серьезно “ужимает” остающиеся в регионе российские экономические интересы.

Нарастает определенное российско-китайское энергетическое соперничество, особенно после открытия китайского трансазиатского газопровода “Туркменистан–Узбекистан–Казахстан–Китай” в конце 2009 г. Объективно, с точки зрения нефтегазовой политики Россия и Китай – конкуренты. Именно Китай разрушил российскую монополию на контроль за транспортировкой среднеазиатских нефти и газа. Более того, КНР использует среднеазиатские ресурсы для ценового давления на Россию. Например, Китай, закупая газ у Туркмении, оказывает давление на “Газпром” в его намерениях поставлять газ в Китай по максимально возможной цене. А среднеазиатские государства, например, Туркменистан, пользуясь наличием альтернативы, не идут больше на ценовые уступки.

В итоге, ШОС – средство сохранить уровень противостояния на “мягком уровне” и не допустить перехода в режим “жесткой конкуренции”. Последнее означало бы, что экономические противоречия переросли в **политическое противостояние, а этого допустить не готовы ни Москва, ни Пекин**. Правда, нельзя не отметить, что в рамках российско-китайского партнерства в настоящее время сложилось не совсем оптимальное разделение труда с точки зрения интересов нашего государства. **Москва несет основные издержки по обеспечению безопасности той же Средней Азии в рамках ОДКБ и по противостоянию с Западом за стратегическое влияние. Пекин же, пожиная плоды этой политики России, получает все больше экономических выгод от региона**. В будущем в рамках российско-китайского сотрудничества в ШОС следует поставить вопрос о том, чтобы КНР все больше вкладывал ресурсы в поддержание стабильности в

Средней Азии и Афганистане, так как именно Китай получает от региона основную экономическую выгоду»¹.

¹ *Казанцев А.* Москва несет основные издержки в Средней Азии, Пекин – получает основные выгоды. Эл. ресурс: URL:<http://www.mgimo.ru/>

Глава 12. Необходимость масштабной идеи для консолидации российской элиты: преодоление силы «евразийской центрифуги»

... православная цивилизация»
имеет значительные отличия
от «западноевропейской...»¹

С. Хантингтон

... идеологическая интеграция России
и ЕС видится нам вполне вероятной...²

*О. Барбанов,
профессор МГИМО(У)*

Политико-идеологический выбор представляется сегодня многим достаточно абстрактным, хотя в действительности этот выбор абсолютно политически конкретен и носит сугубо прикладной экономический характер. Либеральный идеологический выбор 90-х и нулевых привел к политике безумной приватизации и деиндустриализации, которая, в свою очередь, привела к сырьевой экономике и отставанию в развитии НЧК. И сегодня (при том, что все противоборствующие стороны избегают слово «идеология») основная борьба внутри элиты развернулась именно вокруг идеологического выбора, который в конечном счете будет определять выбор политический и экономическую стратегию страны. Этот идеологический выбор придется делать между:

- суверенитетом и «правилами» глобализации;
- национальной идентичностью и отказом от неё;
- национальными и «общемировыми» (европейскими и т.д.) ценностями;
- госрегулированием и «всесильной рукой рынка»;
- собственными технологиями и внешними заимствованиями;
- опережающим ростом НЧК и его деградацией;
- демографическим ростом и депопуляцией;
- приоритетами развития восточных регионов и «универсализацией» правил для всех регионов;
- между евразийской интеграцией и «европеизацией» и т.д.

К сожалению, этот выбор еще не сделан до конца, что отражается на всех его идеологических составляющих и последствиях, но прежде всего

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизации. М. 2005. С. 251.

² Барбанов О.Н. Перспективы формирования общего идеологического пространства России и Европейского Союза. М.: МГИМО(У), 2010. С. 11.

тех, которые определяют темпы развития НЧК. Во всяком случае в 2013–2015 годах ожидается откровенное игнорирование потребностей отечественной науки, образования и культуры. Естественным результатом этого во втором десятилетии XXI века стало то, что зарплаты ученых и разработчиков в Китае значительно выше, чем у их российских коллег по отношению к средним показателям каждой страны. Ученый в Китае получает в 2,5 раза больше среднего, тогда как российский ученый – лишь в 1,5 раза больше. Самые высокие заработки в РФ у газовиков, нефтяников и нефтехимиков. А в КНР верхние строчки зарплатных рейтингов занимают технари, программисты и исследователи. Такая разница показывает не только сырьевую ориентацию российской экономики и инновационную направленность китайской¹, но и идеологическую ориентацию, осознанную финансово-экономическую политику российской элиты.

Так, говоря о «европейском выборе» России, либералы подразумевают западноевропейскую систему ценностей, которая пока что достаточно эфемерна (хотя этот процесс в Европе и является наиболее приоритетным и всячески сознательно стимулируется в ЕС). Этот выбор будет тем осознаннее и успешнее, чем он будет больше конкретизирован. Сказанное означает, что «евразийский выбор» России должен быть оформлен в идеологическую систему взглядов и максимально конкретизирован. В частности, например, с точки зрения его пространственного, геополитического охвата. Так, если «европейский выбор» сегодня означает ориентацию на Евросоюз, то «евразийский выбор» отнюдь не исключает Европы, но этот выбор – синтез ценностей и интересов Европы и Азии, а не копирование чужой системы ценностей.

В 2011–2013 годах в российской элите произошло также «расширение горизонтов стратегического видения»², связанное с целым рядом причин объективного и субъективного порядка. И немалую роль в этом имело «пространственно-историческое» восприятие роли России и Евразии, которую В. Тимаков характеризовал как противодействие «евразийской центрифуге». Это – исключительно славянско-русский

¹ Башкатова А. Китайские зарплаты оказались инновационнее // Независимая газета. 2013. 20 мая. С. 1.

² Тавровский Ю.В. Разворот на Восток // Независимая газета. 2012. 6 июня. С. 5.

феномен миграции на северо-восток и восток в течение тысячелетий предков нынешних русских – восточных славян. Русские оказались единственным народом Евразии, – пишет В. Тимаков, – освоившим континентальную сердцевину, Хартленд, и создавшим великую державу в зоне с преобладанием отрицательных температур. Один этот факт позволяет говорить об уникальном историческом опыте нашего народа, преодолевшего силу «евразийской центрифуги». Причины этого феномена требуют отдельного глубокого исследования. Но они, скорее всего, носят нематериальный характер, так как «Движение встреч солнцу» совершалось вопреки материальным (экономическим и географическим) факторам¹.

Действительно, вопреки всем волнам кочевников, мигрировавших на запад, к «теплому морю», русские шли на север, восток и юго-восток, проводя не колонизаторскую, а цивилизационную политику, заселяя огромные пустынные территории. И это движение продолжалось несколько столетий, то ускоряясь, то замедляясь по воле правителей, но никогда не останавливалось.

Россия никогда не переставала быть частью Европы, представляя собой ее восточную ветвь, ареал обитания которой в Центральной и Юго-Западной Европе неуклонно сокращался. Последние славянско-православные очаги стали усиленно уничтожаться еще в XVIII–XX веках, оставляя слабые следы в памятниках архитектуры и топонимике Германии, Богемии, Польше.

Думается, что столкновение цивилизаций, прежде всего европейской, исламской, китайской в XXI веке уже неизбежно. Это столкновение уже привело не только к исламизации Европы, но и росту внутренних конфликтов, которые всячески стараются замалчивать, прикрываясь идеями «толерантности». И России не удастся избежать участия в этом столкновении в будущем хотя бы потому, что уже сегодня она в полной мере ощущает давление как протестанско-католического, так и исламского факторов. Как это и было на всем протяжении ее истории, начиная с X века.

¹ Тимаков В. Парадигма русской истории: особый путь, или движение встреч солнцу. 26 ноября 2011 г. URL: / <http://win.ru/istoricheskie-diskussii/1322259293>

Сохранение в этих условиях национальной идентичности означает сохранение нации, ее способности защищать национальные интересы и интересы государства. Это – великая миссия, которая уже не раз выпадала русскому народу. И каждый раз он решал ее продвигаясь на северо-восток и восток. Так было, когда под давлением Запада и Востока жители Киевской Руси мигрировали в Северо-Восточную часть Руси. Так было в XXI веке и потом – в XVI–XVIII веках, когда они дошли до Тихого океана и берегов Северной Америки.

Думается, что и в XXI веке наша нация должна повторить этот путь, понимая, что не только мировой экономический и торговый центр смещается на восток, но и наши интересы находятся прежде всего на востоке. И не потому, что нас разочаровала эгоистическая Европа, а потому, что объективно любая нация привязана к своей культуре, истории и территории. И первое, и второе и третье, как минимум, поровну в России делится между Западом и Востоком.

а). Евразийская идея против либеральной идеологии и «европейского выбора»

... главный ресурс мощи России, ее будущее
– в нашей исторической памяти¹

*В. Путин,
Президент России*

«Евразийский выбор» России и есть та масштабная идея, которая может быть положена в основу национальной стратегии опережающего развития. Она предполагает синтез европейских и азиатских систем ценностей и интересов, который существовал в России на протяжении многих веков. Еще до принятия христианства на Руси народы, населявшие современную европейскую часть России, принадлежали, безусловно, к европейским народам, их восточно-славянской ветви, но в силу целого ряда обстоятельств имели очень специфические условия своего развития на огромном пространстве от южных степей до Белого моря.

Позже, с принятием православия и усилением взаимоотношений со Степью, Россия интегрировала в свою экономическую, политическую и культурную жизнь как европейские, так и азиатские ценности, сохраняя при этом всю уникальность своего развития.

По мере продвижения на Запад (возвращения земель в XIV–XVIII веках) и на Восток (колонизируя огромные пространства Сибири, Кавказа и Центральной Азии) эта специфика не исчезала, а, наоборот, развивалась, превратив Россию в уникальную европейскую цивилизацию «с азиатской спецификой».

Все эти столетия Россия испытывала давление как со стороны католического и протестанского Запада, так и Востока. На протяжении многих периодов, как, например, в XIV–XVIII веках, ее приходилось, по оценке В. Ключевского, вести в среднем ежегодно переживать дважды набеги с юга и юга-востока и один раз в два года – с запада. И России удалось выдержать этот натиск и даже расширить свое влияние благодаря во многом умению совмещать свои нормы, правила, обычаи и систему

¹ Цит. по: *Латухина К.* По следам войны // *Российская газета.* 2013. 15 марта. С. 2.

ценностей с европейскими и азиатскими. Только военными успехами объяснить этот феномен невозможно.

Вместе с тем в отдельные временные промежутки западное или восточное влияние оказывались то слабее, то сильнее. Именно это происходило, например, в эпоху Петра I или Александра I. Это же произошло и в конце XX века, когда «европейский выбор» либералов на время перевесил все рациональные соображения.

Вместе с тем на практике евразийские интеграция представлялась в более узком – социально-экономическом – контексте. Что видно, например, из Стратегии экономического развития СНГ до 2020 года, которая отражала логику российской Стратегии–2020 «образца 2008 года». В частности, основными целями определялись следующие «общие цели» и «главные задачи» СНГ¹:

- эффективное использование географического и природного, экономического и транзитного потенциалов на благо интересов своих граждан;

- развитие институтов взаимного экономического сотрудничества для получения наибольшего эффекта от совпадения национальных экономических интересов;

- повышение глобальной конкурентоспособности национальной экономики;

- диверсификация структуры экспорта с увеличением доли продукции высоких технологий, высокой степени переработки и добавленной стоимости;

- развитие финансовых институтов и повышение инвестиционной привлекательности;

- взаимодействие в социальной сфере, создание условий для интеграции систем образования государств – участников СНГ, их согласованное развитие и сотрудничество.

Приоритетные направления развития взаимодействия:

¹ Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года. Утверждена решением Совета глав правительств СНГ от 14 ноября 2008 г.

– завершение формирования и функционирование **зоны свободной торговли в рамках СНГ в соответствии** с нормами и правилами Всемирной торговой организации (ВТО);

– создание предпосылок для формирования **общего экономического пространства**;

– развитие **общих рынков** отдельных видов продукции, в первую очередь сельскохозяйственной;

– взаимодействие **в области транспорта, в том числе** формирование сети **международных** транспортных коридоров;

– углубление сотрудничества **в области энергетики** в целях повышения надежности энергоснабжения и оптимизации использования топливно-энергетических ресурсов;

– формирование на основе национальных инновационных систем **межгосударственного инновационного пространства**, способствующего продвижению научно-технических разработок и изобретений;

– создание **эффективных** платежно-расчетных механизмов и более широкое использование фондового рынка для взаимного перетока капиталов;

– развитие частного сектора, основанного на расширении экономических свобод, укрепление прав собственности и законности, развитие государственно-частного партнерства.

«В русских летописях XVI–XVII веков эпопея заселения Сибири называется «Движением встреч солнцу». Действительно, за несколько десятилетий наши предки совершили стремительный бросок в восточном направлении, навстречу восходящему светилу, подарив России целый субконтинент. В истории Евразии это единственный пример массовой миграции в глубину Хартленда, удалённого от тёплых морей холодного сухопутного пространства, расположенного в самом центре материка. До сих пор на протяжении тысячелетий господствовала иная тенденция: народы Хартленда стремились переселиться из центра Евразии на тёплую приморскую периферию, что позволило мне в предыдущей статье назвать этот неизменный миграционный механизм «евразийской центрифугой».

В Восточной Европе описанная ранее центробежная сила, вызванная климатическими предпочтениями, заставляла все народы двигаться вслед за солнцем, то есть переселяться с востока на запад. (Если быть более точным, с северо-востока на юго-запад.) Русские оказались первыми, кто нарушил устойчивую геополитическую закономерность. Отчего это произошло? В чём загадка нашей истории?

Русское движение «встречь солнцу», по «встречной полосе» генеральной миграционной трассы, уходит корнями в глубокую, плохо документированную древность, в первые века Христовой эры. Хотя «Повесть временных лет» Нестора Летописца нельзя считать строго достоверным источником, она всё же опирается на смутные образы, сохранявшиеся в исторической памяти народа. Показательно, что прародину восточных славян Нестор помещает к юго-западу от Киевской Руси, на Дунае, а оттуда уже «разошлись славяне по земле... и пришли и сели по Днепру»...

Интересно отметить то, что началось это могучее движение в эпоху Великого Переселения народов. В то самое время, когда вся Восточная Европа валом валила на юго-запад, когда гунны и готы, авары и гепиды, болгары и хорутане спешили приобщиться к благам одряхлевшего Рима, наши пращуры предпочли лесные дебри в верховьях Днепра и Волги. Это был, по сути, исторический момент размежевания славянских судеб. Те протославяне, что направились на юг, стали впоследствии хорватами, сербами и болгарами. Те, что предпочли северо-восток, стали русскими. Тех, кто устремился в цветущий виноградно-оливковый край, судьба обрекла на историческое прозябание. Тех, кто предпочёл царство трескучих морозов, ожидало могучее историческое цветение...»¹.

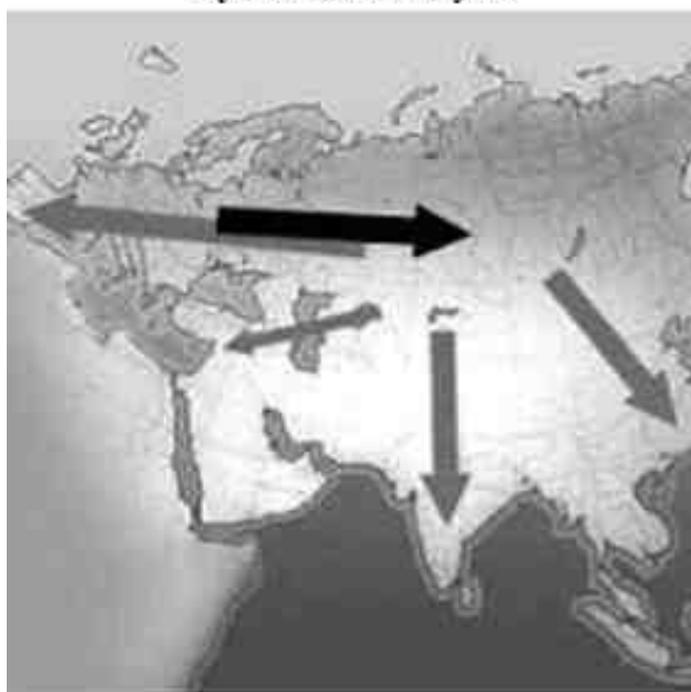
На карте, приложенной к данной статье, нанесён генеральный вектор русской экспансии за минувшие две тысячи лет: от украинско-польского пограничья в глубину Сибири. Это упрямое неуклонное движение прямо противоположно направлению Великого миграционного тракта, протянувшегося из холодных континентальных глубин к тёплой приморской периферии Евразии. Опираясь на исторические факты,

¹ *Тимаков В.* Парадигма русской истории: особый путь, или движение встречь солнцу. 26 ноября 2011 г. URL: <http://win.ru/istoricheskie-diskussii/1322259293>

можно без обиняков утверждать, что русские выбрали особый путь, – в буквальном, физическом смысле этого слова.

Кроме того, весьма вероятно, что именно русское «движение по встречной» заперло Великий миграционный тракт и остановило тысячелетний поток кочевников в Европу. Русские оказались единственным народом Евразии, освоившим континентальную сердцевину, Хартленд и создавшим великую державу в зоне с преобладанием отрицательных температур. Один этот факт позволяет говорить об уникальном историческом опыте нашего народа, преодолевшего силу «евразийской центрифуги». Причины этого феномена требуют отдельного глубокого исследования. Но они, скорее всего, носят нематериальный характер, так как «Движение встречь солнцу» совершалось вопреки материальным (экономическим и географическим) факторам. Безусловно, причины упомянутого «особого пути» тесно связаны с духовной жизнью русского народа и с его ощущением своей исторической миссии.

Русский «особый путь»

Светлыми стрелками обозначены генеральные направления евразийских миграций за последние две с половиной тысячи лет.
Тёмная стрелка – историческое движение русского народа

Среди основных объективных причин можно выделить следующие:

- рост экономической мощи и политического влияния стран АТР;
- потребность в усилении интеграции постсоветских республик на «евразийской основе»;
- разочарование позиций Запада по вопросам политического и экономического сотрудничества;
- ростом военно-политических противоречий с развитыми странами (и не только по вопросам евро ПРО).

Субъективные причины также имели место и выражались прежде всего в росте опасений у российской элиты за свое будущее: ставка на Запад, которую она делала последние 25 лет, связывая с ним свое личное, в т.ч. семейное будущее, оказалась сомнительной.

Вместе с тем, парадоксально, но факт – Россия уделяет чрезвычайно мало внимания своим восточным регионам. В июле 2012 года это был вынужден признать Д. Медведев, заявивший, что «... государство фактически не занимается развитием Дальнего Востока»¹.

В свое время Россия стала великим государством под лозунгом «Москва – третий Рим». Позже – Российская империя. Еще позже – СССР. Теперь же остаток СССР – РСФСР, называемый Российской Федерацией, пытаются идентифицировать с тем, что было империей – СССР. Именно поэтому идея евразийства стала отражением практической политической потребности, объективно существующей сегодня в национальном самосознании не только в России, но и во многих других государствах, включая европейские. Она сродни русской идее, существующей независимо от того, где проживает тот или иной представитель нации. Как справедливо заметил академик М. Титаренко, «Русская идея – это идея сохранения, развития и приумножения добрых сторон политической, хозяйственно-бытовой, житейской культуры и психологии русского народа, его адаптации к геополитическим евразийским особенностям местоположения и цивилизационному многообразию, порожденному пересекающимися в этой части Евразии мощными силовыми линиями ряда культур и религий: христианской во

¹ Наумов И. Третью Россию превращается в безлюдную пустыню // Независимая газета. 2012. 3 июля. С. 1.

всех ее ипостасях, мусульманской, шаманской, буддийской, конфуцианско-даосской, иудейской и др.

Все это породило в ноосфере мощное поле взаимовлияния, взаимоучебы и этносоциально-культурного симбиоза и синтеза, культурной конвергенции, которые придали русской и российской культурам, т.е. совокупности достижений культур всех населяющих Россию народов, уникальные цивилизационные особенности, которые и обозначают термин «**евразийство**».

С учетом вышеизложенного было бы ошибкой противопоставлять понятия «русская идея» и «современное, или новое **евразийство**», поскольку русская идея является мощным стержнем, жизненной артерией евразийства»¹.

¹ *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. С. 83–84.

б). Евразийский выбор элиты как принципиальная основа ее самоидентификации

Нам нужно соблюдать некоторый баланс между сиюминутной выгодой и стратегическими инвестициями¹

*Е. Касперский,
эксперт по кибербезопасности*

... Москва странным образом выглядит апатичной или безразличной в отношении преступных геополитических замыслов

Запада²

*Ф. Каннингем,
ирландский журналист*

Евразийский политико-идеологический выбор российской элиты означает не только крупный мировоззренческий сдвиг внутри элиты, но и принципиальный политический выбор, за которым должны последовать не менее принципиальные решения в области стратегии развития нации. Прежде всего в области укрепления ее суверенитета при четкой национальной самоидентификации и выделении приоритета развития восточных регионов страны. Что является неотложной задачей уже сегодня, точнее – вчера. Так, без такого выбора и суверенитета невозможно, например, решить вопросы кибербезопасности, которые в 2013 году стали особенно очевидны и актуальны.

И не только потому, что контроль над киберпространством это сегодня (как показали факты, ставшие известными в июне 2013 года в США и Великобритании) контроль над обществом и экономикой, а в конечном счете в области безопасности. Это еще и проблема обеспечения национального суверенитета в случае реальных кибератак. Как считает Е. Касперский, «...К сожалению, есть три сценария кибератак, которые могут привести к разрушительным последствиям. Первый — это атака на индустриальные системы, энергетику, транспорт, то есть атака на компьютеры, которые управляют всем этим миром начиная с лифтов, светофоров и т. д. Второй сценарий — атака на критически важную IT-инфраструктуру. Если банковская система встанет на несколько дней, понятно, это спокойно может привести к панике. А третий сценарий — это атака на телеком: на интернет, мобильные системы. Это три самых

¹ *Новый В.* Если будут «валить» регион, город или страну целиком – до свиданья // Коммерсант. 2013. 27 марта. С. 13.

² России нужно проснуться в вопросе о Сирии и Ираке («Press TV», Иран). Цит. по: Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 15 марта / URL: <http://topwar.ru>

плохих сценария, которые приходят мне в голову. Хорошая новость заключается в том, что хуже сценариев у меня нет. И если раньше год за годом возникали сценарии все хуже и хуже, то теперь, я думаю, мы уперлись в потолок»¹.

Другой аспект стратегии – развитие восточных регионов России, где она очевидно запаздывает, все более отстает от США и Китая. Весной 2013 года, например, «Минэнерго США дало разрешение на поставки в Японию сжиженного природного газа (СПГ), которые могут начаться уже в 2017 году. На рынок Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) пытается попасть и Россия. Однако с планами по строительству своих заводов по сжижению газа наша страна опаздывает – к 2018–2019 годам рынок может оказаться уже поделенным крупнейшими поставщиками. Впрочем, не факт, что США готовы полностью снять ограничения на экспорт из-за риска роста внутренних цен»².

Российская реакция опять запаздывает. Еще в мае 2012 года российские ученые предложили создать должность специального заместителя председателя правительства РФ по вопросам ускоренного освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока. Академик РАН, экс-секретарь Совета безопасности России Андрей Кокошин в то время заявил: «Для обеспечения задач ускоренного развития этих регионов учёные и эксперты предлагают комплекс мер, среди которых – создание поста специального заместителя председателя правительства РФ по этой проблематике, ряда государственных институтов развития, принятие целой серии законов и поправок к действующим законам», – сказал он. Это один из выводов доклада «Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года», – пояснил Кокошин.

В последнее время, отметил учёный, Россия приложила важные усилия по укреплению своей обороноспособности в этих регионах, что в свою очередь «является важным фактором обеспечения здесь наших

¹ *Новый В.* Если будут «валить» регион, город или страну целиком – до свиданья // Коммерсант. 2013. 27 марта. С. 13.

² *Куликов С.* Американский газ может появиться в Японии раньше сибирского // Независимая газета. 2013. 20 мая. С. 1.

экономических и политических интересов». В то же время необходимо развивать целый комплекс тем, связанных с ускоренным освоением Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте глобального экономического и политического развития»¹.

Решение было создать специальное министерство, базирующееся в г. Хабаровск, наделив полномочного представителя ДФРО и министра В. Исаева дополнительными функциями. И административных полномочий, и денег было выделено мало, как всегда с запозданием и проволочками.

Для большинства российской элиты и нации нет определенности относительно того, что понимается сегодня под Россией. Для незначительной части это – часть либеральной Европы, даже Евросоюза. Для некоторых – это Евразия. Для других – Российская империя или СССР.

Объективно Россия может вернуть себе идентификацию только объединив Украину, Беларусь, Казахстан при неременном условии опережающего развития Сибири и Дальнего Востока. Ее геополитическая роль в будущем – объединителя пространства между Западом и Востоком, между Севером Азии и ее Югом. Россия не может ни стать частью Евросоюза, ни частью Востока, хотя до сего дня в России существует и даже набирает силу иная точка зрения. И прежде всего по мировоззренческим, идеологическим причинам².

Подобное объединение вокруг России, конечно, должно произойти на идеологической и политической основе, но в основе его находится фундамент, состоящий из трех основных блоков, причем главный блок – создание единой системы евразийской безопасности – пока еще даже не обсуждается.

¹ Цыганов А.А. Российские учёные предлагают учредить пост заместителя премьера по Восточной Сибири и Дальнему Востоку / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2012. 5 мая / URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=650413&soch=1>

² «... идеологическая интеграция России и ЕС видится нам вполне вероятной...», – пишут, например, эксперты МГИМО(У) О.Н. Барабанов и А.И. Клименко. См.: *Барабанов О.Н. Перспективы формирования общего идеологического пространства России и Европейского Союза*. М.: МГИМО(У), 2010. С. 11.

Между тем именно в этой области нарастают тревожные тенденции, которые рядом экспертов оцениваются как прямая угроза миру в Евразии. И не без оснований. Так, российские эксперты пишут в частности: «Существующие оценки защищенности шахтных пусковых установок, как правило, относятся к воздействию поражающих факторов ядерного удара, основным из которых является избыточное давление ударной волны. Предпринимались попытки применить аналогичные критерии и к поражающим факторам ВТО. Однако вряд ли такой подход обоснован, поскольку высокоточное оружие оказывает лишь локальное воздействие, в отличие от ядерного оружия. Как известно, защищенность шахтных ПУ от ударной волны оценивается специалистами в 100–200 атмосфер. При ядерном ударе такое избыточное давление реализуется на расстояниях до 50–100 м от эпицентра взрыва, так что ударную волну в расчетах стойкости ПУ можно приближенно считать плоской волной. Совершенно иная ситуация возникает при воздействии высокоточного оружия. Оценки показывают, что при калибре применяемого ВТО до 1 т, сопоставимое избыточное давление во фронте ударной волны возникает всего лишь на расстоянии до нескольких метров, если не предпринимается никаких мер для фокусировки энергии взрыва.

Ударная волна взрыва (фугасное воздействие) не является основным поражающим фактором при воздействии ВТО по укрепленным ШПУ, а к таковым относятся кинетическое (за счет кинетической энергии боезаряда) и кумулятивное воздействие. При достаточной кинетической энергии боезаряда, мощности его кумулятивной струи, либо совокупного эффекта от этих факторов возможно сквозное пробивание защитной крыши ШПУ, что приведет к повреждению контейнера МБР и самой ракеты, так что пуск последней будет невозможным. Шахта ПУ может быть выведена из строя также и в результате попадания боезаряда в критически важные узлы. К примеру, воздействие ВТО может быть не столь сильным для того, чтобы пробить защитную крышу, но достаточным для того, чтобы вызвать ее заклинивание или другое повреждение, что также приведет к невозможности пуска ракеты.

Для оценки требуемых поражающих характеристик ВТО рассмотрим системы защиты стационарных наземных МБР. Наибольший интерес

представляют защитные устройства ШПУ, в которых размещены ракеты типа РС-18 (SS-19), РС-20 (SS-18), поскольку размещение перспективных МБР предполагается именно в этих шахтах.

Основные характеристики российских ШПУ МБР¹

Тип МБР	РС-18	РС-20
Диаметр, м	4,6	5,9
Высота, м	29,8	39
Диаметр контейнера, м	2,9	3,5
Размеры крыши, м	7,6 (5,3...6 – в нижней части) – диаметр	6,5 x 6,5
Толщина крыши (визуально), м	0,9...1,4	1,5...1,8
Масса крыши (оценки), т	260...360 (при ср. диам. 6,5 м)	500–600

Визуальный анализ фотографий и данных об МБР и ШПУ МБР, опубликованных в открытой литературе (табл. 1), показывает, что защитная крыша представляет собой броневую плиту толщиной 0,9–1,4 м для ШПУ РС-18 и 1,5–1,8 м для ШПУ РС-20. Конструкция защитной крыши, по-видимому, является многослойной, с применением материалов, более стойких, чем сталь, по отношению к воздействию снаряда с высокой кинетической энергией или кумулятивной струи. В частности, известно, что в сочетании со слоями стали стойкость урановой керамики может быть выше в 2,5 раза при кинетическом воздействии и в 4 раза – при кумулятивном, по сравнению со сталью. В качестве грубых оценок можно предположить, что защищенность крыши ШПУ при прямом попадании эквивалентна прочности плиты из катаной брони толщиной не более 2–3 м.

Анализ опубликованных данных по проникающим БГ, находящимся на вооружении в США, позволяет предположить, что в настоящее время лишь УАБ GBU-37 может обладать способностью разрушать ШПУ. Хотя оценки физического воздействия УАБ GBU-28 по бронированной плите дают довольно скромные результаты, тем не менее, существуют основания предполагать, что если не сама УАБ GBU-28, то более поздние её модификации (GAM, GBU-37) оснащены кумулятивной боевой

¹ Мясников Е. Высокоточное оружие и стратегический баланс / Эл. ресурс. 1999 / URL: <http://www.armscontrol.ru/>

частью, что позволяет существенно увеличить поражающее воздействие при воздействии на броню. Известно, что существующие противотанковые управляемые ракеты, обладая массой всего лишь около 20 кг и кумулятивным зарядом около 5–6 кг, способны пробивать броневые плиты толщиной более 1,1 м за счет кумулятивного воздействия (табл.). Этот факт дает основание для предположения, что оснащенная кумулятивным, а тем более тандемным зарядом, УАБ GBU-37 способна пробивать защитные крыши ШПУ РС-18 и РС-20 насквозь.

Вероятнее всего, положение дел изменится в ближайшие годы, когда будут приняты на вооружение БГ BLU-116В, BROACH и AUP, которыми предполагается оснастить КРВБ CALCM, КРМБ Tomahawk, а также широкий перечень УАБ и УР калибром 450–900 кг. В частности, оценки для боеголовки AUP-3(М) показывают, что она за счет кинетической энергии будет способна пробивать броню толщиной до 1–1,5 м. Следует также отметить, что в США проводятся НИОКР, направленные на развертывание обычных БГ на стратегических МБР.

Сравнительные характеристики противотанковых управляемых ракет (ПТУР)¹

	Дракон	Милан-2Т	Дракон-2	ТОУ-2А	Хот-2
Масса ракеты, кг	6,12	6,6	10	21,5	23,5
Масса боевой части, кг	2,5	2,9		6	5
Калибр ракеты, м	0,122	0,115	0,122	0,152	0,132
Длина ракеты, м	0,745	0,77	0,85	1,14	1,27
Дальность, км	1	2	1	3,75	4
Скорость, макс., м/с	110	200		210	280
Бронепробиваемость, мм	430	880	950	>1000	>1100

– социокультурного, образовательного, научного и духовного;
 – инфраструктурно-экономического. Причем второй блок интеграционных процессов является не вспомогательным, а приоритетным. Это вызвано как идущими глобализационными процессами, которые выражаются в том числе и в растущем

¹ Мясников Е. Высокоточное оружие и стратегический баланс / Эл. ресурс. 1999 / URL: <http://www.armscontrol.ru/>

сотрудничестве России с Китаем, Индией, странами Юго-Восточной Азии и странами Европы, так и объективно усилением экономической, технологической, финансовой и политической роли стран АТС.

Надо понимать, что развитие восточных регионов непосредственно связано с переходом России на качественно новый этап развития, решением задач опережающего развития в период «фазового перехода», включая переход на V и VI уклады развития экономики. Такие требования ставят по-новому задачи перед экономикой, политикой и социальной жизнью нации. Эти задачи, с одной стороны, представляются как качественно новые, а, с другой, их решение возможно только на национальной культурной, духовной и научной основе. Примечательно в этой связи признание В. Путина: «... восстановив страну после всех потрясений, которые выпали на долю нашего народа на рубеже веков, мы фактически завершили постсоветский период. Впереди новый этап развития России – этап создания государственного, экономического, социального порядка и общественного жизненного устройства, способного обеспечить процветание граждан нашей страны на десятилетия вперед.

Символично, что мы приступаем к этой работе в год, объявленный Годом российской истории. Ключевые вехи истории определили судьбу России, её тысячелетний путь. Наше поколение должно быть достойно этой великой истории, достойно нашего великого народа, который создал эту великую страну. Сегодня нас, как и наших предков столетия назад, должны вдохновлять вера и любовь к России. Мы обязательно добьёмся успеха»¹.

Существующие институты пока для этого не готовы. Как отмечает исследователь МГИМО(У) В. Лукин, «ШОС – молодая организация, успехи которой наиболее очевидны в сфере безопасности: армии государств–членов ШОС организуют совместные антитеррористические учения, в Ташкенте работает региональная антитеррористическая структура, проводятся совместные операции по борьбе с наркоторговлей.

¹ Путин В.В. Отчет о деятельности Правительства РФ за 2011 год перед Государственной Думой. 11 апреля 2012 г. URL: <http://premier.ru/events/news/18671>

Меньше успехов на экономическом фронте: несмотря на обилие документов, реальных многосторонних проектов практически нет.

При этом сегодня ШОС подошла к некоторому рубежу, когда ей надо определяться, куда идти дальше. Однако по этому вопросу между членами ШОС особого согласия нет. Китай в основном заинтересован в экономическом сотрудничестве, создании зоны свободной торговли для лучшего сбыта своих товаров, а также в природных ресурсах региона. Россия хотела бы больше развивать политическое сотрудничество с целью усиления взаимодействия с Китаем в Центральной Азии. В свою очередь, государства Центральной Азии в основном рассматривают ШОС как дополнительный механизм по привлечению инвестиций и финансовой помощи. Их мало интересуют затратные проекты. Особенно последовательной в этом плане выглядит позиция Узбекистана, который не участвует ни в создании Университета ШОС, ни в Молодежном союзе ШОС, ни в других подобных инициативах.

Различное видение перспектив развития организации привело к тому, что ожидавшаяся всеобъемлющая «Стратегия развития ШОС», которую планировалось принять на нынешнем, пекинском саммите, вылилась в куцые «Основные направления».

Впрочем, главным вызовом для ШОС становится развитие процесса интеграции на постсоветском пространстве. Интенсификация деятельности ОДКБ и ЕврАзЭС, Таможенный союз России, Казахстана и Белоруссии, перспективы его расширения и создания ЕЭП и ЕАС ставят вопрос о том, как развитие сотрудничества в рамках ШОС будет соотноситься с этими процессами. В ШОС входят те же страны, за исключением гигантского Китая. Уровень интеграции между бывшими республиками СССР явно будет выше¹.

Объективно усиление роли России как «инфраструктурно-транспортного» коридора между Западом и Востоком выгодно всем. И не только странам Евросоюза, но и Китаю и всем странам АТР.

Не вызывает прямых возражений и особая социокультурная роль России: страны Евросоюза усиленно культивируют собственную

¹ Лукин А.В. Цена вопроса // Портал МГИМО(У) 2012. 7 июня / Эл. ресурс: URL:www.mgimo.ru

идентичность, КНР и Индия – собственную. Странно и нелепо было бы им возражать против создания Россией собственной социокультурной постсоветской идентичности. Прежде всего сохранения евразийской традиции. Как справедливо отмечает академик М. Титаренко, «Идея евразийской идентичности геополитического положения России и ее цивилизации имеет, по нашему глубокому убеждению, основополагающее значение для здорового развития страны, обеспечения ее целостности и внутренней стабильности, поскольку идея евразийства учитывает исторические корни и внутренние автохтонные и внешние цивилизационные компоненты, в результате синтеза которых сложилась русская культура, ставшая стержнем российской культуры. Ее высокий авторитет сделал ее транслятором и двигателем подъема и расцвета культур малых народов, населяющих Россию, а русский язык – транслятором общения национальных языков, национальных культур всех народов России с мировой цивилизацией, с мировой культурой. Любое игнорирование идеи евразийства приводит к разрыву трансляционных связей малых культур, малых народов РФ с мировой культурой, замедляет их развитие. Представители элиты этих культур вынуждены сознательно или бессознательно искать замену русской культуре, русскому языку, другим компонентам нашей общности и придерживаться евроцентристских подходов, что поощряет замену русского языка и русской культуры как транслятора культур малых народов английским языком и, соответственно, усиление влияния чуждой традициям этих народов американско-европейской культуры.

Игнорирование евразийской сущности нашей культуры, по сути дела, ведет к подрыву единства и разрушению цивилизационного «обруча» России. Евразийская же парадигма ведет к сплочению народов, населяющих Россию, вокруг русской культуры. Еще крупнейший исследователь мировой цивилизации А. Дж. Тойнби отмечал, что «русские в отношениях с нерусскими лишены чувства презрения к другим нациям». По его словам, «это действительно дружелюбная и достойная восхищения русская традиция»¹.

¹ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. С. 89.

в). Идея преодоления силы «евразийской центрифуги» и реалии евразийской интеграции

Для России освоение восточных регионов
должно стать главным политическим
и экономическим проектом¹

*В. Гурвич,
журналист*

Очевидно, что современные реалии евразийской интеграции не соответствуют возможному масштабу этой идеи. Даже в самой идеологии евразийской интеграции (если ее можно назвать таковой) и ориентиров России в Евразии изначально заложено несколько крупных, даже принципиальных противоречий, без исправления которых вряд ли возможно говорить об эффективной евразийской стратегии. Если рассматривать только о части евразийской стратегии – политике России по отношению к постсоветским государствам, – то видны, как минимум, три принципиальные недостатка:

Во-первых, создаваемая интеграция должна исходить из приоритета создания импульсов для включения в интеграционный процессы развития восточных регионов «движения на восток» России, а не оставаться на стадии бесконечного бюрократического строительства институтов сотрудничества, которые, как оказывается и уже доказано, малоэффективны.

Во-вторых, политический призыв должен быть обращен не столько к правящим элитам, сколько к общественному мнению и гражданам постсоветских государств, институтам – общественным и политическим, – креативному классу. В том числе, а, может быть, в первую очередь, к народам России.

В-третьих, в основе такой интеграционной стратегии должна лежать не примитивная экономическая выгода и псевдоэкономические расчеты, а интересы безопасности и восстановления разрушенных связей между различными частями бывшей империи. Опять же, прежде всего, с ее восточными регионами.

¹ Гурвич В. Кому достанется Сибирь // Независимая газета. 2013. 7 июня.

Теперь обратимся к тем реалиям евразийской стратегии, которые существовали в 2012–2013 годы, хорошо описанных академиком А. Торкуновым в его выступлении 12 июня 2013 года в Минске на форуме «Евразийская экономическая перспектива»¹.

Процессы Евразийской экономической интеграции в настоящее время находятся в зоне повышенного внимания уже не только, и даже не столько со стороны стран-участников будущего Евразийского союза, но и со стороны значительной части всего мирового сообщества. И далеко не всегда доброжелательно. Иногда даже откровенно враждебно. Так, многие в ЕС усмотрели даже в ТС угрозу «восстановления империи». За нами с самым пристальным вниманием следят политики и эксперты из самых разных стран мира, казалось бы, очень далеких от Евразии. И это накладывает на нас огромную ответственность: любая наша ошибка, но, прежде всего, непоследовательность, нецелеустремленность, отход назад оцениваются как крупнейшее поражение. И, наоборот, любой успех по расколу прежде единого народа, рассматривается как политическая победа. К сожалению, примеров тому немало. Они ежедневно проявляются от Молдавии и Украины до Азербайджана и Узбекистана. Получается, что, как в X–XX веках, Россия противостоит не только Западу, но и Востоку, который так или иначе стремится занять ключевые позиции в Евразии, т.е. опять Россия противостоит «евразийской центрифуге», которой, как и в прежние века активно помогают с Запада. Вновь огромная равнина, степи и тайга (а теперь уже и Арктика) становятся предметом влияния.

В настоящее время прямо противоположное по своей направленности развитие событий на Евразийском пространстве происходят стремительными темпами. Принято считать, что сложившиеся структуры, координирующие процессы интеграции, успешно справляются с теми вызовами, которые несет данный проект. Речь идет, конечно, о работе Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Несмотря на отсутствие схожего опыта, процесс интеграции не замедляется, а набирает обороты. Во многом это объясняется тем, что,

¹ Торкунов А.В. Выступление академика А.В. Торкунова на Международном форуме «Евразийская экономическая перспектива» (12 июня 2013 г., Минск) / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2013. 13 июня / URL: <http://viperson.ru>

как сказал, А. Лукашенко, экономическое сотрудничество не бывает без политического. А политическое сотрудничество между нашими странами имеет глубокие исторические корни. В этой связи хотел бы отметить три аспекта¹.

Во-первых, вопросы политики и безопасности невозможно искусственно отделить, изолировать от экономических вопросов. И вся международная практика это подтверждает. В том числе и история Евросоюза, в основе создания которого лежали, прежде всего, интересы безопасности, хотя некоторые ошибочно и полагают, что исключительно «экономическая целесообразность».

В этом же русле неизбежно будут развиваться и процессы в рамках евразийской интеграции. Так, принятое в декабре 2012 года решение о создании объединенной системы ПВО СНГ, способное в современных условиях гарантировать суверенитет государства, неизбежно будет иметь не только военно-политические, но и экономические, и научно-технические, и иные последствия.

Во-вторых, при всей важности отношений наших государств со странами Евросоюза, надо понимать, что ЕЭК – уникальный инструмент, в том числе и для развития этих отношений, ибо совместный «голос» – политически и экономически – заметно весомее, чем отдельные голоса. И международная практика это ежедневно подтверждает.

Наконец, в-третьих, крайне важно внимательно отнестись к тому, чтобы не отяготить практическую работу созданием новых, дублирующих структур. Речь идет о параллельных, дополнительных наднациональных органах, регулирующих экономические, политические и, в частности, дипломатические вопросы.

Исключение, наверное, составляет создание наднационального представительного органа. С. Нарышкин выступает за двухэтапный путь: сначала создать парламентскую ассамблею, а уже затем сформировать полноценный Евразийский парламент. Действительно, основные решения ЕЭК потребуют приведения в соответствие с ними национальных законодательств и предварительной парламентской экспертизы. С этим

¹ См. подробнее: Выступление академика А.В. Торкунова на Международном форуме «Евразийская экономическая перспектива» (12 июня 2013 г., Минск) / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2013. 13 июня / URL: <http://viperson.ru>

нельзя не согласиться. Наиболее оптимальным видится поэтапное преобразование Межпарламентской ассамблеи ЕврАзЭС в Евразийскую межпарламентскую ассамблею, а затем – в полноценный Евразийский парламент¹.

Надо иметь в виду и другое, т. о чем в своей статье «Россия на пути модернизации» говорит И. Шувалов²: при формировании будущего Единого евразийского экономического пространства Россия намерена ориентироваться на гармонизацию с законодательством Европейского сообщества – в той мере, в какой это будет содействовать экономическому росту. Дальнейшая перспектива – это создание Общего экономического пространства с Европейским Союзом. Это предполагает не просто гармонизацию законодательства союзов, но и постепенное снятие препятствий на пути движения товаров, капитала и граждан. Конечная цель, по словам Игоря Ивановича, это Европа без барьеров и визовых режимов, причем Европа – от Атлантики до Тихого океана.

Международные процессы, ускоряющиеся и усложняющиеся в связи с происходящими неоднозначными событиями в целом на политической карте, заставляют оперативно реагировать на те вызовы, перед которыми нас ставит стремительно меняющийся мир. И здесь надо согласиться с тезисами Президента Белоруссии А. Лукашенко о параллельном развитии политических, военных и экономических интеграционных процессов.

По аналогии с началом процесса формирования Европейского Союза будущий Евразийский союз может смело опираться на военно-политическое сотрудничество. Появлению первого интеграционного образования «Европейского объединения угля и стали» в 1951 году за два года до этого предшествовало создание военно-политического блока, а именно, Организации Североатлантического договора. Изначальное сотрудничество в военной и в военно-политической сферах позволило теснее взаимодействовать в сфере экономики, что в итоге привело к образованию Европейского Союза – межгосударственного объединения с самым глубоким уровнем интеграции на настоящий момент.

¹ Выступление академика А.В. Торкунова на Международном форуме «Евразийская экономическая перспектива» (12 июня 2013 г., Минск) / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2013. 13 июня / URL: <http://viperson.ru>

² Шувалов И.И. Россия на пути модернизации // Россия и мир. 2010. Январь.

Существующие на евразийском пространстве такие объединения, как ОДКБ и ЕврАзЭС, необходимо развивать параллельно, уделяя пристальное внимание сотрудничеству как в сфере экономических отношений, так и в военно-политической сфере. Понимая важность дальнейшей будущей интеграции Евразийского союза с Европейским Союзом, мы не должны забывать о национальной безопасности. И в этом отношении Евразийская экономическая комиссия – уникальный инструмент взаимодействия стран–участников, в том числе в военной сфере.

Отдельно надо сказать о стратегически важном аспекте евразийской интеграции – осознанном и целенаправленном формировании (как и в Евросоюзе) общественно-политической поддержки идей интеграции внутри обществ и правящих элит наших государств. Крайне важна и поддержка СМИ, экспертного, научного сообщества и общества в целом. «Существует мнение, что интеграция не встречает массовой поддержки у простых людей, интеллигенции, предпринимателей. Для общества в целом иногда бывают непонятны выгоды интеграции. Вместе с тем, идеи интеграции развиваются не только в умах политиков, но и в умах экспертного, научного сообщества и всего общества. Необходимо понимать, что интеграция, основанная на неформальном взаимодействии между частнопредпринимательскими структурами, общественными группами и людьми часто развивается без какой-либо государственной поддержки, а иногда даже вопреки препятствиям, создаваемым правительствами. Именно это мы и наблюдаем в последние годы в России, где, например, были зарегистрированы за последний год пять «евразийских» партий, а общественные и научные контакты получили мощный толчок.

В отдельных случаях возникновение спонтанных общественных, экономических, торговых и инвестиционных связей способствует интеграции и взаимопроникновению экономик государств намного действеннее, чем работа руководителей государств. Мы, со своей стороны, готовы включаться в текущий процесс, точнее, уже включены. На базе ведущих вузов интегрирующихся государств разрабатываются фундаментальные исследования в сфере экономики, политологии,

международных отношений, регионоведения, права, в которых анализируются происходящие процессы. Я готов призвать своих коллег: не стоит ждать, когда улягутся страсти и исторические процессы, аналогов которых никогда не было в мировой истории, и можно будет их неспешно изучать и анализировать. Я предлагаю становиться непосредственными участниками текущих интеграционных преобразований и самим создавать историю»¹.

Как известно, 18 ноября 2011 г. президенты Беларуси, Казахстана и России приняли Декларацию о евразийской экономической интеграции. В ней отмечено, что ближайшая интеграционная задача – полная реализация потенциала Таможенного союза, Единого экономического пространства и движение к созданию Евразийского экономического союза.

Для подписания Договора о создании Евразийского экономического союза еще предстоит провести кодификацию договорно-правой базы Таможенного союза и ЕЭП, устранить оставшиеся барьеры во взаимной торговле, обеспечить унификацию торговых режимов. Должны быть гармонизированы подходы к формированию макроэкономической политики, правила конкуренции, системы технического регулирования, тарифы естественных монополий, сельскохозяйственные и промышленные субсидии. Об этом мы все хорошо знаем.

Уже сегодня Евразийская экономическая комиссия уполномочена принимать решения государственного регулирования в сфере торговой политики, таможенного оформления, санитарного контроля и многое другое. После завершения формирования ЕЭП услуги будут предоставляться на условиях национального режима, включая транспортные, энергетические и финансовые.

Логика углубления интеграции в перспективе предполагает и передачу ЕЭК полномочий по инициированию и принятию решений, созданию институтов регулирования в рамках делегированных ей полномочий. Сегодня, когда работа над проектом договора о Евразийском экономическом союзе не завершена, необходима

¹ Выступление академика А.В. Торкунова на Международном форуме «Евразийская экономическая перспектива» (12 июня 2013 г., Минск) / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2013. 13 июня / URL: <http://viperson.ru>

общественно-политическая дискуссия о его параметрах. Будущим договором должны быть объединены не только рынки, но и стратегические планы и перспективы развития наших стран. Новая ступень интеграции призвана открыть дополнительные возможности для эффективной кооперации в технологической, модернизационной, инновационной сферах, в области науки и образования.

Наша цель – формирование Евразийского экономического союза, который сможет на равных конкурировать и сотрудничать с остальными полюсами современного многополярного (полицентричного) мира. Его геополитической основой выступают неразрывные социокультурные связи, составляющие ядро интеграции евразийского пространства. По сути, речь идет о параметрах «цивилизационной реконструкции» в рамках евразийского проекта, создании условий для реализации исторического потенциала народов Евразии. Ничто на данном этапе интеграции не определяет евразийскую экономическую перспективу так, как два следующих аспекта.

Первый – это эффективность масштабной и многоплановой работы по формированию ЕЭП путем полной реализации четырех «свобод» ЕЭП: свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Второй – ситуация в глобальной экономике. Евразийская экономическая перспектива – лишь часть глобальной панорамы. Мы давно интегрированы в мировую экономическую систему. Финансово-экономическое положение наших стран в ощутимой степени определяют внешние факторы. Такие как, в частности, замедление темпов экономического роста, падение спроса на импорт. Стоит также упомянуть недавний кризис еврозоны и ситуацию на Кипре. В этом плане против течения нам плыть не удастся¹.

С недавних пор Россия – член ВТО. Значительная часть ее обязательств имплементирована в наднациональные нормы Таможенного союза и ЕЭП. Формирующийся единый рынок, уже сейчас во многом подчиняется общим правилам, становясь все более и более открытым. А следом за этим и более уязвимым.

¹ Выступление академика А.В. Торкунова на Международном форуме «Евразийская экономическая перспектива» (12 июня 2013 г., Минск) / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2013. 13 июня / URL: <http://viperson.ru>

Для понижения степени зависимости стран «тройки» от колебаний на мировых товарных и валютно-финансовых рынках необходима диверсификация наших экономик. Она может проявляться в освоении производства новых видов продукции, выходе на новые рынки и перераспределении внешнеторговых потоков в сторону увеличения взаимной торговли.

Россия много лет пытается решить эту задачу в рамках своей национальной экономики. Теперь эта задача в известной степени переложена еще на две «головы» – белорусскую и казахстанскую.

Не следует забывать и об обратной связи мировой экономики и интеграционных процессов. Развитие первой неразрывно связано с развитием и укреплением вторых.

Важным шагом в этом направлении стало Соглашение о согласованной макроэкономической политике в рамках «тройки», которое заработало с 1 января текущего года. В соответствии с ним три страны формируют экономическую политику в рамках параметров устойчивости экономического развития:

- годовой дефицит государственного бюджета – не выше 3% ВВП;
- государственный долг – не выше 50% ВВП;
- уровень инфляции – не выше более чем на пять процентных пунктов уровня инфляции государства-участника ЕЭП, имеющего наименьший рост цен¹.

Мировой финансовый кризис стал катализатором интеграционных процессов не только в Евразии, но и повсюду в мире.

Поиск конфигураций элементов экономической и финансовой политики, новых парадигм развития осуществляется на многих площадках – G20, БРИКС, Давос, Петербургский и Астанинский экономические форумы. Все вместе они складываются в некое подобие глобального диалога. Заручившись стратегическим пониманием наших общих задач и имея согласованные параметры формирования Евразийского экономического союза после 2015 г., мы могли бы стать участниками глобального диалога. Нам необходимо быстро и вместе

¹ Выступление академика А.В. Торкунова на Международном форуме «Евразийская экономическая перспектива» (12 июня 2013 г., Минск) / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2013. 13 июня / URL: <http://viperson.ru>

войти в этот международный институциональный «интерфейс» и начать активно формировать ту экономическую среду, в которой нам завтра жить. Евразийский экономический союз – уникальный инструмент увеличения влияния наших стран на международные экономические и политические процессы. И мы не должны отступать от намеченного пути, даже если на первых порах нам хотелось бы видеть более впечатляющий экономический эффект от предпринятых действий¹.

Реальность такова. В 2012 г. – первый год работы ЕЭП – темп увеличения взаимной торговли Беларуси, Казахстана и России составил 8,7%. Это достаточно скромный показатель, несмотря на то, что темп прироста взаимной торговли почти в три раза опередил прирост внешней. За I квартал 2013 г. объем взаимной торговли товарами² сократился, составив 90,3% (15 млрд долл. США) к уровню I квартала предыдущего года.

Изменились пропорции развития взаимной торговли. Возросла доля Республики Беларусь (с 23,3% до 26,6%) и Республики Казахстан (с 9,5% до 11,2%) при сокращении доли Российской Федерации (с 61,2% до 62,2%).

Суммарный объем внешней торговли товарами государств-членов Таможенного союза и ЕЭП с третьими странами за I квартал 2013 г. по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. снизился на 2,6% (216,8 млрд долларов США)³.

Мы не ждем мгновенных результатов от интеграции. Идет процесс перенастройки, калибровки национальных экономик. Интеграция не должна негативно сказываться на сложившихся в экономиках наших стран механизмах экономического роста.

¹ Выступление академика А.В. Торкунова на Международном форуме «Евразийская экономическая перспектива» (12 июня 2013 г., Минск) / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2013. 13 июня / URL: <http://viperson.ru>

² Исчисленный как сумма стоимостных объемов экспортных операций государств-членов Таможенного союза и ЕЭП.

³ Выступление академика А.В. Торкунова на Международном форуме «Евразийская экономическая перспектива» (12 июня 2013 г., Минск) / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2013. 13 июня / URL: <http://viperson.ru>

И вместе с тем, выстраивая некую перспективу, нам необходимо понимать структурность тех проблем, с которыми наши экономики сталкиваются.

Основным покупателем экспортируемых государствами-членами Таможенного союза и ЕЭП товаров выступает Евросоюз. На него приходится порядка 59,1% их совокупного экспорта¹.

В страны АТЭС было продано 18,7% экспортируемых товаров². Странам СНГ – 7,6%³.

Импортные закупки сосредоточены также преимущественно в странах ЕС. На них приходится более 43% совокупного импорта товаров. Ни для кого не секрет, что страны ЕС утвердились в качестве главных торговых партнеров⁴.

ТС, на наш взгляд, прикован к Евросоюзу не только в этом контексте. Критическое переосмысление опыта работы исполнительной и законодательной властей ЕС помогает нам в организации деятельности Евразийской экономической комиссии.

Наш интеграционный опыт, как и всякий другой интеграционный опыт, уникален и реализуется в совершенно иных исторических реалиях, несмотря на то, что формально мы, вроде бы, идем вслед европейской интеграционной модели. Отмечу в этой связи лишь две характерные особенности.

Во-первых, евразийская интеграция носит ярко выраженный асимметричный характер из-за преобладания одного участника – России, что не типично для ЕС и других региональных объединений.

Во-вторых, по сути реинтеграционный характер евразийского проекта создал предпосылки для решения многих проблем комплексно и в более короткие сроки по сравнению с тем же Евросоюзом.

Европейским странам для создания Таможенного союза понадобилось около 11 лет. Более 30 лет для единого внутреннего рынка. Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России заработал с 1 января

¹ Из них в Нидерланды -15,4%, Италию -10,1%, Германию – 6,4%, проч.

² Из них в Китай – 8,3%, Японию – 3,1%, проч.

³ Из них в Украину – 5,1%, проч.

⁴ Выступление академика А.В. Торкунова на Международном форуме «Евразийская экономическая перспектива» (12 июня 2013 г., Минск) / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2013. 13 июня / URL: <http://viperson.ru>

2010 г., то есть спустя 10 лет после основания ЕврАзЭС. А ЕЭП начало функционировать с 1 января 2012 г. и выйдет на полноформатный режим к 1 января 2015 года.

Можно сказать, евразийская интеграция в настоящее время находится на уровне 1986 г. европейской интеграции. Построение Единого экономического пространства в 2015 г. будет соответствовать уровню интеграции, который в Евросоюзе был в 1992 г., то есть накануне Маастрихта¹.

С учетом ускоренных темпов создания Таможенного союза и формирования ЕЭП на современном этапе мы наблюдаем частичное наложение интеграционных структур.

У нас есть Евразийская экономическая комиссия – постоянно действующий наднациональный регулирующий орган Таможенного союза и Единого экономического пространства «тройки».

И есть ЕврАзЭС в формате «пятерки» с сохранением функций развития интеграции в социально-гуманитарной сфере и реализации межгосударственных целевых программ. Членами ЕврАзЭС остаются Кыргызстан и Таджикистан, которые, как ожидается впоследствии, войдут в Таможенный союз и ЕЭП. Часть отраслевых советов и комиссий перешла в компетенцию ЕЭК. Часть осталась за ЕврАзЭС.

Функционируют Межпарламентская ассамблея ЕврАзЭС, Суд, Антикризисный фонд, организуется работа Центра высоких технологий.

Предполагаю, что в 2015 г. при соблюдении всех тех условий, о которых говорилось выше, произойдет оптимизация распределения функций или новая трансформация. Но говорить об этом будет возможно тогда и только тогда, когда будет подписан договор о Евразийском экономическом союзе с соответствующими четко прописанными ориентирами развития интеграции.

Именно поэтому необходимо быть сдержанным в обсуждении новых инициатив и создании дополнительных структурных единиц, в особенности с элементами политических функций (штаб-послов,

¹ Выступление академика А.В. Торкунова на Международном форуме «Евразийская экономическая перспектива» (12 июня 2013 г., Минск) / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2013. 13 июня / URL: <http://viperson.ru>

евразийский парламент, проч.). Уа сегодняшний день даже Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России работает с серьезными изъятиями.

29 марта 1994 г. в Московском государственном университете Нурсултан Назарбаев впервые предложил проект формирования Евразийского союза государств. Синергетическим эффектом от последовавших за этим действий по его воплощению в жизнь и стал евразийский интеграционный проект¹.

В этой связи хотелось бы еще раз подчеркнуть, что удачно найденный образ – «синергетический эффект» должен стать главным ориентиром строительства евразийской интеграции и утверждение лидирующего статуса ее российского ядра.

¹ Торкунов А.В. Перспективы евразийской экономической интеграции. 26.08.2013 / Эл. ресурс / URL: <http://viperson.ru/>